

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

N 7

St. Petersburg
2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 7

С.-Петербург
2012

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012.
№ 7. 248 с.

ISBN 978-5-86007-714-0

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: «DMITRY BULANIN»,
2012. N 7. 248 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, Л. Б. Вишняцкий, Л. Б. Кирчо (отв. секретарь)

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, L. B. Vishnyatsky, L. B. Kircho (executive secretary)

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стеганцева

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

Оформление обложки: Г. А. Кузнецова

Layout: G. A. Kuznetsova

«Записки ИИМК РАН» № 7 открывает статья Л. Б. Вишняцкого и В. В. Питулько, освещающая дискуссионный вопрос о северной границе неандертальского ареала в Европе. Основная масса работ, публикуемых в разделе «Статьи», отражает аналитические разработки, новые открытия и исследования. В статье Е. Л. Лычагиной и Г. Н. Поплевко проведен комплексный анализ инвентаря неолитической стоянки Восточного Предуралья. Работы Н. Музеибли, А. Д. Резепкина, А. М. Бианки, Ф. А. Раззокова, Н. Н. Скакун с соавторами, Вл. А. Семенова посвящены новым материалам памятников эпохи энеолита—раннего средневековья Украины, Северного Кавказа и Закавказья, Тувы и Таджикистана. В статье А. А. Казарницкого освещены проблемы формирования степного и лесостепного населения эпохи бронзы Восточной Европы. В статьях А. В. Курбатова, М. И. Васильева и А. Е. Мусина отражены различные аспекты развития технологии и торговых отношений Древней Руси. Работа Г. П. Визгалова и О. В. Кардаша представляет собой опыт этнической идентификации населения сибирских городов XVIII в. Наконец, В. И. Кильдюшевский и В. Я. Стеганцева публикуют новые данные о системах водоотведения Санкт-Петербурга XVIII—XIX вв. В разделе «Хроника» приводится информация о деятельности научных подразделений ИИМК РАН в 2006—2010 гг., а также о расширенных заседаниях Ученого совета и Отделов, посвященных крупным ученым.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

THE 7th issue 6 of the «Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences» opens with a paper by L. B. Vishnyatsky and V. V. Pitulko, who explore the question of the northern limit of the Neanderthal area in Europe. Most of the works included in the section of «Research papers» acquaint the reader with the results of recent field and analytical research. The paper by E. L. Lychagina and G. N. Poplevko presents the results of the complex analysis of stone inventory from the Neolithic site of Chashkinskoe Ozero IV in the north of Urals. The works by N. Muzeibli, A. D. Rezepkin, A. M. Bianki, F. A. Razzokov, N. N. Skakun with coauthors, and V. A. Semenov are devoted to newly obtained materials spanning the period from the Eneolithic to the Early Medieval time and coming from Ukraine, Northern Caucasus, Trans-Caucasus, Tuva and Tajikistan. A. A. Kazarnitsky's paper deals with the problem of formation of the steppe and forest-steppe populations of East Europe in the Bronze Age. The articles by A. V. Kurbatov, M. I. Vasiliev, and A. E. Musin reflect various aspects of industrial and trade developments in Old Russia. G. P. Vizgalov's and O. V. Kardash's work is devoted to ethnic identification of the XVIIIth century urban population of Siberia. Finally, V. I. Kildyushevsky and V. Ya. Stegantseva publish new data about the water discharge systems of St. Petersburg in the XVIII—XIX centuries. The section of «Chronicles» contains information about the activity of different departments and laboratories of the IHMC RAS in 2006—2010, as well as recent sessions and meetings dedicated to special events and jubilees.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISBN 978-5-86007-714-0

© Институт истории материальной культуры РАН, 2012

© Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Л. Б. Вишняцкий, В. В. Питулько.</i> Сусилуола, Бызовая и вопрос о северной границе неандертальского ареала в Европе	7
<i>Е. Л. Лычагина, Г. Н. Поплевко.</i> Комплексный анализ каменного инвентаря неолитической стоянки Чашкинское Озеро IV	16
<i>Н. Мусебли.</i> Лейлатепинская культура эпохи энеолита между Передней Азией и Северным Кавказом	31
<i>А. Д. Резепкин.</i> Жилища эпохи ранней бронзы поселения Новосвободненское	39
<i>А. М. Бианки.</i> Декор двух dolmenов Солоницкого хребта и проблема его интерпретации	46
<i>Ф. А. Раззоков.</i> Новые исследования поселения Саразм в Таджикистане	56
<i>Н. Н. Скаун, Е. В. Цвек, С. А. Гусев, Б. И. Матева, В. В. Терёхина.</i> Исследования последних лет на трипольском поселении Бодаки	66
<i>А. А. Казарницкий.</i> Новые краниологические материалы из Липецкого кургана № 2 (к вопросу о формировании степного и лесостепного населения Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы)	74
<i>Вл. А. Семенов.</i> Новые находки конского снаряжения алды-бельской культуры в Туве	88
<i>Б. И. Маршак, В. И. Распопова.</i> Два терракотовых образка из Пенджикента	95
<i>А. В. Курбатов.</i> Древнерусская животноводческая практика и проблема сбора кожевенного сырья	103
<i>М. И. Васильев.</i> История развития русских саней (технологический аспект)	116
<i>А. Е. Мусин.</i> Европейская геральдика в материалах раскопок средневекового Новгорода: к истории связей Новгорода и Ганзы	132
<i>Г. П. Визгалов, О. В. Кардаш.</i> Опыт этнической идентификации населения сибирских городов XVIII в. (по материалам археологических исследований города Березова 2008 г.)	148
<i>В. И. Килдошеский, В. Я. Стеганцева.</i> Системы водоотведения начала XVIII–XIX в. во дворах Главного штаба в Санкт-Петербурге (исследования 2009–2011 гг.)	166

ХРОНИКА

<i>С. А. Васильев.</i> Основные результаты работы Отдела палеолита ИИМК РАН в 2006–2010 гг.	174
<i>В. Е. Шелинский, Т. А. Шаровская.</i> Деятельность Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН (2006–2010 гг.)	180
<i>В. А. Алёшкин, Ю. Г. Кутимов.</i> Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН в 2006–2010 гг.	187
<i>Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев.</i> Отдел истории античной культуры (2006–2010 гг.)	194
<i>А. Н. Кирпичников, А. А. Пескова.</i> Работа Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН в 2006–2010 гг.	200
<i>А. Н. Егорьков.</i> Лаборатория археологической технологии в 2006–2010 гг.	207
<i>Г. В. Длужневская.</i> Научный архив Института истории материальной культуры РАН в 2006–2010 гг.	213
<i>С. А. Васильев.</i> Присуждение степени почетного доктора ИИМК РАН профессору А. де Люмлею	217
<i>Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев.</i> Расширенное заседание Отдела истории античной культуры, посвященное 60-летию И. Ю. Шауба	220
<i>Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев.</i> Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти И. Б. Брашинского и И. Г. Шургая	222

IN MEMORIA

Памяти Геннадия Павловича Григорьева (26.01.1937–27.01.2012)	225
<i>А. А. Пескова.</i> К истории научных исследований Ф. Д. Гуревич	229
<i>Е. В. Ревуенкова, Н. В. Ревуенкова.</i> Фрида Давыдовна Гуревич (01.01.1912–02.09.1988)	233
Список сокращений	245
Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»	247

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>L. B. Vishnyatsky, V. V. Pitulko.</i> Susiluola, Byzovaya, and the question of the northern limit of the Neanderthal area	7
<i>E. L. Lychagina, G. N. Poplevko.</i> Complex analysis of stone inventory from the Chashkinskoe Ozero IV site	16
<i>N. Museibli.</i> Leyla-Tepe culture of the Eneolithic period between the Near East and Northern Caucasus	31
<i>A. D. Rezapkin.</i> Early Bronze Age dwellings from the settlement of Novosvobodnenskoe	39
<i>A. M. Bianki.</i> Dïcor of two dolmens from the Solonetsky ridge area and the problem of its interpretation	46
<i>F. A. Razzokov.</i> New works at the Sarazm settlement, Tajikistan	56
<i>N. N. Skakun, E. V. Tsvek, S. A. Gusev, B. I. Mateeva, V. V. Terekhina.</i> Latest field works at the Trypolian settlement of Bodaki	66
<i>A. A. Kazarnitsky.</i> New craniological materials from Lipetsk barrow No. 2 (to the question of the formation of the steppe and forest-steppe populations of East Europe during the Middle and the Late Bronze Age)	74
<i>V. A. Semenov.</i> New finds of the Aldy-Belskaya culture harness in Tuva	88
<i>B. I. Marshak, V. I. Raspopova.</i> Two terracotta holy pictures from Pendzhikent	95
<i>A. V. Kurbatov.</i> Old Russian animal husbandry and the problem of collecting raw hides	103
<i>M. I. Vasiliev.</i> Technological history of the Russian sledge	116
<i>A. E. Musin.</i> European heraldry in the archaeological materials from medieval Novgorod: to the history of connections between Novgorod and Hanza	132
<i>G. P. Vizgalov, O. V. Kardash.</i> Ethnic identification of the XVIII century urban population in Siberia: a trial (with special reference to 2008 excavations at the town of Berezov) ..	148
<i>V. I. Kildyushevsky, V. Ya. Stegantseva.</i> Water discharge systems of the XVIII–XIX centuries in the courtyards of the General Headquarters of Russia .	166

CHRONICLE

<i>S. A. Vasiliev.</i> Department of Paleolithic Archaeology of IHMC RAS in 2006–2010	174
<i>V. E. Shchelinsky, T. V. Sharovskaya.</i> Activity of the Experimental-Traceological Laboratory of IHMC RAS from 2006 through 2010	180
<i>V. A. Alekshin, Yu. G. Kutimov.</i> Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus of IHMC RAS in 2006–2010	187
<i>Yu. A. Vinogradov, S. V. Kashaev.</i> Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS in 2006–2010	194
<i>A. N. Kirpichnikov, A. A. Peskova.</i> Department of Slavonic and Finnish archaeology of IHMC RAS in 2006–2010	200
<i>A. N. Egor'kov.</i> Laboratory of Archaeological technology of IHMC RAS in 2006–2010	207
<i>G. V. Dluzhnevskaya.</i> Academic Archive of IHMC RAS in 2006–2010	213
<i>S. A. Vasiliev.</i> Conferral of the degree of Doctor Honoris Causa upon Professor H. de Lumley	217
<i>Yu. A. Vinogradov, S. V. Kashaev.</i> Extended session of the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the 60 th jubilee of I. Yu. Schaub	220
<i>Yu. A. Vinogradov, S. V. Kashaev.</i> Extended session of the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of I. B. Brashinsky and I. G. Shurgaya	222

IN MEMORIA

In memory of Gennady Pavlovich Grigoriev (26.01.1937–27.01.2012)	225
<i>A. A. Peskova.</i> To the history of F. D. Gurevich's scholarly studies	229
<i>E. V. Revunenkov, N. V. Revunenkov.</i> Frida Davydovna Gurevich (01.01.1912–02.09.1988)	233
List of abbreviations	245
Instructions to contributors	247

СТАТЬИ

СУСИЛУОЛА, БЫЗОВАЯ И ВОПРОС О СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ НЕАНДЕРТАЛЬСКОГО АРЕАЛА В ЕВРОПЕ¹

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ, В. В. ПИТУЛЬКО

Введение

Судя по распространению палеоантропологических находок и археологических памятников, связываемых с неандертальцами, их ареал в позднем плейстоцене простирался от Пиренейского п-ова на западе до Алтая и Саян (возможно, даже до Байкала) на востоке, и, как минимум, до пустыни Негев и междуречья Тигра и Ефрата на юге, почти достигая берегов Красного моря и Персидского залива. Вопрос о северной границе более сложен. Установить ее положение в азиатской части ареала не представляется возможным из-за малочисленности и слабой изученности находок, могущих пролить свет на этот вопрос, а в европейской части ситуацию осложняют расхождения в оценке некоторых новых либо заново изученных коллекций. До недавнего времени казалось очевидным, что граница проходила где-то между 52-й и 54-й параллелями. Именно в этой зоне локализуются самые северные находки костных останков неандертальцев в Европе, происходящие с шельфа южной части Северного моря (Hublin et al. 2009), с юга Северо-Германской низменности (Czarnetzki et al. 2001) и из Северного Прикарпатья (Urbanowski et al. 2010). С соединяющей их условной линией почти точно совпадает и линия, ограничивающая область распространения археологических памятников, которые можно с уверенностью определить как мустьерские или микокские и на этом основании связать с неандертальцами. Она проходит через Линфорд на юге нынешних Британских островов (Boismier et al. 2003), Лихтенберг в низовьях Эльбы (Veil et al. 1995), Хотылево в верховьях Десны и лишь за Волгой, в предгорьях Урала, возможно, поворачивает вверх к 59-й параллели (Гарчи 1, нижний слой и связываемый с ним подъемный материал; см.: Павлов 2009). В последние

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 11-06-00380а и № 11-06-12019-офи-м. Доступ к коллекции Сусилуолы был бы невозможен без содействия Пайви Рукаала-ахо и Леены Руонаваара. Исследования на Янской стоянке поддержаны Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект № 1.11) и РФФИ, проект № 11-06-12018-офи-м-2011.

годы, однако, были предприняты попытки доказать, что на самом деле неандертальцы проникали намного дальше к северу, до приполярных районов включительно. Основанием для этого стали сначала находки из Сусилуолы («Волчья пещера») в Южной Финляндии, а затем со стоянки Бызовая в среднем течении Печоры. Им и посвящена эта статья. Действительно ли названные материалы свидетельствуют о том, что область распространения среднего палеолита и его носителей в Европе захватывала приполярные районы?

Сусилуола

Пещера находится в провинции Остроботния на юго-западе Финляндии, недалеко от города Кристийнанкаупунки и в 15 км от современного побережья Ботнического залива. Она представляет собой горизонтальную трещину в гнейсах на северном склоне холма Сусивуори на высоте около 116 м над уровнем моря. В 1996 г. по инициативе одного из местных жителей (поставщика щебня и любителя археологии) и при участии Геологоразведочной службы Финляндии началась расчистка пещерной полости от заполнявших ее до самой кровли рыхлых отложений, и в ходе этих работ внимание их участников привлекли несколько камней, в которых заподозрили древние орудия. Находки передали в Национальное бюро древностей, и в 1997 г. это учреждение организовало в Сусилуоле археологические раскопки, продолжавшиеся до 2000 г., а затем с 2003 по 2006 г. Результаты первого цикла раскопок стали широко известны за пределами Финляндии 10 лет назад, сразу после появления публикаций на английском языке, где содержался ряд сенсационных выводов (Schulz 2000–2001; Schulz et al. 2002).

В этих публикациях утверждалось, что в пещере имеются археологические материалы, относящиеся к последнему (земскому) межледниковью и свидетельствующие, таким образом, о том, что она служила прибежищем неандертальцам. В качестве таких материалов рассматривались: 1) камни (гальки и обломки алевролита, песчаника, кварца и кварцита), на которых усматривали следы искусственного расщепления и которые исчисляли сотнями экземпляров; 2) камни, на которых усматривали следы воздействия огня; 3) камни, в которых видели возможную вымостку. Предполагалось также, что часть предметов, идентифицированных в качестве артефактов, находилась в непо потревоженном залегании в палеопочве (слой IV 2) и что некоторые из них были изготовлены из неместного, приносного сырья.

Аргументы, на которых базировались сенсационные заявления исследователей пещеры, были детально рассмотрены П. Петитом и М. Нисканеном. Проанализировав опубликованные к тому времени рисунки и описания, они пришли к заключению, что и так называемые артефакты, и все иные «свидетельства» человеческой деятельности плейстоценового возраста, обнаруженные в Сусилуоле, имеют естественное происхождение (Pettitt, Niskanen 2005). Аналогичные выводы были сделаны и почти всеми участниками дискуссии, развернувшейся вскоре на страницах журнала «Fennoscandia Archaeologica», мно-

гие из которых посещали пещеру и имели возможность ознакомиться с материалами, полученными в ходе раскопок (Donner 2007; Kinnunen 2007; Núñez 2007; 2008). В их статьях, а также статьях других авторов, опубликованных на финском языке в других изданиях, было показано, помимо прочего, что приносного сырья в пещере нет, что признаки огня сомнительны и тем более недоказуемо его искусственное происхождение, что возраст пещерных отложений остается под вопросом, а их генезис и стратиграфия, соответственно, нуждаются в переоценке. Авторы сенсации смогли ответить на критику лишь повторением прежних аргументов и воспроизведением — иногда в новом ракурсе — уже публиковавшихся рисунков (Schulz 2007; Schulz, Rostedt 2008). Тем не менее вопрос не закрыт, и Сусилуола продолжает фигурировать в работах некоторых исследователей как свидетельство проникновения неандертальцев далеко на север (напр.: Sørensen 2009; Rolland 2010).

Не касаясь далее хронологических, петрографических и геологических аспектов темы, результативное обсуждение которых вряд ли возможно без проведения новых полевых исследований, мы остановимся здесь лишь на одном, самом важном, на наш взгляд, вопросе, а именно на вопросе о наличии в пещере каменных артефактов. В октябре 2011 г. одному из нас (Л. В.) в ходе командировки в Хельсинки удалось ознакомиться с коллекцией Сусилуолы. На момент посещения коллекция насчитывала 1019 предметов, из которых 964 хранились в фондах Национального бюро древностей Финляндии, а еще 55 находились в экспозиции Национального музея. Из них почти три четверти (744 экз., или 73 %) составляют предметы размером от 0,2 до 1 см, представленные в основном осколками и крошкой тонко- и грубозернистого песчаника (около 630 экз.), кварца и кварцита (около 110 экз.), а также цветной кремнистой породы (3 экз.). Размер от 1 до 2 см имеют 157 предметов из песчаника (около 100 экз.), кварца-кварцита (около 50 экз.) и цветной окремненной породы (3 экз.). Еще 113 предметов варьируют по размеру от 2 до 10 см. Здесь также преобладает песчаник (в основном галька) разной зернистости (86 экз.), встречаются кварц и кварцит (24 экз.) и кремнистая порода (3 экз.). Еще 5 объектов размером более 10 см представляют собой песчаниковые гальки (валуны).

Ни одного предмета, имеющего явные признаки искусственного раскалывания, в коллекции выявить не удалось. Тем не менее в последних двух размерных группах есть несколько вещей, которые при большом желании и некотором воображении можно принять и/или выдать за артефакты. Это неудивительно, поскольку, как показывает опыт, на тысячу расколовшихся естественным образом камней всегда найдутся два-три отдаленно, а иногда и близко напоминающих те или иные типы палеолитических изделий. Укажем их номера хранения: КМ31837: 249, КМ31837: 37, КМ36380: 6, КМ36380: 7, КМ34775: 10 и КМ30301: 1. Почти все они представлены на иллюстрациях в статьях исследователей пещеры, хотя шифры в большинстве случаев указаны ими неверно (NM или MN вместо КМ, как в Schulz 2007), а в основной публикации (Schulz et al. 2002) перепутаны и подписи к рисункам (на что, впрочем, указали *in erratum* и ее авторы).

Особенно интересен предмет с шифром КМ30301: 1, находящийся в экспозиции Национального музея. Он представляет собой половину расколовшейся вдоль крупной ($11 \times 9,5$ см) песчаниковой гальки, на тонком конце и левом краю которой с выпуклой стороны различимо как минимум 6 частично смежных негативов разного (до 2 см в длину и 3 см в ширину) размера, а еще один негатив (примерно 5×5 см), тоже идущий от тонкого конца, имеется на плоской стороне. Из всех находок в Сусилуоле этот предмет более всего похож на артефакт (чоппер), но, к сожалению, установить его происхождение вряд ли возможно. В некоторых публикациях его помещают в «горизонт III» (Schulz 2007: 69, fig. 2), но, как явствует из надписи на музейной этикетке, он был найден одним из местных жителей (Мауно Аро) еще в 1996 г. в ходе первоначальной выемки пещерных отложений («when the Susiluola cave was being emptied out»), т. е. до начала контролируемых раскопок.

Другой «чоппер» (КМ36380: 6) выглядит гораздо менее эффектно. Это плоская песчаниковая галька ($12 \times 10 \times 4$ см) с четырьмя негативами на узком конце (по два на каждой стороне), причем, вопреки опубликованному изображению данного предмета (Schulz 2007: 70, fig. 3), на одной из сторон оба негатива идут скорее не от конца, а от края гальки. Столь же или еще более сомнительна и морфология прочих находок из Сусилуолы, в чем убеждают даже опубликованные изображения «отборных» экземпляров. Мы полагаем, что это не артефакты, а «геофакты». Таким образом, чтобы объяснить происхождение всех этих вещей, совсем необязательно «загонять» неандертальцев или других палеолитических представителей рода *Homo* к полярному кругу.

Бызовая

Эта стоянка, находящаяся в среднем течении Печоры, известна с 1963 г., когда В. И. Канивец начал здесь раскопки. Затем памятник изучали Б. И. Гуслицер и П. Ю. Павлов, а в последние годы активное участие в его исследовании принимали также норвежские и французские специалисты. И российскими, и зарубежными археологами материалы Бызовой традиционно и безоговорочно рассматривались как верхнепалеолитические (Канивец 1976; Бадер 1978; Рогачев, Аникович 1984; Павлов 1996; 2008; 2009; Pavlov et al. 2004). Это мнение базировалось на присутствии в коллекции ряда характерных типологических элементов (скребки с ровным дугообразным рабочим концом на пластинчатых заготовках, двуконечное острие на пластинке с притупленным краем и вентральной ретушью обоих концов, долотовидные орудия, уплощенные листовидные острия, мотыга из рога северного оленя), которым вполне соответствовали многочисленные радиоуглеродные даты, указывающие на возраст около 30 тыс. л. н. Такой же возраст предполагают и недавно полученные результаты датирования методом оптически стимулированной люминесценции. Тем не менее в работе, где последние были опубликованы, индустрия Бызовой провозглашается среднепалеолитической и на этом основании выдвигается идея, что район расположения стоянки мог являться «поздним северным не-

андертальским рефугиумом» (Slimak et al. 2011). Эта гипотеза, безусловно, интересна. Нельзя отрицать, что в типологии и технологии Бызовой имеется немало «архаичных» черт, которые вполне уместно смотрелись бы в среднепалеолитическом контексте. Однако, на наш взгляд, авторами рассматриваемой статьи эти черты искусственно преувеличены (на что уже указали Zwyns et al. 2012), а перечисленные выше верхнепалеолитические элементы, напротив, затушеваны, как если бы их и не было.

Особенное недоумение вызывает множество никак не объясняемых расхождений между описанием индустрии Бызовой в статье Л. Слимака с соавторами, одним из которых является П. Ю. Павлов (Slimak et al. 2011), и ее описанием в предшествовавших работах П. Ю. Павлова, в том числе совсем недавних (Павлов 2008; 2009). По П. Ю. Павлову, орудий в коллекции 112, по Л. Слимаку с соавторами — 80, хотя общая численность находок увеличилась с 278 до 313. По П. Ю. Павлову «в технологии первичного расщепления прослежены приемы объемного и плоскостного расщепления», и хотя в коллекции «нет хороших пластин», «фрагменты нуклеусов указывают на то, что пластины совершенной формы изготавливались в этой индустрии» (Павлов 2009), тогда как по Л. Слимаку с соавторами все нуклеусы либо леваллуазские, либо дисковидные (т. е. плоскостные), служили они «исключительно для получения отщепов», а элементы верхнепалеолитической технологии полностью отсутствуют. Дальше больше. По П. Ю. Павлову в орудийном наборе имеется представительная «верхнепалеолитическая группа», состоящая «из концевых скребков на пластинчатых заготовках, кареноидных и стрелчатых скребков, угловых резцов на пластинах, *pieces esquilles*, острий, тонких листовидных двустороннеобработанных наконечников» (Там же), а вот по Л. Слимаку с соавторами орудий, типичных для верхнего палеолита, в Бызовой нет совсем, в том числе и скребков на пластинах. На нет и суда нет, но что же тогда изображено на рис. 16 и 17 в книге В. И. Канивца (1976) и на рис. 68 в диссертации П. Ю. Павлова (2009)? Может быть, эти вещи попали в оба труда по ошибке? Впрочем, по Л. Слимаку с соавторами скребков оказывается вообще всего 11, хотя П. Ю. Павлов ранее насчитывал 41 изделие этой категории. Зато скребла, напротив, размножились: было 12, или, если считать вместе со «скреблами-ножами», 16 (Павлов 2009: табл. 8), а стало более 50 (Slimak et al. 2011: table S4)! Получается, что скребки за 2 года, разделяющие цитируемые работы, трансформировались в скребла, заразив своим примером также резцы на пластинах, *pieces esquilles* и острия, от которых к 2011 г. в коллекции не осталось и следа. Как иначе объяснить все эти чудеса, мы не знаем. Ведь не предполагать же, в самом деле, что в результате контактов с французскими коллегами П. Ю. Павлов — квалифицированный и опытный исследователь — столь радикальным образом пересмотрел свои представления о технологии и типологии каменных индустрий! А если все же пересмотрел, то что тогда делать с остальными его публикациями, относящимися к «доконтактному» периоду? Можно ли пользоваться приводимыми в них данными, или лучше не рисковать и подождать появления новых совместных работ?

Как бы там ни было, сходство значительной части материалов Бызовой со среднепалеолитическими формами можно объяснить, не прибегая к конструированию сенсационных гипотез. Эта стоянка самим же П. Ю. Павловым была отнесена к числу памятников, связанных с освоением человеком специфического ресурса — так называемых кладбищ мамонтов, или, точнее, массовых скоплений их костных остатков (Павлов 2008). Впервые предложенная Н. К. Верещагиным (1972) идея мамонтовых «кладбищ» затем приобрела немало сторонников (Софер 1993; Чубур 1998; Питулько 2010а и др.), а в последние годы она получила новое подтверждение благодаря открытию такого скопления вблизи Янской стоянки (Basilyan et al. 2011).

Массовое скопление костных остатков мамонтов, составляющее часть пространственной структуры Янской стоянки (Pitulko et al. 2004), является ключом к пониманию сути данной проблемы, поскольку наглядно демонстрирует связь морфологии и типологии орудий (а также технологии их производства) с прошлой функцией археологического объекта. В случае с Янской стоянкой и «кладбищем мамонтов» вблизи нее эта связь выражается в осуществлении трудовых операций, связанных с эксплуатацией скопления костных остатков мамонтов, в том числе с расчленением фрагментов туш, извлечением бивней и их первичной обработкой.

Анализ фауны Бызовой (Vrugige 2010) вполне однозначно демонстрирует картину, типичную для подобных объектов. Именно поэтому, возможно, в индустрии этой стоянки преобладает «архаично» выглядящий компонент. То же самое наблюдалось и на ранних этапах изучения Янской стоянки, где также представлены массивные плоско-выпуклые скребла и ножи, очень часто с ретушным или естественным обушком (Питулько 2010б). Что касается слабой представленности в материалах Бызовой типичных верхнепалеолитических изделий, то, по мнению группы авторов, первыми выступивших с критикой переоценки индустрии, это может быть следствием механического отсева мелкогабаритных предметов в результате естественной сортировки каменного инвентаря, находящегося во вторичном залегании (Zwyns et al. 2012). На наш взгляд, еще более вероятно, что таких изделий в коллекции мало по той же причине, по которой они отсутствуют в археологическом контексте массового скопления костных остатков мамонтов (УМAM)² вблизи Янской стоянки: этот участок памятника просто не предполагает наличия подобных изделий (резцов, орудий с притупленным краем, пластинок, острий на пластинках и т. д.) вследствие своей функции. На других участках Янской стоянки, связь которых с УМAM — пространственная и временная — несомненна, они есть в значительном количестве (Питулько 2010б) и сходны уже не с примерно одновременной (и очень географически далекой) Бызовой, а с находками из заметно более молодого (и тоже очень удаленного географически) Шестаково. Серийные формы микроострий на Янской стоянке и Шестаково связаны с производством изделий из бивня мамонта, что в первом случае устанавливается на основании

² УМAM — условное обозначение участка с массовым скоплением костей мамонта вблизи Янской стоянки.

планиграфической связи этих находок с участками, содержащими многочисленные отходы обработки бивня (Там же), а во втором — на основании характера микроследов (личное сообщение Н. Н. Скакун, изучавшей эти материалы). Следы деятельности палеолитических людей в Шестаково исследователи этого памятника связывают с использованием концентраций костных остатков мамонтов, формировавшихся либо полностью естественным путем, либо с участием человека вблизи «зверовых солонцов» (Дервянко и др. 2003).

Таким образом, определенный архаизм каменной индустрии и Янской стоянки, и Бызовой, скорее всего, предопределен функциональным назначением стоянок, той деятельностью, которая осуществлялась на них в прошлом, а также изобилием и доступностью сырья для изготовления орудий (прирусловые либо вскрытые в береговых отложениях галечники).

Заключение

По нашему мнению, ни Бызовая, ни тем более Сусилуола не дают данных, достаточных для признания их памятниками среднего палеолита и местами обитания неандертальцев. Это не значит, что мы отрицаем саму возможность освоения неандертальцами областей, находящихся выше 60-й параллели. Напротив, мы держимся весьма высокого мнения об интеллектуальных и адаптационных возможностях этих людей и не удивимся, если в будущем появятся неоспоримые доказательства их проникновения к полярному кругу или даже за него. Пока, однако, таких доказательств нет, и единственно «легитимной» северной границей неандертальского ареала в Европе остается линия Линфорд—Лихтенберг—Хотылево, проходящая на тысячу с лишним километров южнее Сусилуолы и Бызовой.

Бадер 1978 — *Бадер О. Н.* Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.

Верещагин 1972 — *Верещагин Н. К.* О происхождении мамонтовых «кладбищ» // Природная обстановка и фауна прошлого. Киев, 1972. Вып. 6. С. 131–148.

Дервянко и др. 2003 — *Дервянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лецинский С. В., Мащенко Е. Н.* Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск, 2003.

Канивец 1976 — *Канивец В. И.* Палеолит крайнего северо-востока Европы. М., 1976.

Павлов 1996 — *Павлов П. Ю.* Палеолитические памятники северо-востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996.

Павлов 2008 — *Павлов П. Ю.* Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1. С. 33–44.

Павлов 2009 — *Павлов П. Ю.* Палеолит северо-востока Европы: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб., 2009.

Питулько 2010а — *Питулько В. В.* Охотники верхнего палеолита: расселение и адаптации в условиях открытых пространств Севера Сибири // III Северный археологический конгресс: Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010. С. 6–26.

Питулько 2010б — *Питулько В. В.* Расселение и адаптации древнего человека на Северо-Востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010. С. 38–46.

- Рогачев, Аникович 1984 — *Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984. С. 162–271.
- Софер 1993 — *Софер О. А.* Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993. С. 99–118.
- Чубур 1998 — *Чубур А. А.* Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в оstashковское время // Восточный гравейт. М., 1998. С. 309–329.
- Basilyan et al. 2011 — *Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V.* Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity // JAS. 2011. Vol. 38. P. 2461–2474.
- Boismier et al. 2003 — *Boismier W. A., Schreve D. C., White M. J., Robertson D. A., Stuart A. J., Etienne S., Andrews J., Coope G. R., Green F. M. L., Keen D. H., Lewis S. G., French C., Rhodes E., Schwenninger J.-L., Tovey K., Donahue R. E., Richards M. P., O'Connor S.* A Middle Palaeolithic site at Lynford Quarry, Mundford, Norfolk: interim statement // Proceedings of the Prehistoric Society. 2003. Vol. 69. P. 315–324.
- Brugère 2010 — *Brugère A.* Evidence for mammoth exploitation at Byzovaya // III Northern Archaeological Congress: Abstracts. Ekaterinburg; Khanty-Mansiisk, 2010. P. 13–14.
- Czarnetzki et al. 2001 — *Czarnetzki A., Gaudzinski S., Pusch C. M.* Hominid skull fragments from Late Pleistocene layers in Leine Valley (Sarstedt, District of Hildesheim, Germany) // JHE. 2001. Vol. 41. P. 133–140.
- Donner 2007 — *Donner J.* On the lack of evidence of artifacts in the Susiluola cave in Finland // FA. 2007. Vol. 24. P. 53–56.
- Hublin et al. 2009 — *Hublin J.-J., Weston D., Gunz P., Richards M., Roebroeks W., Glimmerveen J., Antonis L.* Out of the North Sea: the Zeeland Ridges Neanderthal // JHE. 2009. Vol. 57. P. 777–785.
- Kinnunen 2007 — *Kinnunen K. A.* Fractured siltstones in Susivuori esker close to Susiluola cave, Karijoki, Finland // FA. 2007. Vol. 24. P. 57–63.
- Núñez 2007 — *Núñez M.* My problem with Susiluola // FA. 2007. Vol. 24. P. 84–91.
- Núñez 2008 — *Núñez M.* Susiluola — the problem persists // FA. 2008. Vol. 25. P. 84–85.
- Pavlov et al. 2004 — *Pavlov P., Roebroeks W., Svendsen J. I.* The Pleistocene colonization of northeastern Europe: a report on recent research // JHE. 2004. Vol. 47. P. 3–17.
- Pettitt, Niskanen 2005 — *Pettitt P., Niskanen M.* Neanderthals in Susiluola cave, Finland, during the last interglacial period? // FA. 2005. Vol. 22. P. 79–87.
- Pitulko et al. 2004 — *Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Giryа E. Y., Basilyan A. E., Tumskey V. E., Koulikov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Y., Anisimov M. A.* The Yana RHS site: humans in the Arctic before the last glaciation // Science. 2004. Vol. 303. P. 52–56.
- Rolland 2010 — *Rolland N.* The early human occupation of high latitudes, boreal, continental and periglacial habitats: Middle Paleolithic milestones in Northern Eurasia // Middle Palaeolithic Human Activity and Palaeoecology: New Discoveries and Ideas. Wrocław, 2010. P. 15–45.
- Schulz 2000–2001 — *Schulz H.-P.* The lithic industry from layers IV–V, Susiluola cave, Western Finland, dated to the Eemian interglacial // Préhistoire européenne. 2000–2001. Vol. 16–17. P. 43–56.
- Schulz 2007 — *Schulz H.-P.* Artefact-geofact analysis of the lithic material from the Susiluola cave // FA. 2007. Vol. 24. P. 64–75.
- Schulz 2010 — *Schulz H.-P.* The Susiluola Cave site in Western Finland — evidence of the northernmost Middle Palaeolithic settlement in Europe // Middle Palaeolithic Human Activity and Palaeoecology: New Discoveries and Ideas. Wrocław, 2010. P. 47–67.
- Schulz et al. 2002 — *Schulz H.-P., Eriksson B., Hirvas H., Huhta P., Jungner H., Purhonen P., Ukkonen P., Rankama T.* Excavations at Susiluola Cave // Suomen Museo. 2002. Vol. 109. P. 5–45.
- Schulz, Rostedt 2008 — *Schulz H.-P., Rostedt T.* Debating Susiluola — some commentary // FA. 2008. Vol. 25. P. 73–82.
- Slimak et al. 2011 — *Slimak L., Svendsen J. E., Mangerud J., Plisson H., Heggen H. P., Brugère A., Pavlov P. Y.* Late Mousterian persistence near the Arctic Circle // Science. 2011. Vol. 332. P. 841–844.
- Sørensen 2009 — *Sørensen B.* Energy use by Eem Neanderthals // JAS. 2009. Vol. 36. P. 2201–2205.

Urbanowski et al. 2010 — *Urbanowski M., Socha P., Dłubowski P., Nowaczewska W., Sadakierska-Chudy A., Dobosz T., Stefaniak K., Nadachowski A.* The first Neanderthal tooth found North of the Carpathian Mountains // *Naturwissenschaften*. 2010. Bd 97. S. 411–415.

Veil et al. 1995 — *Veil S., Breest K., Höfler H.-C., Meyer H.-D., Plisson H., Urban-Küttel B., Wagner A., Zöller L.* Ein Mittelpaläolithischer Fundplatz aus der Weichsel-Kaltzeit bei Lichtenberg, Ldr. Lüchow-Dannenberg // *Germania*. 1995. Bd 72. S. 1–66.

Zwyns et al. 2012 — *Zwyns N., Roebroeks W., McPherron S. P., Jagich A., Hublin J.-J.* Comment on “Late Mousterian persistence near the Arctic Circle” // *Science*. 2012. Vol. 335. P. 167.

SUSILUOLA, BYZOVAYA, AND THE QUESTION OF THE NORTHERN LIMIT OF THE NEANDERTHAL AREA

L. B. Vishnyatsky, V. V. Pitulko

The paper is a response to recent claims that the materials of Susiluola (Wolf cave) in Finland and Byzovaya in the northern Urals in Russia should be regarded as Middle Paleolithic and are thus indicative of the Neanderthal presence near the polar circle. The first-hand examination of the material from Susiluola leads to the conclusion that it does not contain any indisputable artifacts. As to Byzovaya, the old and widely held view that it is an Early Upper Paleolithic assemblage seems to fit the available archaeological and chronometric evidence much better than a recently proposed hypothesis of the Middle Paleolithic status of the site. The authors suggest that the archaic appearance of the Byzovaya typology and technology may rather be due to a specific function of this site, situated in direct proximity to a “mammoth cemetery”. Like the other sites of the kind (Shestakovo, Yana), it could have been devoted (at least partly) to the exploitation of mammoth remains (corpse dismembering, tusk extraction and initial processing, etc.).

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО IV

Е. Л. ЛЫЧАГИНА, Г. Н. ПОПЛЕВКО

Как уже не раз отмечалось, в неолите Среднего Предуралья выделяются две культурные традиции. Одна из них связана с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом (камская культура), другая — с керамикой, орнаментированной наколами (волго-камская культура). Появление первой большинство исследователей связывает с дальнейшим развитием местных позднемезолитических традиций, второй — с инфильтрацией населения из лесостепных районов Среднего Поволжья.

Выделение данных культурных традиций опирается в основном на характеристику керамических комплексов, что обусловлено многослойностью большинства неолитических памятников региона и трудностями выделения кремневого инвентаря, связанного с определенным типом керамики. Поэтому возрастает значение так называемых чистых комплексов, памятников, на которых фиксируется только один тип керамики одного хронологического диапазона. Исследование каменных индустрий таких памятников может значительно расширить наши представления о той или иной культурной традиции. Мы относим их к опорным памятникам для изучения неолита региона.

Опорным памятником для волго-камской культуры можно считать стоянку Чашкинское Озеро IV, расположенную на восточном берегу озера в 10,5 км к северу от г. Березники. Памятник открыт А. Ф. Мельничуком в 1978 г. (Денисов, Мельничук 1979: 168) и обследован им же в 1991 г. При этих обследованиях был собран значительный материал: фрагменты неолитической посуды с накольчатой орнаментацией, скребки, пластины и отщепы (Памятники археологии... 1994: 24). В 1998 г. Е. Л. Лычагина во время разведки по восточному берегу Чашкинского озера провела новый осмотр территории этой стоянки и обнаружила, что овраг, проходящий через ее центральную часть, увеличивается, и необходимы крупные стационарные раскопки. Такие работы были проведены Е. Л. Лычагиной в 2002 г. на площади 228 м² (рис. 1). В результате получена достаточно однородная коллекция керамики, орнаментированной наколами, и небольшая коллекция каменного инвентаря. Итоги этих раскопок и предыдущих исследований стоянки опубликованы (Лычагина 2006: 279–286; 2007: 51–59; 2009: 154–158).

Для стоянки Чашкинское Озеро IV по углю получена радиоуглеродная дата 6160 ± 70 л. н. (ГИН-13449), а по керамике — 5920 ± 80 л. н. (Ки-14539). С учетом калибровки ее существование можно отнести к концу VI—началу V тыс. до н. э. (Лычагина 2011: 28–33).

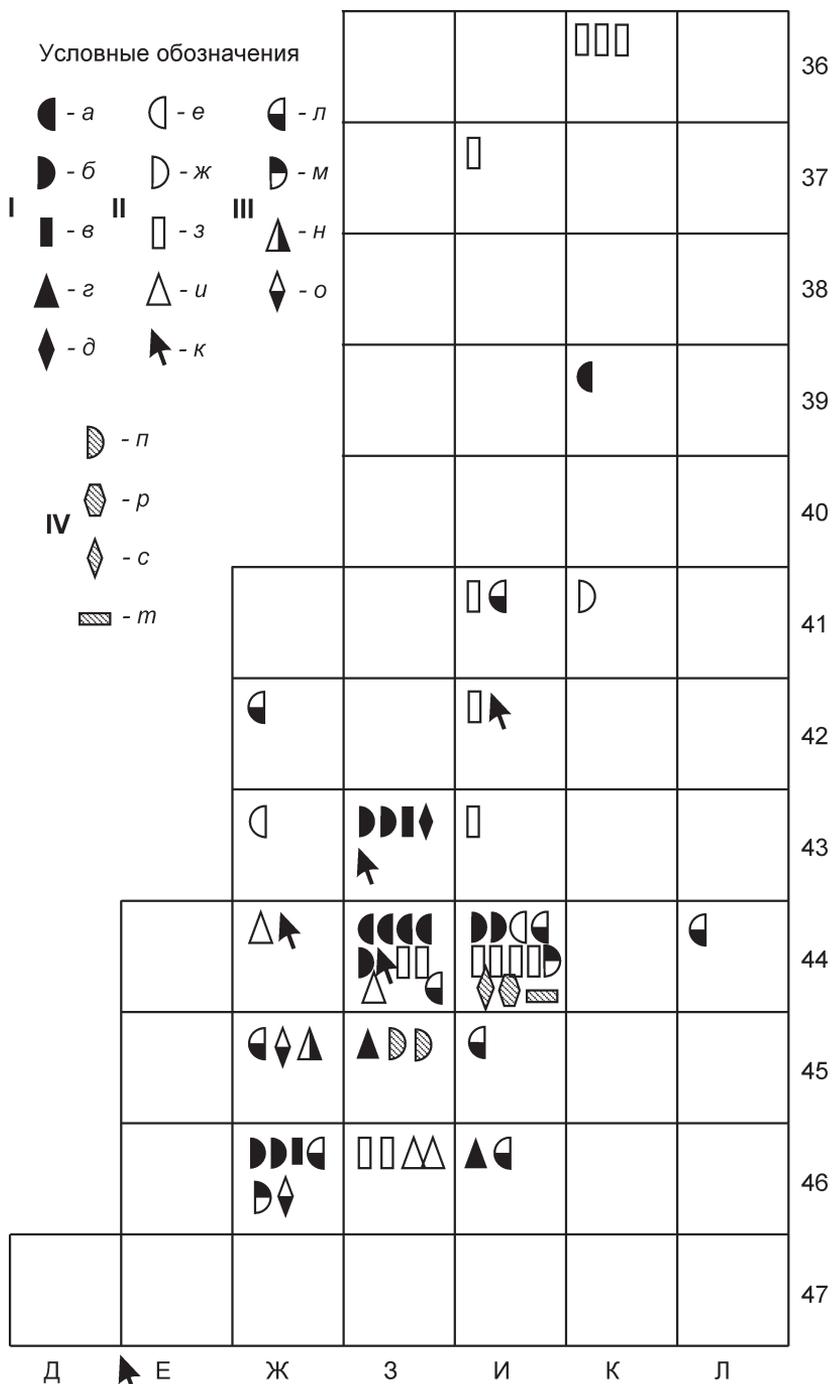

Рис. 1. Планиграфия трасологически выделенных орудий на стоянке Чашкинское Озеро IV (2002 г.). I–IV — функциональные группы орудий: I — для обработки дерева; II — шкур; III — кости; IV — камня; а, е, л, — скребок, б, ж, м — скобель, в — резец, з, н — сверло, д, о — строгальный нож, з — мясной нож, и — проколка, к — наконечник стрелы, п — абразив, р — ретушер, с — отбойник; т — наковальня

Несмотря на достаточно хорошую изученность материалов данной стоянки, мы снова обратились к каменному инвентарю памятника для проведения комплексного анализа с использованием методики, предложенной Г. Н. Поплевко и опробованной на памятниках различных регионов (Поплевко 2007; 2008: 222–255). Эта методика включает в себя типологический, технологический, трасологический и планиграфический анализ каменных индустрий. Ниже будут рассмотрены материалы из раскопок 2002 г.

Технологический анализ

Каменный инвентарь включает 413 предметов. В качестве сырья в основном использовался серый (реже — других цветов) галечниковый кремль разного качества (84 %), а также халцедон, сланец, кварцито-песчаник (Лычагина, Шмырина 2011: 6).

Основную часть находок (328 экз.) составляют отходы производства: отщепы (198 экз.), чешуйки (57 экз.), бесформенные сколы и осколки (73 экз.).

В коллекции 6 нуклеусов, 4 из них — призматические с одной ударной площадкой и 2 — конические. Как правило, нуклеусы изготавливали из кремневых галек серого и темно-коричневого цветов. На некоторых из них остались небольшие участки галечной корки. С призматических нуклеусов скалывали как пластины, так и пластинчатые отщепы. С конических нуклеусов в основном скалывали пластины. Высота нуклеусов не превышает 4,5 см (чаще 2–3 см), а ширина ударной площадки — 1–2 см.

Нуклевидные куски (6 экз.) представлены гальками с негативами снятий нескольких бессистемных сколов. Их размеры несколько больше, чем размеры нуклеусов.

Сколы включают 6 продольных сколов с нуклеусов, а также 4 технических снятия, из которых 1 поперечный скол с ударной площадки и 3 краевых.

В целом, коллекция нуклеусов и нуклевидных форм стоянки Чашкинское Озеро IV довольно значительна, что свидетельствует о том, что первичное расщепление происходило непосредственно на территории памятника.

Пластин и их обломков без ретуши в коллекции 8 экз. Из них 4 пластины целые, встречены также дистальные и медиальные части. Максимальная длина пластин — 4,1 см, но в основном встречаются фрагменты длиной до 2 см. Ширину не более 1 см имеют 5 пластин (одна из них микропластина).

В коллекции 53 орудия. Из них 10 изготовлено на пластинах, а 32 — на отщепах (24 % и 76 % соответственно). Остальные орудия изготовлены на плитках, крупных сколах или на фрагментах нуклеусов. Таким образом, представления о том, что для памятников с накольчатой керамикой характерна пластинчатая индустрия, на материалах нашего раскопа не подтверждаются. Судя по распределению основных категорий орудий (табл. 1), ведущую роль играли скребки и ножи.

Подробный анализ типологически выделенных орудий опубликован (Лычагина 2006: 279–286).

Таблица 1

Соотношение данных типологии и трасологии орудий стоянки Чашкинское Озеро IV (2002 г.)

Категории орудий	Данные типологии		Данные трасологии	
	Количество	%	Количество	%
Скребки	14	26,5	16	26
Скобели	5	9,5	10	16
Долотовидные	4	7,5	—	—
Ножи	7	13	15	24,5
Наконечники	5	9,5	4	6,5
Сверла	2	3,5	3	5
Проколки	1	2	4	6,5
Строгальные ножи	—	—	3	5
Резцы	—	—	2	3
Ретушер	—	—	1	1,5
Абразивы	2	3,5	2	3
Отбойники	1	2	1	1,5
Наковальня	1	2	1	1,5
Пластины с ретушью	5	9,5	—	—
Отщепы с ретушью	6	11,5	—	—
Итого:	53	100	62	100

Трасологический анализ

Трасологический метод рассматривает следы человеческой деятельности, запечатленные на поверхности древних орудий труда и объектов, подвергшихся обработке этими орудиями (Коробкова 1987: 34). Анализ коллекции проводился при помощи микроскопов МБС-9 (увеличение в 50–98 раз) и Лабомет-2СR-ZOOM (увеличение в 80–400 раз) на базе лаборатории археологических и этнографических исследований Пермского государственного педагогического университета и экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН.

Следы использования обнаружены на 46 предметах. Часть предметов, типологически отнесенных к орудиям, не имела следов использования. В то же время микроследы были обнаружены на 3 пластинах, не имевших явных признаков вторичной обработки. Некоторые орудия имели от двух до четырех рабочих поверхностей. Поэтому общее количество рабочих лезвий увеличилось до 62. Соотношение данных типологии и трасологии представлено в таблице 1. При трасологическом анализе некоторые категории изделий полностью исчезли (пластины и отщепы с ретушью, долотовидные орудия), но стало возможным выделить такие категории орудий как строгальные ножи, резцы и ретушер.

Скребки. Все типологически выделенные скребки использовались именно в этом качестве. Один из них имел три рабочих лезвия, поэтому общее количество скребков возросло до 16 экз. (табл. 1). Еще один скребок был комбинирован со строгальным ножом. В качестве заготовок для изготовления скребков служили средние и мелкие отщепы (табл. 2). Анализ использования скребков показал, что большинство из них (9 экз.) служило для обработки кости, почти вдвое меньше (5 экз.) — для обработки дерева (рис. 2, 3; 4, 1) и совсем небольшую группу (2 экз.) составили скребки для обработки шкур (табл. 3).

Скобели. Типологически к этой группе были отнесены изделия с выемками. Однако при трасологическом анализе лишь на одном из них были выявлены следы работы в качестве скобеля (рис. 2, 8; 6, 1). Остальные изделия с выемками следов использования не имели. В то же время функции скобеля были выявлены у отщепа с ретушью, трех долотовидных орудий и двух ножей. Большая часть лезвий этих изделий (7 экз.) использовалась для обработки дерева (табл. 3). Всего было выделено 10 экз. скобелей.

Особый интерес вызывает одно полифункциональное изделие, изготовленное на продольном сколе с нуклеуса и типологически отнесенное к долотовидным орудиям. На боковых сторонах орудия зафиксированы следы от употребления в качестве скобелей по дереву, а на конце с одной стороны — скобеля по кости, с другой — ретушера (рис. 2, 7; 6, 2). Среди орудий на территории Среднего Предуралья ретушер трасологически выделен впервые.

Трасологически выделенные скобели функционально объединяются со скребками и вместе с ними составляют наиболее крупную группу орудий (42 %).

Ножи. Большинство типологически выделенных ножей (5 экз.) отнесено к категории мясных. Кончик одного из этих ножей также использовали и в качестве проколки. Еще одно изделие применяли для строгания и скобления кости (рис. 2, 8; 6, 1). Трасологический анализ показал, что мясными ножами служили пластины с ретушью и без нее (рис. 2, 4; 5, 2), а также боковое ребро одного наконечника (рис. 2, 5; 5, 1). В качестве *строгального ножа* использовали боковое ребро скребка по кости и скобеля по дереву (рис. 2, 1; 3, 1). Поэтому количество трасологически выделенных ножей более чем вдвое превосходит количество определенных типологически (табл. 1). Следует отметить, что, в отличие от всех остальных категорий орудий, для ножей чаще всего использовали пластины (табл. 2).

Наконечники. Для большинства наконечников типологическое определение не противоречит функциональному (рис. 2, 5; 5, 1). Исключение составило одно орудие, которое было определено как сверло по дереву. Для изготовления наконечников использовали отщепы различных форм (табл. 2).

Сверла. Функция типологически выделенных свёрл также подтверждена трасологическим анализом. Их количество увеличилось за счет наконечника, вторично использованного в качестве сверла. Заготовками для этих орудий служили отщепы и продольный скол с нуклеуса. По микроследам использования были выделены сверла по дереву (рис. 2, 6; 4, 2) и кости (табл. 3).

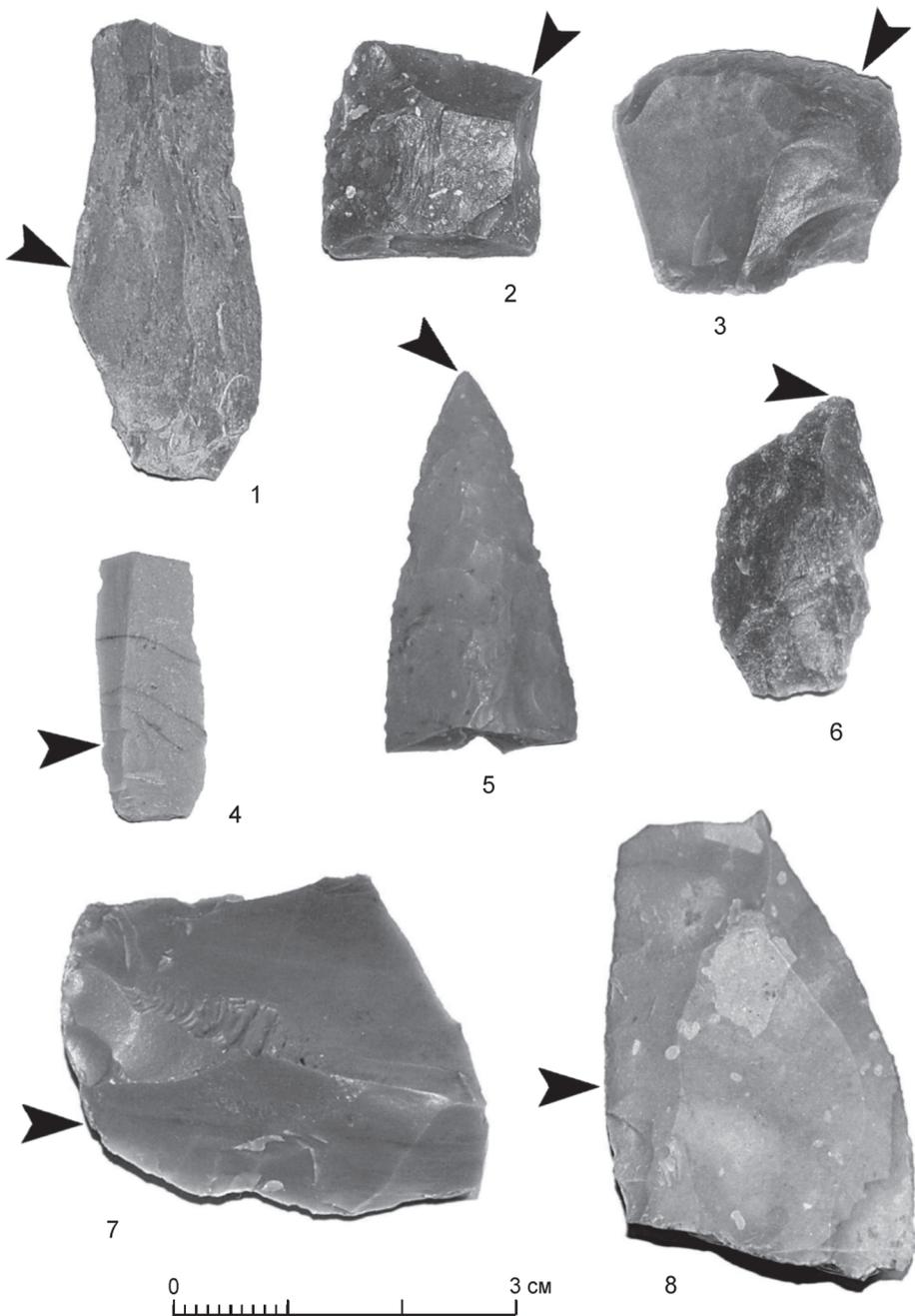

Рис. 2. Стоянка Чашкинское Озеро IV (2002 г.), каменные орудия: 1 — строгальный нож по дереву; 2 — резчик по дереву; 3 — скребок по дереву; 4 — нож по мясу, рыбе; 5 — наконечник; 6 — сверло по дереву; 7 — ретушер; 8 — скобель по кости. Стрелкой указаны точки микрофотографирования на рабочих лезвиях

Таблица 2

**Распределение трасологически выделенных орудий
стоянки Чашкинское Озеро IV (2002 г.) по технологическим заготовкам**

Трасологически выделенные орудия	Наконечники	Ножи для мяса, рыбы	Проколки	Скребки	Скобели	Сверла	Строгальные ножи	Регулер	Резцы	Абразивы	Наковальня	Отбойник	Всего:
Отщепы:	2	6	1	14	4	—	—	—	1	—	—	—	28
крупные	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
средние	2	5	—	8	4	—	—	—	1	—	—	—	20
мелкие	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Фрагмент	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Пластинчатые отщепы средние	2	—	—	2	1	2	1	—	—	—	—	—	8
Пластины:	—	9	3	—	2	—	2	—	—	—	—	—	16
крупная (15–20 мм)	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
средние (10–15 мм)	—	1	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	4
мелкие (6–10 мм)	—	7	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
микропластинка	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Нуклевидные осколки	—	—	—	—	3	1	—	1	1	—	—	—	6
Плитки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	3
Гальки и их обломки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Итого:	4	15	4	16	10	3	3	1	2	2	1	1	62

Проколки. Типологически была выделена только одна проколка. Трасологически выявлено использование в качестве проколки кончика орудия на отщепе и кончиков трех мясных ножей на пластинах (табл. 2).

Кроме того, среди орудий были определены 2 *резца* по дереву (рис. 2, 2; 3, 2) и *отбойник*. Типологически и трасологически выделены 2 *абразива* и *наковальня*.

Распределение трасологически выделенных орудий по технологическим заготовкам показано в таблице 2. Большинство орудий изготовлено на отщепах (36 экз. — 70 %), но и количество орудий на пластинах значительно возросло (16 экз. — 30 %). Отщепы чаще всего использовали для изготовления скребков, скобелей и наконечников, а пластины — для мясных ножей и проковок.

Таблица 3

**Хозяйственный комплекс орудий стоянки Чашкинское Озеро IV
(2002 г.).**

Обработка кости (рога)		Обработка продуктов охоты и рыбной ловли: мяса, шкур		Обработка дерева		Обработка камня	
		Наконечники стрел	4				
Сверла	1	Проколки	4	Сверла	2		
Строгальные ножи	2	Ножи для мяса (рыбы)	15	Строгальные ножи	1		
Скребки	9	Скребки	2	Скребки	5		
Скобели	2	Скобели	1	Скобели	7		
				Резцы	2		
						Ретушер	1
						Отбойник	1
						Абразивы	2
						Наковальня	1
Итого:	14		26		17		5
%	22,5		42		27,5		8

Распределение трасологически выделенных орудий по видам обрабатывавшихся материалов отражено в таблице 3. Наиболее значительную группу составили изделия, связанные с разделкой добычи (42 %). Примерно одинаковыми группами представлены орудия для обработки дерева (27,5 %) и кости (22,5 %). Четвертую группу составляют орудия для обработки камня (8 %): абразивы, отбойник, ретушер и наковальня, набор которых показывает, что изготовление или доработка орудий происходили непосредственно на территории памятника.

Итоги трасологического анализа свидетельствуют о разнообразии хозяйственных занятий обитателей стоянки. Ведущую роль играла обработка продуктов охоты и рыболовства, с которой связана большая группы мясных (рыбных) ножей, наконечников стрел, проколок. В тоже время орудия для скобления шкур представлены только 2 скребками, что нетипично для памятников этого времени и, возможно, связано со спецификой изученной части поселения.

Традиционно важную роль на поселениях неолитического времени играли орудия, связанные с обработкой дерева (Лычагина 2008: 49–52). В коллекции имеются орудия различных функций — строгания, резания, скобления, сверления (рис. 2, 1–3, 6; 3, 1–2; 4, 1–2). Скорее всего, на изученной площади памятника осуществлялся полный цикл изготовления изделий из дерева от первичной обработки до готовых вещей.

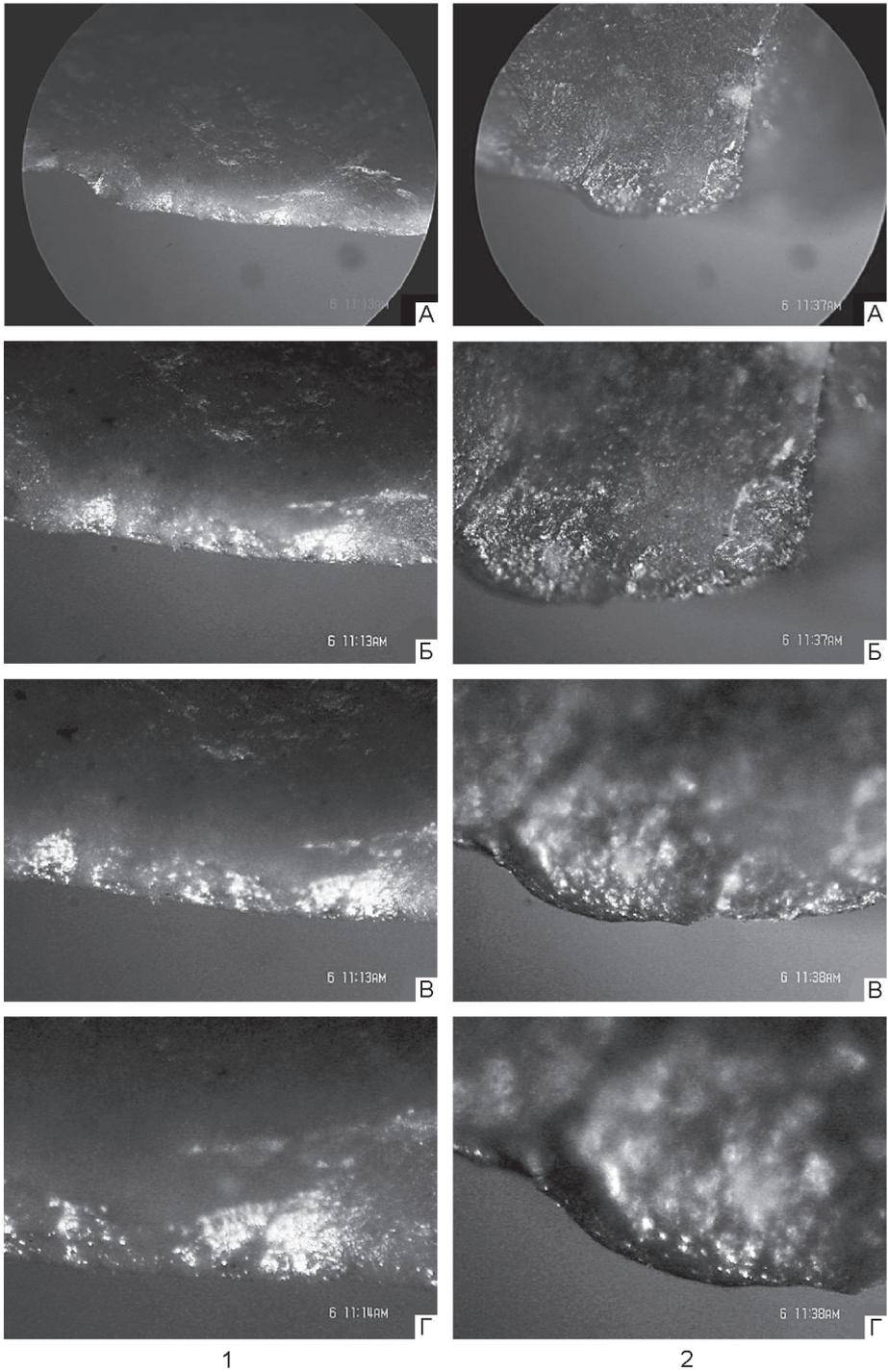

Рис. 3. Стоянка Чашкинское Озеро IV (2002 г.), кромки рабочих лезвий:
 1 — строгального ножа по дереву; 2 — резчика по дереву.
 Увеличение: А × 80; Б × 160; В × 240; Г × 400

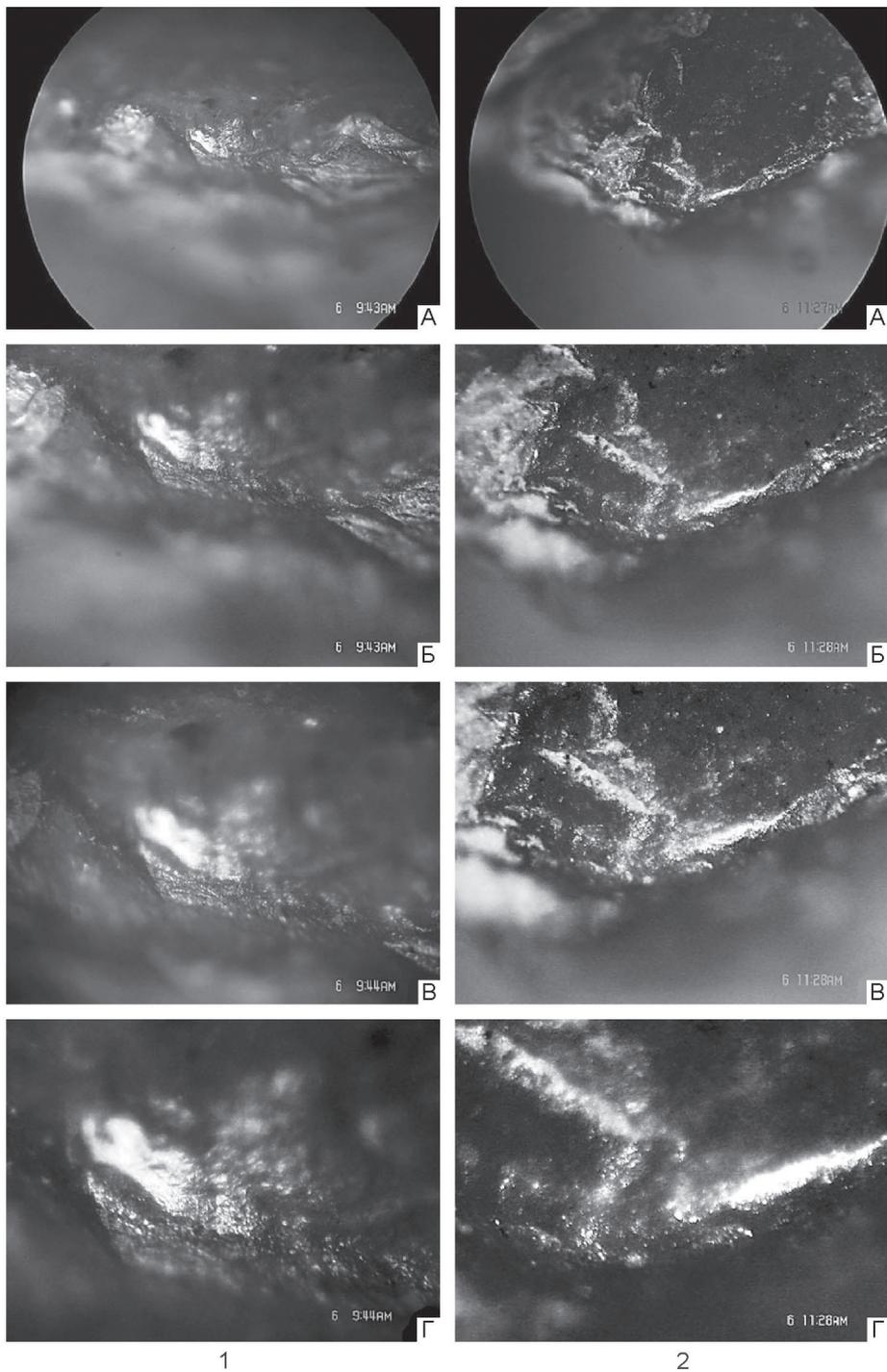

Рис. 4. Стоянка Чашкинское Озеро IV (2002 г.), кромки рабочих лезвий:
 1 — скребка по дереву; 2 — сверла по дереву. Увеличение: А $\times$ 80; Б $\times$ 160;
 В $\times$ 240; Г $\times$ 400

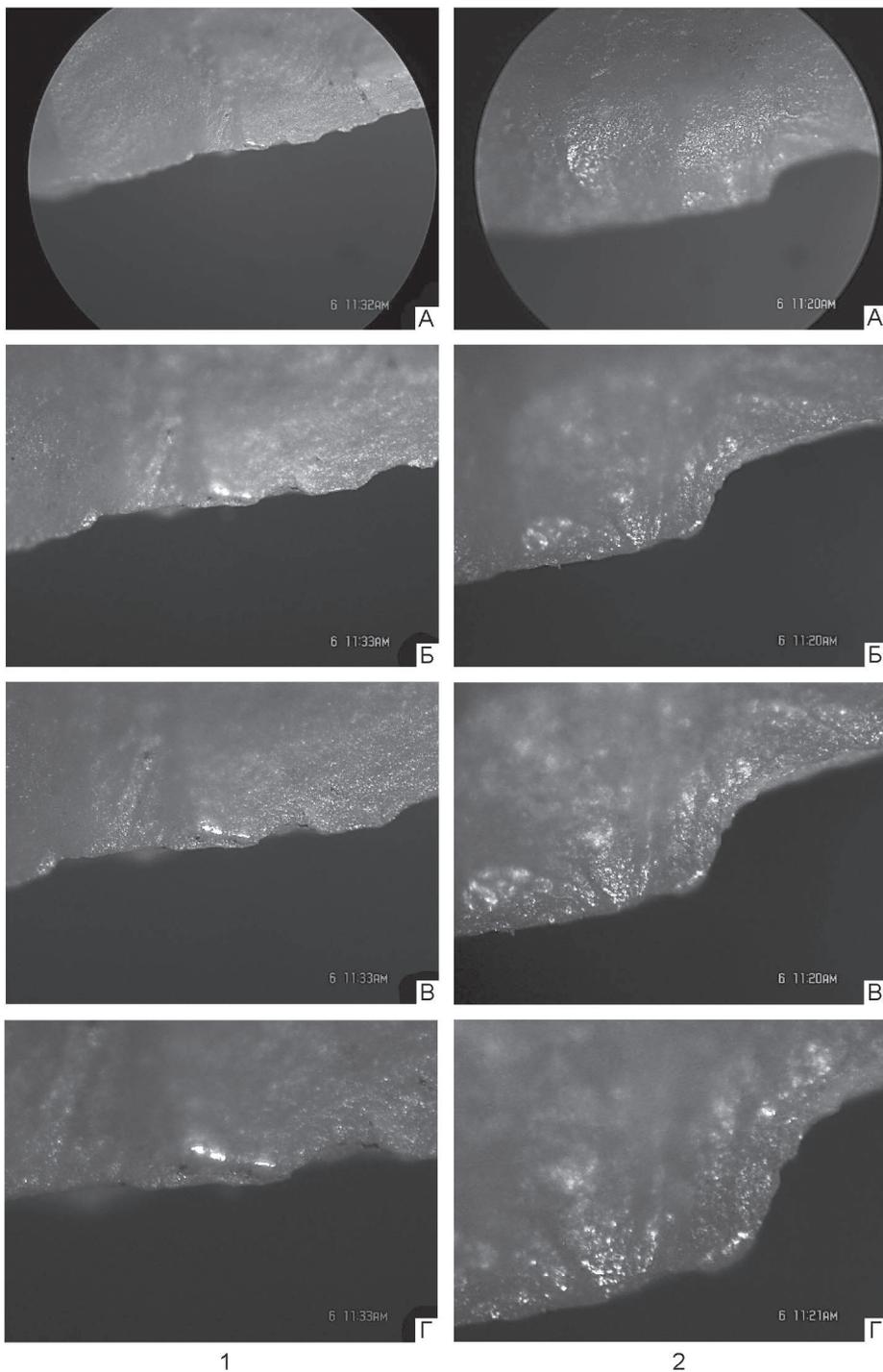

Рис. 5. Стоянка Чашкинское Озеро IV (2002 г.), кромки рабочих лезвий: 1 — наконечника; 2 — ножа по мясу, рыбе. Увеличение: А $\times$ 80; Б $\times$ 160; В $\times$ 240; Г $\times$ 400

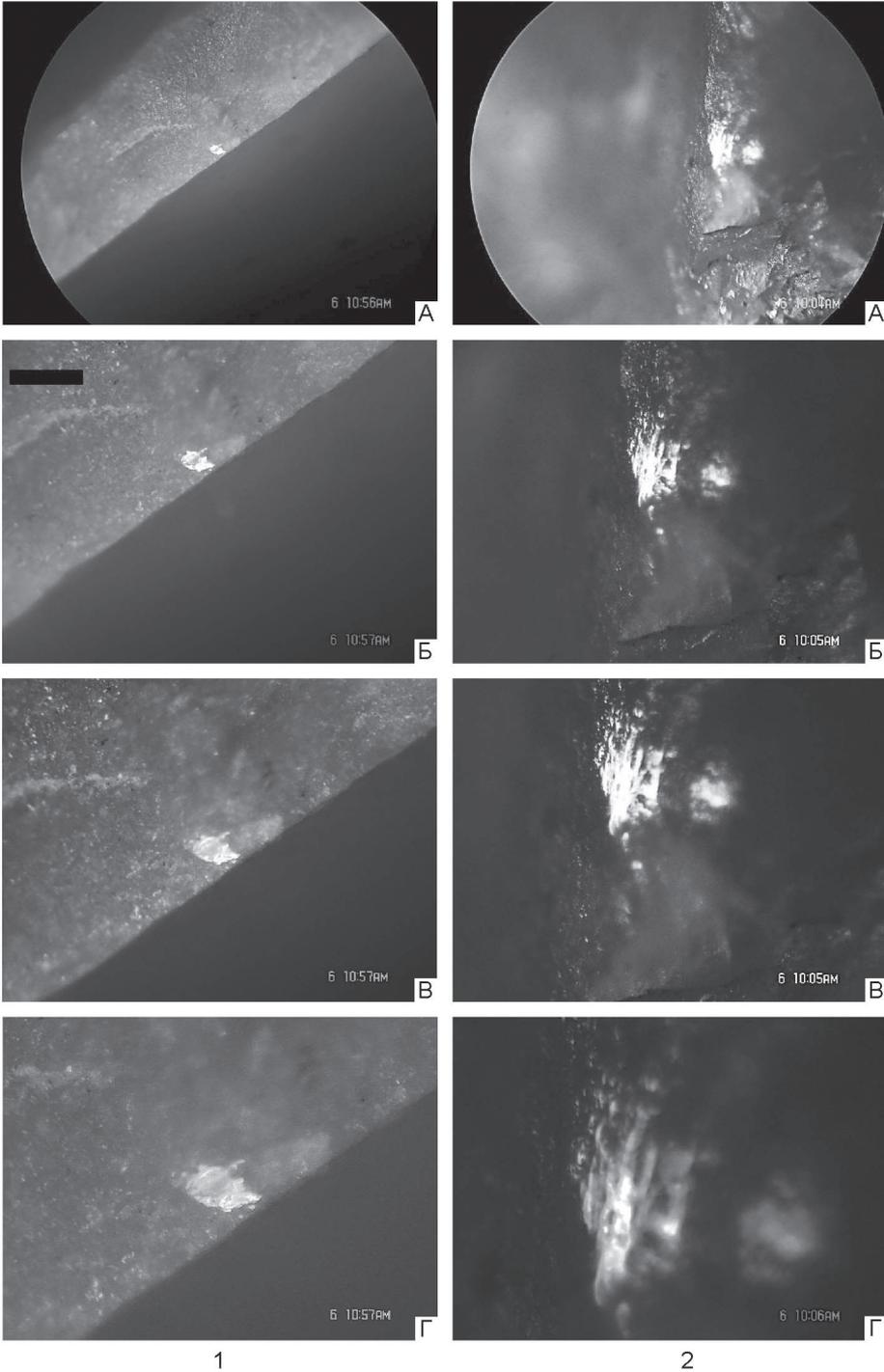

Рис. 6. Стоянка Чашкинское Озеро IV (2002 г.), кромки рабочих лезвий:
 1 — скобеля по кости; 2 — ретушера. Увеличение: А $\times$ 80; Б $\times$ 160;
 В $\times$ 240; Г $\times$ 400

Орудия для обработки кости и рога также представлены изделиями с различными функциями — скобление, строгание, сверление (рис. 2, 8; 6, 1), но ведущую роль играли орудия для скобления кости. Похожая ситуация была зафиксирована при трасологическом анализе материалов раннеэнеолитической стоянки Чашкинское Озеро I, расположенной в непосредственной близости от описываемого памятника (Лычагина 2010: 119–126).

Планиграфический анализ (рис. 1)

На основании планиграфического анализа можно выделить несколько хозяйственных зон. Орудия для разделки добычи сконцентрированы на участках З–И/44. С этими же участками связаны и другие хозяйственные занятия. Возможно, именно в этом месте располагался своеобразный хозяйственный центр поселения. Значительное количество мясных (рыбных) ножей фиксируется на участке К/36 на определенном расстоянии от центра поселения. На участке З/46 было найдено 2 мясных ножа, комбинированных с проколками.

Орудия для обработки дерева концентрируются на участках З/43–44, частично перекрывая центр, связанный с разделкой добычи. При этом на участке З/43 встречены изделия различных функций — для скобления, резания, строгания дерева, а на участке З/44 — только орудия скобления. На участке Ж/46 обнаружены орудия для скобления и резания дерева.

Изделия для скобления, строгания и сверления кости и рога концентрировались на участках Ж/45–46. На остальных участках находки орудий для обработки кости единичны.

Орудия для обработки камня встречались исключительно на участках З/45 и И/44. Скорее всего, именно здесь происходила вторичная обработка и подправка каменных изделий.

Планиграфический анализ показал, что хозяйственные зоны, связанные с различной деятельностью, часто перекрывали друг друга и резко не отделялись одна от другой. Вероятно, это связано со спецификой изученной части памятника — это береговая зона, где в разное время могли существовать выделяемые хозяйственные комплексы.

Результаты комплексного анализа каменной индустрии стоянки Чашкинское Озеро IV мы сравнили с результатами анализов материалов Хуторской стоянки, расположенной в 1,5 км от стоянки Чашкинское Озеро IV и являющейся эталонным памятником камской неолитической культуры (Лычагина, Поплевко 2011: 10–14), а также раннеэнеолитической стоянки Чашкинское Озеро I (Лычагина 2010: 119–126).

Анализ технологических заготовок для изготовления орудий показал, что вопреки устоявшемуся мнению об отщеповой индустрии камской культуры на стоянке Хуторская количество орудий на пластинах и отщепах сопоставимо друг с другом — 45 % и 55 % соответственно (Лычагина, Поплевко 2011: 8). В то же время материалы стоянки Чашкинское Озеро IV не подтверждают представления о пластинчатости волго-камской культуры, так как на пластинах изготовлено ме-

нее трети орудий. Еще реже пластины в качестве заготовок для изготовления орудий использовали на стоянке Чашкинское Озеро I, где орудия на пластинах и отщепах составляли 12 % и 88 % соответственно (Лычагина, Шмырина 2011: 6). Это противоречит устоявшимся взглядам на раннеэнеолитическую новоильинскую культуру, к которой относится стоянка Чашкинское Озеро I, как на культуру с высоким уровнем пластинчатости каменного инвентаря. По всей видимости, сложившиеся в конце XX в. представления о пластинчатости и непластинчатости отдельных индустрий следует пересматривать.

Соотношение основных хозяйственных комплексов на стоянках Хуторская и Чашкинское Озеро IV в целом совпадает. В орудийном наборе обоих памятников преобладают орудия, связанные с обработкой продуктов охоты и рыболовства, на втором месте комплекс для обработки дерева, далее — обработка кости и камня. Как уже сказано выше, комплексы орудий по обработке кости и дерева на стоянке Чашкинское Озеро IV составляют 22,5 % и 27,5 % соответственно. На стоянке Хуторская комплекс орудий для обработки кости не столь значителен, а группа орудий для обработки дерева сопоставима с группой орудий для обработки продуктов охоты и рыболовства (41 % и 45 % соответственно). Можно отметить также разницу в наличии или отсутствии некоторых форм орудий. Однако эти отличия могут быть связаны со спецификой исследованных частей памятников.

Сравнение материалов стоянок Чашкинское Озеро IV и I выявило более значимые различия. В частности, комплекс орудий для обработки продуктов охоты на стоянке Чашкинское Озеро I занимает только третье место (27,5%), в то время как ведущую роль играли комплексы, связанные с обработкой дерева и кости (35,5% и 34% соответственно). Если наличие значительного комплекса изделий по обработке кости характерно и для стоянки Чашкинское Озеро IV, то отсутствие четко выраженной группы ножей для обработки мяса и рыбы является спецификой стоянки Чашкинское Озеро I. При этом набор орудий стоянки Чашкинское Озеро I в целом совпадает с набором, который встречается на стоянках Хуторская и Чашкинское Озеро IV.

Проведенное сравнение показывает, что, несмотря на культурные и хронологические различия, основные хозяйственные занятия населения в неолитическую эпоху серьезно не менялись. Каменный инвентарь стоянок Хуторская и Чашкинское Озеро IV выявил больше сходств, чем отличий. По всей видимости, необходимость адаптации к сходным природным условиям привела к нивелированию культурных различий.

Для дальнейшей реконструкции хозяйственных занятий населения Прикамья в позднем каменном веке и подтверждения или опровержения выдвинутого предположения необходимо продолжение комплексного анализа материалов памятников эпохи неолита—энеолита на территории региона.

Коробкова 1987 — *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987.

Лычагина 2006 — *Лычагина Е. Л.* Каменный инвентарь памятников с накольчатой керамикой в Пермском Предуралье // ТАС. 2006. Вып. 6. С. 279–286.

Лычагина 2007 — *Лычагина Е. Л.* Поселение Чашкинское Озеро IV — новый неолитический памятник с накольчатой керамикой // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2007. Вып. 5. С. 51–59.

Лычагина 2008 — *Лычагина Е. Л.* Трасологический анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VIII (по материалам раскопок 2002 г.) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2008. Вып. 2. С. 49–52.

Лычагина 2009 — *Лычагина Е. Л.* О двух хронологических группах накольчатой керамики на территории Пермского Предуралья // ТАС. 2009. Вып. 7. С. 154–158.

Лычагина 2010 — *Лычагина Е. Л.* Технологический и трасологический анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское озеро I // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности: Материалы межрегионального научно-практического полевого семинара. Чувашская Республика, Алатырский район. 31 июля–4 августа 2008 г. Чебоксары, 2010. С. 119–126.

Лычагина 2011 — *Лычагина Е. Л.* О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // АЭАЕ. 2011. № 1. С. 28–33.

Лычагина, Поплевко 2011 — *Лычагина Е. Л., Поплевко Г. Н.* Возможности комплексного анализа каменного инвентаря (на примере раскопа VI стоянки Хуторская) // ВААЭ. 2011. Вып. 1 (14). С. 4–10.

Лычагина, Шмырина 2011 — *Лычагина Е. Л., Шмырина Н. С.* Анализ каменного инвентаря памятников эпохи позднего камня на территории Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2011. Вып. 7. С. 5–22.

Памятники археологии... 1994 — Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района. Усолье, 1994.

Поплевко 2007 — *Поплевко Г. Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007 (Труды ИИМК РАН. Т. 23).

Поплевко 2008 — *Поплевко Г. Н.* Комплексное исследование материалов поселения майкопской культуры Пхагугапе // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 222–255.

COMPLEX ANALYSIS OF STONE INVENTORY FROM THE CHASHKINSKOE OZERO IV SITE

E. L. Lychagina, G. N. Poplevko

The paper is devoted to the complex analysis of the stone inventory excavated in 2002 at the site of Chashkinskoe Ozero IV. The site is one of few “pure” assemblages with pricked pottery known in the Perm region. The reported research consisted of typological, traceological, and spatial analyses of the stone inventory. It has demonstrated that the economic activity of the site inhabitants was dominated by processing the products of hunting and fishing. An important role was also played by wood and bone working. The comparison of this data with the results obtained for some other sites from the same area (Khotorsksys, Chashkinskoe Ozero I) shows, that despite some cultural and chronological differences, the main economic activities of the local Neolithic populations underwent no serious change.

ЛЕЙЛАТЕПИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА МЕЖДУ ПЕРЕДНЕЙ АЗИЕЙ И СЕВЕРНЫМ КАВКАЗОМ

Н. МУСЕИБЛИ

В становлении раннеземледельческих обществ Кавказа большая, а порой и определяющая роль принадлежит ближневосточным цивилизациям. В конце эпохи энеолита усиливающееся южное влияние поздней убейдской, а затем и урукской эпох коренным образом изменило историческую картину на Кавказе. В результате этого воздействия появились майкопская и лейлатепинская культуры (конец V—IV тыс. до н. э.) с высокоразвитой технологией производства. Сейчас у исследователей нет сомнений в том, что их создатели являлись носителями культурных традиций убейдского и урукского времени Северной Месопотамии.

Ниже рассмотрен вопрос о наличии сходства и различия между упомянутыми кавказскими и ближневосточными культурами, а также дана оценка их роли в древней истории Кавказа. Результаты данного исследования зависят от анализа известных на сегодняшний день археологических фактов, прежде всего материалов лейлатепинской культуры (архитектура поселений и их структура; материальные остатки жизнедеятельности, особенно керамика; характерные особенности погребальных памятников и погребальных обрядов).

Типы поселений и строительные остатки

Площади убейдских и урукских поселений обычно составляют несколько гектаров, изредка — более десяти. Мощностъ культурного слоя поселений иногда превышает 10 м. Поселения, для которых характерны монументальные сооружения и храмы, сооруженные из сырцового кирпича, рассматриваются как центры протогородской культуры (Tobler 1950; Мерперт, Мунчаев 1982; Kubba 1998; Мунчаев и др. 2004; Амиров 2006).

Среди поселений лейлатепинской культуры до сих пор известно лишь несколько памятников, где обнаружены остатки подпрямоугольных сооружений из сырцового кирпича — Лейлатепе, Бериклдееби и Техуте (Алиев, Нариманов 2001: 10—14; Глонти, Джавахишвили 1987: 85; Торосян 1976: 127; Žavahišvili 1998).

Осенью 2011 г. на территории Габалинского р-на Азербайджана (юго-восточные предгорья Большого Кавказа) во время земляных работ, связанных со строительством международного аэропорта, выявлено новое поселение лейлатепинской культуры — Галаери. По мощности культурного слоя (более 4 м) поселение Галаери не имеет себе равных во всем Кавказском регионе. Пока на этом памятнике произведены разведывательные раскопки, в результате которых обнаружена сырцовая архитектура, около 20 погребений младенцев в урнах, богатый керамический и каменный материал. По месопотамским параметрам Галаери можно отнести к категории памятников протогородского типа.

На поселениях лейлатепинской культуры Гянджа-Газахской зоны сырцовая архитектура не выявлена. В Беюк Кесике известно единственное глинобитное прямоугольное строение предположительно культово-религиозного назначения. На этом поселении обнаружены, в основном, легкие круглые и овальные наземные сооружения каркасного типа и полуземлянки, верхняя часть которых завершалась такими же сооружениями (Müseyibli 2006: 12; Мусеибли 2007: 9–11). На поселении Пойлу II, наряду с сооружениями, характерными для поселения Беюк Кесик, выявлены постройки, сооруженные из булыжника. На других памятниках лейлатепинской культуры такие постройки нам неизвестны (Müseyibli 2008; Мусеибли 2009б: 48–49; 2010: 208).

Одной из основных отличительных черт памятников лейлатепинской культуры является их расположение локальными группами. Расстояние между поселениями, находящимися в конкретном районе, составляет несколько сотен метров. Памятники этой культуры по их географическому местоположению на территории Азербайджана можно разделить на три группы: Гарабагскую (Лейлатепе, Абдалазизтепе, Чинартепе и т. д.); Гянджа-Газахскую (Беюк Кесик I–III, Пойлу I–II, Селехан, Агылыдере, Союгбулаг); Муганскую (Мишарчай VI, Алхантепе). Культурные слои некоторых памятников Гарабага и Мугани и всех поселений Гянджа-Газахской зоны находятся ниже современной дневной поверхности. Вокруг поселений лейлатепинской культуры Бериклдееби в Грузии и Техут в Араратской долине не были проведены необходимые разведывательные работы. Вероятно, из-за этого там и не были выявлены другие поселения этого круга.

Площади поселений и майкопской и лейлатепинской культур примерно одинаковы. Мощность их культурного слоя обычно невелика и не превышает 0,4–0,6 м. Майкопские поселения, как и памятники лейлатепинской культуры, располагаются группами (Корневский 2003: 13, 73). Слабая мощность их культурного слоя связана, вероятно, с частыми передвижениями населения. На майкопских поселениях не обнаружено остатков построек из сырцового кирпича. Для этих поселений, как и для некоторых поселений лейлатепинской культуры, характерны легкие наземные постройки каркасного типа (Днепровский 1991: 3–4; Корневский 2003: 13).

Захоронения и погребальные обряды

Обычай хоронить умерших в пределах поселения, возникший еще в эпоху неолита, продолжал бытовать на всем Ближнем Востоке в убейдскую и урукскую эпохи. На поселении Тепе Гавра погребенные уложены как на левом, так и на правом боку. В культурных слоях рассматриваемого времени были обнаружены и погребальные камеры из сырцового кирпича, и детские захоронения в керамических сосудах (Tobler 1950: 101–125).

До 2004–2005 гг. погребения в керамических сосудах были найдены лишь на трех лейлатепинских памятниках Южного Кавказа: четыре захоронения — в Лейлатепе, и по одному — в Чинартепе и Бериклдееби (Алиев, Нариманов 2001:

17–18; Makharadze 2007; Глonti, Джавахишвили 1987: 85). До 2005 г. было раскопано всего два кургана. Один из них (курган Сеидли) исследован в 1990 г. в Хачмазском р-не Северо-Восточного Азербайджана под руководством Т. М. Достиева (Dostiyev et al. 1990: 25–27), другой (курган Кавтисхеви) изучен в 1995–1998 гг. З. Махарадзе в Юго-Восточной Грузии (Makharadze 2007).

До раскопок Союгбулагских курганов (Мусеибли 2005) вышеуказанные курганные могильники не относили к эпохе энеолита. Можно, например, назвать публикацию о кургане у сел. Сеидли, в которой последний датирован эпохой средней бронзы (Ахундов, Достиев 1997).

Сооруженные из сырцового кирпича погребальные камеры Союгбулагских курганов, ориентированные по линии северо-запад — юго-восток, а также обнаруженная в них керамика сходны с археологическими материалами Северной Месопотамии (Тепе Гавра). Основная разница состоит в том, что месопотамские погребения не имеют курганных насыпей. В Союгбулаге были выявлены как вырытые в материке, так и наземные подкурганные погребальные камеры. Высота насыпей этих курганов не превышает 1 м (Мусеибли 2005: 135–138; 2009а: 53–54).

В некоторых Союгбулагских курганах погребенные были уложены на правый или на левый бок, в скорченном положении. В большинстве же захоронений были выявлены или отдельные фрагменты человеческих костей, или же скелеты были сдвинуты в один из углов погребальной камеры.

На основе исследования Союгбулагских курганов мы пришли к выводу о том, что оставившие их люди являются носителями лейлатепинской культуры Южного Кавказа. Далее ареал курганов достиг Северного Кавказа, где они получили широкое распространение у носителей майкопской культуры (Мусеибли 2005: 136). Мы и сегодня придерживаемся того же мнения, что курганная традиция майкопской культуры связана с лейлатепинской культурой Южного Кавказа, а результаты последних исследований лишь подтверждают его.

Другим видом погребений лейлатепинской культуры являются грунтовые захоронения. Впервые два таких погребения были обнаружены нами в 2005 г. во время раскопок поселения Пойлу II. В обоих случаях костяки лежали на спине, ноги слабо или сильно скорчены. В первом случае руки были притянуты к плечам, во втором — располагались на животе (Мусеибли 2010: 208). На убейдских и урукских поселениях Месопотамии выявлены многочисленные захоронения с костяками, уложенными на правый или левый бок. Изредка встречаются и другие варианты погребений. Так, в одном из убейдских захоронений Тепе Гавры умерший лежал в вытянутом положении на спине, а в другом — костяк также лежал на спине, а ноги находились в скорченном положении (Tobler 1950: pl. LXII, b; LXIX, b). Кроме того, в одном из шести погребений, выявленных в убейдском слое Ярымтепе III, костяк лежал на спине при скорченном положении ног (Мерперт, Мунчаев 1982: 143). Захоронения, выявленные в Пойлу II, находят прямые соответствия именно в этих погребениях Тепе Гавры и Ярымтепе.

Как известно, раскопанные богатые захоронения майкопской культуры имеют курганную насыпь. Погребальные памятники указанной культуры изу-

чены лучше, нежели синхронные им поселения. Ареал изученности погребальных памятников майкопской культуры охватывает Северный Кавказ, северные склоны и подошвы Большого Кавказа и северо-западные районы Прикаспия. Для этой культуры, аналогичной лейлатепинской, характерны могильные камеры как вырытые в материке, так и сооруженные на древнем горизонте. Курганные насыпи, в отличие от лейлатепинских, обычно высокие, их высота иногда превышает 10 м. Костяки в этих погребениях обнаружены в скорченном положении, в основном на правом, реже — на левом боку.

В отличие от убейдской, урукской и лейлатепинской культур, на майкопских поселениях погребения не обнаружены, неизвестны и детские захоронения в керамических сосудах.

Единственное погребение ребенка в керамическом сосуде, обнаруженное на Северном Кавказе в исследуемый период, найдено в могильнике «Клады» (новосвободненская культура). Оно является случайностью для этого региона. Чернолощенный плоскодонный сосуд, в котором совершено погребение, изготовлен из глины с примесью мелкотолченого известняка. В глине замечены следы выгоревшей примеси. Внутренняя сторона сосуда имеет розоватый цвет. На плечиках симметрично расположены четыре косых налепа (Rezerkin 2000: 46). Как видно из описания этого погребального сосуда, он не имеет отношения к лейлатепинской культуре.

Археологический материал

Некоторые типы сосудов убейдского и урукского периодов сохранялись в течение многих веков почти в неизменном виде. Прототипы ряда сосудов известны еще в **халафскую эпоху**. Формы сосудов V—III тыс. до н. э. изменялись мало. Стабильность в производстве керамики объясняется технологической преемственностью сменявших друг друга культур Северной Месопотамии. Речь идет об изготовленных на гончарном круге круглодонных сосудах, которые имеют в основном красный оттенок. Некоторые из них украшены орнаментом, иногда нанесенным ногтями.

Изготовленная на гончарном круге керамика лейлатепинской культуры сходна с убейдской и урукской посудой. Для лейлатепинских сосудов характерно также нанесение на них специфических знаков до обжига. В то же время некоторые сосуды своеобразной формы, например балонообразные, двугорлые, имеют прямые аналогии в синхронных памятниках Северной Месопотамии. Характерная для этой культуры «качественная керамика» красновато-розоватого оттенка, изготовленная на гончарном круге из чистой глины или же с растительной примесью, генетически связана с посудой убейдской и урукской культур. В отличие от упомянутых сосудов, расписная керамика в лейлатепинских памятниках встречается редко. Обнаруженные на памятниках этой культуры керамические изделия и орудия труда также указывают на генетическую связь с убейдским и урукским периодом. Среди названных артефактов можно отметить антропоморфные и зооморфные фигуры, печати, «гвозди», серпы и

т. д. В то же время для лейлатепинского керамического комплекса характерны некоторые черты, отличающие его от глиняной посуды Ближнего Востока. Эти отличия проявляются в первую очередь в категории «грубой керамики». Данная посуда бурого оттенка, близкая местным традициям гончарного производства, имеет в отдельных случаях плоский и кольцевой поддон. Она вылеплена от руки из глины с неорганическими добавлениями (мелкий камень, песок и т.д.) и в основном слабо обжжена. Для этих сосудов характерны как местные, так и ближневосточные черты, в частности такие, как элементы круглого поддона. На памятниках лейлатепинской культуры в редких случаях встречаются фрагменты небольших сосудов черного цвета (Алиев, Нариманов 2001; Мусеибли 2007).

Керамика майкопской культуры представлена разнотипными сосудами с шаровидным, а иногда плоским дном. В некоторых случаях они снабжены ручками. Эта посуда изготовлена на гончарном круге. В ее тесте нет растительной примеси. Для раннего этапа этой культуры характерны сосуды красноватого оттенка (Мунчаев 1975; Кореневский 2003). Для майкопской культуры не типичны орудия труда и другие предметы, изготовленные из глины.

Наряду с металлическими изделиями в памятниках лейлатепинской культуры были обнаружены и орудия труда для производства металлических изделий. Так, на поселении Бююк Кесик I найдены две глиняные литейные формы и глиняный тигель. Глиняный тигель был выявлен и в Пойлу II.

Уровень развития металлопроизводства майкопской культуры по сравнению с синхронными культурами очень высок. На ее памятниках, наряду с мелкими металлическими предметами, найдены топоры и посуда, в том числе изготовленная из золота и серебра (Мунчаев 1975; Кореневский 2004; Резепкин 2006). Однако орудия металлопроизводства на памятниках майкопской культуры не встречены. Это, вероятно, связано с недостаточной изученностью ее поселений по сравнению с поселениями лейлатепинской культуры.

Металлические изделия убейдской, урукской, лейлатепинской и майкопской культур близки между собой не только типологически, но и по наличию в составе металла мышьяка и никеля.

Таким образом, сравнительный анализ археологических материалов показывает, что вышеназванные культуры при наличии общих материальных и производственных традиций имеют и локальные, самостоятельные черты. Поэтому их следует рассматривать как отдельные археологические культуры. Лейлатепинская культура как самостоятельный исторический феномен занимает важное звено в системе переднеазиатско-кавказских комплексов позднего энеолита.

Часть исследователей включает в майкопскую культуру новосвободненские памятники и объединяет эти два комплекса в майкопско-новосвободненскую общность. Более убедительны выводы другой группы исследователей, которые считают, что новосвободненские памятники и их керамика по структуре, типологии и другим показателям в корне отличаются от майкопских и составляют самостоятельную археологическую культуру (Резепкин 1991; 2006; 2008).

Как нам кажется, некоторые памятники Северного Кавказа с характерной энеолитической керамикой, ранее включенные в число памятников майкоп-

ской культуры, следует отнести к памятникам лейлатепинской культуры или же к переходному этапу от одной культуры к другой. Переход от лейлатепинской культуры к майкопской произошел не сразу, т. е. «лейлатепинцы» по переселении на Северный Кавказ не сразу стали «майкопцами». Для трансформации лейлатепинской культуры с энеолитическими традициями в раннебронзовую майкопскую потребовалось время. Этот сложный исторический процесс сопровождался изменениями в важных отраслях материальной и духовной культуры, произошедшими в новых географических условиях. Ранние памятники в научной литературе объединены в галюгай-серегинский вариант майкопской культуры. Поселения Галюгай, Серегинское, Дюрсо I, Натухаевское, III слой пещеры Мыштулагты-лагат и другие памятники сохраняют в основном традиции лейлатепинской культуры.

Таким образом, можно предположить, что часть мигрирующих в северном направлении месопотамских племен после кратковременного пребывания на Южном Кавказе продолжила свой путь и осела на Северном Кавказе со своими трансформированными лейлатепинскими энеолитическими традициями. Постепенно на их основе сформировалась раннебронзовая майкопская культура. Судя по расположению ранних памятников на Северном Кавказе, миграция происходила через западные и центральные перевалы Кавказа. Т. е., ранний этап миграции, наряду с Южным Кавказом и с учетом небольшой хронологической разницы, охватил также некоторые области Северного Кавказа. Племена, переселившиеся из Южного Кавказа на Северный Кавказ, достигли высокого уровня производства керамики и особенно металлообработки. Хотя у них и произошли определенные изменения в структуре погребальных памятников (увеличение размеров курганных насыпей, разновидности погребений), они все же сохранили при этом определенные черты прежних погребальных обрядов. Майкопская культура продолжила лейлатепинские традиции в более развитой форме, и поэтому не всегда удается провести четкую грань между ними. По некоторым отраслям производства (керамика, камень, металл), погребальным памятникам и погребальным обрядам майкопская культура генетически более связана с лейлатепинской, нежели с новосвободненской культурой, которая своими корнями близка к Юго-Восточной Европе. Поэтому термин «майкопско-новосвободненская общность» следовало бы заменить термином «лейлатепинско-майкопская культурно-историческая общность», так как обе эти культуры, в отличие от новосвободненской, являются носителями культурных традиций единой переднеазиатской цивилизации.

Алиев, Нариманов 2001 — *Алиев Н. Г., Нариманов И. Г.* Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку, 2001.

Амиров 2006 — *Амиров Ш. Н.* К интерпретации одного из сооружений поселения Телль Хазна 1 в северо-восточной Сирии // *Российская археология*. 2006. № 1. С. 17–30.

Ахундов, Достиев 1997 — *Ахундов Т., Достиев Т.* К изучению эпохи средней бронзы в северо-восточном Азербайджане // История и ее проблемы. 1997. № 2. С. 44–52.

Глonti, Джавахишвили 1987 — *Глonti Л. И., Джавахишвили А. И.* Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита — поздней бронзы в Шида Картли — Бериклдееби // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 80–87.

Днепровский 1991 — *Днепровский К. А.* Серегинское поселение эпохи ранней бронзы // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 3–19.

Кореневский 2003 — *Кореневский С. Н.* К вопросу о поселениях ранних земледельцев-скотоводов Предкавказья в свете новых данных // Кавказ в системе раннеметаллических культур Евразии. Тбилиси, 2003. С. 78–89.

Кореневский 2004 — *Кореневский С. Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004. Мерперт, Мунчаев 1982 — *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Поселение убейдской культуры Ярым-Тепе III в Северной Месопотамии // СА. 1982. № 4. С. 133–149.

Мунчаев 1975 — *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

Мунчаев и др. 2004 — *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н.* Телль Хазна I: Культурно-административный центр IV–III тыс. до н. э. в северо-восточной Сирии. М., 2004.

Мусеибли 2005 — *Мусеибли Н. А.* Позднеэнеолитические курганы Акстафинского района // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Материалы междунар. науч. конф. Баку, 2005. С. 135–137.

Мусеибли 2007 — *Мусеибли Н. А.* Энеолитическое поселение Бююк Кесик. Баку, 2007.

Мусеибли 2009а — *Мусеибли Н.* Курганы Союмбулага // Кавказ: археология и этнология: Материалы междунар. науч. конф. Баку, 2009. С. 53–63.

Мусеибли 2009б — *Мусеибли Н.* Этнокультурные связи Передней Азии и Кавказа в IV тыс. до н. э. // Азербайджан — страна, связывающая Восток и Запад: Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII–IV тыс. до н. э. Междунар. симпозиум, Баку 1–3 апреля 2009 г. Берлин, 2009. С. 48–54.

Мусеибли 2010 — *Мусеибли Н.* Результаты раскопок поселения Пойлу II лейлатепинской культуры // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Сб. кратких содержаний докладов междунар. конф. Тбилиси, 2010. С. 208–211.

Резепкин 1991 — *Резепкин А. Д.* Проблема генезиса майкопской культуры // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1991. С. 72–76.

Резепкин 2006 — *Резепкин А. Д.* Металл майкопской культуры // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С. 314–318.

Резепкин 2008 — *Резепкин А. Д.* Поселение Новосвободненское // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 156–176.

Торосян 1976 — *Торосян Р. М.* Раннеземледельческое поселение Техута (IV тыс. до н. э.). Ереван, 1976 (Археологические раскопки в Армении. № 14).

Dostiyev et al. 1990 — *Dostiyev T. M., Orucov A. Ş., R?sulova M. M.* Müşkür ekspedisiyasənən 1990-cə il arxeoloji tədqiqatlarınən hesabatə. Bakə, 1990.

Kubba 1998 — *Kubba S. A. A.* Architecture and Linear Measurement during the Ubaid Period in Mesopotamia. Oxford, 1998.

Makharadze 2007 — *Makharadze Z.* Nouvelles donnees sur le chalcolithique en Georgie orientale // Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millenaires avant notre ere). Paris, 2007. P. 123–132.

Müseyibli 2006 — *Müseyibli N. Ə.* Eneolit dövrü I Böyük Kəsik yaşayəş məskənində arxeoloji qazıntılarən nəticələri // AAЕ. 2006. № 1. S. 11–27.

Müseyibli 2008 — *Müseyibli N. Ə.* Eneolit dövrü II Poylu yaşayəş yerində arxeoloji qazıntılar // AAЕ. 2008. № 1. S. 17–26.

Rezepkin 2000 — *Rezepkin A. D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Rahden. Westf., 2000 (Archäologie in Eurasien. Bd 10).

Tobler 1950 — *Tobler A. Ə.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950. Vol. 2.

Žavaxišvili 1998 — *Žavaxišvili A.* Ausgrabungen in Berikldeebi (Cida Kartli) // Georgica. 1998. Heft 21. S. 7–20 (Zeitschrift für Kultur, Sprache und Geschichte Georgiens und Kaukasiens).

LEYLA-TEPE CULTURE OF THE ENEOLITHIC PERIOD BETWEEN THE NEAR EAST AND NORTHERN CAUCASUS

N. Museibli

Most researchers agree that the creators of the Leyla-Tepe and Maikop cultures (late V–IV millennia BC) were bearers of the Near Eastern cultural traditions of the Late Ubeid and Uruk time. The Near Eastern settlements of that period usually occupy several hectares, and the thickness of their cultural layers sometimes exceeds 10 m. In the Near East the settlements with monumental buildings and temples of sun-dried earth bricks are considered the centers of proto-urban culture. Only a few sites with remains of sub-rectangular constructions made of sun-dried earth bricks have been revealed among the settlements of the Leyla-Tepe culture. No buildings of such bricks are known for the Maikop culture. Typical of the settlements of the Maikop and Leyla-Tepe cultures are first of all lightweight framed buildings. The Late Ubeid and Uruk time is characterized in the Near East by burials made within the settlement areas, including children burials in clay vessels. The Leyla-Tepe culture has both burials of the Near Eastern type and barrows located outside settlement areas. The Maikop burial sites are represented exclusively by barrows. Common for the Leyla-Tepe and Maikop pottery assemblages are round-based vessels analogous to the Near Eastern ones. In addition, the Leyla-Tepe culture has a local group of “rough pottery”. The early Maikop pottery is similar to that of the Leyla-Tepe culture, but in contradistinction to the latter the former rarely is tempered with chopped straw. Further, the Maikop culture lacks ceramic tools, which are very characteristic of both the Mesopotamian and Leyla-Tepe sites.

ЖИЛИЩА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОСВОБОДНЕНСКОЕ¹

А. Д. РЕЗЕПКИН

В течение целого ряда лет Майкопская экспедиция ИИМК РАН проводила раскопки на поселении эпохи ранней бронзы Новосвободненское, расположенном в 5 км к северу от станицы Новосвободной на невысокой террасе, на левом берегу р. Фарс. Остатки культурного слоя поселения залегают под насыпями курганов № 39 и № 40.

В результате исследования культурного слоя на площади более 1000 м² выяснено, что культурный слой был очень тонок, «в один черепок», а находки концентрировались на вымостке из гальки, которая нивелировала неровности древней дневной поверхности. Вне этой вымостки находок почти не было. Создается впечатление, что галечная вымостка была намеренно уплотнена отходами жизнедеятельности поселенцев (фрагменты керамики, кости). На вскрытой площади были встречены остатки только двух строений.

Первое строение (жилище 1) сохранилось лишь частично, почти все оно было уничтожено громадной грабительской воронкой, которая одновременно уничтожила и основное погребение кургана № 40. Сохранившаяся часть жилища находилась среди галечной вымостки и представляла собой глинобитную площадку с прямой западной стенкой из глины, уцелевшей на высоту до 12 см и длиной до 2,2 м. Она хорошо обожжена и имеет толщину до 10 см. Во внутренней части жилища прослежен пол. И стена, и пол были покрыты тонким слоем белой глиняной обмазки.

На полу, примерно в середине жилища, расположен очаг — углубление диаметром до 0,7 м, заполненное раздавленными сосудами и обожженными кусками кремня. В другой части жилища находилось несколько наковаленок (определение Г. Н. Поплевко) из плотного, хорошо полированного камня. Рядом с жилищем, на галечной вымостке был найден обломок зернотерки (Резепкин 2008).

Второе строение (постройка 2) обнаружено под насыпью кургана № 39. Удалось выявить подпрямоугольное основание строения, которое находилось на древней дневной поверхности, и галечная вымостка так же подходила к нему вплотную, как это было и в случае с жилищем 1 (рис. 1).

Стороны основания постройки 2 довольно расплывчаты — сохранившиеся южный и западный углы имеют гораздо более широкую площадь развала, чем основания самих стен. Так, ширина развала южного угла достигает 2,4 м, тогда как развал основания юго-восточной стенки — всего лишь 0,4–0,6 м. Восточный и северный углы постройки 2 не сохранились. На оставшейся части северо-западного основания стенки лежали многочисленные фрагменты двух реповидных сосудов, орнаментированных «елочкой». Восточная стенка сохра-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-18071е.

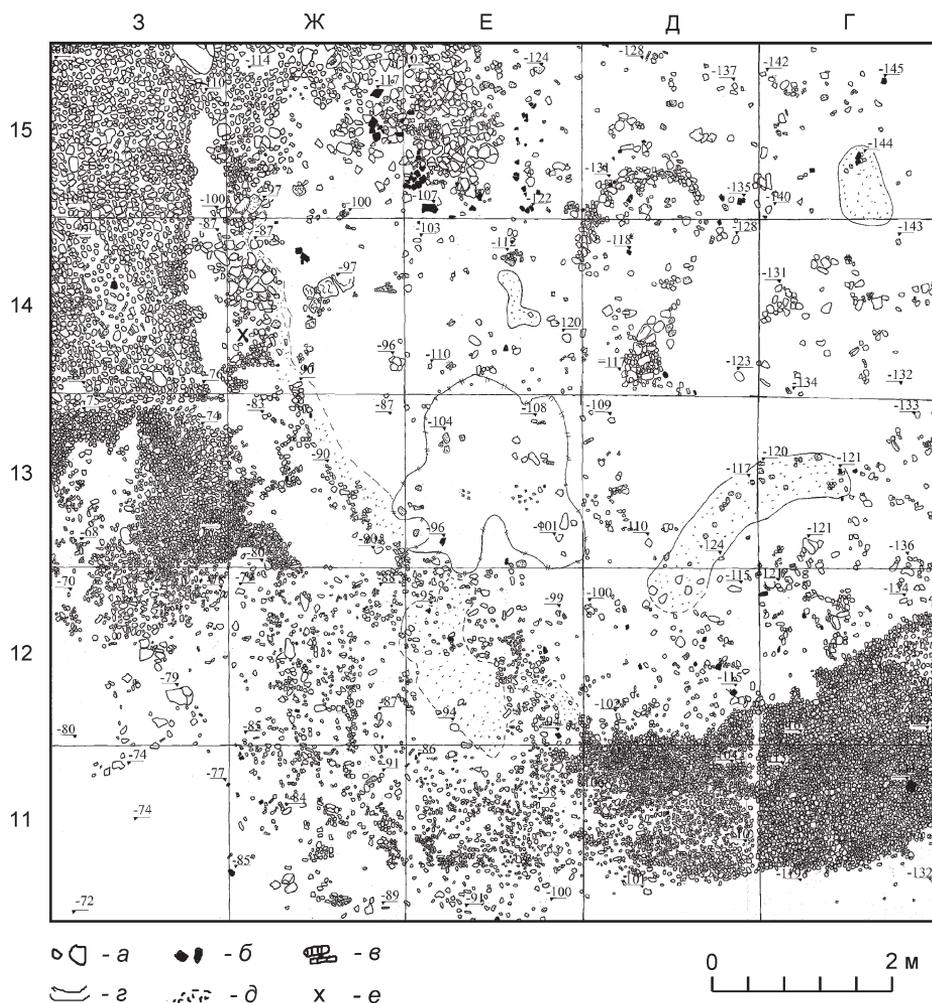

Рис. 1. Поселение Новосвободненское, постройка 2, первичная расчистка: *a* — камни; *б* — керамика; *в* — кость; *г* — границы пятен зеленой глины; *д* — турлук; *е* — скребок

нилась фрагментарно. На расстоянии 1,3 м от ее внутренней стороны и в 0,9 м от юго-восточной стенки был обнаружен округлый очаг диаметром 1,3 м (рис. 2), сложенный из крупной и мелкой гальки, выложенной в один слой. Земля на камнях очага и под ними прокалена до светло-охристого цвета. Под центральной частью очага найдено два крупных необожженных фрагмента костей животного.

Внутри постройки 2 встречены небольшие скопления мелкой гальки, редкие фрагменты керамики и кости животных. В северо-восточном углу находилось небольшое сосредоточение крупных (до 10–12 см) кусков турлука. В северо-западном углу строения, на турлучной крошке, лежали 4 крупных подчетырехугольных фрагмента турлука толщиной 5–7 см. На расстоянии 1,8 м к северу

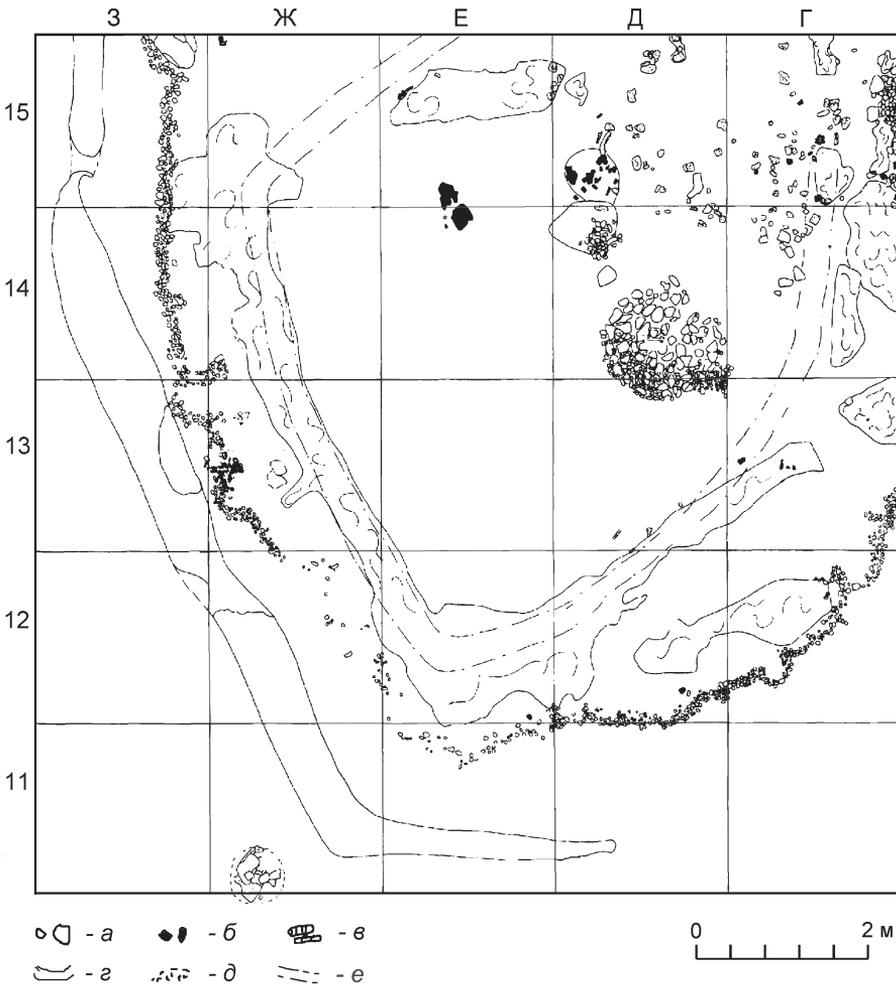

Рис. 2. Поселение Новосвободненское, постройка 2, вторичная расчистка: а — камни; б — керамика; в — кость; з — границы пятен зеленой глины; д — турлук; е — границы основания турлучной стены

от очага был найден прямоугольный фрагмент вкладыша серпа. В южной части раскопа расчищена яма диаметром 0,6 м и глубиной 0,65 м. Она была заполнена темной землей и несколькими крупными кусками турлука с отпечатками жердей и крупных веток.

С целью более четкого выделения основания стен строения 2 и окончательной разборки культурного слоя на площади поселения была убрана вся галька и тщательно зачищен культурный слой по основанию стен строения (рис. 2). В результате удалось выяснить, что основание стен было слегка углублено (до 7 см) в древнюю дневную поверхность. Разрез стены показал, что в своей основе она состояла из слоя оранжевой пережженной земли с частыми вкраплениями

ми мелких кусочков турлука. Этот слой находился в середине разреза основания стены, а по краям разреза стена состояла из мешаной земли с вкраплениями кусочков турлука и материковой глины.

Чтобы установить максимально точный план жилища, была проведена расчистка основания стен до их нижней части, углубленной в грунт. В результате более четко были выявлены южный и западный углы строения, до границы раскопа прослежена северо-западная стена строения, выявлена его юго-восточная стена. Угол между юго-восточной и западной стенами был сильно скруглен, а сохранившаяся часть самой западной стены — прямая. Северо-восточный угол строения уходит под северный край раскопа. Установленная ширина основания стены строения составляет 0,2–0,3 м. Ширина постройки 2 по линии ЮЗ–СВ — 6,2 м, по линии СЗ–ЮВ — 5,9 м (рис. 2). На расстоянии 1,3 м от северо-восточной стены и в 1,9 м от юго-западной обнаружен развал миски и фрагменты крупного чернолощеного сосуда. В 0,9 м к северо-востоку от очага выявлены две небольшие ямы, причем одна слегка прорезала другую (рис. 2). Северная яма имела диаметр 0,7 м и глубину 0,5 м, южная — диаметр 0,6 м и глубину 0,56 м. Ямы были заполнены серой землей с вкраплениями небольших фрагментов турлука, костей животных и обломков керамики.

Из фрагментов керамики, найденных в жилище 1, удалось восстановить три сосуда. Один из них, чернолощенный сосуд, имеет плоскодонную, реповидную форму, с резко выступающими плечиками в верхней трети тулова и резко отогнутым краем венчика (рис. 3, 5). В верхней части плечиков расположен орнамент в виде пяти горизонтальных рядов ямочных вдавлений. Высота этого хорошо обожженного сосуда равняется 13 см, диаметр плоского дна — 6 см, венчика — 11 см. В его тесте зафиксирована примесь известняка.

Второй, серолощенный сосуд имеет типичную реповидную форму, с короткой прямой шейкой (рис. 3, 12). Его высота достигает 46 см, диаметр плоского дна — 25 см, венчика — 22 см. В тесте этого сосуда среднего качества обжига обнаружена примесь толченого известняка.

Третий, хорошо лощенный сосуд светло-желтого цвета, имеет грушевидную форму (рис. 3, 11). Его высота составляет 51 см, высота прямой шейки — 4 см, диаметр плоского дна — 18 см, диаметр венчика — 19 см. На сохранившейся части плечика расположена плоская ручка шириной 10 см, надо полагать, что на противоположной, утраченной стороне сосуда имела такая же симметрично расположенная ручка. Сосуд хорошо обожжен, в тесте выявлена примесь известняка.

Керамика, найденная в строении 2, отличается разнообразием: венчики и верхние части горшковидных и реповидных сосудов с налепным и «елочным» орнаментом, части амфор, миски. Наиболее характерны для поселения следующие образцы керамики:

Шейка чернолощеного сосуда — с прямым венчиком и слегка отогнутым верхом (рис. 3, 1). Реконструируемый диаметр сосуда равняется 15 см. Он хорошо обожжен, в тесте зафиксирована примесь известняка.

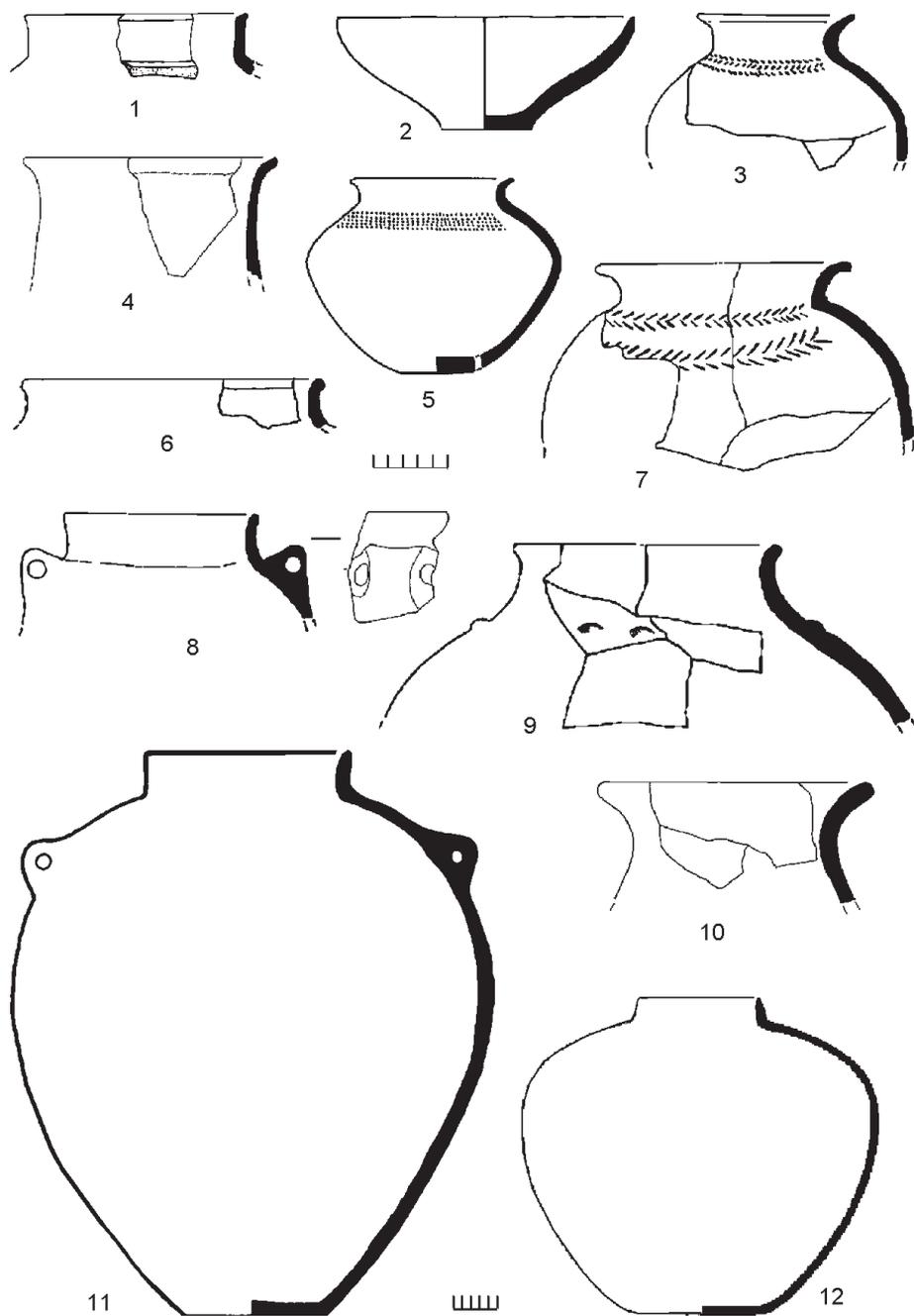

Рис. 3. Поселение Новосвободненское, сосуды: 1–4, 6–10 — из постройки 2; 5, 11, 12 — из жилища 1

Верхняя часть чернолощеной амфоры с двумя ручками, симметрично расположенными на плечиках (рис. 3, 8). Ширина ручки достигает 2,7 см, диаметр отверстия в ручке — 1,2 см. Диаметр венчика сосуда равняется 13,2 см, высота венчика — 3,3 см. Амфора хорошо обжжена, в тесте обнаружена примесь известняка.

Шейка светло-коричневого сосуда с плавно отогнутым венчиком, край которого выделен (рис. 3, 6). Реконструируемый диаметр сосуда составляет 21 см. Сосуд хорошо обожжен, в тесте выявлена примесь известняка.

Шейка светло-серого сосуда с плавно отогнутым краем (рис. 3, 4). Реконструируемый диаметр сосуда равняется 17 см, сохранившаяся высота шейки — 8 см. Сосуд хорошо обожжен, в тесте зафиксирована примесь известняка.

Шейка темно-серого сосуда с плавно и сильно отогнутым венчиком (рис. 3, 10). Его диаметр достигает 18,5 см, сохранившаяся высота шейки — 8 см. Сосуд хорошо обожжен, в тесте обнаружена примесь кварцита.

Серая миска (рис. 3, 2) с прямым венчиком и плоским хорошо выраженным дном. Диаметр венчика составляет 20 см, дна — 6 см, высота — 7,7 см. Миска хорошо обожжена, в тесте выявлена примесь известняка.

Верхняя часть светло-коричневого сосуда (рис. 3, 3) с плавно и сильно отогнутым венчиком. Диаметр венчика равняется 10,7 см, тулова — 17,5 см, сохранившаяся высота сосуда — 10,5 см. По основанию шейки расположен горизонтальный ряд «елочки». Сосуд хорошо обожжен, в тесте зафиксирована примесь известняка.

Верхняя часть чернолощеного сосуда (рис. 3, 9) с отогнутым наверху венчиком. Его диаметр достигает 18 см, сохранившаяся высота сосуда — 12 см. По основанию шейки расположены два крупных круглых налета. Сосуд хорошо обожжен, в тесте обнаружена примесь известняка.

Верхняя часть темно-серого сосуда (рис. 3, 7) с плавно и сильно отогнутым венчиком. Диаметр венчика составляет 17 см, тулова — 24,5 см, сохранившаяся высота сосуда — 14,5 см. По основанию шейки и плечикам расположены два горизонтальных ряда «елочки». Сосуд хорошо обожжен, в тесте выявлена примесь известняка.

Открытые на Новосвободненском поселении жилые строения радикально отличаются от остатков жилищ, обнаруженных на поселениях майкопской культуры. Как известно, майкопские жилища в плане имели округлую форму, стены их состояли из турлука (каркас из переплетенных прутьев, обмазанных толстым слоем глины) (Днепровский, Яковлев 1988; Днепровский 1991). Подобные жилища встречены и на гибридных, майкопско-новосвободненских поселениях (Резепкин 2004: 423, 424, рис. 1, 2), но они отсутствуют на памятниках новосвободненской культуры.

Днепровский 1991 — Днепровский К. А. Серегинское поселение эпохи ранней бронзы // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 3–19.

Днепровский, Яковлев 1988 — Днепровский К. А., Яковлев А. А. Новое поселение эпохи ранней бронзы в Закубанье // Материальная культура Востока. М., 1988. Ч. 1. С. 79–89.

Резепкин 2004 — *Резепкин А. Д.* Поселение эпохи ранней бронзы Чишхо и некоторые аспекты происхождения и хронологии майкопской культуры // Археолог: детектив и мыслитель. СПб., 2004. С. 422–436.

Резепкин 2008 — *Резепкин А. Д.* Поселение Новосвободненское // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 156–176.

EARLY BRONZE AGE DWELLINGS FROM THE SETTLEMENT OF NOVOSVODNENSKOE

A. D. Rezepkin

For the first time the remains of the Novosvobodnenskaya culture dwellings were revealed by the excavations at the settlement of Novosvobodnenskoe. As a result, it became possible to compare them with the Maikopskaya culture dwellings, represented by at least 13 objects. As distinct from the latter, the walls of the Novosvobodnenskaya subrectangular constructions lack torluk (wattle covered with clay) base. The Maikopskaya dwellings are made of torluk, they were found on both Maikopskaya and hybrid (Maikopskaya-Novosvobodnenskaya) settlements. This difference is one more argument in favor of the idea that the Novosvobodnenskaya culture had formed on a basis different from that of the Maikopskaya culture.

ДЕКОР ДВУХ ДОЛЬМЕНОВ СОЛОНИЦКОГО ХРЕБТА И ПРОБЛЕМА ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А. М. БИАНКИ

На Северо-Западном Кавказе имеются единичные дольмены, украшенные декором, который подразделяется на три типа: врезные зигзаги и треугольники, расположенные снаружи и внутри склепа, как у дольмена на р. Адегой; рельефные изображения порталов и полушаровидных выступов, образованные общим «опусканием фона», как у дольмена в Широкой Щели; сплошные шлифованные поперечные полосы, как у дольмена на р. Ачибс. Все три типа приведены в книге «Дольмены. Свидетели древних цивилизаций» (Дольмены 2001). На дольмене в ансамбле Жане (раскопки В. А. Трифонова) и на дольмене в урочище Черноморка (вблизи курорта Лазаревское), который В. И. Марковин ошибочно считал уничтоженным, выявлены сочетания двух техник — врезной и рельефной.

Декор дольменов представлен либо сплошными *композициями*, покрывающими весь фасад или интерьер склепа, либо отдельными *знаками*, расположенными на нем «случайным» образом. К последним, помимо мотивов на дольмене из Черноморки, можно отнести и обнаруженные В. А. Трифоновым изображения на Джубгском дольмене (Трифонов 2009).

В процессе каталогизации мегалитических памятников Краснодарского края (юго-запад Туапсинского района и север Лазаревского микрорайона г. Сочи с общей территорией в 700 км²), проводимой мною совместно с М. И. Кудиным, в 2011 г. недалеко от пос. Солоники в долине р. Цухвадже удалось зафиксировать группу¹ из трех дольменов, два из которых декорированы. Одновременно в долине р. Псеуапсе выявлены ранее не замеченные фрагменты аналогичного декора на давно известном дольмене.²

Обнаружение дольменов с декором является редкостью в археологии Кавказа не меньшей, чем находка полноценного комплекса находок внутри склепа.

Постановка вопроса и терминология

Вопросы интерпретации изобразительных материалов всегда сложны, но, как писал Я. А. Шер, «невозможность семантической интерпретации древних изображений из них самих вовсе не означает, что достоверное “прочтение” их смысла по каким-то правилам вообще невозможно» (Первобытное искусство... 1998: 85–86). Он предлагает — на основании опыта археологического изучения палеолитического искусства и наскальных изображений разного време-

---

¹ Эта группа, неизвестная даже местным археологам М. И. Кудину и Н. В. Кондрякову (хотя, по-видимому, один дольмен упомянут в книге — Кондряков 2010: 29, № j), была показана мне местным жителем В. Л. Миковым, за что приношу ему благодарность.

² Благодарю М. И. Кудина за точное указание местоположения памятника.

ни — некоторые «правила поведения» исследователя. Сокращенно их можно изложить как критику источника с отделением *описания* от *объяснения* и «проверкой» на одновременность; интерпретацию композиций по взаимосвязи отдельных мотивов; подход к сюжету как к тексту на неизвестном языке и «перевод» с языка зрительных образов на естественный как отдельную проблему; учет данных нейропсихологии и физиологии человека и др. (Там же: 82–113). В данной работе я представляю вновь обнаруженные материалы и пытаюсь определить методику анализа.

Оба публикуемых памятника находятся с разных сторон небольшого Солоницкого хребта, располагающегося между долинами впадающих в Черное море рек Псезуапсе (в устье лежит микрорайон Лазаревское) и Цусхвадже (в устье находится поселок Солоники). Зная дорогу по хребту, от одного до другого дольмена можно пройти за 1,5 часа.

Одиночный дольмен Лазаревский Автодром (рис. 1, 1) расположен в долине р. Псезуапсе (на ее левом берегу), в начале пос. Алексеевское, между автодромом и шоссе, ведущим на Марьино, примерно в 0,3 км от путевого столба «5 км». В основном источнике, содержащем сведения о дольменах этой территории (Кондряков 2010: 25, № 32), местонахождение памятника указано неверно. Дольмен вытесан в большой глыбе песчаника, стоящей на краю уступа первой террасы. Глыба сильно перекошена, плита покрытия разбита и сдвинута, культурный слой внутри камеры не сохранился.

Дольменный ансамбль Солоники II расположен над группой Солоники I и дачным поселком Солоники (бывший Лесхоз), в 5 км от Приморской трассы, за поселком городского типа Солоники и его верхней частью, носящей название «поселок Мирный», и за лесопильным заводом. Здесь в 1969 г. работала экспедиция В. И. Марковина, который раскопал несколько памятников в группах Солоники I и Виноградное Ущелье II (Марковин 1978: 91–92; 1997: 351–363). Как и другие группы дольменов в долине р. Цусхвадже, рассматриваемый ансамбль находится на ее правом берегу. Он состоит из трех дольменов, расположенных рядом, на краю уступа горы высотой 743 м, которая находится к северу за горой Виноградной. За уступом простирается большая частично заболоченная площадка.

Дольмен 1 этой группы представляет собой склеп, вытесанный в глыбе песчаника, расположенной на крутом склоне горы. Фасад склепа ориентирован *вверх* по склону в сторону поляны. В 20 м к В на краю того же уступа впритык друг к другу находятся дольмены 2 и 3. Склеп дольмена 1 теряется в массиве скалы. Склепы дольменов 2 и 3, хотя и вытесаны из больших камней, имеют относительно тонкие стены и, вероятно, доставлены сюда и установлены на выровненной поверхности. Склеп 1 можно уверенно назвать полумонолитным, склепы 2 и 3 относятся к типу корытообразных памятников. Два последних склепа ориентированы со склона уступа вниз, «спиной» к большой поляне, на краю которой они поставлены, и «смотрят» в сторону ручья и места его впадения в р. Цусхвадже. Дольмен 2 (рис. 1, 2) полностью разбит, причем, судя по расположению его обломков, относительно недавно. Один фрагмент фасада

находится в 10 м ниже по склону, другие части разрушенного памятника не видны среди камней и листьев. Фрагменты плиты покрытия нельзя идентифицировать. Между дольменами 1 и 2 неоязычники недавно построили стенку-скамью из камней насыпи, общей для дольменов 2 и 3. Дольмен 3 цел, утрачен лишь фрагмент плиты покрытия. Камеры всех дольменов пусты.

Главные фасады орнаментированных дольменов Лазаревский Автодром и Солоники II/2 ориентированы по единому топографическому принципу (вниз по основному склону в сторону реки), но в разных направлениях. Дольмен Лазаревский Автодром ориентирован на СЗ (азимут 308°), а дольмен Солоники II/2 на ЮВ (азимут 150°), поскольку они принадлежат к разным дольменным макроансамблям (Бианки 2010).

В процессе каталогизации все дольмены начерчены в масштабе 1 : 20. Декор фиксировался путем протирки по наложенной на фасад мягкой бумаге, причем выступающие линии декора обведены мягким фломастером. Затем отдельные прорисовки декора были сведены в общий чертеж (рис. 1, 3, 4).

Техника нанесения декора

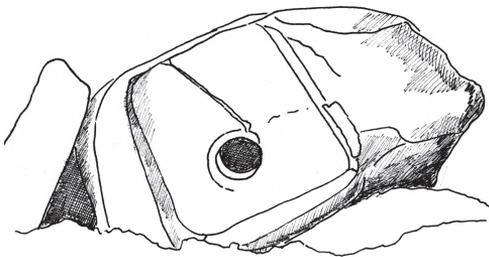
Фасады дольменов Солоники II/2 и Лазаревский Автодром декорированы каннелюрами в процессе окончательной доработки фасада, видимо, после сооружения самого склепа. Этот орнамент был нанесен либо *металлическим теслом* с последующей отделкой абразивом, либо *просто абразивом*, который должны были двигать по краю чего-то похожего на линейку. Никаких следов ударов не видно, каннелюры удивительно ровные и совершенно одинаковые. Ширина каннелюр (и инструмента?) составляет 35–45 мм. Грани каннелюр выступают на несколько миллиметров и образуют собственно рисунок.

В. И. Марковин относит к орудиям шлифовки две серии находок: плоские *круглые камни* с характерными ямками в центре и следами работы на большей поверхности, а также *каменные бруски*, узкая сторона которых по большей части имеет ширину 30 или 35–40 мм (Марковин 1997).

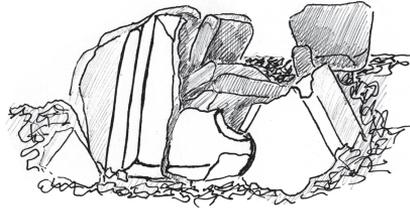
Хотя дольмен Солоники II/2 плохо сохранился, декор на обломках его фасада оказался в хорошем состоянии и может быть графически реконструирован. На полумонолитном дольмене Лазаревский Автодром орнамент, явно сделанный аналогичным методом, сохранился только в боковых частях ниши главного фасада.

С. В. Валганов указал еще на два памятника с похожим декором. *Дольмен у пос. Архипо-Осиповка* (Валганов 2004: 31, рис. 1, 23) орнаментирован сплошными горизонтальными линиями, частично сбитыми над отверстием и справа от него. *Плита главного фасада дольмена из аула Большое Псеуихо* (Там же: 146, рис. 6, 42) вероятно сплошь покрыта горизонтальными полосами. Трудно судить по публикации, являются ли эти полосы следами от шлифовки плиты в процессе ее обработки или упрощенным до примитивизма декором.

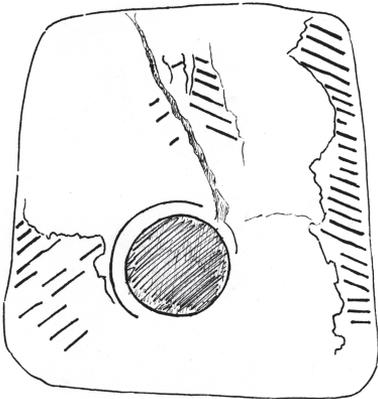
При анализе орнамента дольменных фасадов нужно учитывать и декор на выступах «ложных пробок», а также на «шляпках» «истинных пробок». Такие

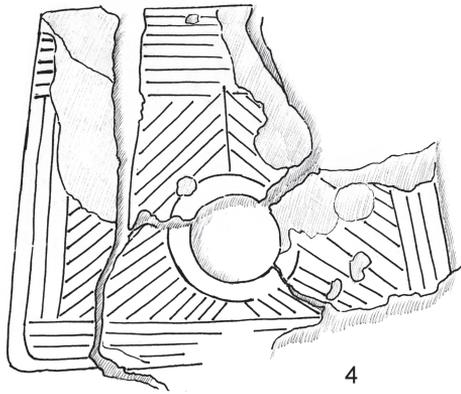
1

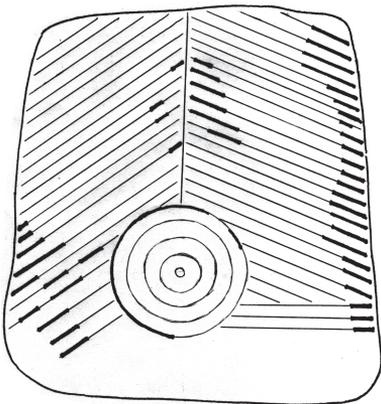
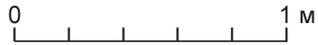
2

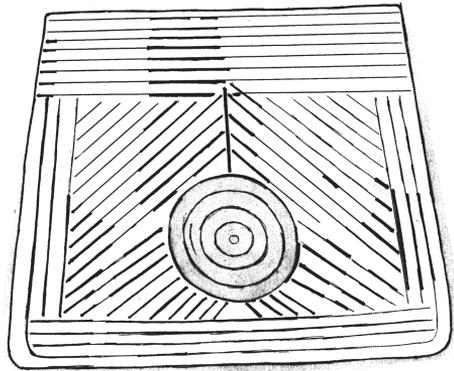
3

4

5

6

Рис. 1. Прорисовки дольменов Лазаревский Автодром (1, 3, 5) и Солоники II/2 (2, 4, 6):
1, 2 — общий вид; 3, 4 — первичная реконструкция; 5, 6 — вторичная реконструкция

детали дольмена часто имеют кольцевые выемки, превращающие их в ступенчатые. Иногда на слегка выпуклых поверхностях «пробок» выгравированы концентрические круги, имитирующие эти «ступеньки». В обоих случаях идея орнамента заключается в том, чтобы подчеркнуть выпирание «шляпки», движение *от плоскости* фасада. В определенном смысле у корытообразных и/или полумонолитных склепов весь фасад является «рельефной композицией на тему плиточного дольмена», следовательно, декором формально можно считать *все* выступающие части фасада, имитирующие плиточный дольмен. Для реконструкции символики такие фасады равнозначны.

Хотя мы практически не находим дольменные пробки *in situ* и *привыкли* видеть проделанные для них отверстия на фасаде склепов, на самом деле пробка *всегда* закрывала отверстие в фасадной плите. Принятые выражения «фальшивая пробка» и «ложнопортальный дольмен» удобны, но приводят, на мой взгляд, к наивному пониманию дольмена как утилитарного сооружения. При анализе внешнего образа этой сакральной архитектуры отверстие должно восприниматься закрытым.

На состояние декора дольменов Причерноморья влияло то обстоятельство, что они были вытесаны из песчаника. Строители дольменов легко стесывали и шлифовали этот камень, придавая блокам породы плоские поверхности, которые так же легко портились под воздействием солнца, дождя, мороза, пожаров и других причин, а главное — от их резкой смены. Разрушение происходило путем утраты поверхностных слоев плит. Их обнажаемые новые поверхности были *однопородны* и, скорее всего, *параллельны* старым. Позднее они были вновь покрыты лишайниками и мхом и, утратив светло-серый и желтый цвета, стали зеленовато-коричневыми, что создает *иллюзию древней поверхностной сохранности*.

Реконструкция первоначального декора — это обеспечение возможности целостного восприятия его исследователем, после чего только и можно ставить задачу интерпретации. На данном этапе изучения важно не превратить графическую реконструкцию орнамента в рисунок-фантазию «на тему» памятника. Поэтому реконструируемый декор воспроизведен тонкими линиями в отличие от «линий памятников». Сохранены «неправильности» декора («ошибка» справа от конца стрелы, «сбой» справа от «отверстия», непараллельность косых линий солоникского дольмена), а у дольмена Лазаревский Автодром нижняя часть оставлена незаполненной. Обрамляющая декор линия не относится к орнаменту и представляет собой границу плоскостей «картины» — это обрез «корыта» склепа вверху и середина изгиба поверхности фасада при переходе к боковым выступам и «порогу». Эта линия имитирует реальные видимые границы плоскости передней плиты составного дольмена.

Для уникального *дольмена Солоники II/2* первичная графическая реконструкция сводится к соединению рисунков обломков памятника в единый чертеж, что представляется вполне возможным, поскольку нижняя часть фасада дольмена сохранилась *in situ*, части отверстия имеются на трех фрагментах фасада, представлена и верхняя грань «корыта» склепа. Рисунок декора «археологически цел», необходимо только заполнение его утрат (на конечном чертеже

сохранившиеся части линий декора показаны более толстыми линиями). После первичной графической реконструкции (рис. 1, 4) мы получили сплошь декорированную плоскость центральной части главного фасада дольмена, в нижней трети которой место отверстия заполнено концентрическими кругами, а поверхность в целом представляет собой ковровую композицию, состоящую из рамы и центрального поля.

Декор дольмена Солоники II/2 образуют расположенные на равном расстоянии линии, разделяющие «каннелюры», что придает единый ритм всей композиции. *Рама* «ковра фасада» асимметрична и состоит из двух каём (двух каннелюр), находящихся справа и слева от центрального поля, трех таких же каём, расположенных внизу, и семи, лежащих наверху. Вне рамы остаются небольшие свободные полосы между нею и верхним обрезаем склепа, по бокам и внизу перед плавными изгибами углов ниши. Это подчеркивает цельность композиции, а также ее искусственность, ее выделение и «наложение» на фасад.

Центральное поле декора занимает композиция в виде линий, расходящихся вбок и вниз от центральной вертикали, начинающейся от каймы отверстия и идущей вверх («елочка»). Кайма отверстия шире каннелюр, но при реконструкции это можно не учитывать, поскольку кайма была закрыта и, вероятно, показывает нам лишь внешнюю границу пробки. Ниже отверстия вместо вертикальной линии находится пустое пространство. Весь мотив центрального поля напоминает стрелу со сложным отходящим вниз оперением, к которому добавлены параллельные линии сверху справа и слева. «Острые стрелы» разрезают нижнюю линию верхней каймы *отверстия*, место которого на рисунке закрыто концентрическими окружностями внутри внешней границы каймы отверстия, причем ширина окружностей равна ширине каннелюр. Аналогичный вид имеет, например, пробка дольмена I ансамбля Нихетх I, расположенного всего в 10 км от публикуемых памятников.

Боковые каймы отверстия перекрыты верхней каймой, что делает ее в нашем восприятии более важной. Боковые каймы «стоят» на нижней, а разрывание стрелой нижней линии верхней каймы дает ожидание пересечения всех ее уровней. Отсутствие вертикали внизу «привязывает» к «стреле» массив центрального выступа. А поскольку «восприятие с самого начала находится под влиянием движения, а движение... под влиянием восприятия» (Пиаже 1969: 143), — все вместе эти детали создает иллюзию движения вверх, причем композиция становится более сложной и значимой, чем это кажется при первом взгляде. Отмечу еще «нумерологию» каём — число полос сверху равно сумме полос по другим сторонам, а число правых и левых косых линий на центральном поле неодинаково и, вероятно, не имело значения.

Декор фасада *дольмена Лазаревский Автодром* можно реконструировать по аналогии с фасадом дольмена Солоники II/2, исходя из совпадения техники нанесения орнамента, размеров инструмента (ширина каннелюр) и угла наклона сохранившихся линий (рис. 1, б). К сожалению, практически вся поверхность центральной части фасада этого дольмена утрачена, только справа внизу мы видим остатки трех горизонтальных линий, но они не сочетаются с косыми линиями,

находящимися слева внизу. В таком поврежденном состоянии поверхности легко усмотреть что-то лишнее. Поэтому нижнюю часть декора на фасаде рассматриваемого дольмена я не реконструировал. Видимо, мы имеем дело с одним типом «фасадной картины», во втором случае не воплощенной до конца.

Анализ композиции главного фасада и реконструкция его семантики

Декор на главном фасаде дольмена можно рассматривать как специфическую сакральную картину, как иерофанию, как подобие иконы. Естественно, что стоящая за христианской или буддийской иконой символика значительно сложнее того, о чем мы можем думать, анализируя сакральную картину более древней мегалитической эпохи. Можно предполагать, что в какой-то степени именно для показа иконы на фасаде и выбирали место, а также географическую и топографическую ориентировку дольменов.

Попытаемся сформулировать психофизиологическую реконструкцию сенсорного поведения воспринимающего человека как передачу эмоциональных зрительных представлений об окружающем человека трехмерном пространстве и ориентированном в нем движении, которые нагружены сложной системой взглядов на мир (Пасто 1972: 344). Соответственно, описанным мотивам в геометрии фасадов можно приписать следующие значения:

концентрические круги — передача движения из их центра по перпендикуляру к плоскости, на которую они нанесены, — «на зрителя» и от дольмена. Интенсивность растет по мере роста числа окружностей (часто это подтверждается физической выпуклостью поверхности «шляпки» пробки дольмена), количество тактов движения равно количеству окружностей;

стрела и/или елочка — передача движения в одну сторону (в нашем случае — вверх), где обилие косых линий, возможно, означает интенсивность движения, которую можно по ним оценить, и «собрание» импульса со всей поверхности в рамке;

параллельные линии — передача многослойной структуры означаемого;

рама — полнота охвата поверхности, граница «ответственности» процесса, а концентричность — ее усиление. «Рама ... принадлежит скорее к пространству наблюдателя... Она является устройством наведения и фокусировки, расположенным между зрителем и изображением» (Шапиро 1972: 141), а ее пересечение есть «средство усиления выразительности; фигуры ... кажутся более активными, если они пересекают раму» (Там же: 143);

перекрывание и прерывание линий может означать разрезание и/или наложение одного на другое.

Таким образом, мы реконструируем уровень восприятия декора этих дольменов, принципиально отделяя его от построенного по совершенно другому «сценарию» следующего уровня интерпретации.

До тех пор пока обнаружение декора на дольменах исчисляется единичными случаями, его интерпретация посредством других категорий артефактов даже близких культур представляется рискованной. Сохраняет значение единствен-

ная посвященная орнаменту дольменов статья А. Ф. Лещенко (1931), который в зигзаговидных узорах, изображенных внутри и снаружи дольменов видит чуть ли не карты рек Кавказа и напоминание о пути из древней прародины. Выводы А. Ф. Лещенко разделяет и А. А. Формозов (1969: 158), обращая внимание прежде всего на более сложные типы мотивов («это совпадения не простейших зигзагообразных орнаментов, а целой серии специфических сюжетов»; Там же: 181). А. А. Формозов не занимается интерпретацией декора, ограничиваясь выводом о том, что орнамент каменных гробниц воспроизводит узор циновок (Там же: 166). В то же время он отмечает, что наружный декор «неизбежно разрушит плоскости, а с ними пропадет циклопичность, суровость всего архитектурного сооружения. Поэтому в тех редких случаях, когда на дольменах есть орнамент, он сводится к узким поясам узора... Монолитность стен этим не нарушается» (Формозов 1980: 95). Последнее положение верно и в нашем случае, хотя декор и занимает всю поверхность основной части фасада дольмена.

В. И. Марковин интерпретирует орнамент на плитах дольменов как проявление идеи возрождения в символикe погребального культа. Понимание проделанного в фасадной плите дольмена отверстия как женского полового органа, а пробки, закрывающей упомянутое отверстие, как мужского (своеобразный горизонтальный шивалингам) приводит исследователя к интерпретации шаровидных выступов на фасадах как изображения женской груди: «Дольменная постройка, плотно зарытая каменной пробкой, представляла собой вместилище умерших предков, которые магически способны были влиять на будущий достаток и плодородие. В ней заключалась сакральная сила всеобъемлющего и обильного воспроизводства» (Марковин 1978: 215). По мнению В. И. Марковина, «этой ритуальной идее были подчинены орнаментальные мотивы, изредка встречающиеся на дольменах, а также чашечные углубления и пр.», в том числе и «узор в виде зигзага» (Там же).

Тезис о том, что со временем каменные пробки дольменов эволюционируют в изображения фаллоса (Там же: 213), при отсутствии доказательной хронологии форм склепов кажется надуманным. Сама возможность сексуальных коннотаций и соответствующих параллелей из этнографии, как и использование находок фаллических монументов на Кавказе, при интерпретации мегалитических памятников представляется вполне реальной, но в целом кажется слишком упрощенной и не доказанной. У сохранившихся дольменных пробок нет никаких деталей, делающих их похожими на фаллосы. У дольменных пробок нет сужений, подобных сужениям средней части стел, упоминаемых исследователем (Там же: 212). Круглое отверстие в дольмене никак не напоминает мотив вульвы, часто встречающийся в археологических находках, начиная с эпохи палеолита. Несмотря на безусловное согласие с основным тезисом о роли предков, его обоснование в данном случае слабо связано с материалом. Дольмен является «экстравертивным» объектом, тогда как рассматриваемый подход делает его «интровертивным».

Говоря о декоре солоникского дольмена, можно считать, что древний мастер достиг того положения, когда «созерцание произведения искусства не требу-

ет усилий, это является свидетельством того, что значения в произведении доведены до совершенства. *При этом возникает ощущение космического отождествления* (курсив наш. — А. Б.), в котором достигается единство между человеком и его объектом. Таким образом, человек как бы освобождается от сознательных, рациональных усилий бытия и может свободно, уже не отягощенный бременным телом, наслаждаться космическим единством» (Пасто 1972: 165). Задача научного исследования значительно сложнее. «Поскольку художественный акт не только психофизиологически бессознателен, но и сознательно духовен, сенсомоторная идентификация художника, зрителя и космоса есть также как бы акт одухотворения космоса» (Там же: 345). Зрительное восприятие, приводящее уже на физиологическом уровне к пониманию плоской картинке как объемной и движущейся, заставляет задать вопрос: а что именно может двигаться из склепа дольмена вверх? Это невозможно сделать, не оказавшись — пусть сугубо предположительно — внутри изучаемой культуры, «приняв на веру существование веры» в могущество предков в самом конкретном смысле как некоей энергии, эманация пути которой и передается описываемым декором. Таким образом, можно попытаться кратко реконструировать семантику рассматриваемых орнаментов следующим образом: *накопленная похороненными в склепе дольмена предками сакральная энергия полностью передается вверх, горé, где должна пройти семь* (по числу горизонтальных каём в верхней части фасада дольмена) *небесных уровней*.

Этот тезис возможно подвергнуть интерпретации второго уровня — переводу на язык конкретной мифологии (в определенном смысле — на более низкий, менее абстрактный уровень). Естественно обратить внимание на два основных мотива анализируемых композиций — *стрелу* и *верхнюю кайму*. Мотив стрелы сам по себе необычайно значим в традиционной культуре, фиксированной и археологическими, и этнографическими материалами по всей планете (Калинина 2009: гл. 3). Стрела оказываетсяместилищем души, которое позволяет *улучшить ее состояние* при временном пребывании в стреле, просто *сохранить, доставить* (курсив наш. — А. Б.), например, невесте или — вместе с просьбами — предкам или богам (Там же: 150–177 и сл.). Вероятно, и в нашем случае изображение стрелы на фасаде можно объяснить как направление передачи сакральной энергии предка из дольмена — вверх, к первопредку и богам, обеспечивая связь с ними, гарантируя их помощь. Следовательно, отсутствие вертикали под центральным выступом фасада не случайно, поскольку стрела передает сакральный импульс из склепа, в котором находятся обеспечивающие благодать души погребенных.

Мотив стрелы может быть сопоставлен с мотивом Мирового древа, синтезирующего образы Древа жизни (ее источник) и Axis mundi (ее структуры) — и это может быть вторым уровнем интерпретации. Проблеме в целом посвящена монография В. Н. Топорова. Автор реконструирует в ней стадию первобытного религиозного мышления как эпоху Мирового древа и шаманизма, в которую мегалитическая культура вполне вписывается. Отмечу центральное положение на фасаде дольмена выступа/отверстия, за которым располагаются человеческие захоронения. Оно соответствует центральному положению человека

в структуре мира. Три уровня нижней каймы можно сопоставить с тремя уровнями Нижнего мира (Топоров 2010).

Таким образом, следует переходить от традиционного однозначного «установления смысла мотивов» (зигзаг — знак воды, полушаровидные выступы — знак женской груди и т. д.) к воссозданию «скрытого символизма» главного фасада и всего дольмена в целом. Представляется важным сохранять многоуровневость интерпретации от физиологии и психологии восприятия через элементарную семантику к сложным системам.

Бианки 2010 — *Бианки А. М.* Группа дольменов как тип памятников // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 96–99.

Валганов 2004 — *Валганов С. В.* Дольмены Кавказа. Реконструкция культа. М., 2004.

Дольмены 2001 — Дольмены. Свидетели древних цивилизаций. Краснодар, 2001.

Калинина 2009 — *Калинина И. В.* Очерки по исторической семантике. СПб., 2009.

Кондряков 2010 — *Кондряков Н. В.* Тайны сочинских дольменов. Майкоп, 2010.

Лещенко 1931 — *Лещенко А. Ф.* Матеріали до орнаментики дольменів на Північно-Західному Кавказі // Антропологія. Київ, 1931. № 4. С. 237–263.

Марковин 1978 — *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.

Марковин 1997 — *Марковин В. И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.

Пасто 1972 — *Пасто Т. А.* Заметки о пространственном опыте в искусстве // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.

Первобытное искусство... 1998 — Первобытное искусство: проблема происхождения / Под общей ред. Я. А. Шера. Кемерово, 1998.

Пиаже 1969 — *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969.

Топоров 2010 — *Топоров В. Н.* Мировое дерево. М., 2010. Т. 1, 2.

Трифонов 2009 — *Трифонов В. А.* Дольмен в п. Джубга (предварительные результаты исследования) // Вестник РГНФ. 2009. № 1 (54). С. 152–162.

Формозов 1969 — *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969.

Формозов 1980 — *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980.

Шапиро 1972 — *Шапиро М.* Некоторые проблемы семиотики визуального искусства. Пространство изображения и средства создания знака-образа // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.

DÉCOR OF TWO DOLMENS FROM THE SOLONETSKY RIDGE AREA AND THE PROBLEM OF ITS INTERPRETATION

A. M. Bianki

The paper presents new data about two decorated dolmens located in the region of the Solonetsky ridge (Northwestern Caucasus). The author analyzes the position of the dolmens and the technique used to decorate their facades, reconstructs the ornamental composition, and offers his interpretation of its semantics.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ САРАЗМ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ф. А. РАЗЗОКОВ

Поселение эпохи энеолита и бронзы Саразм, открытое в 1976 г., находится на левом берегу р. Зеравшан, в 15 км к западу от г. Пенджикент. В результате археологических исследований выяснено, что Саразм являлся крупным раннеземледельческим центром второй половины IV–III тыс. до н. э. с развитым гончарством, металлургией, строительным делом и обработкой камня. Выявлены также торгово-обменные и культурные связи населения Саразма с обитателями синхронных ему памятников Южной Туркмении, Северного Белуджистана, Южного Афганистана и Северного Ирана (Исаков 1991а; 1991б; Раззоков 1994; 2008; Lyonnet 1996 и др.). Эти взаимодействия во многом определили своеобразие культурного комплекса Саразма (Исаков 1991а: 29–31).

Поселение расположено на второй, надпойменной террасе Зеравшана и, судя по подъемному материалу, занимало вытянутую с запада на восток возвышенность длиной около 2 км и шириной от 400 до 600 м (Исаков 1983: 214). Большая часть этой площади находится под современной застройкой. Территория с остатками культурных напластований составляет около 48 га, однако только на площади 17 га представлен значительный по мощности культурный слой, достигающий толщины 2,2 м (три-четыре строительных горизонта). В 2010 г. поселение Саразм включено в перечень памятников культурного наследия, охраняемого ЮНЕСКО.

В ходе раскопок Саразма, которые длятся уже более 35 лет, на 12 раскопах поселения исследовано, учитывая площади вскрытых ранних слоев, свыше 7000 м². Центральная часть памятника изучена на раскопах V, XI и XII.

В последние годы работы Саразмской экспедиции были сосредоточены на раскопе XII, который А. Р. Раззоков исследует с 2005 г. вплоть до настоящего времени. На этом объекте, расположенном примерно в 35 м к западу от раскопа XI, изучены строения горизонтов 1–4, мощность которых достигает 1,8 м. В 2011 г. размеры раскопа составляли 13,7 × 23,5 м.

Самые ранние строения Саразма, относящиеся к **горизонту 1**, исследованы на площади 290 м². На этом участке частично вскрыто подпрямоугольное сооружение, ориентированное углами по странам света и состоявшее из двух внешних коридоров: северо-западного (коридор 1), северо-восточного (коридор 2) и центральной внутренней части (рис. 1, Д). Стены коридоров возведены из сырцового кирпича размером 43 × 27 × 12 см, а стены помещений в центральной части комплекса — из кирпича размером 50–51 × 33–34 × 10–11 см. С юго-востока комплекс ограничен стеной толщиной 90 см. Эта стена открыта не полностью, изучены лишь ее северо-западная часть и отрезок у юго-восточного угла. Описанная постройка располагалась на площади около 225 м².

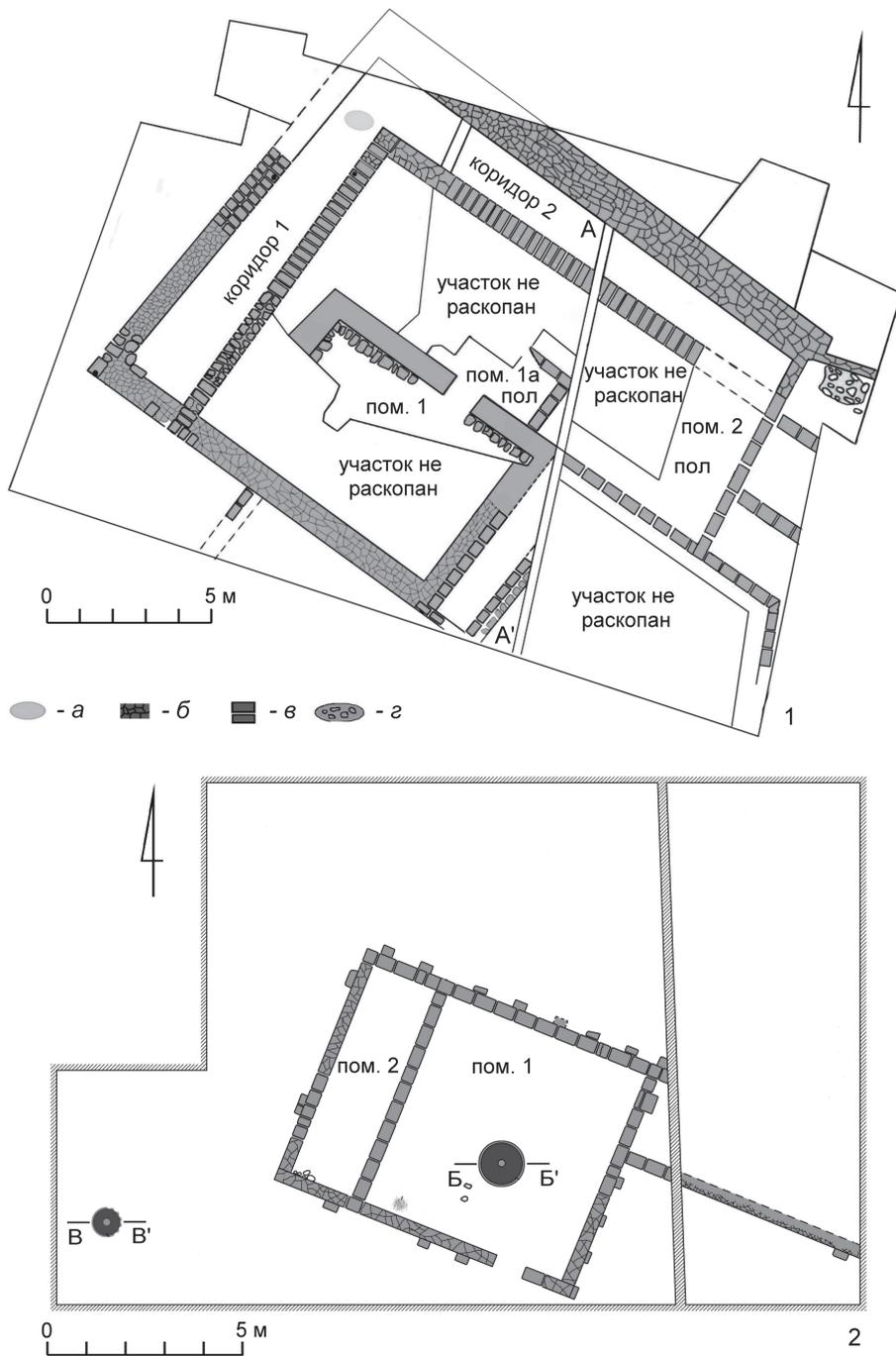

Рис. 1. Саразм, раскоп XII, планы: 1 — горизонт 1 (*a* — яма со следами горения; *b* — глиняная обмазка; *v* — сырцовый кирпич; *г* — каменный «обогреватель»); 2 — горизонт 2, здание в центральной части комплекса

Судя по уровням основания стен сооружения и их сохранности, а также, исходя из планировки вышеописанного комплекса, можно выделить два этапа его функционирования, соответствующие двум строительным горизонтам (строительным периодам). Во всяком случае, в течение двух периодов существовали коридоры 1 и 2, стены которых сохранились на высоту 1 м (рис. 2, 3).

Внутренние стены коридоров были возведены под углом по отношению к внешним, поэтому ширина коридоров на всем их протяжении неодинакова. Длина *коридора 1* равняется 16,5 м, ширина его юго-западного конца — 2,4 м, а северо-восточного — 1,7 м. Толщина внешних (северо-западной и юго-западной) стен вместе со штукатуркой составляет 90 см. Эти стены были сложены методом чередования двухрядной тычковой и трехрядной ложковой кладки. Внутренняя (юго-восточная) стена коридора 1 вместе со штукатуркой имела толщину 54 см. Покатый пол коридора 1 в его юго-западном конце был почти на 30 см выше уровня пола в его северо-восточном конце. В северном углу комплекса коридор 1 переходит в коридор 2.

Коридор 2 вытянут на 17 м по линии СЗ–ЮВ. Его внутренняя (юго-западная) стена построена так же, как юго-восточная стена коридора 1, и тоже имеет толщину около 54 см. Наружная (северо-восточная) стена намного шире, причем она сложена способом трехрядной тычковой кладки, и ее толщина вместе со штукатуркой составляет 1,5 м. Вход в коридоры не обнаружен. Возможно, он находился в северном, пока не полностью исследованном углу сооружения.

Заполнение обоих коридоров состояло в основном из строительного мусора. На их полах выявлены одна бесформенная и две круглые ямки, заполненные золой и мелкими обгоревшими костями. Судя по тому, что ямки были сильно обожжены, их использовали в качестве очагов.

В центральной части комплекса находилось прямоугольное *помещение 1* (7,8 × 5,5 м), вытянутое с северо-запада на юго-восток. Его юго-западная стена служила внешней стеной всего сооружения. В помещении 1, пол которого был неровный, вел находившийся почти в середине северо-восточной стены вход шириной 110 см. Он связывал описываемое помещение и небольшую *комнату-пристройку 1а* (2 × > 1,75 м). Последняя являлась, видимо, «вестибюлем», стены которого сложены однорядной ложковой кладкой.

В восточном углу центральной части комплекса расположено *помещение 2*. Его тонкие юго-западная и юго-восточная стены (толщина 35 см) также возведены способом однорядной ложковой кладки. Северо-восточная стена этой комнаты являлась одновременно юго-западной стеной коридора 2. Северо-западная часть помещения 2 пока не раскопана.

Полы помещений 1, 1а и 2 были покрыты тонким слоем органики зелено-вато-желтого цвета.

К юго-востоку от помещения 2 выявлены отрезки трех стен, вытянутых с северо-запада на юго-восток. Одна из них, продолжающая юго-восточную стену рассматриваемой комнаты, поворачивает на юг. Вероятно, упомянутые стены принадлежали другим помещениям комплекса. В связи с этим можно предполагать, что обширное пространство, огражденное двумя обводными (?), обо-

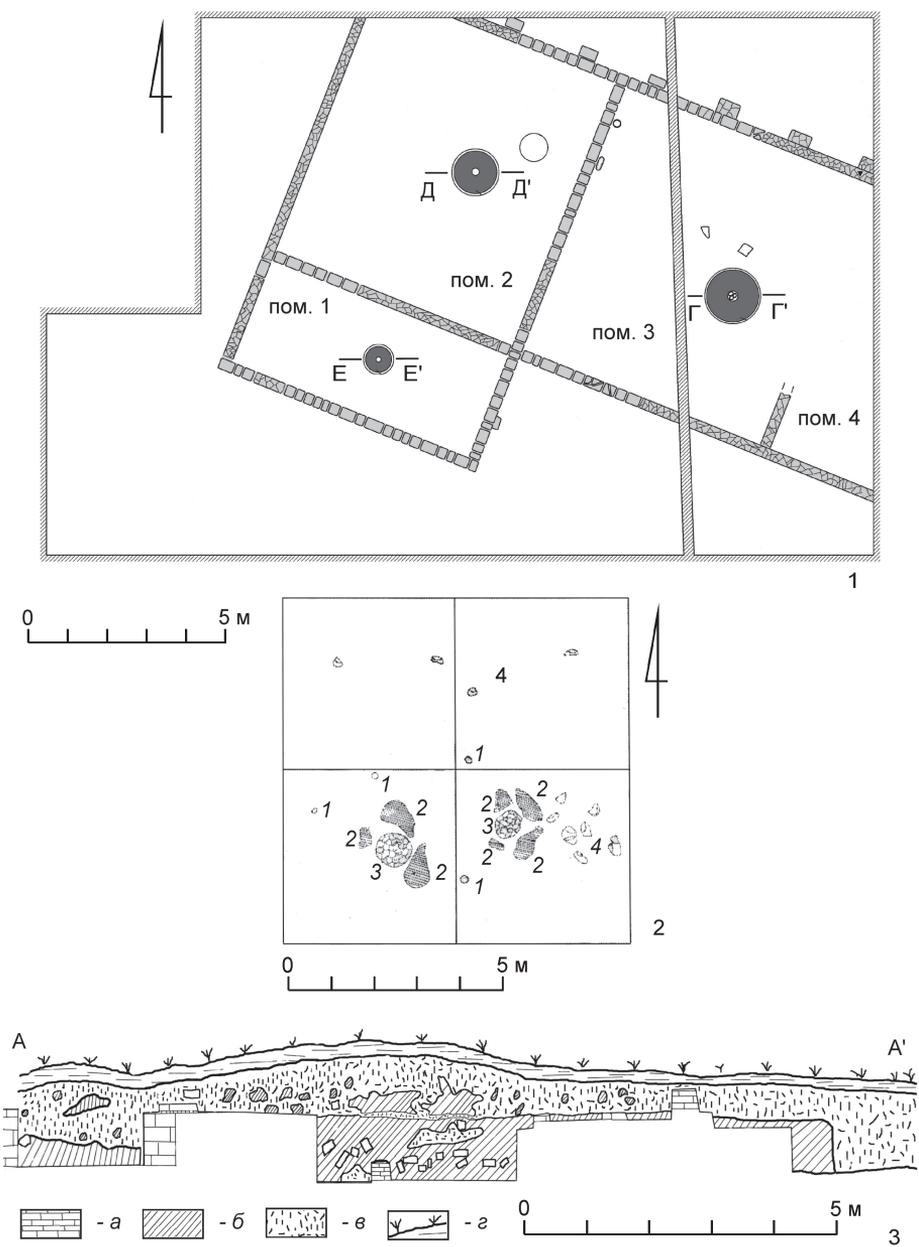

Рис. 2. Саразм, раскоп XII: 1 — план горизонта 3; 2 — план горизонта 4 центральной части раскопа; 3 — разрез А-А' (а — сырцовый кирпич; б — плотный завал; в — рыхлый завал; г — поверхностный слой)

ронительными (?) коридорами, было плотно застроено. Находки на вскрытой площади горизонта 1 отсутствуют. Изредка встречаются лишь обломки костей, видимо, домашнего скота.

При перестройке центральной части комплекса его помещения были заложены строительным мусором, в основном кирпичами разрушенных стен комнат, на высоту 0,6 м. Нижние части стен помещения 1 были использованы как фундамент для возведения новой постройки горизонта 2. Высота сохранившихся стен помещений 1, 1а, 2 горизонта 1 на 20–30 см ниже стен коридоров 1 и 2. Стены горизонта 2 сохранились на высоту 15–20 см. Их верхние части находятся на одном уровне с поверхностью стен коридоров 1 и 2 (рис. 2, 3).

Ко второму периоду раскопа XII (**горизонт 2**), кроме коридоров 1 и 2, относится двухкомнатный дом (помещения 1 и 2), ориентированный углами по сторонам света (рис. 1, 2). Его стены возведены из сырцовых кирпичей, уложенных ложком, на глиняном растворе. Внешние стены здания, толщиной до 35 см, были укреплены снаружи прямоугольными выступами-пилястрами. На северо-восточной стене постройки выявлено восемь пилястр, на противоположной юго-западной стене — три пилястры, причем две из них расположены симметрично пилястрам северо-восточной стены. На северо-западной стене обнаружены две пилястры, а на юго-восточной — шесть. Общие контуры здания с учетом толщины пилястров практически полностью повторяют контуры помещения 1 горизонта 1. Вход в дом (ширина 80 см) расположен в его юго-западной стене.

В центре помещения 1 горизонта 2 был сооружен на полу круглый очаг-алтарь на глиняном основании диаметром 1,2 м (рис. 3, 1). Высота основания составляет 10 см, а вместе с бортиком — 15 см. Диаметр и глубина лунки очага равняются соответственно 20 и 13 см. Основание очага и его лунка были обожжены до красного цвета.

На уровне горизонта 2 в юго-западном углу раскопа, за пределами обводных стен всего архитектурного комплекса был обнаружен еще один круглый плохо сохранившийся очаг-алтарь (рис. 1, 2; 3, 2). В этом же горизонте выявлена стена, перпендикулярная юго-восточной стене раскопанного дома.

К третьему периоду раскопа XII (**горизонт 3**) относится построенный по единому плану комплекс помещений, который состоял по крайней мере из четырех комнат (рис. 2, 1). Три крупных подквадратных помещения 2–4 располагались по линии СЗ–ЮВ. Их общая северо-восточная стена снаружи была укреплена (декорирована?) по крайней мере шестью прямоугольными выступами-пилястрами, ритмично расположенными через 1,4–1,55 м. К юго-западу от комнаты 2 находилось помещение 1. Ориентировка стен строений горизонта 3 совпадает с ориентировкой зданий двух предшествующих периодов. Стены и пилястры сооружения третьего периода были сложены из сырцовых кирпичей, скрепленных глиняным раствором, и оштукатурены. В связи с плохой сохранностью стен система проходов между помещениями не выявлена.

Прямоугольное *помещение 1* (6,5 × 2,8 м) вытянуто с северо-запада на юго-восток. Посреди его находился круглый очаг-алтарь на глиняном основании,

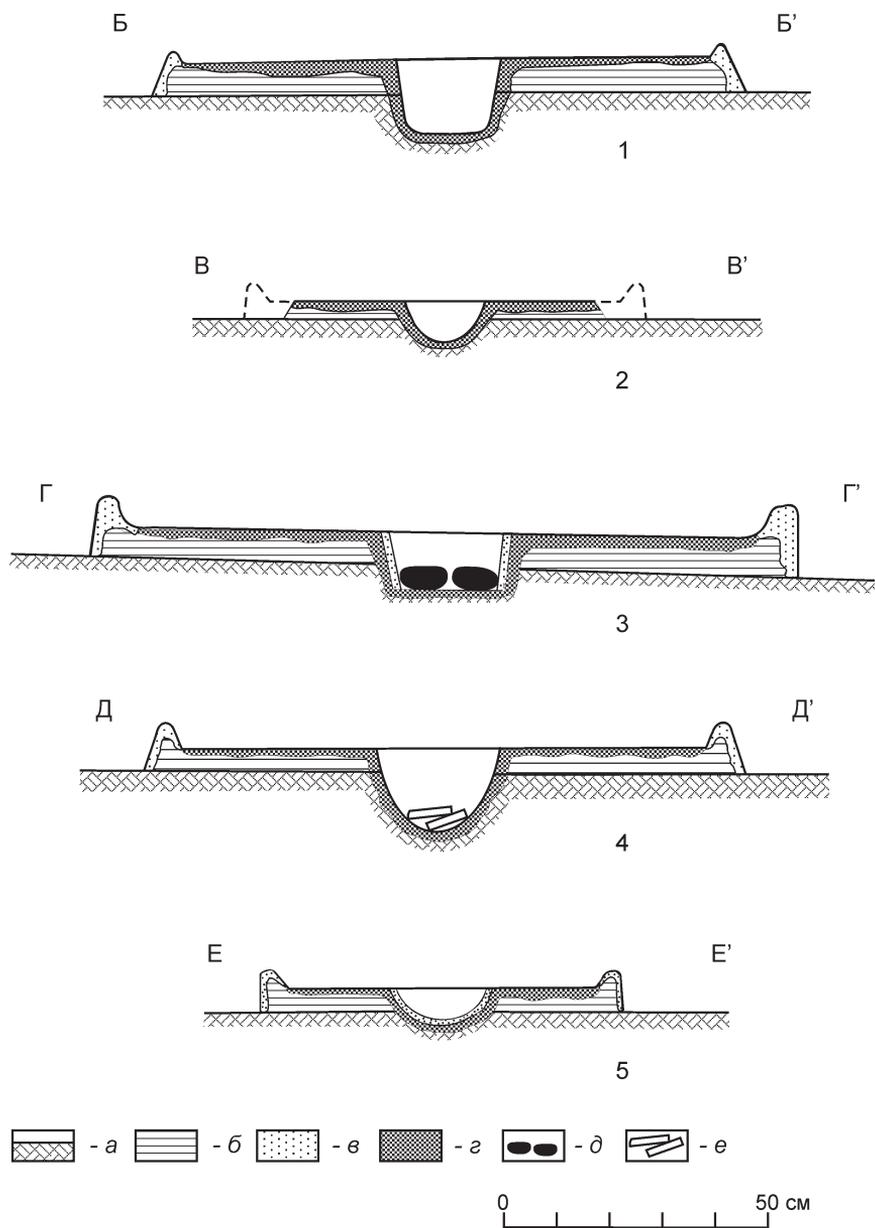

Рис. 3. Саразм, раскоп XII, очаги-алтари, разрезы: 1 и 2 — горизонт 2, пом. 1 и в юго-западном углу раскопа; 3–5 — горизонт 3 (3 — пом. 3, 4 — пом. 2, 5 — пом. 1). Условные обозначения: *a* — пол помещения; *b* — глиняная обмазка; *v* — уплотненная обмазка; *z* — прокаленная обмазка; *d* — галька; *e* — керамика

диаметр которого равняется 60 см, а высота — 5 см (рис. 3, 5). Бортики очага сохранились на высоту 3–4 см. Диаметр и глубина лунки составляли соответственно 17 и 7 см.

К северо-востоку от помещения 1 расположено подпрямоугольное *помещение 2* (7,2 × 6,5 м). На его полу находился круглый очаг-алтарь на сырцовом основании диаметром 100 см (рис. 3, 4). Диаметр и глубина лунки очага составляют соответственно 24 и 15 см. К востоку от алтаря обнаружена круглая яма диаметром 80 см и глубиной 30 см.

К юго-востоку от помещения 2 находилось подквадратное *помещение 3* [7,2 × 7 (?) м]. Его юго-восточная стена разрушена вспашкой в 1960-е гг. В западном углу комнаты, у стены обнаружена столбовая ямка, диаметр и глубина которой равняется 20 см. К югу от ямки лежала крупная удлиненная галка, видимо использовавшаяся для заклинивания основания столба. Посреди помещения выявлен круглый очаг-алтарь на сырцовом основании, диаметр которого составляет 1,5 м, а высота — 7 см. Бортики очага сохранились на высоту 6 см (рис. 3, 3).

В четвертом периоде (**горизонт 4**) в юго-западном и северо-восточном углах раскопа XII обнаружены остатки овальных выкладок из камней. Выкладка в юго-западном углу была сделана из крупных камней, один из которых представлял собой глыбу длиной 1,5 м. К северу-востоку от выкладки найдена зернотерка. В центре раскопа выявлены следы жилого сооружения типа шалаша (рис. 2, 2). От него сохранилось шесть ямок — гнезд от столбов, которые ограничивают овальное в плане основание (5 × 3,5 м) этого убежища. В его центре находился круглый (диаметр 75 см) каменный очаг-обогреватель с остатками золы и углей. Подобные наземные жилища широко представлены в ареале кельтеминарской культуры (IV–III тыс. до н. э.) в низовьях Зеравшана. Они имели деревянный каркас в виде системы столбов и балок, перекрытых сверху камышовой кровлей (Исламов 1963: 31–45). Истории появления таких жилищ в Центральной Азии и их эволюции посвящен ряд специальных исследований (Кузьмина, Лившиц 1987: 243–250). Эти сооружения имели различное устройство и разные названия у иранцев, тюрок и монголов (чадор, каппа, ханаи хырга — *иранск.*, ой, гара-ой — *тюркск.*).

Таким образом, на раскопе XII исследован монументальный комплекс с обводными коридорами, который существовал в течение двух ранних периодов (горизонты 1 и 2), причем в начале горизонта 2 центральная часть здания была перестроена. В следующем горизонте 3 на данном участке Саразма располагался многокомнатный комплекс, состоящий из крупных помещений с тремя очагами-алтарями. В самом позднем горизонте 4 сырцовые строения отсутствовали, сохранились только остатки овального наземного жилища типа шалаша.

В горизонтах 1 и 2 раскопа XII пока не обнаружено ни одного фрагмента керамики, а в горизонте 3 найдено лишь 3 обломка венчиков лепных сосудов (рис. 4, 1–3). Учитывая, что строения горизонта 1 были забутованы кирпичом, взятым из верхних частей стен постройки, можно предполагать, что перед забутовкой полы помещений были специально очищены. Анализы двух проб угля с полов коридоров 1 и 2 горизонта 1 дали даты, соответствующие последней

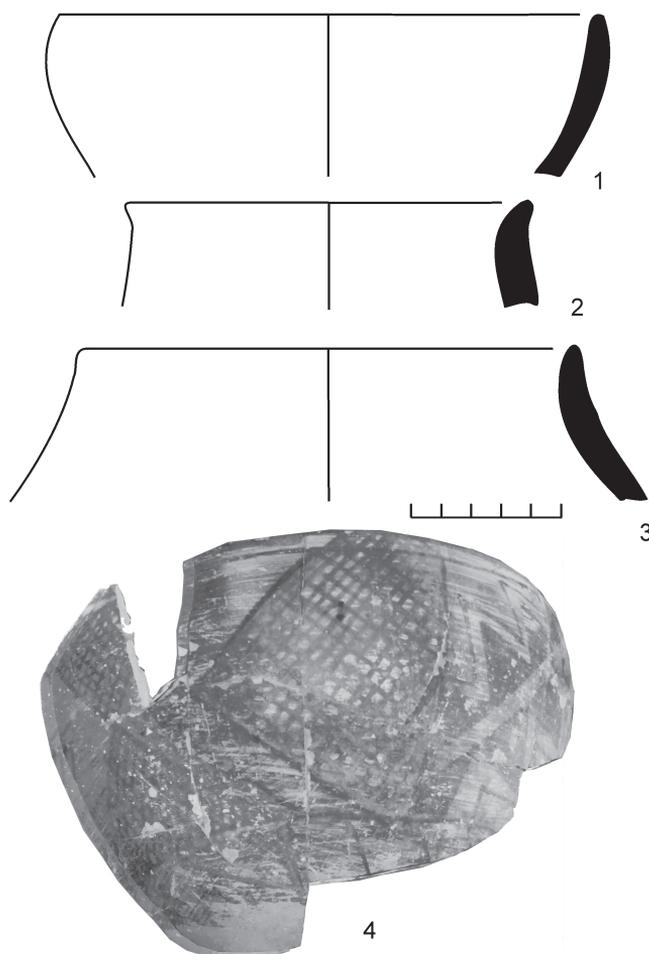

Рис. 4. Саразм, керамика: 1–3 — раскоп XII, горизонт 3; 4 — раскоп XI, горизонт 3

трети IV тыс. до н. э.: UGAMS-6858 — 4470 ± 25 BP, 3340–3080 и 3070–3020 гг. до н. э. (вероятность 96,4 %); UGAMS-6859 — 4520 ± 25 BP, 3360–3260 и 3250–3100 гг. до н. э. (вероятность 95,4 %). Коридоры с мощными стенами на раскопе XII существовали, по крайней мере, в течение двух строительных периодов (горизонты 1 и 2) и функционировали явно дольше, чем обычные дома.

Датировку горизонтов 1 и 2 раскопа XII косвенно подтверждают материалы расположенного рядом раскопа XI, где также выявлено четыре горизонта. Здесь в горизонте 2 обнаружено отдельно стоящее монументальное здание — так называемый дом с обводными коридорами (Раззиков, Курбанов 2004), а в горизонте 3 — остатки жилых и хозяйственных построек. Высотные отметки полов строений горизонтов 2 и 3 раскопа XI и горизонтов 1 и 2 раскопа XII почти совпадают. В горизонте 2 раскопа XI найдено несколько фрагментов нерас-

писных сосудов (Там же: рис. 7, 5–8; 8), а в комплексе керамики горизонта 3 раскопа XI представлена расписная чаша раннегеоксюрского типа (рис. 4, 4), прямые аналогии которой имеются на раскопе 1 поселения Геоксюр 1 (Сарианиди 1965: табл. VIII, 1) и на Алтын-депе в XVI ярусе стратиграфического раскопа 8 (Кирчо, Коробкова, Массон 2008: табл. 63, 12). Судя по этим данным, строительные остатки горизонтов 2 и 3 раскопа XI и горизонтов 1 и 2 раскопа XII относятся к последней четверти IV тыс. до н. э.

Монументальная архитектура Саразма рассмотрена первым исследователем этого поселения А. И. Исаковым. На основе данных, полученных на раскопах III, IV и V, он предположил, что сооружения неординарной планировки являлись зданиями общественного, культового и даже дворцового назначения (Исаков 1991б: 35–39, 45–49; 1994: 96, 97). Главными аргументами в поддержку своей гипотезы исследователь считал значительные размеры некоторых построек, вскрытых им на этих раскопах, а также правильную планировку упомянутых строений, их особые архитектурные детали и приемы строительства, не характерные для обычных жилищ.

Так, размеры монументальных сооружений составляли 124 м² (комплекс 1 горизонта 2 на раскопе IV), 161 м² (комплекс 1 горизонта 3 на раскопе V) и 225 м² (комплекс 1 горизонт 2 на раскопе III). Последняя постройка представляла собой квадратное здание, возведенное на мощном фундаменте. Планировка этого сооружения зеркально симметрична по оси С–Ю. Его центральная часть состояла из восьми подквадратных помещений, расположенных в два ряда по четыре комнаты в каждом. В восточной и западной частях здания находились по два коридорообразных помещения, параллельных друг другу. Строение горизонта 2 на раскопе V представляло собой круглое в плане сооружение, состоявшее из двух колец стен. К числу особых архитектурных деталей относятся многочисленные пилястры, ритмично декорировавшие стены комплекса 1 горизонта 2 на раскопе IV, равномерно расположенные пять «окон» в северной стене помещения 1 и остатки лестницы, ведущей на крышу комплекса 1 горизонта 3 на раскопе V. Исходя из таких критериев, к числу монументальных построек следует отнести «дом с обводными коридорами» (горизонт 2, раскоп XI) и двухкомнатное здание, декорированное пилястрами и окруженное коридорами с мощными стенами (горизонт 2, раскоп XII). Однако функциональное назначение этих построек пока остается неясным.

Исаков 1983 — *Исаков А. И.* Работы Косатарошского отряда в 1977 г. // АРТ. 1983. Вып. 17. С. 210–224.

Исаков 1991а — *Исаков А. И.* Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы: Дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. Л., 1991.

Исаков 1991б — *Исаков А. И.* Саразм (к вопросу становления древнеземледельческой культуры Зеравшанской долины). Душанбе, 1991.

Исаков 1994 — *Исаков А. И.* О работе международной экспедиции на поселении Саразм в 1985 г. // АРТ. 1994. Вып. 25. С. 85–99.

Исламов 1963 — *Исламов У.* Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1963. Вып. 4. С. 31–45.

Кирчо, Коробкова, Массон 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Техно-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008.

Кузьмина, Лившиц 1987 — *Кузьмина Е. Е., Лившиц В. А.* Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 243–250.

Раззоков 1994 — *Раззоков А. Р.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма (по экспериментально-трасологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1994.

Раззоков 2008 — *Раззоков А.* Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трасологическим данным). Душанбе, 2008.

Раззоков, Курбанов 2004 — *Раззоков А. Р., Курбанов Ш. Ф.* Исследования Саразмского отряда в 2003 г. // АРТ. 2004. Вып. 29. С. 174–192.

Сарианиди 1965 — *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965 (Свод археологических источников. Вып. БЗ-8, ч. 4).

Lyonnet 1996 — *Lyonnet B.* (avec la collaboration de A. Isakov). Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris, 1996.

NEW WORKS AT THE SARAZM SETTLEMENT, TADJIKISTAN

F. A. Razzokov

The settlement of Sarazm (the second half of IV–III millennia BC) was a big early agricultural centre with well developed pottery manufacture, metallurgy, metalworking, stoneworking, and building. The originality of the cultural and industrial complexes of Sarazm formed under the influence of trade and cultural contacts with South Turkmenistan, Baluchistan, Iran, etc. In the last years the works of the Sarazm Expedition have focused on excavation area XII in the central part of the settlement. There was studied a monumental complex with encircling corridors, which existed during two periods corresponding to horizons 1 and 2 (fig. 1; 2, 3; 3, 1, 2). Its inner part underwent rebuilding. A complex of numerous big enough rooms with three hearths-altars, marked by a clear layout (fig. 2, 1; 3, 3–5), was exposed in horizon 3. The last horizon (4) lacked adobe buildings; the only construction found there was represented by remains of an above-ground tent-like dwelling (fig. 2, 2). On the basis of the available radiocarbon dates and synchronization with the buildings from horizons 2 and 3 of the neighboring excavation area XI, the buildings from horizon 1 and 2 of excavation area XII can be dated to the last quarter of the IV millennium BC.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ НА ТРИПОЛЬСКОМ ПОСЕЛЕНИИ БОДАКИ

Н. Н. СКАКУН, Е. В. ЦВЕК, С. А. ГУСЕВ,
Б. И. МАТЕВА, В. В. ТЕРЁХИНА

Бодаки — один из немногих трипольских объектов, который находится в северо-западном регионе этой культуры. Памятник расположен на Волынской возвышенности, вблизи одноименного села Збаражского р-на Тернопольской обл., на левом высоком берегу р. Горынь, впадающей в приток Днепра — Припять. Поселение открыто А. Цинкаловским, который провел здесь первые археологические исследования в 1938–1939 гг. (Cynkałowski 1961; 1969). В 1970-х гг. небольшие работы вели Молдавская экспедиция ИА АН СССР и экспедиция Львовского гос. университета. Исследователи отнесли Бодаки к малоизученному северо-западному варианту трипольской культуры времени VII (IV тыс. до н. э.) по периодизации Т. С. Пассек (Пассек 1949; Черныш 1967: 157–163). В 1987 г. Энеолитическая экспедиция ИИМК РАН начала регулярные раскопки поселения, а с 2005 г. его исследования проводились в рамках совместного российско-украинского проекта (Скакун и др. 2005).

Возникновение поселка, как и освоение данного района трипольцами, было связано с наличием на Волыни месторождений высококачественного кремня. Несмотря на открытие первого металла — меди, это сырье на протяжении всего энеолитического периода в Юго-Восточной Европе оставалось основным материалом для производства большинства орудий труда (Скакун 2004). Окрестности Бодаков изобилуют выходами кремня, залегающего в известняках неглубоко от поверхности, что позволяло в древности вести его добычу открытым способом. Два месторождения находятся в непосредственной близости от границ поселка: одно — в 1 км от его восточного края, другое — в 0,1 км от западного. Кремень из этих источников характеризуется мелкозернистостью, однородностью в изломе и отсутствием трещин. Посторонние включения, затрудняющие раскалывание, выявлены редко. Чаще всего встречается черный, непрозрачный или полупрозрачный кремень. Имеются также серые полосчатые конкреции различной формы и размеров. Сырье имеет гладкую, плотную, галечную корку толщиной менее 0,1 см. Волынский кремень, наряду с донецким, считается одним из самых качественных на Украине. Добыча и обработка кремня являлись главной отраслью хозяйства на поселении, причем технология изготовления орудий достигла совершенства, позволившего получать оптимальные с технической точки зрения инструменты из крупных пластин. Эти изделия использовали не только в Триполье, но были распространены на памятниках одновременных культур на территориях Польши, Венгрии, Румынии, Молдовы. Широкий диапазон экспорта изделий, а не сырья, свидетельствует о

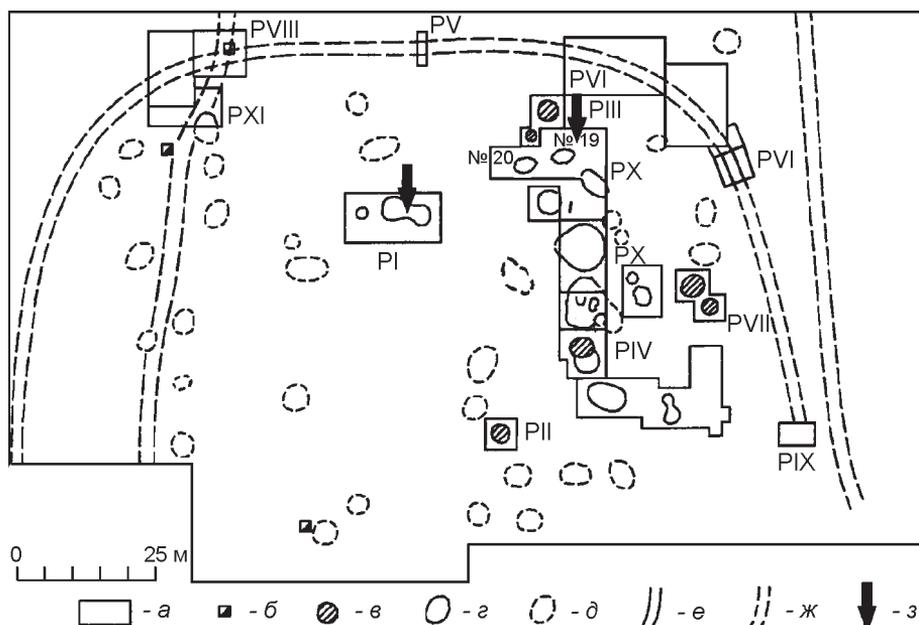

Рис. 1. Поселение Бодаки, план-схема расположения сооружений: а — раскопы; б — шурфы; в — остатки глинобитных жилищ; г — раскопанные полуземлянки и хозяйственные ямы; д — предполагаемые полуземлянки и хозяйственные ямы; е — раскопанные участки рвов; ж — нераскопанные участки рва и объекты неизвестного назначения; з — места кремнеобработки на поселении

том, что в эпоху энеолита трипольский кремнеобрабатывающий центр на Волыни был одним из крупных и развитых в Европе (Скакун и др. 2005: 64–79).

Бодаки представляли собой небольшое поселение площадью 1,5 га. В настоящее время вскрыто 20 полуземлянок, четыре из которых имели наземные глинобитные конструкции. С напольной стороны поселение окружал подковообразный в плане ров длиной 250 м (рис. 1). В центральной части поселка, в большой восьмеркообразной в плане полуземлянке площадью около 20 м² находилась общинная мастерская по обработке кремня и изготовлению орудий труда (Скакун 2004: 57–79).

В последние годы основные работы были сосредоточены в восточной части поселка, где в 2005 г. был выявлен участок с большим количеством отходов кремнеобработки. Исследования показали, что в этом месте склон береговой террасы был выровнен с помощью подсыпки материка, утрамбован и представлял собой искусственно спланированную площадку общей площадью около 40 м². Здесь было обнаружено массовое скопление кремневых изделий — около 2000 предметов. Среди них представлены отходы кремнеобрабатывающего производства: осколки кремня и первичные отщепы, а также 36 крупных нуклеусов (рис. 2, 8) и их обломки, несколько отбойников и небольшое число морфологически законченных орудий. Специфический инвентарь и археологи-

ческий контекст позволяют интерпретировать это место как открытую мастерскую по обработке кремня. Интересно отметить, что в непосредственной близости от нее была найдена нижняя часть удлиненной терракотовой женской статуэтки (длина 13,7 см). В Бодаках такой тип пластики, характерной для многих поселений этапа ВП, обнаружен впервые (рис. 2, б).

Судя по планиграфии, открытая производственная площадка располагалась в междомном пространстве, поэтому дальнейшие раскопки были связаны с исследованием участка, прилегающего к западной границе площадки. В культурном слое на уровне 0,5 м от современной поверхности кроме фрагментов керамики и кремневых артефактов были найдены имеющее подцилиндрическую форму светло-розовое глиняное грузило ткацкого станка (высота 6 см, диаметр 5 см) и фрагмент медной проволоки диаметром 0,3 см.

На расстоянии 2,5 м от западной границы рабочей площадки выявлена полуземлянка № 19. Характер ее заполнения типичен для этого вида сооружений, раскопанных ранее в Бодаках. В полуземлянке, кроме многочисленных фрагментов керамики (рис. 2, 1, 4), отходов кремнеобработки, обломков костей домашних и диких животных, найдены кремневый треугольный наконечник стрелы, обработанный с обеих сторон длинной струйчатой ретушью, треугольный наконечник дротика (рис. 2, 5), обломок отбойника, два концевых скребка на крупных пластинах, проколка, фрагмент медного украшения и миниатюрный глиняный конус. Обнаруженная здесь же подвеска из раковины морского моллюска свидетельствует, вероятно, о культурно-хозяйственных контактах трипольских племен с населением других территорий. Интересно отметить, что на поверхности нескольких отщепов, найденных в придонной части полуземлянки, имеются остатки охры. После выборки заполнения полуземлянка представляла собой восьмеркообразное в плане углубление длиной 2,9 м, шириной 2,3 м, глубиной 0,9 м от того уровня, на котором она была обнаружена. Полуземлянка имела покатые стенки и неровное дно с понижением к северу. Ее заполнение, судя по находкам обломков одного и того же сосуда во всех слоях, было единовременным. Уникальной находкой является расчищенный у юго-восточной стенки хорошо сохранившийся череп быка (определение А. К. Каспарова) (рис. 3). На важную культовую роль быка указывают многие случаи захоронения в жилищах его черепа или рогов. Эта традиция наблюдается еще в памятниках раннего Триполья. Во Флорештах обломок черепа быка был найден в землянке № 12 в слое пепла и углей рядом с фрагментами фруктоvnицы (Пассек 1961: 197). В жилище 2 Бернашевки под глиняным полом неподалеку друг от друга лежали два черепа быков рядом с фруктоvnицей (Збенович 1989: 166). Черепа быков найдены в землянке на поселении Сабатиновка II и жилище 5 Луки-Врублевцевкой (Бибиков 1953: 57).

Северо-западнее полуземлянки № 19 на одном уровне с ее верхним краем и поверхностью рабочей площадки расчищено скопление обожженной глиняной обмазки площадью 2,5 м², с хорошо прослеживаемыми отпечатками деревянных конструкций. Здесь же обнаружены крупные фрагменты керамики (в

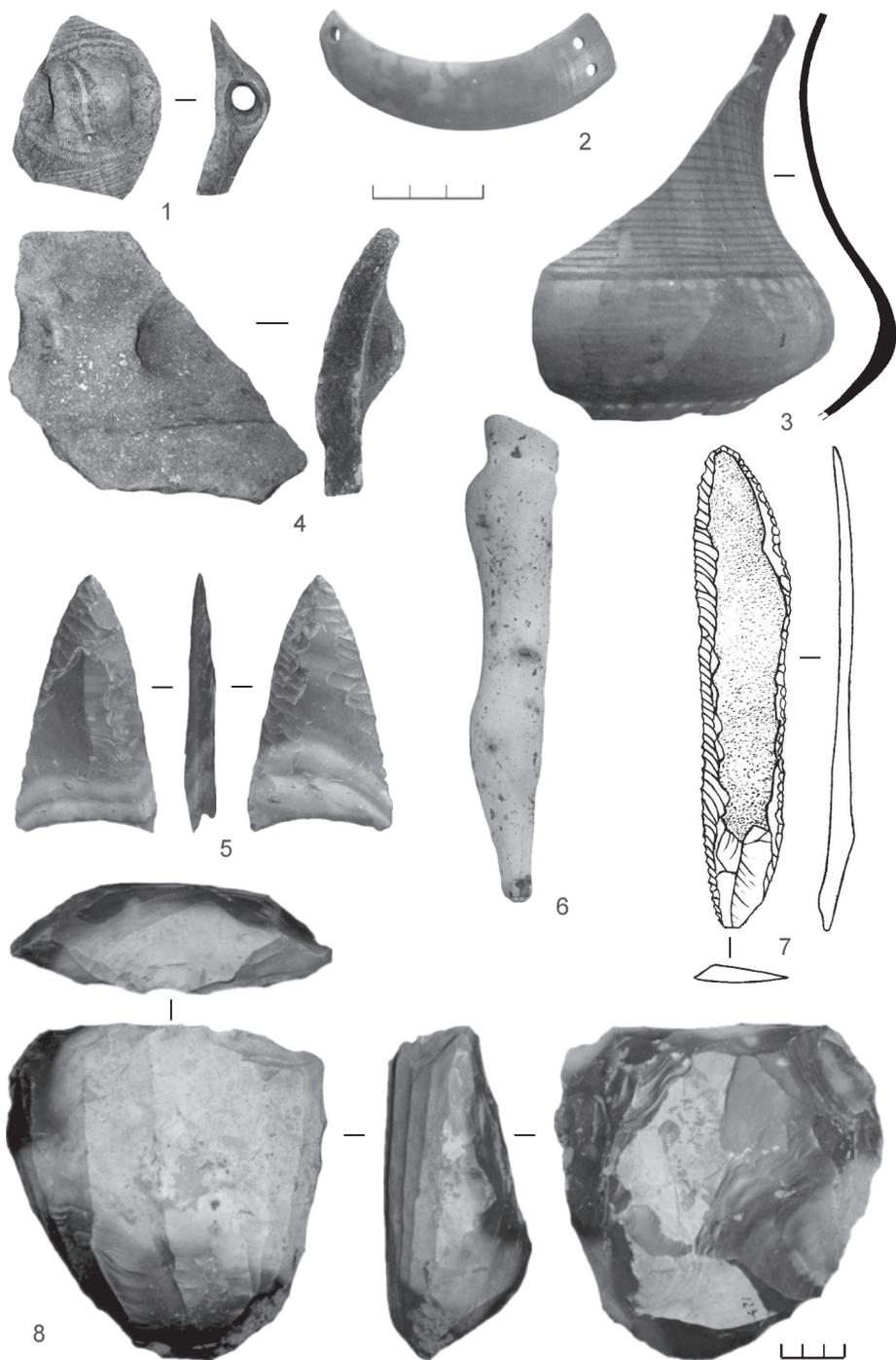

Рис. 2. Поселение Бодаки, материалы из раскопок 2010–2011 гг.: 1, 4 — керамика из полуземлянки № 19; 2 — изделие из пластины клыка кабана; 3 — кубок из полуземлянки № 20; 5 — наконечник дротика; 6 — фрагмент женской статуэтки; 7 — пластина с зубчатой ретушью из полуземлянки № 20; 8 — нуклеус

том числе обломок расписной чаши в форме бинокля или крышки) и кремневые предметы, среди которых имеются обломки нуклеусов. Большая часть керамики несет на себе следы вторичного обжига, а кремневые изделия — следы нагревания. Под обмазкой был зафиксирован контур полуземлянки № 20. В верхнем слое ее заполнения имелось пятно прокаленной почвы с золистыми включениями и угольками. Среди них найдены бессистемно расположенные обломки столовой и кухонной посуды, среди которой выделялся фрагмент стенки кубка с хорошо сохранившимся орнаментом в виде треугольников (рис. 2, 3). Из кремневых изделий обращают на себя внимание треугольный наконечник дротика с вогнутым основанием и несколько длинных крупных ретушированных пластин (рис. 2, 7). В средней части заполнения, кроме разрозненных находок, расчищено скопление крупных фрагментов сосуда с росписью черной краской, обломок дна толстостенного горшка с охрой на внутренней части, два нуклеуса, миниатюрный треугольный наконечник стрелы с вогнутым основанием, крупный концевой скребок со следами охры на поверхности. На этом же уровне обнаружено компактное скопление, включавшее несколько очень массивных отщепов с частичной галечной коркой, целую реберчатую пластину, обломки крупных правильных пластин, обломок рогового орудия, клык кабана с негативом сколотой с него пластины, изделие из пластины клыка кабана с тремя отверстиями (рис. 2, 2), костяной кочедык и несколько обломков костяных предметов неизвестного назначения. Поверхности некоторых из этих изделий покрыты крупинками охры. В придонной части полуземлянки обнаружены: нуклеус, концевой скребок на крупной пластине и орудие из лопатки крупного животного. Эта полуземлянка, имевшая длину 2,1 м, ширину 1,8 м и глубину 0,8 м от того уровня, на котором она была обнаружена, также была сооружена в форме восьмерки. Результаты разборки ее заполнения по условным уровням свидетельствуют, во-первых, об его единовременности, так как на разной глубине были обнаружены фрагменты одного и того же тонкостенного кубка с элементами росписи белой краской, а во-вторых, о том, что эта постройка имела наземную глинобитную часть.

Рядом с полуземлянкой № 20 был исследован участок, на котором по данным археомангитной разведки не было зафиксировано каких-либо сооружений. В процессе его вскрытия на площади в 104 м² обнаружены только несколько предметов: зернотерка и под ней фрагменты крупного сосуда-бинокля, а на другом участке — пластина из клыка кабана. По всей видимости, эти артефакты находились в переотложенном состоянии.

Таким образом, в настоящее время в Бодаках выявлены два типа производственных мест, связанных с кремнеобрабатывающей отраслью хозяйства. Крупная мастерская в отдельно стоящей полуземлянке, расположенной в центральной незастроенной части поселения, и открытая рабочая площадка, находившаяся в междомном пространстве (Скакун 2006: 41–44; 2011). Вероятно, это площадка функционировала одновременно с находившимися рядом полуземлянками № 19 и № 20.

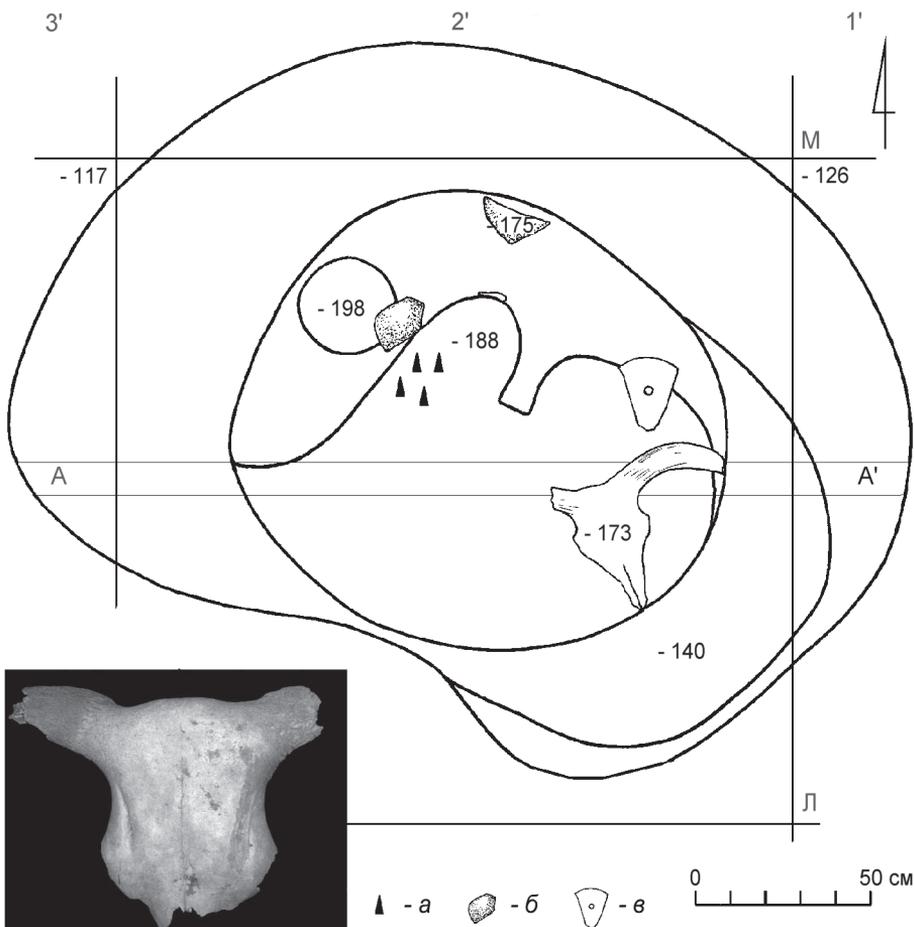

Рис. 3. Поселение Бодаки, череп быка на дне полуземлянки № 19: а — обожженная земля; б — камень; в — керамика

Одновременное существование глинобитных домов, полуземлянок и открытых рабочих площадок является интересной особенностью поселения-мастерской Бодаки и предоставляет новые факты для неутихающей научной дискуссии о характере планиграфии трипольских поселений, а также о причинах сосуществования на некоторых из них жилищ различных типов.

Судя по размеру производственных площадей и большому количеству кремневых изделий, работы в мастерской и на рабочей площадке носили общинный характер. Об общинном характере производства в мастерских Поливанова Яра пишет и Т. А. Попова (2003: 178–185). В меньшей степени обработка кремня велась рядом с жилищами, а также вне поселения (у источников кремня), где найдены следы первичной обработки сырья.

В ходе раскопок получены интересные данные, иллюстрирующие некоторые стороны духовной жизни обитателей Бодаков. Находки черепа быка, крем-

невых орудий с остатками охры на поверхности в непосредственной близости с площадкой, где производилась обработка кремня, позволяют предполагать существование культов, связанных с основной производственной деятельностью населения поселка: добычей и обработкой кремня. Существование производственных культов наблюдается и в других регионах трипольской общности (Цвек 2005: 160–167).

Раскопки в Бодаках не только принесли новые археологические материалы, характеризующие северо-западный ареал Триполья, но и позволили получить интересные данные об организации кремнеобрабатывающего производства в структуре хозяйства эпохи энеолита.

-
- Бибииков 1953 — *Бибииков С. Н.* Поселение Лука-Врублевцевская. М.; Л., 1953 (МИА. № 38).
- Збеневич 1989 — *Збеневич В. Г.* Ранний этап трипольской культуры. Киев, 1989.
- Пассек 1949 — *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений (III–II тысячелетия до н. э.). М.; Л., 1949 (МИА. № 10).
- Пассек 1961 — *Пассек Т. С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. М.; Л., 1961 (МИА № 84).
- Попова 2003 — *Попова Т. А.* Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье. СПб., 2003.
- Скакун 2004 — *Скакун Н. Н.* Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии: По материалам эпох палеолита–бронзы. СПб., 2004. С. 57–79.
- Скакун 2006 — *Скакун Н. Н.* Бодаки — крупнейший трипольский центр по обработке кремня в восточной Европе // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: Материалы тематической науч. конф. СПб., 2006. С. 41–44.
- Скакун 2011 — *Скакун Н. Н.* Поселение Бодаки — крупный кремнеобрабатывающий центр трипольской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского АС. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 278–279.
- Скакун и др. 2005 — *Скакун Н. Н., Цвек Е. В., Круц В. А., Матеева Б. И., Корвин-Пиотровский А. Г., Самзун А., Яковлева Л. М.* Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 г. Киев; СПб., 2005.
- Цвек 2005 — *Цвек О. В.* До питання виділення виробничих культурів у населення трипільської спільності // Кам'яна доба України. Київ, 2005. Вип. 7. С. 160–167.
- Черныш 1967 — *Черныш Е. К.* Трипольские мастерские по обработке кремня // КСИА. 1967. Вип. 111. С. 153–155.
- Cynkałowski 1961 — *Cynkałowski A.* Materiały do pradziejów Wołynia i Polesi Wołyńskiego. Warszawa, 1961.
- Cynkałowski 1969 — *Cynkałowski A.* Osiedle kultury trypolskiej w Bodakach nad Horyniem // Wiadomości archeologiczne. Warszawa, 1969. T. 34. S. 221–227.

LATEST FIELD WORKS AT THE TRYPOLIAN SETTLEMENT OF BODAKI

**N. N. Skakun, E. V. Tsvek, S. A. Gusev,
B. I. Mateeva, V. V. Terekhina**

The Trypolian settlement of Bodaki is situated on the Volyn' Upland, close to the village of Trypolie in the Zbarazh area of the Ternopol' region, on the high left bank of the Goryn' river. The settlement belongs to the north-western variant of the Trypolie culture and is dated to stage BII (IV millennium BC). In 2010–2011 an open flint working area situated in between houses, and semi-subterranean dwellings Nos. 19 and 20, adjacent to it, were studied completely. A bull skull was found in one of these dwellings. This find, as well as flint tools with remnants of ocher on their surfaces found in direct proximity to the flint working area, suggest the existence of cults associated with flint procurement and working — the main economic activities the inhabitants of the settlement were engaged in.

**НОВЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ ЛИПЕЦКОГО КУРГАНА № 2
(к вопросу о формировании степного и лесостепного населения
Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы)**

А. А. КАЗАРНИЦКИЙ

В 2011 г. экспедиция Государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области под руководством А. Н. Голотвина проводила охраняемые раскопки кургана № 2 Липецкого могильника, расположенного на территории с. Ленино на южной окраине г. Липецка. Могильник состоял из двух курганов. Под остатками насыпи кургана № 2 на глубине 0,2–0,4 м от поверхности были открыты три могильные ямы, отнесенные автором раскопок к доно-волжской (по А. Д. Пряхину) абашевской археологической культуре. Несмотря на то, что разрушение насыпи не позволило выявить ее стратиграфию, расположение могильных ям в одну линию, вытянутую почти строго по направлению С–Ю, дало основание утверждать, что их сооружение было если не одновременным, то, по крайней мере, близким по времени (Голотвин 2012). В погребениях находились останки десяти человек. Сохранность костей оказалась недостаточной для их полноценного исследования классическими методами физической антропологии. Тем не менее некоторую информацию о биологических особенностях и происхождении населения, оставившего эти захоронения, все же удалось извлечь. Учитывая редкость публикаций, посвященных краниологии абашевской культуры, новые материалы интересны и сами по себе, и как повод обратиться к вопросу об антропологическом составе абашевских популяций и соседствовавших с ними групп населения иной культурной атрибуции.

Определение пола и возраста погребенных, измерение и описание кранио- и остеологических характеристик, фиксация травм и патологий производились по стандартным антропологическим и криминалистическим методикам (Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966; Бужилова, 1998; Добряк 1960; Пашкова 1963). Ни один скелет полностью не сохранился, в связи с чем вычисление длины тела погребенных производилось только по продольным размерам бедренных костей, для чего использовались формулы С. Дюпертюи и Д. Хэддена, М. Троттера и Г. Глезера, рекомендованные для европеоидных популяций (Алексеев 1966). При межгрупповом сопоставлении был применен анализ канонических корреляций в рамках пакета программ для статистического анализа и визуализации данных Statistica 8.0.

В погребении 1 находились останки пяти взрослых мужчин: 20–30 л. (скелет 2), 25–35 л. (скелет 5), 30–40 л. (скелеты 3 и 4) и 40–50 л. (скелет 1). Последний, занимающий крайнее южное положение в могильной яме, помимо возраста выделяется еще двумя особенностями. Во-первых, при небольшой по сравнению с остальными погребенными длине тела (168–171 см) он имеет наи-

более сильно выраженный рельеф костей посткраниального скелета в местах прикрепления мышц. Во-вторых, на своде его черепа зафиксированы три прижизненных травматических повреждения округлой формы без следов заживления, послужившие, по всей видимости, причиной смерти. Первое повреждение поверхностное, располагается на левой теменной кости возле передней части сагиттального шва и представляет собой тонкую серповидную трещину диаметром 22 мм. Второе находится на правой теменной кости возле питательного отверстия — это более сильная травма, в результате которой образовалась вмятина глубиной около 2–3 мм и диаметром 25 мм с трещинами по краю повреждения и следами воспалительного процесса с внутренней стороны кости. Третья травма, также выявленная на правой теменной кости, смещена на 10–15 мм в дорсальном направлении от краниометрической точки зюрион. Она прослеживается лишь отчасти в связи с плохой сохранностью этой части черепа: наблюдается неполное отверстие диаметром около 25–30 мм без следов облитерации края.

Из погребения 1 был извлечен только один череп сравнительно хорошей сохранности (скелет 3), подходящий для краниометрического изучения. Еще один удалось собрать в результате проведенной реставрационной работы (скелет 1). С фрагментов черепа скелета 4 были сняты лишь несколько измерений (табл. 1). Череп скелета 1 характеризуется очень длинной, высокой от порионов, и широкой мезокранной черепной коробкой (основание разрушено, высота от базиса визуально средняя); очень широким и наклонным лбом; средневысоким и широким ортогнатным лицом, очень резко профилированным в горизонтальной плоскости; очень широкими и низкими хамеконхными орбитами; узким и невысоким мезоринным носом со средним углом выступания относительно вертикального лицевого профиля; широкими носовыми костями, чрезвычайно высоким переносьем и небом средней ширины. Череп скелета 3 имеет очень длинную и узкую гипердолихокранную черепную коробку средней высоты от порионов (высота от несохранившегося базиса визуально также средняя); среднеширокий и средненаклонный лоб; высокое ортогнатное лицо, широкое на уровне фронто-маляро-темпоральных точек, средней ширины на уровне скуловых дуг при очень малом значении назомаллярного угла и средней величине зигомаксиллярного угла; среднеширокие и очень низкие хамеконхные орбиты; узкий и высокий, лепторинный и сильно выступающий нос; среднеширокие носовые кости, высокое переносье и широкое небо. На фрагментированном черепе скелета 4 можно отметить широкий лоб, широкие и низкие хамеконхные орбиты, высокий и узкий лепторинный нос, резкую горизонтальную профилированность лица на среднем уровне, неширокие носовые кости и очень высокое переносье.

Сохранность скелетов из погребения 2 оказалась крайне плохой, в анатомическом порядке располагались только кости голеней двух человек, значительная часть останков отсутствовала, что объясняется как деятельностью землеройных животных, так и давним грабительским раскопом. При таких обстоятельствах возможны лишь приблизительные половозрастные определения. По

Таблица 1

Индивидуальные измерения мужских черепов из Липецкого кургана № 2

Краниометрический признак	Погребение 1		
	скелет 1	скелет 3	скелет 4
1. Продольный диаметр	196.0	200.0	—
8. Поперечный диаметр	149.0	133.0	—
20. Ушная высота	118.0	113.0	—
9. Наименьшая ширина лба	106.0	97.0	99.0
11. Ширина основания черепа	124.0	122.0	—
12. Ширина затылка	—	110.0	—
45. Скуловой диаметр	138.0	131.0	—
48. Верхняя высота лица	70.0	76.0	—
43. Верхняя ширина лица	107.0	107.0	—
46. Средняя ширина лица	98.5	100.0	—
60. Длина альвеолярной дуги	51.0	51.0	—
61. Ширина альвеолярной дуги	63.0	61.0	—
62. Длина неба	47.0	46.0	—
63. Ширина неба	39.0	39.0	—
55. Высота носа	50.0	53.5	56.0
54. Ширина носа	24.0	23.0	24.0
51. Ширина орбиты	45.5	42.0	44.5
52. Высота орбиты	31.5	30.0	32.0
77. Назомалярный угол	134.0	134.3	—
zm. Зигомаксиллярный угол	121.9	132.2	129.1
SC. Симотическая ширина	10.9	8.3	7.5
SS. Симотическая высота	7.4	4.4	6.0
32. Угол профиля лба	78.0	80.0	—
72. Общий лицевой угол	87.0	87.0	—
75(1). Угол выступания носа	28.0	32.0	—

всей видимости, в могиле было похоронено четыре человека: трое мужчин (двое — 25–35 л. и один — 30–40 л.) и предположительно женщина 25–30 л.

В погребении 3 находился плохо сохранившийся неполный скелет мужчины 35–45 л. На его левой теменной кости возле лямбды зафиксирован след прижизненной и благополучно зажившей травмы округлой формы диаметром 25–30 мм. Хотя облитерационный процесс стер подробности повреждения, его форма и локализация напоминают травмы скелета 1 из погребения 1. В отличие от последнего, индивид из погребения 3 не только не погиб в результате удара, но и жил после этого довольно долго. Еще одной особенностью погребенного в могиле 3 является большая длина его тела, составлявшая при жизни 185–186 см.

В среднем посткраниальный скелет погребенных в Липецком кургане № 2 может быть охарактеризован следующим образом (табл. 2): длина плечевых костей большая, окружность диафиза и массивность средние, по указателю сечения — эврибрахия; лучевые и локтевые кости массивные; по луче-плечевому индексу — мезатикеркия; ключицы длинные; длина и толщина бедренных костей на границе средних и больших значений, индекс пиялстрии невысок; продольные и поперечные размеры больших берцовых костей средние, по указателю сечения — зурикнемия; массивность бедренных и больших берцовых костей средняя. Длина тела, колеблющаяся от 167–168 см до 185–186 см, составила в среднем 173–175 см.

Высокий боевой травматизм носителей абашевской культуры широко известен благодаря коллективному погребению ее представителей в Пепкинском кургане (Лебединская, Герасимова 1966; Медникова, Лебединская 1999), где, судя по опубликованным данным, не наблюдается повреждений, напоминающих те, что отмечены на материалах Липецкого кургана № 2. Близкой, если не полной, аналогией последним являются травматические повреждения черепа из абашевского погребения в Студеновском могильнике Саратовской области, которые, по мнению авторов публикации, могли возникнуть в результате удара обухом топора, булавы или жезла-песта (Медникова, Бужилова 2002). По всей видимости, таким же тяжелым тупым оружием были нанесены три удара и индивиду 1 из погребения 1 Липецкого кургана № 2. Травмы имели фатальный характер, однако, учитывая следы воспалительного процесса, смерть наступила не сразу после столкновения, а спустя непродолжительное время.

Косвенные аргументы в пользу профессиональной воинской специализации (травмы явно небытового характера, развитая мышечная масса) и значительный по меркам эпохи бронзы возраст скелета 1 могут в целом свидетельствовать в пользу его высокого социального статуса. Вместе с ним захоронены исключительно взрослые мужчины, сохранность скелетов которых не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть насильственный характер смерти этих людей, но единовременная их кончина представляется не случайным совпадением и объясняется, вероятно, той же причиной, что и смерть индивида 1, т. е. гибелью в бою.

Внутригрупповой статистический анализ палеопопуляции, представителями которой были оставлены погребения Липецкого кургана № 2, к сожалению, невозможен ни по остеометрическим, ни по краниологическим данным в связи с их малочисленностью и плохой сохранностью. Исходя из средних показателей, можно констатировать наличие здесь высокорослого, широкоплечего европеоидного населения так называемого средиземноморского или южноевропейского краниологического типа, часто встречающегося в палеоантропологических сериях эпохи бронзы Восточной Европы, да и в более позднее время. Все остеометрические параметры укладываются в масштаб изменчивости, отмеченный в группе погребенных Пепкинского кургана (Лебединская, Герасимова 1966).

Таблица 2

Индивидуальные и средние измерения длинных костей скелетов мужчин из Липецкого кургана № 2

Остеометрический признак	Погребение 1				Погребение 3	Погребение 2, разрозненные кости ¹		n	X	sd
	скелет 2	скелет 3	скелет 1	скелет 4						
2. Длина в естественном положении Femur	471.0	467.0	442.0	–	513.0	446.0	430.0	6	461.5	29.6
8. Окружность середины диафиза Femur	91.0	94.0	88.0	–	101.0	93.0	89.0	6	92.7	4.7
1a. Наибольшая длина Tibia	393.0	–	382.0	–	425.0	369.0	378.0	5	389.4	21.7
10b. Наименьшая окружность диафиза Tibia	78.0	–	71.0	–	84.0	75.0	80.0	5	77.6	4.9
1. Наибольшая длина Humerus	–	343.0	317.0	320.0	354.0	324.0	–	5	331.6	16.1
7. Наименьшая окружность диафиза Humerus	68.0	69.0	62.0	60.0	72.0	66.0	68.0	7	66.4	4.2
1. Наибольшая длина Radius	267.0	260.0	243.0	–	–	249.0	–	4	254.8	10.8
1. Наибольшая длина Ulna	288.0	284.0	267.0	264.0	295.0	–	269.0	6	277.8	12.8
Длина тела С. Дюпертюи и Д. Хэдден М. Троттер и Г. Глезер	176.9	176.1	170.8	–	185.8	171.6	168.2	6	174.9	6.3
	175.0	174.1	168.3	–	184.8	169.2	165.5	6	172.8	6.9

¹ Кости принадлежат, по-видимому, разным индивидам. Длина тела определена по двум правым бедренным костям.

В отличие от субстратных восточноевропейских групп населения, характеризующихся более крупными поперечными размерами черепа, обладатели лептоморфного средиземноморского краниологического комплекса обычно воспринимаются исследователями как представители пришлых популяций (Акимова 1947; 1963; Алексеев 1964; Шевченко 1986; Хохлов 2010а и др.), о генезесе которых так и не сложилось единого мнения. Споры о западном или южном их происхождении обусловлены тем, что такой набор краниологических особенностей в палеометаллическую эпоху и вплоть до недавнего времени был распространен очень широко — от Западной и Южной Европы до Ближнего Востока (Козинцев 2008). Вне зависимости от решения этого вопроса несомненно, что лептоморфные группы составляли ко времени существования абашевской культуры, т. е. ко II тыс. до н. э., уже неотъемлемую часть населения Восточной Европы. Представителями этого популяционного пласта могут быть и люди, погребенные в Липецком кургане № 2.

Для дальнейшего исследования мною было сделано существенное допущение, обусловленное малой численностью новых материалов. Суть его заключается в том, что вероятность обнаружения в погребениях Липецкого кургана № 2 черепов с наиболее распространенным для населения эпохи средней бронзы данной территории набором краниологических признаков выше, чем вероятность столкнуться с их редким и тем более уникальным сочетанием. В надежде на это средняя характеристика трех неполных черепов из Липецкого кургана № 2 была использована как типичная для популяций доно-волжской абашевской культуры, населявших территорию нынешней Липецкой области, что, конечно, может оказаться преувеличением. Однако это предположение позволило провести широкое межгрупповое сопоставление анализируемых черепов с различными краниологическими сериями эпохи бронзы Северной Евразии. Насколько сделанное допущение соответствует действительности, станет известно с обнаружением новых черепов той же хронологической и территориальной принадлежности.

В качестве сравнительных материалов для межгруппового анализа использованы индивидуальные измерения 576 мужских черепов из 30 серий следующих археологических культур и могильников степной, лесостепной и лесной зон Восточной Европы, Зауралья, Западной Сибири и Закавказья: абашевская культура Чувашии (Дебец 1948; Акимова 1955; Лебединская, Герасимова 1966); волосовская культура (Алексеева и др. 1997); балановская культура (Акимова 1947; 1963); фатьяновская культура (Денисова 1975); Кивуткалнский могильник, Латвия (Там же); бабинская или культура многоваликовой керамики (Зиневич 1967; Зиневич, Круц 1968; Кондукторова 1973; Круц 1973; Круц 1984); лолинская культура (Герасимова, Калмыков 2007; Хохлов, Мимоход 2008; Казарницкий 2010); криволукская культурная группа (Хохлов, Мимоход 2008); срубная культура Ульяновской обл.: суммарная серия из могильников Кайбелы, Светлое Озеро и Красная Звезда (Герасимова 1958); срубная культура Самарской обл.: могильник Хрящевка (Дебец 1954) и могильник Лузановский (Шевченко, неопубл.); срубная культура Башкирии: могильник Старо-Ябалак-

линский (Шевченко, Юсупов 1991); срубная культура Калмыкии (Хохлов, Мимоход 2008; Шевченко, неопубл.); срубная культура Астраханской обл. (Шевченко 1986); срубная культура Ростовской обл. (Батиева 2011); катакомбная культура Калмыкии (Шевченко 1986; 2009); катакомбная культура Северного Причерноморья (Круц 1984); синташтинские памятники Зауралья (Линдстром 2002; Рыкушина 2003); потаповские памятники Приуралья (Яблонский, Хохлов 1994); алакульская культура (Гинзбург 1962; Алексеев 1964); черкаскульская культура (Акимова 1968; Шевченко 1980); андроновская (федоровская) культура южных районов Верхнего Приобья (Дремов 1997); андроновская (федоровская) культура Томского Приобья (Там же); могильники Закавказья (Армения): Шенгавит (Азизян 1963), Лчашен (Азизян 1965), Артик (Алексеев 1974), Норадуз (Там же), Ором (Мкртчян 2001).

Подборка сравнительных материалов обусловлена в основном доступностью опубликованных индивидуальных измерений. К примеру, отсутствие среди закавказских краниологических выборок серии из Самтавро (Грузия) связано с тем, что в соответствующей публикации приведены только средние значения признаков по хронологическим группам (Абдушелишвили 1964); серии из могильника Гинчи (Дагестан) опущены в связи с недоступностью данных о высоте черепов от порионов (Гаджиев 1975) и т. п. Отсутствие же серии из могильника Цамакаберд при использовании черепов из Артика и Норадуза объясняется особой причиной. Цамакабердская серия выделяется из всех использованных нами в межгрупповом анализе крайне резкой горизонтальной профилированностью лица на среднем уровне (116°) и очень сильным выступанием носа (37°) (Алексеев 1974). Так как в проведенном анализе именно на эти признаки приходится максимальная нагрузка во втором каноническом векторе, присутствие цамакабердской группы резко увеличивает размах вариаций этих параметров и снижает различия по ним среди всех остальных выборок. Поэтому в целях большей наглядности полученных результатов серия из Цамакаберда была исключена, что не сказалось принципиально на результатах исследования, так как Закавказский регион представлен достаточным количеством групп.

Итак, анализ был проведен по 19 краниометрическим признакам с подстановкой средних значений по сериям в случае отсутствия некоторых измерений. В результате наиболее информативные первые два канонических вектора (КВ) отразили в совокупности 42 % общей изменчивости, из них 25 % пришлось на первый вектор (табл. 3). Значимые нагрузки в КВ I получили продольный и поперечный диаметры мозговой коробки, скуловой диаметр и высота орбит; в КВ II — угол выступания носовых костей относительно вертикального лицевого профиля и зигомаксиллярный угол. Расположение краниологических серий в координатном пространстве первых двух векторов отражено на рис. 1.

Максимальные значения по первому вектору и минимальные по второму имеют неолитическая волосовская серия (№ 29) и входящие в одну андроновскую культурно-историческую общность черкаскульская (№ 24) и две федоровские (№ 25, 26) серии. Их объединяет относительно и абсолютно широкая черепная коробка, широкое лицо с ослабленной горизонтальной профилиро-

Таблица 3

Элементы первых двух канонических векторов

Краниометрический признак	КВ I	КВ II
1. Продольный диаметр	-0.472	0.346
8. Поперечный диаметр	0.412	-0.123
20. Ушная высота	0.136	0.079
9. Наименьшая ширина лба	0.118	0.206
45. Скуловой диаметр	0.440	-0.074
48. Верхняя высота лица	-0.203	0.290
43. Верхняя ширина лица	0.293	-0.001
46. Средняя ширина лица	-0.001	-0.189
55. Высота носа	-0.302	0.119
54. Ширина носа	0.081	-0.036
51. Ширина орбиты	-0.067	-0.091
52. Высота орбиты	-0.496	-0.113
77. Назомалярный угол	0.272	-0.290
zm. Зигомаксиллярный угол	0.162	-0.394
SC. Симотическая ширина	-0.157	-0.034
SS. Симотическая высота	-0.127	0.301
32. Угол профиля лба	0.043	-0.049
72. Общий лицевой угол	-0.030	0.090
75 (1). Угол выступания носа	0.071	0.737
Процент дисперсии	24.96	17.09

ванностью и не столь сильное, как в остальных группах, выступание носа, т. е. набор признаков, свойственный восточноевропейским европеоидным популяциям, начиная с эпохи неолита или даже ранее, и распространившийся в эпоху бронзы на восток до Западной и Южной Сибири.

Южный европеоидный краниологический комплекс признаков (рис. 1), сочетающий удлинённый череп и менее широкое, но более профилированное, чем в восточных группах, резко клиногнатное лицо с очень сильно выступающим носом, представлен в закавказских (№ 6–10), степных посткатакомбных (№ 11–13) и некоторых срубных выборках (№ 14–17), демонстрирующих средние значения координат по первому каноническому вектору и максимальные — по второму. Соседство координат перечисленных групп не требует дополнительных комментариев, так как в пользу кавказского или закавказского происхождения населения блока посткатакомбных культур и их участия в формировании более позднего населения срубной культуры существует ряд убедительных аргументов (Хохлов, Мимоход 2008; Казарницкий 2010; 2011).

Кивуткалнская (№ 1), фатьяновские (№ 2–4) и балановская (№ 5) группы характеризуются наиболее лептоморфным строением мозгового и лицевого

отделов при меньшей, чем в закавказских выборках, горизонтальной профилированности лица и выступления носа. Происхождение фатьяновского и кивуткалнского населения, судя по опубликованным антропологическим и археологическим данным, связано с кругом центральноевропейских культур шнуровой керамики (Денисова 1975; Денисова и др. 1985). Тот же генезис был первоначально установлен для краниологической серии из Балановского могильника (Акимова 1947), хотя позднее на том же материале, но под влиянием, вероятно, археологических данных (Бадер 1963), генеалогическая линия балановской популяции была выведена из кавказского региона (Акимова 1963). По результатам нашего анализа фатьяновская, балановская и кивуткалнская серии черепов демонстрируют очевидное морфологическое сходство. В связи с тем, что коллективы, оставившие фатьяновские и кивуткалнский могильники, позднее приняли участие в формировании населения балтийской языковой группы (Денисова 1975), свойственный им набор краниометрических показателей обозначен на графике как балтийский европеоидный комплекс.

Обращает на себя внимание морфологическое разнообразие краниологических серий срубной культуры: среди них присутствуют группы как с восточными, так и южными европеоидными особенностями, причем если в выборках, происходящих из восточной части ареала этой культуры, представлены оба комплекса признаков, то в сериях из южной части ее ареала фиксируются исключительно южноевропеоидные черты. Наблюдаемая картина присутствия срубных серий и в южном, и в восточном кругах европеоидных популяций во многом совпадает с результатами исследования, проведенного в меньшем территориальном масштабе для Среднего Поволжья (Хохлов 2000). Согласно одной из археологических моделей культурогенеза эпохи бронзы, мощный культурный импульс из Восточного Кавказа в финале эпохи средней бронзы привел к появлению ряда посткатакомбных культурных образований и оказал влияние на значительную часть срубного культурно-исторического пространства (Мимоход 2012). Если эта концепция верна и означенный импульс был не только культурным, но и популяционным, т. е. распространение инноваций в материальной культуре сопровождалось продвижением групп населения кавказского или закавказского происхождения (Хохлов, Мимоход 2008), то в таком случае результаты проведенного нами анализа демонстрируют постепенное уменьшение с юго-запада и запада на восток процента срубных групп южноевропеоидного происхождения и сохранение в восточных и северо-восточных районах срубного культурного мира весомых «осколков» местного восточноевропейского населения. К числу последних можно отнести, к примеру, срубные серии из могильника Лузановка Самарской обл. (№ 19) или из могильников Кайбелы, Светлое Озеро и Красная Звезда Ульяновской обл. (№ 20). Значителен субстратный восточный пласт, вероятно, и в серии из Старо-Ябалаклинского могильника срубной культуры, раскопанного в Башкирии (№ 18), а также в составе потаповских (№ 22) и синташтинских (№ 21) сообществ.

Серия абашевской культуры Чувашии, большую часть которой составляют черепа из Пепкинского кургана, занимает промежуточное положение между

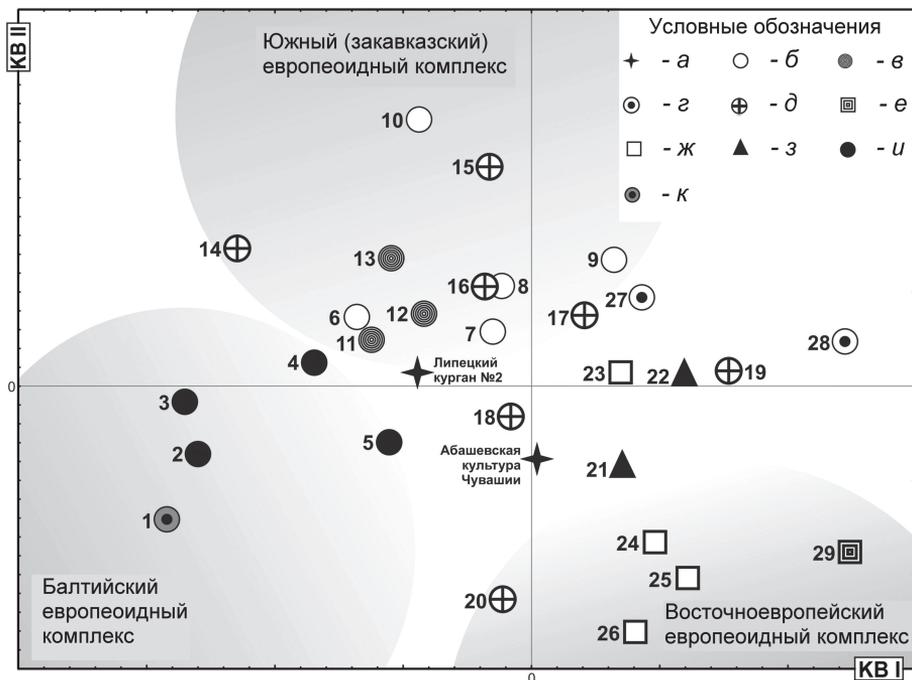

Рис. 1. Положение мужских краниологических серий эпохи бронзы Восточной Европы, Закавказья и Зауралья в пространстве первого и второго канонических векторов: 1 — Кивуткалнский могильник; 2 — первая серия фатьяновской культуры из могильников Ковровский, Ханевский, Тимофеевский; 3 — вторая серия фатьяновской культуры из могильников Воронковский, Никульцинский, Галузиновский, Наумовский, Халдеевский, Великосельский; 4 — третья серия фатьяновской культуры из могильников Болшнево II и Волосово-Даниловский; 5 — Балановский могильник; 6 — могильник Шенгавит; 7 — могильник Артик; 8 — Оромский могильник; 9 — могильник Норадуз; 10 — могильник Лчашен; 11 — посткатакомбная бабинская культура; 12 — посткатакомбная лолинская культура; 13 — посткатакомбная криволукская культурная группа; 14 — срубная культура Ростовской обл.; 15 — срубная культура Самарской обл. (могильник Хрящевка); 16 — срубная культура Калмыкии; 17 — срубная культура Астраханской обл.; 18 — срубная культура Башкирии; 19 — срубная культура Самарской обл. (могильник Лузановский); 20 — срубная культура Ульяновской обл.; 21 — синташтинские памятники; 22 — потаповские памятники; 23 — алакульская культура; 24 — черкаскульская культура; 25 — андроновская (федоровская) культура южных районов Верхнего Приобья; 26 — андроновская (федоровская) культура Томского Приобья; 27 — катакомбная культура Калмыкии; 28 — катакомбная культура Северного Причерноморья; 29 — волосовская культура. Условные обозначения: *a* — абашевская культура; *b* — могильники Закавказья; *v* — посткатакомбные культуры; *z* — катакомбные культуры; *d* — срубные культуры; *e* — волосовская культура; *ж* — андроновские культуры; *з* — синташтинские и потаповские памятники; *и* — фатьяновская и балановская культуры; *к* — Кивуткалинский могильник

балановской (№ 5) и фатьяновскими (№ 2–4) группами, с одной стороны, и синташтинской (№ 21), срубными ульяновской и башкирской (№ 20, 18) и несколькими андроновскими сериями (№ 23–26) — с другой, или между балтийским и восточным краниологическими комплексами. Сходство черепов из Балановского могильника и Пепкинского кургана уже было отмечено (Алексеев 1981), балановская же серия в рамках данного анализа отличается от родственной и предшествующей ей фатьяновской смещением в сторону серий с восточноевропейским европеоидным комплексом. Еще больше восточных черт в европеоидном масштабе демонстрирует абашевская серия Чувашии. По всей видимости, это можно трактовать как свидетельство продвижения фатьяново-балановского населения с запада на восток в Среднее Поволжье при постепенном смещении с субстратными популяциями, что и привело к формированию краниологического комплекса носителей средневолжской абашевской культуры.

Необходимо подчеркнуть, что хотя почти все доступные по публикациям мужские черепа носителей абашевской культуры происходят с территории Чувашии (могильники Абашево, Ольгаши, Тауш-Касы, Пепкинский курган) и объединены в нашем анализе в соответствующую серию, известны еще два мужских черепа из могильника Съезжее Самарской области, первоначально опубликованные как энеолитические (Шевченко 1980), но недавно вновь появившиеся в печати уже с абашевской культурной атрибуцией (Хохлов 2010б). Эти черепа демонстрируют еще более восточный или, по мнению автора их повторной публикации, уралоидный комплекс (Там же). Видимо, носители абашевских культурных традиций, чем дальше на восток, тем меньше отличались от местных жителей Приуралья и Зауралья. Следовательно, при очевидном культурном абашевском влиянии популяционная структура уральского населения оставалась прежней (Хохлов 1996). Разумеется, подобные замечания, основанные на нерепрезентативных антропологических материалах, носят предварительный характер и требуют более строгой аргументации.

Обратимся, наконец, к основной цели межгруппового сопоставления — положению группы черепов из Липецкого кургана № 2. Она отдалена от абашевской серии Чувашии, хотя и не очень значительно, что можно трактовать как свидетельство некоторого морфологического сходства между ними. Однако сходство это сравнительно отдаленное и может быть связано, например, с общей балановской популяционной основой, так как от балановской серии чувашская и липецкая выборки отдалены почти в равной степени, но в разных направлениях. При этом, в отличие от чувашской абашевской группы, липецкая в многомерном пространстве канонического анализа сместилась в сторону южноевропеоидных серий — закавказских и, в особенности, посткатакомбных.

Таким образом, разнообразие морфологии абашевских черепов, не раз отмеченное исследователями на основе единичных наблюдений (Дебец 1948; Герасимов 1955; Лебединская, Герасимова 1966; Акимова 1968; Шевченко 1986; Хохлов 1996; 2010а; 2010б), подтверждается и при сравнении новых липецких материалов с суммарной абашевской выборкой из Чувашии на фоне тридцати краниологических серий Восточной Европы, Закавказья, Зауралья и Западной

Сибири. Если принять краниологическую характеристику черепов из Липецкого кургана № 2 как наиболее распространенную среди носителей доно-волжской абашевской культуры, то они могут быть связаны с населением, оставившим памятники абашевской культуры Чувашии, лишь отдаленным родством, обусловленным, возможно, общностью происхождения, восходящего к популяциям балановской или фатьяновской культур. Сотни километров, разделявшие чувашскую и липецкую абашевские популяции, обусловили различное направление микроэволюционных процессов и метисации. Если первая оказалась в окружении и под несомненным влиянием восточноевропейского или приуральского субстратного населения, то вторая включила в себя некие южные по происхождению группы, проникновение которых с рубежа III—II тыс. до н. э. по крайней мере в степную полосу Восточной Европы не вызывает сомнений (Казарницкий 2011).

АБДУШЕЛИШВИЛИ 1964 — *Абдушелишвили М. Г.* Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964.

Азизян 1963 — *Азизян Г.* О черепках из энеолитических погребений в районе Шенгавита // ИФЖ. 1963. № 3. С. 327–332.

Азизян 1965 — *Азизян Г.* Палеоантропологический материал из погребений у селения Лчашен // ИФЖ. 1965. № 3. С. 306–316.

Акимова 1947 — *Акимова М. С.* Антропологический тип населения фатьяновской культуры // ТИЭ. 1947. Т. 1. С. 268–282.

Акимова 1955 — *Акимова М. С.* Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. 1955. Т. 23. С. 78–92.

Акимова 1963 — *Акимова М. С.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // *Бадер О. Н.* Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963. С. 322–362.

Акимова 1968 — *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

Алексеев 1964 — *Алексеев В. П.* Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Ташкент, 1964. С. 20–28.

Алексеев 1966 — *Алексеев В. П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.

Алексеев 1974 — *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

Алексеев 1981 — *Алексеев В. П.* К палеоантропологии ананьинской культуры // СЭ. 1981. № 4. С. 53–62.

Алексеев, Дебец 1964 — *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

Алексеева и др. 1997 — *Алексеева Т. И., Денисова Р. Я., Козловская М. В.* и др. Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок). М., 1997.

Бадер 1963 — *Бадер О. Н.* Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.

Батиева 2011 — *Батиева Е. Ф.* Антропологические материалы из срубных погребений междуречья Дона и Чира // *Шарафутдинова Э. С., Житников В. Г.* Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). СПб., 2011. С. 162–176.

Бужилова 1998 — *Бужилова А. П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–146.

- Гаджиев 1975 — *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975.
- Герасимов 1955 — *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу // ТИЭ. Т. 28. М., 1955.
- Герасимова 1958 — *Герасимова М. М.* Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 72–77.
- Герасимова, Калмыков 2007 — *Герасимова М. М., Калмыков А. А.* Палеоантропологические исследования погребений лолинской культуры // ВА. 2007. № 15, ч. 2. С. 246–255.
- Гинзбург 1962 — *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы (Захоронения могильника Тасты-Бутак I в Актыобинской области) // *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л., 1962. С. 186–198.
- Голотвин 2012 — *Голотвин А. Н.* Раскопки кургана № 2 Липецкого могильника (предварительное сообщение) // Археологические открытия 2011 года в Липецкой области. Липецк, 2012. С. 2–3.
- Дебец 1948 — *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948 (ТИЭ. Т. 4).
- Дебец 1954 — *Дебец Г. Ф.* Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // МИА. 1954. № 42. С. 485–499.
- Денисова 1975 — *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975.
- Денисова и др. 1985 — *Денисова Р. Я., Грудонис Я. Я., Граверс Р. У.* Кивукалнский могильник эпохи бронзы. Рига, 1985.
- Добряк 1960 — *Добряк В. И.* Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев, 1960.
- Дремов 1997 — *Дремов В. А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск, 1997.
- Зиневич 1967 — *Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967.
- Зиневич, Круц 1968 — *Зиневич Г. П., Круц С. I.* Антропологічна характеристика давнього населення території України. Київ, 1968.
- Казарницкий 2010 — *Казарницкий А. А.* Краниология лолинской культуры // ВААЭ. 2010. № 1 (12). С. 132–140.
- Казарницкий 2011 — *Казарницкий А. А.* Население эпохи бронзы в степях Северо-Западного Прикаспия // ЗИИМК. 2011. № 6. С. 133–142.
- Козинцев 2008 — *Козинцев А. Г.* Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // АЭАЕ. 2008. № 4 (36). С. 140–144.
- Кондукторова 1973 — *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973.
- Круц 1973 — *Круц С. I.* Палеоантропологічні матеріали Вільнянська експедиції. Київ, 1973 (Матеріали з антропології України. Вип. 7).
- Круц 1984 — *Круц С. И.* Палеоантропологические исследования степного Поднепровья (эпоха бронзы). Киев, 1984.
- Лебединская, Герасимова 1966 — *Лебединская Г. В., Герасимова М. М.* Абашевский человек // *Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М.* Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966. С. 37–46.
- Линдстром 2002 — *Линдстром Р. У.* Антропологические характеристики популяции кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь. Челябинск, 2002. Кн. 1. С. 159–164.
- Медникова, Бужилова 2002 — *Медникова М. Б., Бужилова А. П.* К вопросу о травматических повреждениях среди абашевского населения // Российская археология. 2002. № 2. С. 162–164.
- Медникова, Лебединская 1999 — *Медникова М. Б., Лебединская Г. В.* Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 200–216.
- Мимоход 2012 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура: Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2012.
- Мкртчян 2001 — *Мкртчян Р. А.* Палеоантропология Оромского могильника. Ереван, 2001 (Материалы по антропологии Армении. Вып. 1).
- Пашкова 1963 — *Пашкова В. И.* Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
- Рыкушина 2003 — *Рыкушина Г. В.* Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 345–360.

Хохлов 1996 — *Хохлов А. А.* Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потаповской культурной общности // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: ТД. Уфа, 1996. С. 42–44.

Хохлов 2000 — *Хохлов А. А.* Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. М., 2000. Ч. 2. С. 217–242.

Хохлов 2010а — *Хохлов А. А.* О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим—Синташта: древнее наследие Южного Урала. Челябинск, 2010. Ч. 2. С. 112–132.

Хохлов 2010б — *Хохлов А. А.* Раритетные палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы Самарского Поволжья и Приуралья // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, № 6 (38). С. 248–251.

Хохлов, Мимоход 2008 — *Хохлов А. А., Мимоход Р. А.* Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // ВА. 2008. № 16. С. 44–69.

Шевченко 1980 — *Шевченко А. В.* Антропологическая характеристика населения чераскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. М., 1980. С. 163–183.

Шевченко 1986 — *Шевченко А. В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 121–215.

Шевченко 2009 — *Шевченко А. В.* Краниологические материалы из могильников эпохи бронзы Калмыкии // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. СПб., 2009. С. 235–267.

Шевченко, Юсупов 1991 — *Шевченко А. В., Юсупов Р. М.* Краниологические материалы из Старо-Ябалаклинского могильника // *Горбунов В. С., Морозов Ю. А.* Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991. С. 101–115.

Яблонский, Хохлов 1994 — *Яблонский Л. Т., Хохлов А. А.* Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. С. 186–205.

NEW CRANIOLOGICAL MATERIALS FROM LIPETSK BARROW NO. 2

(to the question of the formation of the steppe and forest-steppe
populations of East Europe during the Middle and the Late Bronze Age)

A. A. Kazarnitsky

The paper presents new paleoanthropological materials from Lipetsk barrow No. 2, dated to the middle stage of the Bronze Age. Inter-group comparison of the Middle and Late Bronze Age craniological series from East Europe, South Caucasus, and Trans-Urals was based on individual measurements of 576 skulls from 30 groups, and multivariate canonical analysis. As a result, it has been established that people who left the Abashevo culture sites in the Lipetsk region were anthropologically different from representatives of the same cultural tradition in Chuvashia. As distinct from the latter, the skulls from Lipetsk barrow No. 2 show the greatest morphological similarity to the series of skulls found in the burials of the post-Catacomb block of cultures.

НОВЫЕ НАХОДКИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ АЛДЫ-БЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУВЕ

ВЛ. А. СЕМЕНОВ

В 2006–2008 гг. Тувинская экспедиция ИИМК РАН проводила раскопки скифских курганов в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Весной и летом уровень воды в резервуаре значительно ниже ординара и появляется возможность проводить мониторинг наскальных изображений и доследовать целый ряд памятников. Одним из них стал могильник на правом берегу р. Чинге, расположенный напротив скалы Алды-Мозага, на которой М. А. Дэвлет выявила большое число петроглифов (Дэвлет 1998). Ранее древние захоронения были изучены только на левом берегу этой реки, где И. У. Самбу раскопал два могильника — Чинге I и II, причем первый из них относился к алды-бельской, а второй — к уюкской культуре. Там же были исследованы курганы гунно-сарматского и кыргызского времени (Длужневская, Савинов 2007: 95–103). Погребения скифского времени на правом берегу р. Чинге долгое время не были изучены. Положение дел изменилось с началом раскопок могильника на правом берегу р. Чинге, в котором насчитывается 22 округлых и овальных кургана диаметром от 10 до 20 м, сложенных из крупных и средних обломков скал и валунов.

Тувинская экспедиция исследовала курганы № 15 и № 16, частично перекрывавшие друг друга (рис. 1). В кургане № 15 было выявлено 5 захоронений раннескифского времени: 4 — в каменных ящиках и 1 — в деревянной раме, а также впускное гунно-сарматское погребение (всего 6 могил). В кургане № 16 было обнаружено 10 погребений и найдено два «клада» конского снаряжения (рис. 2; 3, 1–6). Диаметр кургана № 16 составлял 15 м. Он был частично перекрыт более поздним курганом № 15. Максимальная высота слившейся насыпи курганов от уровня современной дневной поверхности достигала 0,8 м. Курган № 16 сложен из валунов и обломков скал средней величины. В его основании находились камни длиной более 1 м и толщиной до 0,4 м. Крепида состояла из больших валунов и плит, установленных вертикально на продольные длинные грани. Высота ограды не превышала 0,5–0,6 м. Длина некоторых плит достигала 1,1 м. С запада и востока ограда была двойной, т. е. между внешней и внутренней стенами проходил своеобразный «коридор». Подобные двойные ограды встречаются в алды-бельских курганах, и в них зачастую располагались детские захоронения. Подобная картина была прослежена и в кургане № 15, где между внутренней и внешней стенами ограды найдены детские захоронения. Обе ограды были сложены из больших (до 1,5 м в диаметре) валунов, плотно примыкавших друг к другу.

Все без исключения погребения как взрослых, так и детей подвергнуты ритуальному разрушению. В кургане № 16 только в двух могилах — № 1 и № 5 были захоронены мужчины 40–45 и 25–30 л. Их рост достигал 180 см, кости

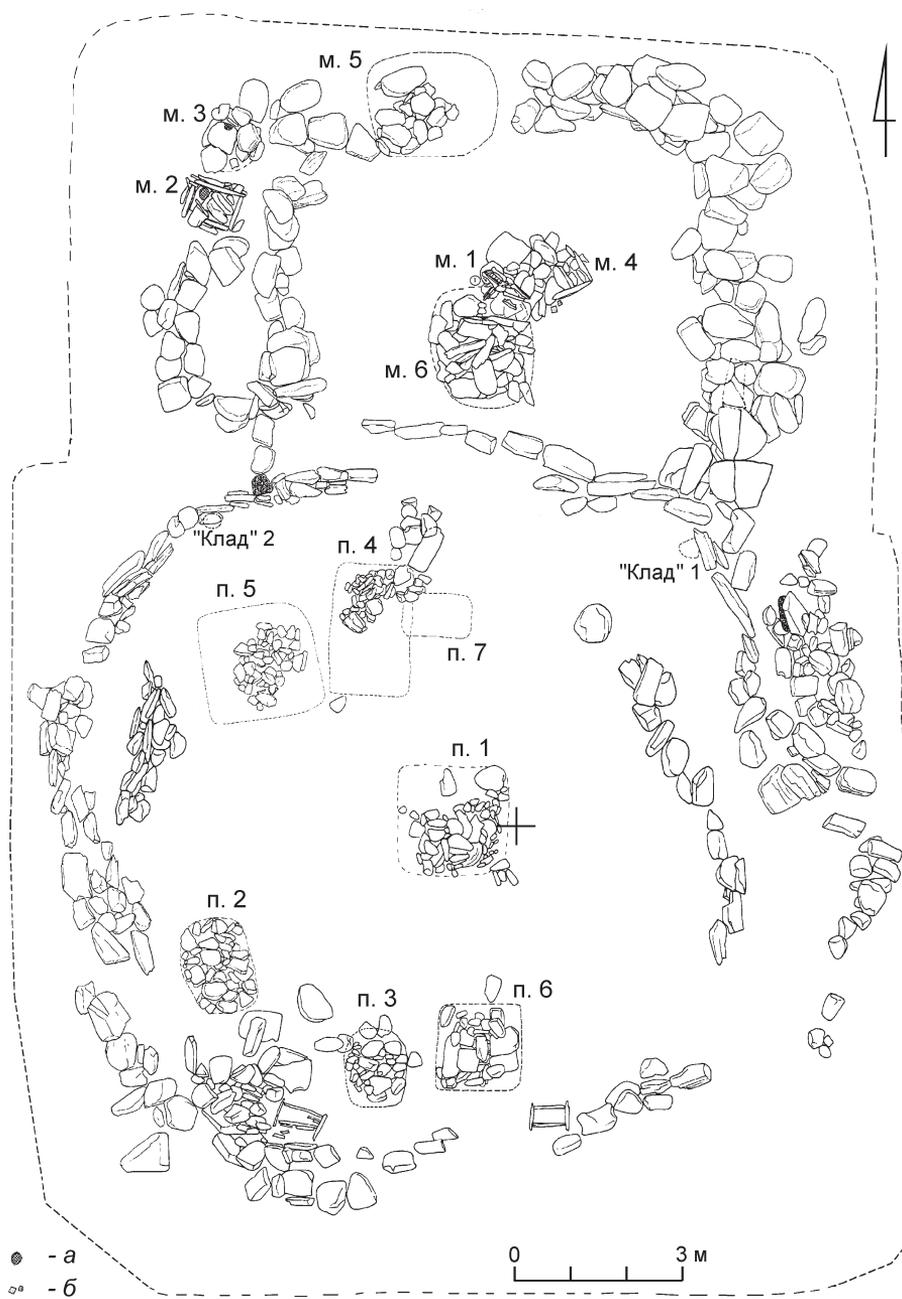

Рис. 1. Могильник Чинге (правый берег), курганы № 15–16, план: *а* — череп; *б* — керамика

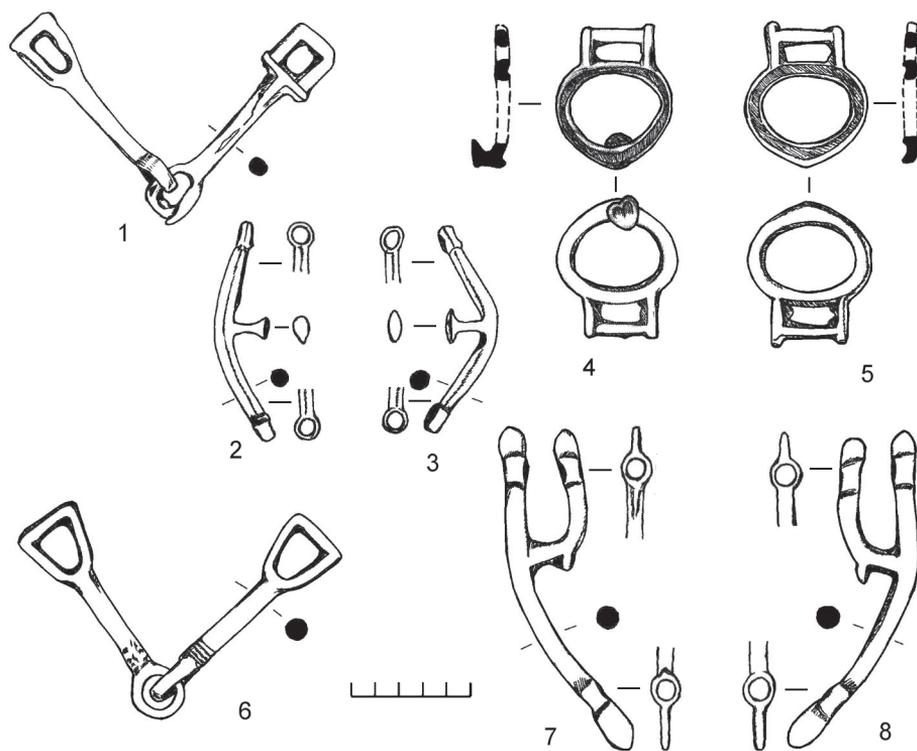

Рис. 2. Могильник Чинге (правый берег), курган № 16, «клад» 1

скелетов были массивными. В погребениях № 8 и № 9 вообще не оказалось костей погребенных (кенотафы?). В погребении № 6 были найдены только кости овцы. В погребениях № 2–4, 7, 10 обнаружены остатки захоронений детей в возрасте от 1 г. до 12 л. Часть костей была изъята из могил, которые затем тщательно перекрывали каменными плитами, забутовывали песком и галькой при том, что некоторые части скелета оставались на краю могильных ям. Погребальный инвентарь отсутствовал во всех захоронениях, но в центральной могиле № 1 остался наконечник бронзового пояса с изображением стилизованного клюва грифона или хищной птицы (рис. 3, 7).

Так называемые клады, обнаруженные в кургане № 16, представляли собой комплекты конской упряжи, которые были положены в курган преднамеренно и, по всей видимости, предназначались для воинов-всадников. Именно двое мужчин было захоронено в кургане № 16. Предметы конской упряжи обычно являлись заместителями конских захоронений, но в элитном кургане Аржан-2 открыта и могила коня (№ 16). Обрядовая практика захоронения конского снаряжения без лошадей характерна для сакских могильников Нижней Сырдарьи (Вишневская 1973; Итина, Яблонский 1997). В погребениях тасмолинской культуры конское снаряжение обнаружено вместе с останками лошадей (Маргулан и др. 1966: 315–349), которые представлены, главным образом, отрезанными и

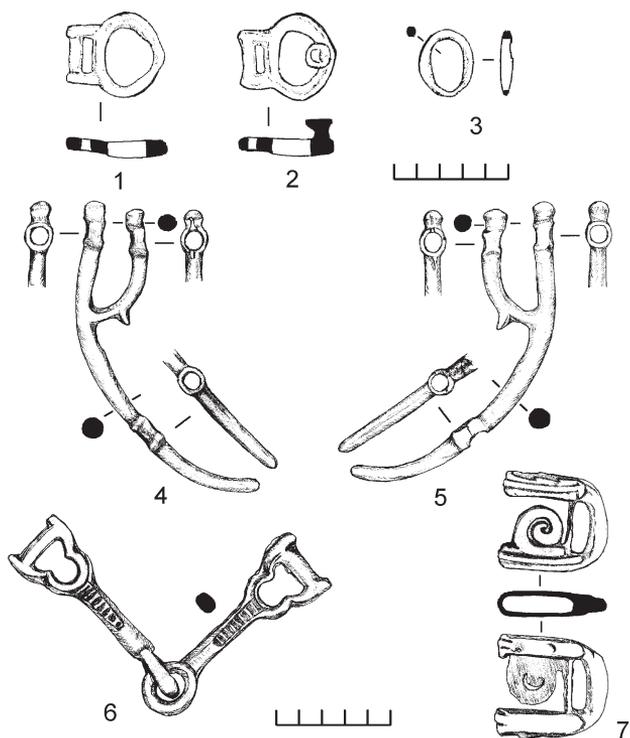

Рис. 3. Могильник Чинге (правый берег), курган № 16: 1–6 — «клад» 2; 7 — могила № 1

завернутыми в шкуру взнузданными головами (Вишневецкая 1992: 133–135). На Алтае также преобладают захоронения взнузданных коней, но встречаются и отдельно положенные в могилы или рядом с ними наборы конского снаряжения (Кубарев 1988: 74–77; Шульга 2008: 139–172).

Несмотря на разграбленность исследованных на правом берегу р. Чинге курганов, найденные «клады» предоставляют новую информацию о конском снаряжении, бытовавшем у алды-бельских племен Тувы.

Первый комплект или «клад» 1 включал в себя 8 предметов (рис. 2). Один набор состоял из пары дуговидных двудырчатых псалиев с Т-образным шпеньком в центре высотой 1,5 см. Длина одного псалия, изогнутого под углом в 45° , достигает 9,5 см (рис. 2, 2). Второй псалий изогнут под углом 28° и его длина составляет 10 см (рис. 2, 3). Отверстия на их концах имеют диаметр 0,8–0,9 см. В состав «клада» входят двусоставные удила, скомбинированные из изделий разного типа. Одно звено характеризуется стремевидным окончанием с отверстием 2×1 см, второе — прямоугольным стремечком с упором (рис. 2, 1) и с отверстием 1×1 см. В этом «кладе» представлена также пара стремевидных удили с длиной звеньев по 10 см каждое (рис. 2, б). Размеры отверстий в окончаниях удили также были одинаковы — $1,5 \times 2$ см. С этими удилами соотносится пара У-видных псалиев с завершениями на концах (1-й вариант по классификации

П. И. Шульги). Их длина составляет 15 и 14,5 см. Диаметр отверстий в псаляях достигает 0,8 см. Эти псаляии, как и удила, никогда не использовали в быту, так как с них не сняты литейные швы (рис. 2, 7, 8). В «клад» 1 входили еще две рамчатые подпружные пряжки, лежащие *in situ* вместе (одна на другой), так что соотносить их с каким-либо из уздечных наборов не представляется возможным. Одна блок-пряжка (6 × 5,5 см) имела арочное сечение (рис. 2, 5), вторая, со шпеньком в виде копыта, имела такие же размеры (рис. 2, 4).

«Клад» 2 включал пару У-видных псаляев с длинным 5-сантиметровым завершением нижнего или верхнего конца — в зависимости от того, как эти псаляии использовались в узде, и рудиментами грибовидных наверший на противоположных концах (рис. 3, 1–6). Длина обеих псаляев составляет 15 см, диаметры отверстий для продергивания ремней — 0,8–0,9 см, диаметр стержня псаляя — 1 см (рис. 3, 4, 5). Пара удил имела стремевидные окончания с пешковидными отверстиями (рис. 3, 6). Размеры стремечек равняются 3 × 3 см, размеры отверстий — 2 × 1,5 см. С одной стороны на удила были нанесены насечки — по 8 на каждом звене. Вероятно, они являются имитацией (репликой) обмотки, которая могла иметь место на более архаичных костяных или деревянных удилах. В комплект входил набор из пары рамчатых подпружных пряжек, причем одна из них имела шпенек в виде копыта (рис. 3, 2), другая, гладкая блок-пряжка достигала размеров 4,2 × 4 см (рис. 3, 1). В «кладе» также представлено уздечное овальное кольцо размерами 3 × 2,5 см (рис. 3, 3).

Обратимся непосредственно к оценке данных комплектов конского снаряжения. До сих пор в Туве псаляии с Т-образными шпеньками были встречены единожды на могильнике Бедиг-Хорум, расположенном на территории перенесенного из зоны затопления поселка Новый Эйлиг-Хем (правобережье Улуг-Хема), раскопанном в 1983 г. Г. В. Длужневской (Чугунов 2005: 103–108, табл. 7). В основном такие псаляии обнаружены в пограничных районах Степного Алтая и Восточного Казахстана. Первая из таких находок (кроме случайных, хранящихся в Семипалатинском музее), вероятно, была найдена в кургане № 42 могильника Кок-Су, исследованного С. С. Сорокиным. Конское снаряжение происходило из небольшого каменного сооружения, в центре которого находились разрозненные конские кости (Сорокин 1974: 62–91). Всего же на Алтае и в Восточном Казахстане, согласно сводке П. И. Шульги, найдено 10 псаляев подобного типа: 8 — из трех комплексов и 2 — случайные находки (Шульга 2008: 52).

Пара дуговидных псаляев с Т-образным шпеньком из кургана 33 могильника Уйгарак были опубликованы О. А. Вишневецкой (1973: 141, табл. IX, 17–19). Вопреки моему случайному замечанию, что эти псаляии наиболее близки изделиям, найденным в могильнике Чинге (правый берег) (Семенов 2011: 381–383), нужно признать, что более соответствуют чингинским псаляям экземпляры из Семипалатинского музея (Шульга 2008: табл. 52, 18), так как в Уйгараке отверстия в псаляях оформлены в виде выступающей втулки. Удила, соотносимые с псаляями из кургана № 16, также представляют большой интерес. Одно их звено со стремевидным окончанием вполне обычно для раннескифских удил Саяно-Алтайского нагорья. Второе, имеющее прямоугольное стремечко с упором находит

ближайшие аналогии в кургане Аржан-2, где все лошади, погребенные в юго-восточном секторе кургана, снабжены удилами с прямоугольным стремечком и упором, и надетыми на них напускными псалями со скобкой в центре (Чугунов 2005: 103). Ранее подобные комплексы были обнаружены в Уйгараке (Вишневская 1973: табл. XIV, 16–18), как и близкие им удила с трехдырчатыми напускными псалями. Такой способ соединения узды и псалиев известен и по материалам из курганов 36 и 44 могильника Южный Тагискен (Итина, Яблонский 1997: рис. 17, 27, 71). Но псалии этих могильников, конечно, отличаются от алды-бельских. При этом не следует забывать, что погребальный инвентарь может не соответствовать тем вещам, которые использовались в «живой» культуре.

У-видные псалии, найденные в «кладах» кургана № 16, известны в Туве по раскопкам могильников Алды-Бель, Хемчик-Бом III, Орта-Хем (Грач 1980: рис. 83, 1; 109, 1; Самбу 1970: 182–183). В таком же ритуальном «кладе» были найдены и прямые трехдырчатые псалии с удилами на могильнике Сыпучий Яр на правом берегу Улуг-Хема. Подобное «захоронение» конской сбруи обнаружено Н. А. Боковенко в кургане № 15 могильника Баданка IV на юге Красноярского края в долине р. Ус (Боковенко 1998: 50–55).

Большая часть обнаруженных «кладов» происходит с правобережных могильников Улуг-Хема, по которому проходила граница аржанских вождеств. Это в равной степени относится и к находке в долине р. Ус, ограничивающей аржанский «домен» с севера. Но надо признать и то, что территория Тувы исследована неравномерно и правобережье Улуг-Хема изучено гораздо полнее, чем другие части республики. Уже приходилось писать о социальной дифференциации у ранних скифов в Туве, в том числе и у алды-бельцев (Семенов 2002: 207–232; 2010: 54–69). Как и во многих евразийских сообществах раннего железного века, в алды-бельской среде выделяется элитная верхушка — «знать», о чем можно судить по размерам курганов и по тем сокровищам, которые эта «знать» уносила с собой в «царство мертвых». Представителей социальной «элиты», захороненных в кургане Аржан-2, сопровождали не только взнузданные кони. В отдельных могилах кургана были захоронены представители более низкого слоя общества, которым не полагались престижные вещи (парадное оружие, ювелирные украшения и расшитое золотом погребальное облачение). Средний слой довольствовался в своем посмертном инобытии конской уздой вместо коня, луком со стрелами и, в редких случаях, бронзовым чеканом и кинжалом. Во многих случаях не было и этого. Конечно наши представления зиждутся на зыбкой почве неполной информации в силу тотального разграбления многих курганов, где ни одна могила не была обойдена расхитителями. Но опираясь на факты, которые получены при раскопках нетронутых курганов, можно составить представление об иерархической структуре алды-бельского социума.

Боковенко 1998 — *Боковенко Н. А.* Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*: Сб. науч. трудов. Барнаул, 1998. С. 50–55.

Вишневская 1973 — *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. М., 1973.

Вишневская 1992 — *Вишневская О. А.* Центральный Казахстан // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (Археология СССР).

Грач 1980 — *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Длужневская, Савинов 2007 — *Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007.

Дэвлет 1998 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы на дне Саянского моря. М., 1998.

Итина, Яблонский 1997 — *Итина М. А., Яблонский Л. Т.* Саки Нижней Сырдарьи. М., 1997.

Кубарев 1988 — *Кубарев В. Д.* Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1988. С. 74–77.

Маргулан и др. 1966 — *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев А. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Самбу 1970 — *Самбу И. У.* Исследования в долине р. Ортаа-Хем // АО 1969 года. 1970. С. 182–183.

Семенов 2002 — *Семенов Вл. А.* Курган Аржан — пространственная модель мира ранних кочевников Центральной Азии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2002. Т. 1. С. 207–232.

Семенов 2010 — *Семенов Вл. А.* Скифские культуры Тувы // Учен. зап. Тувинского Института гуманитарных исследований. Кызыл, 2010. С. 54–69.

Семенов 2011 — *Семенов Вл. А.* «Клады» конского снаряжения из погребальных комплексов алды-бельской культуры Тувы // Труды III (XIX) Всероссийского АС. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 381–383.

Сорокин 1974 — *Сорокин С. С.* Цепочка курганов ранних кочевников на правом берегу Коксу (Южный Алтай) // Археологический сборник ГЭ. Л., 1974. № 16. С. 62–91.

Чугунов 2005 — *Чугунов К. В.* Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии: Сб. науч. трудов. Барнаул, 2005. С. 103–108.

Шульга 2008 — *Шульга П. И.* Снаряжение верховой лошади и воинского пояса на Алтае. Барнаул, 2008. Ч. 1.

NEW FINDS OF THE ALDY-BELSKAYA CULTURE HARNESS IN TUVA

VI. A. Semenov

In 2006–2008 the Tuva Expedition of the Institute for the History of Material Culture carried out archaeological monitoring in the zone of the Sayano-Shushenskaya hydroelectric power station water reservoir. Two barrows of the Aldy-Belskaya culture were excavated at a cemetery on the right bank of the Chinga river. Although all the burials proved to be robbed, two votive “hoards” of harness were found under the stone fence of barrow 16. They included three pairs of bridle-bits and psalia together with belly strap buckles. These finds substantially expand the number of known sets of Aldy-Belskaya harness found in Tuva.

ДВА ТЕРРАКОТОВЫХ ОБРАЗКА ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

Б. И. МАРШАК, В. И. РАСПОПОВА

На согдийских поселениях эпохи раннего средневековья нередки находки небольших терракотовых иконок-образков. На некоторых из них изображены божества, находящиеся в храмовой нише. Широкое распространение эти изделия получили в VI в. н. э. Многие из них, вероятно, были массовыми репродукциями известных в свое время храмовых статуй. Эта заметка посвящена публикации двух терракотовых образков ранее неизвестного типа. Один из них найден в 1997 г. при раскопках центрального квартала городища древнего Пенджикента в золистом слое помещения 104 на объекте XXIII (рис. 1, 1).

Фрагментарный образок изготовлен из плотной красно-коричневой глины. Его ширина составляет 7,2 см, высота — 9,2 см, ширина изобразительного поля — 7,1 см. Толщина терракотовой плитки достигает 1,5 см. Ее выпуклая обратная сторона по краям заглажена, в середине видны следы пальцев мастера, вдавливавшего глину в форму. Терракота была окрашена красной краской, остатки которой местами сохранились на оборотной стороне и на внешней над плечом изображения и в некоторых углублениях изделия. На образке представлена стоящая мужская фигура, помещенная в нишу, на бордюре которой в нескольких местах сохранились оттиски мелкого круглого штампа с розетками (расположенные крестом пять точек). Персонаж стоит фронтально, слегка расставив ноги, носками врозь. Он опирается на бедро правой, согнутой в локте рукой, которой держит узкий веник, перевязанный в верхней части. Левая, опущенная вниз рука опирается на вертикально стоящую лопату со специальной приступкой для ноги. Одежда мужчины состоит из длинной рубахи, поверх которой надет короткий кафтан необычного фасона, и штанов, заправленных в сапоги. Распашной кафтан с открытой до талии грудью имеет справа широкий отогнутый отворот с волнистой поверхностью (может быть, так передан мех) и узкой оторочкой слева. Низ этого одеяния имеет на уровне талии такую же волнистую оторочку, как и отворот. Короткие рукава кафтана оканчиваются чуть выше локтя. Край одеяния передан в виде треугольных, вероятно, вырезанных фестонов. Под кафтаном находится длинная рубаха. Ее подол подобран и образует складки, доходящие до сапог. Такое расположение складок возможно, когда край одежды подобран с боков и заткнут за пояс. Эта манера носить одежду характерна для людей труда. Во время работ крестьяне, как это нередко делается и сейчас, поднимали полы длинной одежды и затыкали их за пояс. Мужчина обут в сапоги с узкими носами и широкими голенищами до колен. На шее фигуры представлена гривна с круглой крупной подвеской. Необычно крупная голова персонажа сохранилась частично, так как при оттискивании формы верх терракоты не пропечатался. Мы видим только правое ухо и пряди растрепанных волос над правым плечом, лицо мужчины оттис-

Рис. 1. Пенджикент, терракотовые образки: 1 — объект XXIII, помещение 104, золистый слой; 2 — случайная находка

нуть не удалось. Поэтому мастер загладил лицевую поверхность головы и по сырой глине процарапал огромный открытый зубастый рот и подчеркнуто уродливые глаза. Зрачки, ноздри и зубы он обозначил точками. Таким образом, этот оттиск имеет много изъянов.

Другая подобная терракота была обнаружена жителем Пенджикента Низомиддином Бахриевым при рытье ямы для очага во дворе своего дома (ул. Кокурри 8). Он любезно ознакомил нас с этой целиком сохранившейся находкой (рис. 1, 2). Глина, из которой выполнено данное изделие, отличается от той, из которой сделана первая терракота. Поделка, извлеченная Н. Бахриевым из земли, имеет светлый цвет, обычный для пенджикентской гончарной посуды. Скорее всего, она не была окрашена. Высота предмета составляет 14,2 см, ширина — 7,8 см, ширина изобразительного поля — 7,3 см, толщина пластины достигает 2,4 см. Поперек фигуры имеется трещина, появившаяся, видимо, при

формовке и сушке изделия. Хотя выпуклая обратная сторона образка была обточена ножом и заглажена, на ней сохранились следы пальцев мастера, заполнявшего форму глиной.

Изображения персонажей на обеих терракотах почти одинаковы по размерам, хотя вторая поделка, у которой расстояние от подбородка фигуры до ее подошвы равняется 6,4 см, чуть больше первой, у которой этот размер составляет 6,3 см.

Композиция изображения на втором образке полностью сохранилась, хотя некоторые ее детали проработаны хуже, чем на первом экземпляре. Обе терракоты восходят к одному оригиналу, поэтому ниже отмечены только их различия. Для второй поделки характерна ниша с высокой стрельчатой аркой и с таким же бордюром. Голова персонажа в шапке выполнена в высоком рельефе, по высоте она составляет треть всей фигуры. Лицо мужчины имеет резкие черты, нос, судя по переносице, сильно выступал вперед, сейчас он отбит. Для персоны характерны огромные, слегка скошенные глаза и широкий, по пенджикентским меркам, рот. Усы и борода отсутствуют. Головной убор персонажа состоит из конической шапки, вокруг которой повязана диадема, переданная толстым валиком. Посередине диадемы изображена круглая бляшка, над которой прикреплена эмблема в виде полумесяца с шаром. От диадемы с двух сторон отходят развевающиеся сасанидские ленты. Хуже проработаны волосы над правым плечом, и почти незаметны короткие рукава и нижняя кайма кафтана. Видны складки на шароварах, верх сапог образует валик, показаны подошвы с низким каблуком.

Примитивность фигуры, представленной на терракоте, которая была найдена во время раскопок, связана с тем, что мастер не владел искусством скульптора, которым обладал автор первоначальной патрицы. Однако некоторая карикатурность была присуща, как мы видим, и мужчине, изображенному на втором экземпляре, поскольку большая голова и сапоги с широкими раструбами голенищ явно непропорциональны размерам субъекта. Персону, представленную на образках, отличает почти пародийное смешение «высоких» (царский венец с эмблемами солнца и луны и развевающимися лентами, арочная ниша, кафтан с отворотом и полами в виде трех фестонов, а также фронтальность фигуры) и «низких» (замещающие оружие лопата с выступами в верхней части, на которую опирается левая рука стоящего, и веник у пояса, которого касается согнутая в локте правая рука; концы выступов в верхней части лопаты могли использовать для привязывания веревок, за которые лопату тянули при расчистке оросительных борозд) мотивов. Сочетание «высоких» и «низких» мотивов в облике персонажа, представленного на образках, создает комический эффект.

Перед нами, вероятно, нарочито непохожий на иератически строгие изображения богов согдийского пантеона образ крестьянского божка с орудиями, символизирующими начало и конец сельскохозяйственного года: лопата, предназначенная для прокладки оросительных борозд, и веник, которым подметали гумно после того, как обмолоченное зерно было увезено.

В этнографии горных таджиков известны обряды, связанные с венником, которым подметают гумно после того, как урожай зерна перевезли в амбар. Венник в этом ритуале воспринимали как одушевленное существо и обращались с ним весело и насмешливо.¹ Подобренные и заткнутые за пояс полы одежды персонажей на образках показаны так, как эту одежду носили в процессе работы. Такой стилистический прием подчеркивает, что перед нами представлено божество, близкое согдийским земледельцам. Можно полагать, что на пенджикентских терракотовых «образках» изображен дух — покровитель земледелия.

С одним из них мы уже знакомы по находкам прежних лет. В Пенджикенте в доме владельца обширных зернохранилищ расчищено живописное изображение покровителя крестьянского труда (рис. 2). На северной стене зала для приемов (помещение 28, объект XXV) сохранилась сцена вывоза урожая зерна. Описание и интерпретация этой живописи опубликованы (Маршак, Распопова 1984; Marshak, Rasporova 1987: 193–199; 1990: 123–176). В настоящей работе нас интересует, главным образом, сидящее на троне божество, изображенное на фоне высокой кучи зерна. Голову божества украшает надетый на белую высокую шапку веночек из листьев злаковых растений. Божество изображено в образе старого человека с большой бородой, длинными волосами и лбом, прорезанным морщинами. Приподнятые брови, по-видимому, придавали его лицу, которое сохранилось не полностью, скорбное выражение. Голова старика окружена лучистым венцом, над плечами поднимаются языки пламени, над левым плечом развеваются две ленты. На старце надет кафтан из камчатого шелка. Богатая одежда, нимб, языки пламени и ленты являются обязательными атрибутами согдийского божества. Следует, однако, отметить, что у рассматриваемого изображения обычная для богов корона заменена шапкой, обвитой листьями какого-то злакового растения, причем листья показаны желтыми, т. е. увядшими. В рассматриваемой росписи народный в основе культ предстает в аристократизированном виде. Борода и волосы с проседью Деда-Земледеца, имеющего скорбный облик, естественны для ежегодно умирающего и воскресающего божества урожая. Этнографами зафиксировано представление об умирающем Деду-Земледеце, выражающееся в том, что провяевшее зерно складывают в продолговатую кучу, которую считают его могилой (Андреев 1958: 83–87; Рахимов 1957: 182–187; Мухиддинов 1975: 104; Эшонкулов 2007: 637 и сл.). К «Бобои-Дехкону» — «Деду-Земледецу» обращались за помощью во время любых сельскохозяйственных работ. Кульминацией его почитания являются обряды, которые связаны с зерном, собранным на гумне. Именно этот момент отражен в росписи.

¹ Например, М. С. Андреев отмечает, что у таджиков долины Хуф существовал очень древний обычай принесения в дом чучела «старухи». «Изображает ее большая метла, которой подметается гумно». Считалось, что «старуха» представляла, вероятно, «дух урожая, может быть гумна». Это был веселый обычай, сопровождавшийся угощением, на котором присутствовала «старуха», где она служила «предметом шуток присутствовавших» (Андреев 1958: 87).

Рис. 2. Пенджикент, объект XXV, помещение 28, живописное изображение на северной стене (прорисовка Т. С. Василенко)

Согдийцам с их развитой иконографией естественно было представлять патрона земледелия в антропоморфном виде, сидящим на фоне конической кучи зерна.

В домах простых людей настенных росписей обычно не было. Там живописные изображения почитаемых богов и богов-покровителей заменяли глиняные иконки. Можно предположить, что на публикуемых образках из Пенджикента представлен дух вновь начавшегося года. Он еще ребенок, что показывают его невозможные для взрослого человека пропорции.

Два терракотовых образка из Пенджикента восходят к одному оригиналу, но между этими изделиями существуют различия. Экземпляр, найденный за пределами городища, изготовлен мастером-профессионалом. Другой экземпляр выдает неумелую руку ее создателя. Эта иконка оттиснута штампом, который в свою очередь получился путем вдавливания в глину уже готовой статуэтки.

Рассмотрим технику изготовления таких изделий (Маршак 1972: 276–277). Исходную матрицу для каждой серии терракот делал скульптор-профессионал, который лепил и вырезал ее из подсыхшей глины. Матрицу обжигали, оттискивали в сырую глину, а затем после обжига оттиск превращали в матрицу для формовки терракот. После сушки и обжига фигурки становились меньше, чем матрицы, в которых их делали. Многие гончары использовали в качестве матриц готовые изделия и делали с их помощью новые матрицы, которые, высыхая, становились меньше терракот, послуживших матрицами. Это наблюдается и на публикуемых экземплярах. Иногда полученные оттиски подправляли после формовки. В результате появлялись большие серии терракот разного размера (известны серии с шестью-семью градациями), но целиком или в основ-

ных чертах механически воспроизводившие немногочисленные исконные патрицы, выполненные скульпторами-профессионалами. Этих патриц было так мало, что не приходится думать об особых скульпторах-коропластах. Те, кто изготовлял глиняные статуи и рельефы храмов или резные деревянные фигуры и рельефы, очевидно, лишь от случая к случаю делали образцы для мастеров-керамистов. Вместе с терракотовыми образками высокопрофессиональное искусство и новая иконография богов вошли в дома рядовых горожан.

Не случайны места находок анализируемых образков. Первый из них обнаружен в золистом слое, образовавшемся после разрушения помещения в одноэтажном жилище рядового горожанина первой четверти VIII в. Второй встречен за пределами городской территории. Как показали раскопки начала XXI в., вокруг древнего города располагались поля и дома земледельцев. Вполне вероятно, что под современными постройками на ул. Кокури 8 скрывается один из таких домов.

Мастерские по производству глиняной посуды и терракотовых образков в основном находились за пределами древнего Пенджикента, но какое-то количество этих предметов могли, как было сказано выше, изготавливать и непрофессионалы. Так, на городище Пенджикент найдена почти целая матрица и два фрагмента аналогичных артефактов. Таков, например, штамп для оттискивания изображения «Киртимукхи» (Маршак 1964: рис. 25, 6). Оттиски подобных, но не идентичных штампов дважды были найдены на различных участках верхнего слоя Пенджикента (Ставиский и др. 1953: 82, рис. 16; Большаков, Негматов 1958: 163, рис. 9; Мончадская 1960).

При раскопках улицы, расположенной к западу от базарчика (объект XVI), обнаружена половина керамической формы для изготовления терракотовых образков. Она представляет собой божество в доспехах, стоящее в храмовой нише с копьем и булавой в руках (Древности Таджикистана 1985: 201, кат. № 502). Оттиски с таким изображением нам неизвестны.

В 1995 г. при вывозе земли, скопившейся возле храмов во время работ 1940–1950-х гг., была найдена керамическая форма для оттискивания образков с изображением Будды (Marshak, Rasporova 1997/1998: 297–305). Эта форма вряд ли была оттиснута в Пенджикенте, так как глина, из которой она была выполнена, отличается от глины, предназначенной для изготовления местных терракот и сосудов.

До нас дошло незначительное количество образков. Скорее всего, многие из них были сделаны не из глины, а из других материалов (бумага и дерево).² В каждом доме должно было быть несколько таких изделий, так как пенджикентцы, как показывает живопись помещения 28 (объект XXV), одновременно поклонялись разным богам. Человек, входящий в зал (помещение 28), видел

---

² Например, из западных оазисов Синызьяна, вернее всего, из Хотана, происходят иконки, писанные на деревянных дощечках, датированные VI–VIII вв. н. э. (Дьяконова 1961: 257–272).

крупное изображение четы божеств — Вашагна, атрибутом которого является верблюд, и Вананч. На северной стене представлены Нана и Срош (?), Будда и Бобои-Дехкон.

В иерархии патронов семьи, проживавшей в этом доме, первое место отводилось Вашагну и Вананчу, так как они изображены на самом почетном месте. Менее почетное место занимали Нана и Срош (?). Эти четыре божества относились к согдийскому пантеону. В то же время владелец дома приказал изобразить Будду, поскольку он не хотел отказываться от помощи и этого чужеземного бога. Изображение Бобои-Дехкона естественно в доме, благополучие которого в какой-то мере зависело от урожая зерновых.

Публикуемые образки показывают, что в Согде, наряду с «мировыми» религиями, существовали народные культы, о которых нам еще мало что известно.

Андреев 1958 — *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) / Примеч. и доп. А. К. Писарчик. Сталинабад, 1958 (Материалы к изучению культуры и быта таджиков. Вып. 2).

Большаков, Негматов 1958 — *Большаков О. Г., Негматов Н. Н.* Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА. 1958. № 66. С. 155–192.

Древности Таджикистана 1985 — Древности Таджикистана: Каталог выставки. Душанбе, 1985.

Дьяконова 1961 — *Дьяконова Н. В.* Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // Труды ГЭ. Л., 1961. Т. 5. С. 257–272.

Маршак 1964 — *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // МИА. 1964. № 124. С. 182–243.

Маршак 1972 — *Маршак Б. И.* Согдийские терракоты // ТД на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. Археол. секции. М., 1972. С. 276–277.

Маршак, Распопова 1984 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Согдийское изображение Деда-Земледельца // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 108–116.

Мончадская 1960 — *Мончадская Е. А.* Глиняный налеп с пенджикентского оссуария (К вопросу об оберегах в Средней Азии) // Труды АН Таджикской ССР. 1960. Т. 120. С. 125–132.

Мухиддинов 1975 — *Мухиддинов И.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX–начале XX в. М., 1975.

Рахимов 1957 — *Рахимов М. Р.* Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1957.

Ставиский и др. 1953 — *Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А.* Пенджикентский некрополь // МИА. 1953. № 37. С. 64–98.

Эшонкулов 2007 — *Эшонкулов У.* История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). Душанбе, 2007.

Marshak, Raspopova 1987 — *Marshak B., Raspopova V.* Une image sogdienne du dieu-patriarche de l'agriculture // *Studia Iranica*, 1987. Т. 16, fasc. 2. P. 193–199.

Marshak, Raspopova 1990 — *Marshak B., Raspopova V.* Wall painting from a House with a Granary. Panjikent, 1st quarter of the eighth century A. D. // *SRAA*. 1990. Vol. 1. P. 123–176.

Marshak, Raspopova 1997/1998 — *Marshak B., Raspopova V.* Buddha icon from Panjikent // *SRAA*. 1997/1998. Vol. 5. P. 297–305.

TWO TERRACOTTA HOLY PICTURES FROM PENDZHIKENT

B. I. Marshak, V. I. Raspopova

Small holy pictures of terracotta are rather common finds at the early medieval Sogdian sites. Some of them bear images of gods placed in temple niches. These objects became particularly widespread in the VI century AD. Many of them, probably, were mass reproductions of once famous temple statues. The paper presents two terracotta pictures of a hitherto unknown type. One of them was found in 1997 in the central section of ancient Pendzhikent, in the ashy layer of room 104, building XXIII (fig. 1, *I*). This appears to be an image of a peasant's idol, ostensibly dissimilar to the austere images of the Sogdian gods. It is shown with the tools symbolizing the beginning and end of the farming year: the spade purposefully designed for making irrigative furrows, and the broom used to sweep the barn floor after the threshed grain had been carried away. The terracotta pictures published in the paper show that "world" religions coexisted in Sogd side by side with folk cults.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЖИВOTНОВОДЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМА СБОРА КОЖЕВЕННОГО СЫРЬЯ

А. В. КУРБАТОВ

Введение

Изучение древнерусского кожевенного ремесла непосредственно связано с вопросом о видовом составе животных, из шкур которых выдeldывали кожи. Организация кожевенного дела, безусловно, зависела от количества и качества шкур, ежегодно поставляемых на рынок для дальнейшей переработки. Поэтому существенным представляется исследование способов доставки на городской рынок сырых кож, виды и качество этого сырья. Одним из важнейших качественных признаков кожевенного сырья служат размеры и толщина шкур, что зависит, в свою очередь, от породистости животных и степени ухода за ними.

Остеологические материалы из археологических раскопок 1950–1960-х гг. в ряде русских городов, а также письменные документы XVI–XVII вв. свидетельствуют, что в городах лесной полосы России домашний скот был мелким. Надо полагать, что такой же скот был и у сельских жителей. Подобная картина фиксируется во многих регионах и позднее — вплоть до XIX в. По мнению ряда историков, численность скота в крестьянском хозяйстве определялась главным образом кормовыми ресурсами. Это означало, что при среднем уровне численности животных товарный выход их излишков давала лишь часть зажиточного крестьянства. Основной причиной этого был недостаток кормов, особенно там, где 200 дней в году скот был на зимнем содержании. К весне у крестьян не хватало кормов, и пастьба начиналась сразу по сходу снега. А в отдельные годы скотину гоняли «в лес по веточки» еще по снегу. Кроме того, содержалась скотина во многих хозяйствах круглый год под открытыми навесами (Милов, Вдовина 1985: 103–104, 106, 110–111).

С другой стороны, ряд исследователей настаивает на высоком уровне животноводческой культуры у славян начиная с рубежа I–II тыс. н. э. Так, В. П. Левашева писала, что «скот держали зимой в закрытых помещениях, иначе и невозможно было бы развитие скотоводства в лесной полосе с суровыми зимами». На это прямо указывает статья Русской Правды: «Аще крадет кто скот во хлеве». Остатки хлевов и скотных дворов исследованы раскопками в Старой Ладогe, Новгороде, Белоозере и ряде других мест. Косвенным доказательством стойлового содержания скота исследователь называет косы-*горбуши*, бывшие орудиями сенокосения, а не уборки урожая (Левашева 1956: 87).

В последнее время с выводом о бесстойловом (т. е. вне теплых помещений) содержании животных в зимнее время согласился В. Я. Конечкий, отмечавший (со ссылкой на: Равдоникас 1950: 18, 31, рис. 20–24), что формы содержания скота, археологически фиксируемые в городах, — это открытые загоны, окруженные плетнем, и срубные «холодные» хлева площадью 10–25 м². Необ-

ходимый для зимнего содержания (не менее 6 месяцев) запас корма, по мнению В. Я. Конецкого, заготавливали косами-горбушами, форма и размеры которых соответствуют этнографическим орудиям, известным на Русском Севере и в Предуралье. Таким образом, историк признает факт неизменности основных орудий сенокосения на протяжении почти тысячи лет (Конецкий 2009: 16, 17).

Условием сохранения стада при открытом зимнем содержании В. Я. Конецкий объясняет (со ссылкой на этнографические наблюдения А. А. Шенникова, см.: Шенников 1992: 72–73) кормлением скота подогретым кормом. Для X в. исследователь находит подтверждение этому в материалах раскопок Рюрикова городища, где деревянное долбленое корыто было найдено прислоненным к стене небольшого сруба со специальной хлебной (?) печью (Носов 1990: 67). На внутренней поверхности корыта В. Я. Конецкий заметил следы погрызов клыками животных, возможно свиней, и заключил, что «это является аргументом, что скот кормили вареной или теплой пищей, что подтверждает вышеприведенную этнографическую информацию» (Конецкий 2009: 16). Однако факт наличия следов от зубов животных на корыте остался незафиксированным. При отсутствии фотографии корыта и четких следов погрызов схематично показанные неровности краев корыта можно объяснить выкрашиванием древесины и особенностями вырубания (вырезания) углубления в корыте. Но, даже признавая реальность «погрызов», этот единичный факт нельзя выдавать за систему кормления, принятую во всем регионе, тем более, что кормление на Городище именно горячей пищей остается гипотетичным.

На основе изложенных аргументов В. Я. Конецкий делает общий вывод о том, что «развитие земледелия и животноводства ильменских славян в конце I тыс. н. э. достигло весьма высокого уровня» (Там же: 17). По нашему мнению, обзор истории животноводства в средневековой Руси, приведенный в очерке В. Я. Конецкого, не дает ясного представления об условиях содержания домашнего скота ни в городах, ни в сельской местности. Здесь нет ответа на главный, с нашей точки зрения, вопрос — почему на протяжении всего средневековья и позднее, вплоть до XVIII–XIX вв., домашний скот оставался низкорослым.

Казалось бы, низкорослость домашнего скота надо воспринимать как показатель неблагоприятных условий его содержания и отсутствия селекционной работы, направленной на выведение более крупных животных, дающих больше мяса, молока, шерсти и имеющих шкуры большей площади и толщины. Однако некоторые отечественные историки считают малорослость положительным качеством древнерусского скота, соответствовавшим «условиям сельского хозяйства этого времени». «Малорослый скот обладал тонкой шкурой, весьма ценной для кожевенного производства. Кроме того, малорослую скотину крестьянам (и горожанам) легче было обеспечивать кормами» (Горский 1969: 108). Такое мнение вряд ли соответствует требованиям, предъявляемым к домашним животным как товарной продукции сельского хозяйства.

В целом, имеющиеся в научной литературе противоречивые выводы и объяснения мелкопородности скота склоняют нас к необходимости разобраться в причинах отмеченного состояния в русском средневековом животноводстве.

Источники

Остеологические материалы, полученные в процессе стационарных археологических раскопок древнерусских городов, показывают, что на протяжении длительного времени в лесной полосе средневековой России преобладал низкорослый скот, к которому относятся все основные виды домашних животных — лошади, коровы, свиньи, козы и овцы. Такие животные имели соответственно незначительный живой вес и малую площадь относительно тонкой шкуры. В частности, низкорослость крупного рогатого скота (КРС), мелкого рогатого скота (МРС) и лошадей зоологи отметили по костным остаткам из раскопок Рюрикова городища и Троицкого раскопа Новгорода. Лошади здесь были размером с крупных современных пони (Молтби, Гамильтон-Даер 1995: 141–143). Для Москвы XI–XVII вв. высота коров в холке составляла в среднем 105,5 см, а более $\frac{3}{4}$ всех особей коров имели высоту в холке 100–110 см (Цалкин 1971: 172, 174, 179). Средняя высота быков в холке определена около 109 см, что соответствует живому весу около 200 кг. Высота овец в среднем составляла около 60 см в холке. По костям лошади выделено несколько групп животных, из которых в Москве преобладали особи мелкие (высота в холке 120–128 см, 28 %) и малорослые (128–136 см, 48 %). Эти и другие данные, полученные в последние годы, не оставляют сомнений в том, что такой же домашний скот разводили в лесной полосе России и в XVI–XVII вв. Надо отметить, что костные остатки из древнерусских городов отражают преимущественно культуру русского населения. Это подтверждают сравнительные материалы из соседних регионов, например, средневековой Казани. Здесь мелкопородные животные прямо связываются с преобладанием русского населения (Асыргараева 2003: 130–136).

В XVI–XVII вв. низкорослость русского скота неоднократно отмечали в своих записках иностранцы. Они не только констатировали сам факт экстерьера животных, но и пытались объяснить увиденное. В первой четверти XVI в. С. Герберштейн писал: «В московской области... [домашние] животные здесь мельче наших». Это относится и к лошадям: «таких высоких лошадей я в их краях не встречал, лошади у них, как правило, низкорослые» (Герберштейн 1988: 130, 239). В конце XVI в. Джилль Флетчер записал, что в России «важную отрасль промышленности составляет выделка лосиных и коровьих кож. Первые очень хороши и велики, а воловьи и коровьи меньше (ибо кожи бычачьи у них не выделяются)» (Флетчер 1906: 12–13). Павел Алеппский свои впечатления от поездки в Московию в середине XVII в. изложил так: «коровы в этой стране очень малы, с теленка, по причине сильного холода, как нами упомянуто, у них нет сил для пахоты и они служат для получения молока зимой и летом» (Павел Алеппский 1898: 123).

«Сама Россия имеет только посредственный скот», — отметил Иоганн Кильбургер при описании русской торговли середины XVII в. (Курц 1915: 100). Комментируя его «Записки», Б. Курц подтверждал, что по величине русский туземный скот «был, несомненно, небольшим. Уже из Кильбургера ясно видно, что русский скот был посредственной величины, и иноземцы, и русские богатые люди выписывали в Холмогоры крупный иноземный скот, способствуя тем разведению знаменитого потом холмогорского скота». Он привел один русский документ 1664 г., из которого видно, что в Холмогорах тогда уже был породистый заграничный скот. Там же приводится мнение известного английского ученого-естественника Традесканта (1618 г.) как очевидца того, что «вообще птица и русский скот в Архангельске был мелок... говядина и баранина здесь были тощими, ...поросят русские ели слишком молодыми, а свиней кормили очень много рыбой, отчего ветчина отзывалась ворванью» (Там же: 301–302).

Кроме малого роста и веса домашнего скота документы XVI–XVII вв. отражают и другие признаки животных. В хозяйственных записях из разных областей лесной зоны России (Новгород, Симбирск, Вологда, Великий Устюг, Иверский, Болдинский, Тихвинский, Псково-Печерский и другие монастыри) не однажды упомянут *войлок коровяк* или *короветник*, т. е. войлок сбитый из коровьей шерсти (СлРЯ XI–XVII вв., 7: 91, 334–335, 336; ПОС 2004: 271). В городах отмечены и дворы *войлошников*, т. е. изготовителей войлока, в частности в Нижнем Новгороде (СлРЯ XI–XVII вв., 2: 309–310). Коровья шерсть — *короветина* фиксируется и в XIX в. (СРНГ 1978: 357; Даль 1881: 168). Сохранились и упоминания изделий из *короветины*. В росписи цен 1649 г. на товары в Сибири отмечены «стельки вязанья коровьи цена 4 деньги» (СлРЯ XI–XVII вв., 7: 334–335).

Эти сообщения указывают на широкую практику разведения в то время коров, имевших исключительно высокую обволошенность, что делало целесообразным их стрижку (скорее всего, весной). По замечанию Г. Поварнина, для кожевников-кустарей в XIX в. сбыт отходов производства иногда составлял значительный процент их дохода. Вообще сбывались шерсть и хвосты, рога, мездра, одубина, подзол, стружка дубленого товара — хотя не всегда и не все кожевники утилизovali. Главный вид отходов — шерсть — сбывали обычно шерстобитам, шаповалам. Она шла на изготовление войлока, набивание тюфяков, сучение нитей и многое другое. Ценность шерсти сильно различалась по видам животных. Если конская шерсть была малоценной, то шерсть КРС находила широкий сбыт. Именно коровья шерсть — *короветина* наиболее часто встречается в письменных источниках XVI–XVII вв. Белая шерсть ценилась дороже черной, рыжей или смешанной, а мытая и сушеная была дороже невымытой и свежеснятой. Промывка шерсти требовала большого количества воды, желательна проточной (Поварнин 1912: 174–177).

Сам факт получения от стрижки коров массы шерсти, достаточной для сбивания порции войлока, предполагает животное, похожее по плотности воло-

сяного покрова на овцу или козу, что сейчас трудно представить. Хотя следует признать, что именно такие формы домашних животных в средние века культивировали в условиях открытого зимнего содержания. Историки обращали внимание на особую породу монгольских лошадей — низкорослых и косматых, сильно обволосенных. Сегодня эта порода в наиболее чистом виде сохранилась в форме тувинской лошади. Их современное разведение и условия содержания описал В. Даржа. Знающий материал «изнутри», прошедший многие годы жизни в традиционной тувинской среде, автор описывает содержание лошадей на вольном выпасе даже в самые суровые зимы. Выживанию лошадей сильно помогает их густая шерсть. А постоянное питание зимой старыми ветками деревьев и корой не способствует росту животных (Даржа 2003: 13–14). Об этом же писали и этнографы: «Тувинская лошадь, относимая к так называемой монгольской породе, отличается сравнительно низким ростом, но очень вынослива... Густая шерсть позволяет ей переносить зимой сильные морозы» (Вайнштейн 1972: 27).

Этот пример позволяет представить себе содержание средневековых домашних животных в русских городах лесной полосы — в открытых загонах, под навесами или в неотапливаемых легких загородках. Выпас же их проходил вблизи городской застройки, на общинных лугах — *поскотинах*, с пастухом или без него. Поэтому не вызывает удивления наличие в позднесредневековых городах таких традиционно сельских занятий, как битье войлока и пастушество. Пастухи отмечены среди жителей ряда городов. Во Владимире был в 1659 г. *пастушный конюх*, в 1590-е гг. 4 пастуха жили на посаде Калуги, а в Твери два *животинных пастуха* значились в 1626 г. Известны пастухи и в Пскове в конце XVI—первой половине XVII в. (СлРЯ XI—XVII вв., 14: 167; Города России XVI в. 2002: 221–252; Выпись 1626 г.; Зуев 1984: 26–28). В городах упоминаются и *воловники* — работники, ухаживающие за скотом, например в Ярославле на 1646 г. записан «дв(орь) посацково человека Тереньтя Максимова сына воловника» (СлРЯ XI—XVII вв., 2: 317).

В источниках имеются и сообщения, свидетельствующие о сложившейся практике свободного отпуска животных зимой в лес. Например, в Книгах законных, сохранившихся от XV в., но восходящих к XII—XIII вв., записано: «Аще кто в лесе дровь рубя не постережетъ, но падь дерево и убить вола или осла, или кьи бо скоть, дасть животину за животину» (СлРЯ XI—XVII вв., 4: 175).

Выпас городского и сельского домашнего скота в окрестных лесах и лугах был всегда сопряжен с вероятностью нападения на них диких животных. Это отражено в записях, упоминающих скот, умерщвленный хищными зверями, а также *зверобойные* шкуры, снятые с таких особей: «[1623–1632] А иной де скоть... въ болотехъ и въ грязехъ тонеть, и на лесу зверь побиваетъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 15: 126). «[1687] Ему ж отведено две кожи коровьих сырых да кожа бычьа большая да кожа бычьа сырая, зверобойны обе» (СлРЯ XI—XVII вв., 5: 351). «[1697] Въ лесу тое ево Андрееву корову он Кирила мертвою видел, зарезал тое корову зверь» (Там же: 287).

Исследовательские трактовки

С выводом о мелкопородности скота в средней полосе России согласны многие отечественные историки (напр.: Горская 1977: 94), хотя большинство исследователей настаивает на существовании в Московии развитого племенного скотоводства. Так, по заключению Л. Н. Вдовиной, в XVII в. начинается складываться специализация отдельных регионов на разведении породистого скота, прежде всего в зонах обширных заливных лугов в бассейнах крупных рек, таких как Северная Двина и Волга, где ежегодные разливы рек дают обильные корма с определенным минеральным составом, полезным для нагула животных (Вдовина 1979: 51–52). Действительно, трава и сено двинских заливных лугов были высокопитательными, не уступая по кормовым качествам бобовым посевным травам, поэтому на Северной Двине значительные земельные участки были заняты заливными лугами, дающими обильные урожаи сена и пастбищной травы. Наиболее богатые заливные луга были вокруг г. Холмогоры. В древних актах встречаются записи о продаже, покупке, вкладах и завещаниях *пожен* и *поскотин*. «[XV в.] Се купи... въ лесехъ участокъ... и с подскотин(о)ю участокъ; а межа тои п(о)скотине отъ погоста по речке Турокурие» (СлРЯ XI–XVII вв., 16: 57).

Ф. И. Резников приводит сравнительные размеры холмогорского и новгородского КРС в первой половине XVIII в. Эти данные показывают, что холмогорские быки и коровы были исключительно крупными: их средняя высота в холке составляла 120–129 см, тогда как у новгородских — 101,9 см, что соответствовало росту средневековых животных. Средний вес холмогорских быков составлял 549 кг, тогда как новгородских — 214 кг, а коров — только 183 кг. Именно высокая продуктивность холмогорского скота в XVII в. заставила царя Алексея Михайловича закупить в 1664 г. в Холмогорах и Архангельске коров и быков для своих имений (Резников 1960: 107, 116–117, 123, 126). Однако в примечаниях Б. Курца к «Запискам» И. Кильбургера уточняется, что крупными в составе купленного Алексеем Михайловичем стада были только английские животные (Курц 1915: 302).

Из Записок капитана Ф. И. Страленберга мы знаем и о закупках Алексеем Михайловичем в свое хозяйство породистых лошадей для организации конных заводов: «Охота его до конех також в государстве немалую ползу имела, ибо по указу его приведены были из Прузии многия изрядныя жеребцы и кобылицы и разные учреждены были на способных местах заводы, от чего при дворе его, також и в коннице, в кратком времени доволное число добрых лошадей возрасло» (Записки Страленберга... 1985: 94).

Одним из признаков современного животноводства является стойловое содержание скота в зимнее время в теплых, отапливаемых помещениях. Наверное, именно такое понимание историки переносят на средние века, рассуждая о стойловом содержании домашнего скота в древнерусском селе и в городах как свидетельство развитой культуры животноводства. Однако исследования

А. А. Шенникова показывают, что отапливаемые хлева даже в XIX в. были скорее исключением, а повсеместными были холодные закрытые хлева-стойла или открытые навесы (Шенников 1992: 72–73). Поэтому надо признать, что одной из причин мелкости домашнего скота, особенно лошадей и КРС, было отсутствие традиции стойлового содержания домашних животных. Именно отсутствие специальных помещений для скота заставляло жителей при особо сильных морозах или в других экстренных ситуациях заводить скот в жилую избу или подсобные строения. В другое время (по-видимому, почти круглый год) животные содержались под открытыми навесами, по сути — на вольном выгуле, сами добывая себе пропитание. В условиях лесной полосы это означало, что животные могли кормиться в лесу тем, что отрывали из-под снега, а также обгладывая ветки и стволы деревьев. Такой рацион вреден для домашних животных, что было доказано русскими животноводами еще в XIX в. И хотя хозяйственные документы XVI–XVII вв. часто упоминают заготовку сена, но его видимо не хватало на весь зимний период.

Неразвитость зимнего стойлового содержания скота в лесной зоне средневековой Руси подтверждают палеозоологи, обращающие в последние годы больше внимания на патологии скелетных остатков. Для примера приведем результаты изучения коллекции костей, собранных на средневековом селище Ближнее Константиново-1 под Нижним Новгородом. Это поселение существовало не более столетия — с рубежа XIII–XIV вв. до начала XV в. (Грибов 2005: 22–27). Е. Е. Антипина подчеркивала малорослость всех видов домашних животных и отмечала значительное число забитых на мясо особей молодняка и возраста маточного стада, а также рабочего скота, что нельзя считать характерным для стационарного хозяйства. В то же время доля животных старших возрастных групп выглядит неоправданно малой. На зубах КРС и МРС отмечены патологии, свидетельствующие о поедании грубых кормов, а на костях скелетов видны патологические изменения, говорящие о воздействии сырости и холода — неблагоприятных факторов содержания скота. Кроме того, на костях быков и коров имеются деформации (окаменения), говорящие о значительных физических нагрузках при жизни. Характеризуя животноводческое хозяйство жителей этого средневекового села, исследовательница отмечала: «Существование на поселении указанных направлений (мясного и молочного. — А. К.) прижизненного использования крупного рогатого скота, наряду с его наибольшей численностью в стаде, могло бы стать достаточным для обоснования существенной роли высокоразвитого скотоводства в экономике изучаемого поселения. Однако крайне мелкие размеры животных и ряд патологий, указывающие на постоянный недокорм разводимого на поселении скота, противоречат этому выводу. Анализ экстерьера сельскохозяйственных животных других видов и вероятных форм их прижизненной эксплуатации на Ближнем Константинове заставляет еще больше сомневаться в возможности характеристики скотоводческой деятельности как масштабной и высокотехнологичной» (Антипина 2009: 199–201, 206). В целом, малорослость домашнего скота сопоставима с оценкой животных, описанных научной экспедицией Академии наук в цент-

ральных и восточных областях европейской части России во второй половине XIX в. (Миддендорф 1884–1885).

Подобное заключение склонны поддержать и другие исследователи. Например, археологи, изучающие Старую Руссу, считают большое число прутьяных веников, найденных в слоях XI–XIII вв. на Пятницких раскопах, доказательством кормления ими домашнего скота зимой (Торопова и др. 2008: 270).

Палеозоологи обосновывают эколого-хозяйственную причину низкорослости КРС на Северо-Западе средневековой Руси, связывая ее с доминированием трехпольной системы земледелия, при которой большую часть КРС содержали почти исключительно ради получения навоза, необходимого для удобрения истощающихся полей. Для сравнения приводится ситуация в заокской лесостепи, где мощные черноземы позволяли десятилетиями получать удовлетворительные урожаи при ежегодном посеве, без черных паров и удобрения земли навозом. Скот здесь держали ради мяса и молока и поэтому заботились о его достаточном прокормлении. Такая же традиция, по мнению зоологов, издавна была присуща и хозяйству населения Русского Севера, где позднее была выведена высокопродуктивная порода КРС — холмогорская (Антипина, Маслов 1996: 246–247; Антипина, Лебедева 2005: 70–78).

Можно полагать, что малорослость скота в лесной зоне Древней Руси связана с неразвитостью приемов стойлового содержания скота в зимний период. О том, что для получения максимального количества навоза скота содержали намного больше, чем могли обеспечить полноценным кормом, писали уже историки и агротехники (Болотов 1952; Рожков 1890). Величина стойлового периода в средних широтах, по данным XIX–начала XX в., составляет 5–6 месяцев в году. Такое содержание должно означать заготовку потребного количества фуража на весь стойловый период, а также качество этого фуража. Заготовка сена на столь длительный срок должна быть обеспечена орудиями сенокосения и местами хранения сена.

В свете неразвитости стойлового содержания домашнего скота и длительного отпуска его на подножный корм надо рассматривать и длительное сохранение в хозяйствах кос-горбуш. Изменения их формы в древнерусский период, казалось бы, дают основание для вывода о повышении эффективности средневековой сельскохозяйственной деятельности (Левашева 1956: 91). Позднее эти выводы В. П. Левашевой поддержал М. А. Миролубов, писавший, что косы-горбуши XIV в. уже мало отличимы от орудий XVII–XIX вв. (Миролубов 1984: 170).

Кажущийся показатель прогресса в развитии сельскохозяйственного инструментария на примере косы-горбуши не является свидетельством изменений принципа содержания скота, поскольку эта коса не приспособлена для длительного кошения обширных площадей, для которых существовал более эффективный инструмент — коса-литовка. Но эти косы встречаются на миниатюрах не ранее конца XVI–начала XVII в., а в археологических материалах средневековых памятников вообще не выделены. Конструктивно косы-горбуши легко отличимы от кос-литовок, у которых косовище крепится не в одной плоскости с лезвием косы, а почти под прямым углом к нему. Это позволяет

определенно считать, что все археологические находки являются вариантами косы-горбуши.

О распространении кос-литовок можно говорить только на основе письменных источников по русскому земледелию XVI в., в которых часто упоминаются орудия сенокосения. Так для района Белоозера в это время преобладали косы-*горбуши*. В районе Вологды упоминаются косы-*литовки* и просто косы, но не горбуши, которые здесь хорошо известны и продавались. Источники для центра Русского государства упоминают просто косы (обычно изделия местных мастеров), косу-*литовку* и косу *дорожную*, т. е. *горбушу* (Горская 1977: 58–63). В районах Верхнего Днепра и Угры, в Туле, Болхове и Ельце были распространены косы-*литовки* (*ляцкие*) или *большие косы*, видимо, противопоставляемые косам-*горбушам*. Но нельзя говорить о значительном вытеснении в то время *горбуш* из хозяйственного использования. По сведениям С. В. Бахрушина, Кирилло-Белозерский монастырь приобрел в 1605 г. в Вологде сразу 367 кос-*горбуш* и только 60 *литовок* (Бахрушин 1952: 71). В целом, обзор источников позволяет считать, что широкое внедрение *литовок* для уборки урожая в России начинается только с XVIII в. Известен Указ Петра I от 1721 г. на имя президента Камер-коллегии князя Голицына «Об отправлении в разные хлебородные места крестьян для обучения местных обывателей снимать хлеб с поля косами». Он показывает, что *литовки* использовались в хозяйствах незначительно и в основном для сенокосения (Торэн 1967: 65–66). Приведенный обзор работ подтверждает общую правомерность выводов историков, считающих, что «видимо, в XV–XVI вв. косу-горбушу стала вытеснять (там, где позволяли местные условия) коса-литовка» (Горский 1969: 108, 109, 111, рис. на с. 86). Точности ради надо отметить, что сегодня нет оснований говорить о начале смены косы-*горбуши* на *литовку* в XV в.

О том, как заботиться о домашнем скоте, содержать и кормить его, пространно разъясняют статьи Домостроя. Хотя их надо считать скорее рекомендациями, которые только внедрялись в крупных хозяйствах, но не были повсеместным явлением. Обеспечение кормами лошадей показывают записи архива Иосифо-Волоколамского монастыря, где «по смете» овес рассчитан на 7 месяцев — с 1 октября до 1 мая. По разным источникам оценивается и потребность в сене отдельных хозяйств. В то же время отмечается, что норма расхода сена на одну голову домашних животных в тенденции конца XVI в. снижается и по ряду данных обеспеченность кормами в некоторых уездах и городах была значительно меньше нормы (Горская 1977: 92–97).

Нехватку сена в зимний период покрывали за счет менее калорийной соломы. Повсеместная практика такого рода привела к появлению в XVII в. уничижительных пословиц: «Привыкаи коровка ко ржаной соломке» (СлРЯ XI–XVII вв., 19: 124). Можно добавить, что возможности определять преимущественное кормление соломой недавно подтверждено естественнонаучными методами изучения навоза из культурных слоев города (Гольева 2010). При дефиците кормов скот кормили ветками окрестных деревьев и кустарников, для чего животных выпускали днем из загонов. Документы подтверждают, что на

состав стада в отдельных хозяйствах сильно влияли эпизоотии и бескормица. Это многократно отражено в документах: «[1691] От бе(с)кормицы многая скотинишка испомерла» (СлРЯ XI–XVII вв., 6: 284).

Следует критически рассмотреть и мнение А. Д. Горского о ценности тонких шкур в кожевенном деле (Горский 1969: 108). С таким суждением нельзя согласиться. Более того, оно прямо противоречит представлениям о ценности русских кож, которое высказывали иностранцы. Резкое повышение интереса на Западе к «русской коже» и изделиям из нее в XVI–XVII вв. неоднократно отмечали иностранцы — П. Иовий, С. Герберштейн, Р. Барберини, А. Поссевино и др. Особый интерес (по Дж. Флетчеру) вызывали: 1) кожи взрослых особей КРС, имевшие большой размер и толщину; 2) кожи МРС, использованные на *кордуан*, в чем Запад испытывал недостаток уже с XIII в.; 3) лосиные шкуры, наиболее крупные и прочные среди других; из них шили штаны (лосины) и сапоги для кавалерии (Курбатов 2009а: 125). Видно и большое торговое значение толстых кож, присутствующее в заметках европейцев. Так, Дж. Флетчер отмечал, что «лоси самой крупной породы водятся около Ростова, Вычегды, Новгорода, Муром и Перми, а мелкой — в царстве Казанском» (Флетчер 1906: 12–13). А И. Кильбургер отмечал сбор русскими крупных сырых шкур на широком пространстве Восточно-Европейской равнины: «Сама Россия имеет только посредственный скот... отчего прекраснейшие и наибольшие кожи отовсюду собираются и скупаются (русскими). При этом берется во внимание зимняя дорога, в какое время торговцы кож и выделщики юфти путешествуют по Подолии и Украине, а также в Лифляндии, и все, что могут только получить, скупают» (Курц 1915: 100). Доставкой в крупнейшие кожевенные центры шкур занимались не только кожевники, но и мясники, пригонявшие скот в города (СлРЯ XI–XVII вв., 9: 344; 25: 6).

Все изложенное выше позволяет считать некоторые высказывания историков не соответствующими реальному положению дел. Так, в работе Г. Е. Кочина по истории сельского хозяйства на Руси читаем: «Специалисты, занимающиеся историей нашего отечественного животноводства и коневодства, все же приходят к выводам, что тяглые, сильные выносливые лошади выращивались в местных условиях путем хорошего ухода, режима и улучшенного корма» (Кочин 1965: 258). Предположение о высоком развитии животноводства не только в XVI–XVII вв., но уже в древнерусское время, иногда косвенно рассматривают как основание для представлений о высокой степени развития кожевенного дела в древнерусском городе. Однако современные исследования доказывают ошибочность такого взгляда. На протяжении всего средневековья техника и технология выделки кож развивалась и совершенствовалась крайне медленно. Интерес Запада и Востока к «русской коже», проявившийся только в XVI в., свидетельствует о совершенствовании кожевенного дела (Курбатов 2008: 472–476), однако в отдельных технических операциях кожевники Московии еще не достигли европейского уровня. Так, в XVI–первой половине XVII в. в русских городах не выделывали сафьян и кордуан, и весь он был привозным. Первый сафьянный «завод» был поставлен в подмосковном хозяйстве царя Алек-

сея Михайловича на Москве-реке в 1666 г. (Федоров 1887: 9). Долгое время в России не было широко распространено качественное тиснение по коже (Курбатов 2009б: 208–209).

Предложенный сюжет показывает тесную связь двух разных сторон средневековой деятельности — животноводства и профессионального кожевенного ремесла. Очевидной представляется неправомерность попыток преувеличивать степень развития этих занятий в средневековой России.

Антипина 2009 — *Антипина Е. Е.* Археозоологическая информация к изучению хозяйства жителей средневекового села Ближнее Константиново-1 под Нижним Новгородом // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М., 2009. Вып. 1. С. 172–208.

Антипина, Лебедева 2005 — *Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю.* Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // Российская археология. 2005. № 4. С. 70–78.

Антипина, Маслов 1996 — *Антипина Е. Е., Маслов С. П.* Эколого-хозяйственная обусловленность размеров крупного рогатого скота севера Древней Руси // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 243–248.

Асыргараева 2003 — *Асыргараева Г. Ш.* К вопросу о формах животноводческой деятельности булгаро-татарского населения (на примере древней Казани) // Новейшие археозоологические исследования в России: К 100-летию со дня рождения В. И. Цалкина. М., 2003. С. 116–138.

Бахрушин 1952 — *Бахрушин С. В.* Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI–начала XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1.

Болотов 1952 — *Болотов А. Т.* Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М., 1952.

Вайнштейн 1972 — *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевго хозяйства. М., 1972.

Вдовина 1979 — *Вдовина Л. Н.* Земледелие и скотоводство // ОРК XVII в. 1979. Ч. 1. С. 25–54. Выпись 1626 г. — Выпись из писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 г. // Тверская ученая архивная комиссия. Тверь, 1901.

Герберштейн 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.

Гольева 2010 — *Гольева А. А.* Информационные возможности естественнонаучных исследований отложений навоза в культурных слоях // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М., 2010. Вып. 6. С. 298–302.

Города России XVI в. 2002 — Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Подгот. Е. Б. Французова М., 2002.

Горская 1977 — *Горская Н. А.* Земледелие и скотоводство // ОРК XVI в. 1977. Ч. 1. С. 43–98.

Горский 1969 — *Горский А. Д.* Сельское хозяйство и промыслы // ОРК XIII–XV вв. 1969. Ч. 1. Материальная культура. С. 34–155.

Грибов 2005 — *Грибов Н. Н.* Русское владельческое село эпохи Золотой Орды в археологическом освещении (по материалам селища Ближнее Константиново-1) // Материалы междунар. науч. конф. «Сельская Русь в IX–XIV вв.: от новых методов изучения к новому пониманию». Кириллов, 2005. С. 22–27.

Даль 1881 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2.

Даржа 2003 — *Даржа В.* Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003.

Записки Страленберга... 1985 — Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. М.; Л., 1985. Т. 1.

Зуев 1984 — *Зуев М. И.* Состав отраслей ремесленного производства в Пскове конца XVI—середины XVII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли: ТД научно-практ. конф. Псков, 1984. С. 26–28.

Конецкий 2009 — *Конецкий В. Я.* Хозяйство и промыслы населения Приильменья в конце I—начале II тыс. н. э. // История экономики Великого Новгорода и Новгородской земли: Очерки хозяйственного развития. Великий Новгород, 2009. С. 7–19.

Кочин 1965 — *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII—начало XVI в. М.; Л., 1965.

Курбатов 2008 — *Курбатов А. В.* Этапы технического совершенствования в кожевенном деле средневековой России // Труды II (XVIII) Всероссийского АС. М., 2008. Т. 2. С. 472–476.

Курбатов 2009а — *Курбатов А. В.* Торговля кожевенными товарами в средневековой России или «феномен русской кожи» // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009. С. 122–133.

Курбатов 2009б — *Курбатов А. В.* «Монашеские пояса» и параманды в связи с техническими традициями древнерусского кожевного ремесла // ЗИИМК РАН. 2009. № 4. С. 195–211.

Куриц 1915 — *Куриц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.

Левашева 1956 — *Левашева В. П.* Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1956. С. 19–105 (Труды ГИМ. Вып. 32).

Миддендорф 1884–1885 — Миддендорф А. Ф. (ред.). Исследования современного состояния скотоводства в России. М., 1884. Вып. 1; 1885. Вып. 2. Рогатый скот.

Милов, Вдовина 1985 — *Милов Л. В., Вдовина Л. Н.* Культура сельскохозяйственного производства // ОРК XVIII в. 1985. Ч. 1. С. 39–147.

Миролюбов 1984 — *Миролюбов М. А.* Орудия сенокосения Новгородской земли X–XIV вв. // Новгородский край: Материалы науч. конф. Л., 1984. С. 165–170.

Молтби, Гамильтон-Даер 1995 — *Молтби М., Гамильтон-Даер Ш.* Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // ННЗИА. 1995. Вып. 9. С. 129–156.

Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990.

Павел Алеппский 1898 — *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 4: Москва, Новгород и путь от Москвы до Днестра // ЧОИДР. 1898. Кн. 4. С. I–X; 1–195.

Поварнин 1912 — *Поварнин Г. Г.* Очерки мелкого кожевного производства в России. СПб., 1912. Ч. 1: История и техника производства.

ПОС 2004 — Псковский областной словарь. СПб., 2004. Вып. 15.

Равдоникас 1950 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога, ч. II // СА. 1950. № 12. С. 7–40.

Резников 1960 — *Резников Ф. И.* Скотоводство в низовьях р. Северной Двины в XVII–XVIII вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960. Сб. 4. С. 105–138.

Рожков 1890 — *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1890.

СЛРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2; 1977. Вып. 4; 1978. Вып. 5; 1979. Вып. 6; 1980. Вып. 7; 1982. Вып. 9; 1988. Вып. 14; 1989. Вып. 15; 1990. Вып. 16; 1994. Вып. 19; 2000. Вып. 25.

СРНГ 1978 — Словарь русских народных говоров. Л., 1978. Вып. 14.

Торопова и др. 2008 — *Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Фролова Е. Е., Добрава О. П., Колосницын П. П., Воронков И. А.* Археологические исследования 2007 г. в Старой Руссе // ННЗИА. 2008. Вып. 22. С. 265–275.

Торэн 1967 — *Торэн М. Д.* Способы уборки хлебов // Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (Середина XIX—начало XX века). М., 1967. С. 60–84.

Федоров 1887 — *Федоров И. А.* О состоянии сафьянного дела при царе Алексее Михайловиче. Тверь, 1887 (Издание Тверской Ученой архивной комиссии. Вып. 1).

Флетчер 1906 — *Флетчер Дж.* О государстве Русском. 3-е изд. СПб., 1906.

Цалкин 1971 — *Цалкин В. И.* Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского Кремля. М., 1971. С. 164–185 (МИА. № 167).

Шенников 1992 — *Шенников А. А.* Длинный дом и крытый двор (Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX—начала XX в.). СПб., 1992.

OLD RUSSIAN ANIMAL HUSBANDRY AND THE PROBLEM OF COLLECTING RAW HIDES

A. V. Kurbatov

The hypothesis stating the high level of the Old Russian animal husbandry often serves as an indirect argument in favor of the conclusion that the Old Russian tanning industry was highly developed too. However, there are grounds to consider these views erroneous. The osteological materials from archaeological excavations of medieval Russian towns, as well as written records of the XVI-XVII centuries, clearly show the small size of livestock. One of the causes seems to have been the absence of the tradition of stall barn housing. In all likelihood, almost all year round the animals were kept in open sheds and had to fend by themselves. In the forest zone they could browse trees, feeding on twigs and bark, or dig some food under the snow. Such a ration is harmful for domestic animals, as was proved by Russian stock-breeders as early as the XIX century. The underdevelopment of the winter stall barn housing in medieval Russia is confirmed by paleozoologists. They link the small size of domestic animals in the north-west of medieval Russia with the dominance of the three-field system. Under this system cattle was kept first of all for the sake of dung, needed to fertilize quickly exhausting fields. Thus, both written and archaeological data confirm the existence of a close relationship between animal husbandry and tanning industry, and show that the degree of development of these trades in medieval Russia should not be overestimated.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РУССКИХ САНЕЙ (технологический аспект)

М. И. ВАСИЛЬЕВ

Сани являлись одним из самых распространенных транспортных средств на Руси (Воронин 1948; Колчин 1968; Арциховский 1969). Однако вопрос об изменении во времени устройства русских саней большинство исследователей рассматривало лишь в самых общих чертах (напр.: Арциховский 1969; Марасинова 1976 [1977]; 1985; Ковригина, Масаринова 1979; Бежкович 1959; Лебедева 1987).

Конструктивно сани состоят из двух основных частей — ходовой части с рамой («станок», «стан» или «ход») и кузова, каждая из которых, в свою очередь, делится на ряд деталей (или элементов). Рассмотрим вначале устройство ходовой части саней.

Согласно наиболее распространенному мнению, русские средневековые сани (рис. 1) состояли из четырех элементов: полозьев, копыльев, вязов и грядок (Колчин 1968: рис. 45, табл. 44; Хорошев 1997: табл. 84, 1; 85, 12–16). Этнограф Р. В. Каменецкая считает, что древненовгородские сани включали те же четыре элемента, но имели при этом иную конструкцию грядки (нащеп), что принципиально меняет конструкцию саней. По мнению исследовательницы, грядка не заканчивалась за первым копылом саней, как считают археологи, а продолжалась дальше и скреплялась с головками саней (Каменецкая 1990: 130–131, рис. 5). Археолог С. Н. Орлов (1954: 191–208, табл. XXI, 8; XXII, 6; XXIII, 2) предлагал иную, пятиэлементную конструкцию, включающую стяжку между платформой и головками полозьев (рис. 2, 1, 2). По классификации А. О. Вийреса, первая реконструкция саней представляет собой «сани с грядками», вторая — «сани с грядками-стуженями», третья — «сани со стуженем» (Вийрес 1979: 8–13).

С технологической точки зрения первая реконструкция страдает серьезным изъяном, ибо отсутствие стяжек между головками саней и платформой неизбежно ведет к разгибанию головок полозьев, что приводит к постепенной утрате рабочих свойств саней и к значительному увеличению длины оглобель (до 3,5–4 м). Между тем длина новгородских оглобель составляет обычно 250–290 см (Колчин 1968: 53; Дубровин 2000. Т. 1: 140, табл. 24) и только одна находка превысила 350 см (Дубровин 2000. Т. 1: 140, табл. 24). Позиция Р. В. Каменецкой не подтверждается фактическими материалами: археологические находки дают короткие нащепы (см.: Колчин 1968: табл. 39, 2, 4; 42, 10; 57, 4).

Как справедливо предполагал С. Н. Орлов, между головками саней и платформой в древнерусских санях должна была располагаться пятая деталь саней — стяжка, так называемый «стужень» (Орлов 1954: 191–192, табл. XXI, 8). Однако его попытки определить некоторые из обнаруженных в Старой Ладого пред-

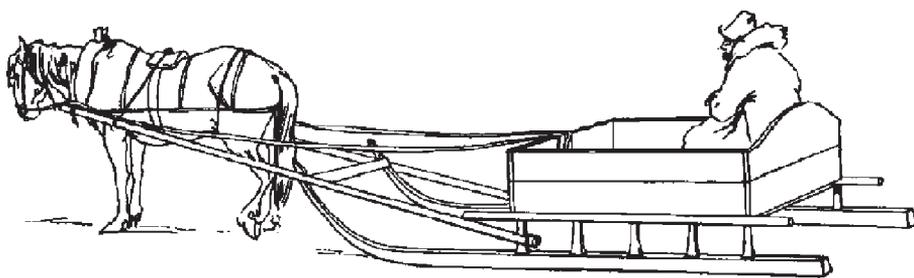

Рис. 1. Реконструкция древнерусских саней Б. А. Колчина (1968: рис. 45)

метов в качестве стяжек-стуженей серьезно не обоснованы. На мой взгляд, археологические материалы вообще пока не дали достоверных находок этой детали. Это связано с тем, что стужень трудноопределим в разрозненных материалах. Кроме того, стяжка могла изготавливаться не только из деревянных прутьев, как это делалось в этнографических санях, но и из веревок, как следует из ряда изобразительных материалов XVI в.¹ Первые прямые свидетельства стяжки-стужени появляются только в графических материалах XVI в. (рис. 3), где он изображается в виде довольно толстого прута-вяза или в виде толстой веревки (Герберштейн 1988: рис. 21–22; Марасинова 1977: рис. на с. 290).

Косвенные свидетельства наличия стяжки-стужени дают находки полозьев с крутым изгибом головок (см. ниже), а также миниатюры Сильвестровского сборника второй половины XIV в. и Радзивилловской летописи конца XV в. (Сказание о Борисе и Глебе 1985: рис. 1, 6, 20; Радзивилловская летопись 1994: 6, ил. 565 на л. 224 об.). Несомненно, что именно стужени задают характерный крутой изгиб передней части изображаемых кузовов саней и «возов». Еще одним косвенным свидетельством является конструкция оформления ряда головок полозьев: в частности, головка полоза из Старой Руссы, имеющего с внешней стороны две врубки (НГОМЗ, КП 41640-91). Маловероятно, что обе они предназначались для головного вяза.

Таким образом, стяжка-стужень является отличительной чертой русских (в истоках восточнославянских) саней на протяжении всей российской истории. Правильность предложенной реконструкции средневековых новгородских саней подтверждается косвенным образом и концепцией генезиса восточнославянских саней, относящихся к так называемому восточноевропейскому типу. По утверждению А. О. Вийреса, который ввел данный термин в научный оборот, сани «восточноевропейского типа», или «сани со стуженем», возникли на основе простых грядочных саней с полозьями из копани, которые «с течением времени стали делать по примеру северных легких охотничьих саней», имевших гнутые полозья (Вийрес 1979: 13).

¹ Интересно, что помимо саней веревочные поводки-потяги для поднимания головок полозовых средств передвижения при спусках с гор встречаются и у средневековых лыжников (см., напр.: ОРК 1969: миниатюра на с. 148).

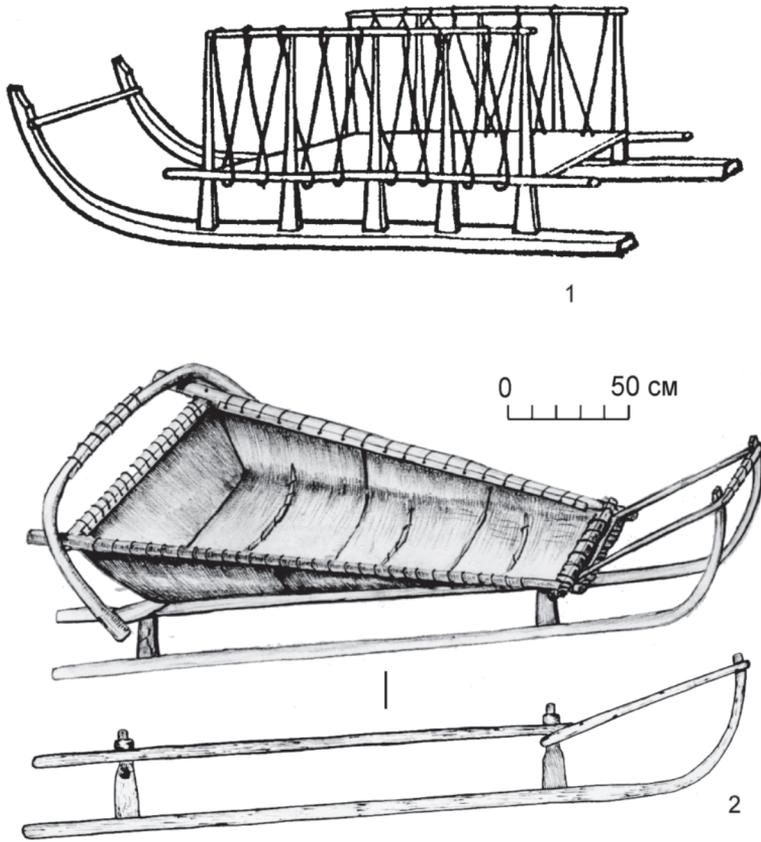

Рис. 2. Реконструкции древнерусских саней: 1 — Р. А. Каменецкой (1990: рис. 5); 2а, 2б — С. Н. Орлова (1954: табл. XXII, 6; XXIII, 2)

Восточноевропейские сани серьезным образом отличаются от саней западноевропейского типа. Помимо отсутствия стуженя характерной чертой «западноевропейских» саней являются низкие головки полозьев, в то время как «восточноевропейские» имеют высокие головки (Там же: 13–15).

А. О. Вийрес полагает, что в основе формирования разных ареалов саней в Западной и Восточной Европе лежат факторы природного порядка. Как указывает исследователь, «западные» сани связаны прежде всего с теми районами, где высота снежного покрова не превышает 20 см, а с высокими головками распространены в основном там, где высота покрова более 30 см (Там же: 15–16). В итоге, исходным для «восточноевропейского» типа А. О. Вийрес считает вариант саней с полозьями из копани с высокими головками. В соответствии с этим исследователь очерчивает их первоначальный ареал. Сани «восточноевропейского» типа появились, по мнению А. О. Вийреса, «где-то в Северо-Восточной Европе с ее глубоким и длительным снежным покровом» (Вийрес 1985: 130).

На мой взгляд, первоначальный ареал «восточноевропейского» типа саней мог охватывать более обширные территории и, прежде всего территорию Северо-Запада, а также средней полосы Восточной Европы, т. е. всю лесную зону Восточно-Европейского континента. Появление саней этого типа следует связывать с земледельческими, а не охотничьими и рыболовецкими культурами указанной зоны. В хронологическом отношении это произошло, вероятно, во второй половине I тыс. н. э., при расселении славян в Восточной Европе. На мой взгляд, преимущества по данному изобретению имеют районы совместного проживания славянского и финноязычного населения. Принимая подобные коррективы, можно утверждать, что из зоны генезиса саней «восточноевропейского» типа неизбежно выпадает Северо-Восточный регион, где отсутствуют необходимые для появления саней хозяйственно-экономические и этнические факторы.

При этом в возникновении «восточноевропейских» саней следует видеть не просто результат климатического фактора, а действие культурной традиции, которая в значительной мере повлияла на действие природных факторов. В свете такого подхода бытование в Прибалтике саней с низкими и высокими головками следует объяснять не просто воздействием природной среды, а тем, что данный регион издавна является границей между западноевропейской и восточноевропейской историко-культурными областями. Поэтому сани с высокими головками являются здесь следствием восточнославянского влияния, в то время как низкие — западноевропейского, в частности германского.

Другой характерной чертой древнерусских саней, сохранившейся и в последующие эпохи, является многокопильность (см., напр.: Колчин 1968: 52; Штыхов 1975: 89; Хорошев 1997: 126). За исключением небольших хозяйственных или детских катальных санок и незначительного числа более крупных саней (по Г. Е. Дубровину — тип Б и частично тип А1, а также единичные находки типа А2), имеющих по две пары копыльев, большинство саней имеют от 3—4 до 5—6 пар копыльев. Лишь некоторые полозья имели большие показатели. Три подобные находки с 7, 8 и 9 копыльями фигурируют в работах археологов (Колчин 1968: 53—54, табл. 28; Дубровин 2000. Т. 1: табл. 20). Еще два подобных полоза (с 8 и, вероятно, 9 копыльями) обнаружены мною в находках 1999 г. с XII Троицкого раскопа (17-1529-108; 17-1527/1528-116), еще один — с 11 отверстиями — в находках 1997 г. из Троицкого XI раскопа (17-1271-75).

Кроме них, в работах археологов упоминается о находке с 12 копыльными пазами (Колчин 1968: 52; Хорошев 1997: 126). Однако в таблице 28 у Б. А. Колчина и в наиболее полной сводке по новгородским полозьям Г. Е. Дубровина такая находка отсутствует (Дубровин 2000. Т. 1: 126—127, табл. 20), поэтому достоверность сведений о ней не ясна. Тем не менее косвенным свидетельством существования подобных саней является обнаруженная в 1999 г. на XII Троицком раскопе почти полная грядка, т. е. насаживаемая на копылья жердь, с 12 копыльными отверстиями.

По данному показателю средневековые сани в значительной степени сходны с этнографическими саниями Русского Севера (Васильев 1994: 93—97). Немногочисленные исключения составляют археологические полозья с макси-

Рис. 3. Герберштейн в санях. Фрагмент гравюры венского издания 1557 г. (Герберштейн 1988: рис. 22)

мальным числом копыльев — от 8 до 12 единиц, что превышает число в этнографических материалах. Другой характерной особенностью таких изделий является, как правило, меньшее расстояние между соседними копыльями, чем в повозках XIX–XX вв.

Что касается копыльев, то при сравнении археологических материалов с этнографическими можно отметить три серьезных различия (ср.: Колчин 1968: 53–54, табл. 30, 31; Бежкович 1959: 199–243). Первое заключается в том, что нижняя часть копыльев в упряжных санях X–XV вв. была обычно длиннее, чем в санях XIX–XX вв., что объясняется разницей в состоянии дорог. Вследствие огромной разницы в демографических показателях большинство средневековых дорог зимою из-за менее интенсивного движения нередко полностью заметалось снегом, после чего их приходилось прокладывать заново, что, естественно, требовало более высокого устройства платформы саней. Это подтверждается существованием еще в начале XX в. саней с высокими копыльями в некоторых районах Европейского Севера (Труды... 1913: табл. V, рис. 1).

Вторая особенность средневековых копыльев состояла в наличии у большей их части сучка-вяза, как правило, отсутствующего в санях более позднего времени. Третье серьезное различие состоит в значительно большей высоте верхней части археологических копыльев по сравнению с этнографическими (см.: Колчин 1968: табл. 30, 31; Дубровин 2000. Т. 1: табл. 21). Причина постепенного понижения верхней части копыла связана с изменениями в конструкции платформы саней, произошедших за это время.

Специфической особенностью древнерусских саней, отмеченной в реконструкциях Б. А. Колчина (1968: рис. 45, табл. 40, 44), по сравнению с этнографическими является значительное удаление первой пары копыльев от головок

полозьев, и, как следствие, размещение платформы/кузова в задней части полоза. По имеющимся данным, передние копылья саней X–XV вв. нередко отстоят от головок на 80–100 см и даже более метра (Там же: табл. 39, 2, 4; 40, 4; 44; 57, 4; НГОМЗ, КП 18574-67; 25372-157, 173; 41640-90). Судя по археологическим находкам, подобная особенность конструкции связана со сравнительно небольшим углом загиба головок древнерусских полозьев, не превышающим прямого угла. В результате подобного загиба полоза кузов занимал обычно чуть более половины его длины (задней части саней), не доходя до головок саней, как это принято в современных санях (Колчин 1968: рис. 45).

Начиная со второй половины XII в. наряду с вышеописанными полозьями в археологических материалах появляются также полозья, имеющие более крутой загиб головок. Он составляет от 90–95° до 120–130° [НГОМЗ, КП 18574-67, 17626-40(1), 17626-40(2), 25372-159; 25372-166, 36697-482; 41640-91; НВ 23080-419]. Подобный загиб головок мы видим и в санях, изображенных на миниатюрах Жития Бориса и Глеба, датируемого палеографами второй половиной XIV в. (Сказание о Борисе и Глебе 1985: рис. 1, 6, 20 на л. 117, 128, 152 об.). При переходе к эпохе Московской Руси данная тенденция стала доминирующей в легковых санях, а также отмечается в части грузовых и хозяйственно-бытовых зимних повозках, чему способствовала единая (унифицированная) технология производства ходовой части саней. В частности, такой загиб полозьев и расположение копыльев мы видим на многих миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. (ОР РНБ, Ф. IV, № 225, л. 129, 895; № 232, л. 275 об., 319–319 об., 357, 512 об.; № 233, л. 886; Подобедова 1965: рис. 124). Судя по этнографическим материалам, единственной зоной, сохранявшей более стойко древнерусские традиции, были глухие районы Русского Севера (Васильев 1994: 93–94).

Увеличение загиба головок приводит к изменению в расположении копыльев: они занимают теперь всю подошву полоза, что составляет около $\frac{2}{3}$ его длины. Тенденция размещения копыльев по всей длине полоза распространяется даже на сани с углом загиба головок до 90°, в частности, на археологическом полозе, обнаруженном в Москве. Такие полозья известны и по изображениям грузовых и хозяйственно-бытовых саней в Лицевом летописном своде (Рабинович 1964. Рис. 132, 1; ОР РНБ, Ф. IV, № 225, л. 865 об., 1033; № 233, л. 762; № 233, л. 348–348 об.). Меняются также положение и размеры платформы: она смещается вперед и занимает все пространство ходовой части саней до головок полозьев. Кроме того, уменьшается длина стяжки-стужения, что значительно увеличивает прочность конструкции.

Причины изменений могли быть связаны с более широким распространением легковых саней. Вероятно, известную роль в этом сыграла ямская гоньба, получившая особый размах с конца XV–начала XVI в. Это сразу потребовало сместить центр тяжести перевозимого груза (людей) вперед, поскольку раньше он приходился на заднюю часть полоза саней, что приводило к большим неудобствам для пассажиров — постоянным рывкам, тряске и т. д.

Безусловно, определенным образом с этим связано также изменение конструкции и места крепления оглобель. Как показывают археологические на-

ходки, в X—начале XV в. существовал способ крепления оглобель, отличающийся от этнографического и заключающийся в насаживании оглобель на копылья. Для этого в задних концах оглобель выдалбливались отверстия по форме копыльев (Колчин 1968: 53—54, табл. 43).

Подобный древнерусскому способ крепления оглобель изредка встречался в XX в. в Прибалтике и у западных славян (Viires 1980: joon. 13, 14, 15, *a, b*; Moszynski 1929: fig. 513, *l*), причем в некоторых случаях конец оглобли не насаживался на копыль, а огибал его (Viires 1980: joon. 13, 14; Moszynski 1929: fig. 513, *l*). Б. А. Колчин говорит об употреблении таких оглобель в XIX в. и на Севере России, правда, без ссылки на источник (Колчин 1968: 54). Однако мы не располагаем такими данными. Возможно, огибание копыла в европейских санях (в том числе и у славян) является более ранней формой прикрепления оглобель. На мой взгляд, это подтверждается и данными лингвистики: слово «оглобля», «оглобень» во многих славянских языках означает «сустав», а в литовском «glebti», «glebi» — «охватывать»; «globiu», «globti» — «обнимать» (Фасмер 1996: 117—118).

В эпоху Московской Руси распространяется новая, характерная для русских саней XVI—XX вв. деталь — завертки для оглобель, которые значительно увеличивают прочность саней и, соответственно, их маневренные качества.² Они изображаются не только на миниатюрах и гравюрах того времени, но и в письменных источниках (Никольский 1910: ОС; НА СПБИИ, ф. 276, оп. 1, № 100—1/9: 25; Разходная книга... 1852: 36, 37; СлРЯ XI—XVII вв., 5: 144). Вероятно, главной причиной произошедшей перемены было все то же удлинение кузова до головок и изменение загиба полоза. Во избежание поломки оглобель в узле соединения с копылом вследствие увеличения воздействовавших на него сил (из-за уменьшения расстояния до точки опоры) и для облегчения маневренности саней оглобли нередко приходилось крепить не к первому, а второму копылу, что при старой конструкции было просто невозможно.

Кроме того, несмотря на господство традиции использования в русских санях оглобель в течение всей российской истории, начиная со второй половины XVII в. мы наблюдаем постепенное увеличение дышловой запряжки за счет транспортных средств высшей знати,³ затем других привилегированных групп населения и, наконец, вообще городских легковых саней. Самое значительное увеличение дышловой запряжки происходит в середине XIX—первой трети XX в. (Ривош 1990: 83, 98).

Важной характеристикой ходовой части легковых саней, имевшей в начале и в конце исследуемого периода серьезные различия, является постановка копыльев. Уже в древнерусский период они имели иногда не только прямостоящие, но и наклоненные внутрь копылья (так называемые сани «с развалом ко-

² В настоящее время первые свидетельства этой детали относятся к XVI в., однако в перспективе археологические материалы могут дать и более раннюю датировку.

³ Яркой иллюстрацией к сказанному является царский Указ от 28 декабря 1681 г., запретивший в угоду знати среднему и мелкому дворянству двух-, четырех- и шестилошадную, по сути, дышловую запряжку (ПСЗРИ 1830: № 902).

пыльев»). Долгое время наклонные копылья имели такую же форму, как и в обычных санях. Прямые копылья были единственными в санях с развалом вплоть до середины XIX в. Затем они уступили первенство дугообразным.

Сани с дугообразными копыльями появились, вероятно, не ранее начала XIX в. Их возникновение было связано с применением металлических копыльев,⁴ или, как их называли, «подвязников» (Полевые материалы... 1982). В отличие от предшествующего времени, когда сани с развалом копыльев были малочисленными и не оказывали заметного влияния на развитие облика пассажирских саней, во второй половине XIX—начале XX в. доля таких саней стала значительной, в результате чего они начинают активно воздействовать на конструктивные особенности легковых повозок. В первой трети XX в. они активно входят и в деревенский быт (НГОМЗ, КП 17970, 17971, 37279; НВ 21322-44; Фонды АМДЗ: б/н; Зимние катания... 1992: рис. 20, б).

Определенное развитие дает история русских саней и в отношении конструкции кузова. Характерной особенностью древнерусских саней, отмеченной впервые Б. А. Колчиным, является то, что кузов у них равнялся ширине хода саней. Этот вывод был сделан, исходя из конструкции копыльев, обычно имевших значительно выступающую над нащепом верхнюю часть и являвшуюся естественным ограничителем ширины кузова (Колчин 1968: 54).

Одной из важных деталей этой части саней являлся так называемый «постельник», служивший дном кузова. Материалом для него, в частности, могли выступать «ленты толстого луба», обнаруженные в Новгороде в одном из развалов саней (Там же). Впоследствии постельник, выполненный из различных материалов (луба, драниц, прутьев, досок), постоянно присутствует под этим и рядом других названий в письменных и вещественных источниках (напр.: СлРЯ XI—XVII вв., 6: 237; Даль 1994: ст. 897; Куликовский 1898: 48, 104; К. Ф. Ф. 1891: 653; Фототека РЭМ: № 2494-17, 23, 24, 25/1).

По мнению археологов, у большей части древнерусских саней, «судя по копылам, был небольшой кузов, вернее, боковые стенки платформы высотой до 20—30 см» (Колчин 1968: 54, табл. 45; Хорошев 1997: 126, табл. 84, 1; 85, 12—16). С таким предположением можно согласиться только при условии, что детали кузова древнерусских саней не были при этом наглухо прикреплены к ходовой части. При наличии боковых или поперечных несъемных бортов кузова верхние части копыльев обязательно «несли бы на себе» следы крепления этих стенок в виде отверстий, зарубок, кольцевых канавок, деревянных или металлических гвоздей и т.д. Однако они отсутствуют почти на всех находках. Эпизодическое использование крепежных приспособлений позволяет предполагать, что связанный с ними несъемный тип кузова достаточно редко применялся в древнерусских санях. Вероятно, подобная конструкция кузова использовалась главным образом в легковых повозках.

⁴ Первые металлические копылья появляются на богатых санях западноевропейского типа во второй половине XVIII в., однако они представляют не обычные вертикальные стойки, а S-образные завитки, поддерживавшие кузов саней. См., напр.: Пыляев 1997: ил. на с. 207, вклейка 5 об. после с. 396.

Археологические материалы позволяют допустить, что у части саней могли использоваться съемные борта из драниц, луба, жердочек, заправленные за копылья по принципу плетня, веревочные переплеты и др. Лубяной кузов, судя по наименованию одного типа саней конца XV в., имел так называемые пошевни (Новгородские писцовые книги 1886: 191–192).

Наряду с ними можно предполагать и кузова, образованные вертикальными стойками-копыльями без каких бы то ни было дополнительных деталей. Причем среди них возможны повозки, имевшие разновеликие верхние части копыльев: с более высокими крайними парами или последней парой копыльев, как это нередко встречается в этнографических ручных санях. Затем находки отдельных развалов саней и особенно отдельных копыльев от упряжных саней с незначительной высотой верхней части (от 4 до 10 см) позволяют говорить о присутствии (хотя и незначительном) уже в эпоху Домосковской Руси полозных повозок с платформой без стоек, сходных с саями более поздних эпох, в том числе с этнографическими саями.

Пример достаточно детализированных изображений легковых саней с наглухо прикрепленным кузовом дают нам миниатюры Жития о Борисе и Глебе второй половины XIV в. Перед нами кузова с невысокой (до 50 см) задней спинкой, скрепленные с головками полозьев и не выходящие за пределы нащепов. Каркас кузова составляют вделанные в нащепы вертикальные стойки, часть из которых украшена в средней части полукруглыми утолщениями, и закрепленные на их верхних концах слегка изогнутые грядки (Сказание о Борисе и Глебе 1985: 117, 128, 152 об.).

В эпоху Московской Руси кузов саней не выходил за пределы нащепов. У части грузовых повозок постельник вместе с верхними выпусками копыльев являются единственными элементами кузова (ОР РНБ, Ф. IV, № 225, л. 275 об.). В других саях имелись невысокие дощатые, драничные или лубяные борта (Там же: л. 865 об., 1033).

Вероятно, с XVI–XVII столетий кузов хозяйственно-бытовых саней мог дополняться спинкой-«креслами», как это практиковалось в XIX–начале XX в. Косвенные свидетельства об этом дают легковые сани, изображенные в Лицевом летописном своде. Кузов этих саней представляет собой конструкцию, составленную из двух частей: задней спинки и присоединенной к ней передней части. Задняя часть кузова — кресла — представляет здесь вполне самостоятельную конструкцию, поскольку имеет бруски-откосы, скрепленные с грядками саней (см.: Марасинова 1977: рис. на с. 290).

Наряду с этим появляются и более широкие кузова. Судя по косвенным данным, не позднее XVII в. возникает кузов, имевший по бокам расходящиеся в стороны жерди-отводы (ропуски, розвальни). Благодаря им кузов саней выходит за пределы нащепов, становясь более широким. Так позволяет думать наличие отводов-«крыльев» в некоторых открытых пассажирских саях (Сказания современников... 1834, ч. 4: 43), а также сведения о наличии «кресел», относящиеся к 1666 г.: «Чашнику старцу Игнатию, что онъ вербу на дровняхъ в креслахъ устанавливалъ и за лыка 4 алт<ына> 2 ден<ьги>» (СлРЯ XI–XVII вв.,

3: 39). Еще одним свидетельством возможного присутствия широких кузовов является наличие термина «кряквы» в возке XVII в., обозначающего конструкцию, сходную с применявшейся позднее на розвальнях (РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 1022, л. 452).

Несмотря на появление отводов, в эпоху Московской Руси они встречались достаточно редко даже в легковых санях. Из-за этого сани на ухабах нередко опрокидывались, и для поддержания равновесия экипажа у бояр и высших иерархов церкви на запятках стояли слуги (Павел Алеппский 1897: 201–202). В ямских повозках для поддержания саней использовались жерди («кряквы»), идущие под углом вдоль бортов кузова и связанные позади спинки саней вязом. С XVIII в. отводы (ропуски, розвальни) становятся обычным элементом конструкции санного кузова (ОР РНБ, ф. 351, № 104/1340, л. 451 об.—452; РГАДА, ф. 1192, оп. 3, № 19, л. 2; ф. 1239, оп. 3, № 54422, л. 2 об.; РГИА, ф. 477, оп. 7, № 2, л. 79; № 3, л. 21; Описание имения... 1993: 217), за исключением районов крайнего Севера и ряда горных районов, где узкие дороги препятствовали внедрению отводов вплоть до XX в.

Кузова легковых саней XVI–XVII вв. отчасти сохраняют старое прямоугольное очертание кузова. Таковыми являются, например, «сани-дощаники», «выходные» царские сани с «государевым местом» в виде кресел (РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 1022, л. 431 об.; ГИАНО, ф. 513, оп. 1, № 913, л. 123 об.; Альбом Мейерберга... 1903: ил. 73), часть саней, изображающих зимнюю езду русских у С. Герберштейна (Герберштейн 1988: рис. 22). Широкое использование прямоугольных кузовов наблюдалось в парадных санях знати и позднее, в XVIII–начале XIX в.: в устройстве таких саней получает распространение рамочно-филеночная конструкция, ранее использовавшаяся главным образом в каретных кузовах.

В то же время с эпохи Московской Руси кузова начинают приобретать более округлые очертания, прежде всего в лубяных санях. Это было связано с тем, что теперь кузова начинались от головок полозьев, и передняя часть вынужденно должна была «расти» вверх во избежание попадания в пассажира комья смерзшегося снега. Поэтому верхние бортовые брусья-драбины начинались почти от самого верха головок саней, плавно снижаясь в средней части кузова, для того, чтобы пассажир мог легко выбираться из саней, и снова поднимались в задней части, где находилось сиденье. Каркас кузовов саней образовывали бруски, которые вдавливались в грядки и драбины. Вероятно, помимо брусков, остов кузова легковых саней мог состоять уже и из дуг, крепящихся внизу к грядкам, сверху — к драбинам. Спинка кузова имела прямое, реже — округлое завершение. Округлая форма кузова явно видна в санях, изображающих С. Герберштейна, а также ощущается в наклонном расположении некоторых брусков каркаса кузовов других саней (Герберштейн 1988: рис. 22) (рис. 3). В связи с этим формирование современной формы кузова саней следует датировать не XVII в. (Колчин 1968: 55), а, по крайней мере, столетием раньше.

Исследователь средневекового русского транспорта В. А. Чернышев считает, что помимо «сплошного» кузова, сколоченного из досок, в эпоху Москов-

ской Руси существовали еще два: «рамочный» (точнее, рамочно-филенчатый) и «плетеный» из прутьев или коры (Чернышев 1980). Пример «рамочного» кузова он видит на одной из миниатюр Царственной книги, «плетеный» — на немецкой гравюре, изображающей Герберштейна в санях (Герберштейн 1988: 82–83, фото 36, 36а, 56).

На мой взгляд, присутствие в это время рамочно-филенчатых кузовов в русских санях в сколько-нибудь значительных масштабах маловероятно. Прежде всего, они не зафиксированы в многочисленных письменных источниках и подавляющем большинстве изображений XVI–первой половины XVII в. То, что В. А. Чернышев принимает за филенки, с таким же успехом можно считать каркасом, к которому изнутри прибиты или «пришиты» доски кузова.

В то же время можно согласиться с тем, что подобная конструкция кузова повозок проникает в Россию во второй половине XVII в. Так, в описи имущества князей Василия и Алексея Голицыных 1689/90 г. указываются две «телеги ахтырския, столярного дела» (в противоположность «решетчатым» кузовам других телег и некоторых саней) стоимостью 20 руб. за телегу, в которых можно предполагать такую конструкцию. Еще более определенно читается рамочно-филенчатая конструкция в третьей подобной повозке: «Телега ахтырская деревянная платеная, доски в рамахъ, писаны верхъ и ящикъ... Цена 20 р.» (Розыскные дела... 1893: 175, 183).

Вероятно, рамочно-филенчатая конструкция кузова присутствует и в некоторых легковых санях поклонника западноевропейской культуры князя Василия Голицына: головки этих саней нередко украшены «звериными» и «змеиными» головами, а в живописи бортов указаны «личины человечьи и звериные». Сходный принцип размещения медальонов можно видеть на филенках кузовов богатых саней в XIX в. Присутствующие в конструкции кузова так называемые «дорожники» также являются элементами рамного каркаса (Там же: 156–157).

Что касается плетеных кузовов, то их нет ни на одной русской миниатюре и письменных источниках указанного времени, что позволяет с сомнением отнести к немецкой гравюре и говорить о том, что она передает западноевропейские, а не русские реалии этого времени. Если подобные повозки и присутствовали эпизодически в России, то они носили характер прямого заимствования. К примеру, «коретку литовскую плетеную» приобрели специально для проезда по России «цесарева посла» в 1604 г. (СлРЯ XI–XVII вв., 2: 79).

Представления о «сплошном» кузове русских саней следует дополнить тем, что помимо дощатой (вернее, каркасно-дощатой) широкое распространение в эпоху Московской Руси получила каркасно-лубяная конструкция.

Анализируя миниатюры летописей и житий XVI–XVII вв., В. А. Чернышев пришел к выводу, что у части легковых саней полозья сходились спереди, из-за чего кузов саней становился похож на лодку. Исследователь связывает эту особенность конструкции саней с генетической взаимосвязью саней с лодками (Чернышев 1980: 49, 55). Однако с этим трудно согласиться: так называемая «лодочная» конструкция кузова саней на средневековой русской миниатюре

представляет обобщенный, схематичный образ этой реалии жизни и быта. Кроме того, она, возможно, отражает тенденцию увеличения ширины кузова, при которой меньшая ширина приходится на головки саней.

Перемещение кузова вперед привело к появлению в пассажирских санях высокого козырька, защищавшего кузов от летящих из-под копыт лошади комьев снега и грязи. По словам Самуила Маскевича, участника событий 1607–1612 гг. в России, санные передки в России были так велики, что едва видно голову ездового, сидящего на лошади (Сказания современников... 1834, ч. 5: 63–64). «Козырь» или «шит» надолго становится знаком высокого социального положения владельца (Акты... 1884: 270–271; Книги описные... 1904: 269).

Затем в легковых санях появляется дополнительная деталь — переднее сиденье-облучок («облук», «козлы»). Об этом недвусмысленно говорится «Домострое» (XVI в.) при описании следования свадебного поезда после венчания: «а новобрачная в сани сядет одна в облук, а свахи обе против ее, а боярских боярынь к венчанью не емлют» (Домострой 1994: 79). Несмотря на то что термином «облук» в XVI–XVII вв. обозначали «передок саней» в целом, а не просто сиденье для кучера (См.: СлРЯ XI–XVII вв., 4: 87), трудно представить, что этого элемента не было, а невеста и свахи сидели на настиле, как в грузовых санях. Многочисленные свидетельства о наличии этой детали в санях дают документы XVII в. (Сказания современников... 1834, ч. 4: 43; Мерзон, Тихонов 1960: 73). Впоследствии облучок становится обычным элементом описаний пассажирских саней, управляемых ямщиком.

Начиная с XVIII в., и особенно в XIX в., в легковых санях знати начинает появляться подвеска кузова, аналогичная с колесными экипажами. Первоначально она устраивалась на ремнях (см., напр.: Описи имущества... 1988: 215), затем — на рессорах (РГИА, ф. 477, оп. 7, № 104, л. 269 об.—270, 287 об.).

Долгое время сани практически не имели металлических оковок, и использование саней ограничивалось обычно сроком жизни полозьев.⁵ Железо начали применять первоначально в пассажирских санях светской и духовной знати, однако еще в XVI в. это было довольно редким явлением. В следующем столетии металлические детали уже активно внедряются в выездной транспорт (Чернышев 1980: 84–85). Наиболее распространенной металлической деталью саней стали полосы железа, подбиваемые под полозья («железо», «подрезы», «уклады») (см. напр.: РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 1022, л. 433, 434 об.—435, 438 об.—439 об.; Разходная книга... 1852: 56–57; Саранская таможенная книга... 1951: 28, 78). Кроме того, железом обивались копылья («полозья и копылья обиты железом»), а порою и весь ход («станокъ весь обить железом прорезнымъ...») (Розыскные дела 1893: 157–158). В некоторых санях из металла делались даже козлы (Там же; РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 1022, л. 437 об.—438 об., 441–442).

⁵ Именно в изношенных полозьях археологи фиксируют так называемые сквозные отверстия для копыльев, которые являются таким образом не особым способом скрепления полоза и копыла, а показателем полного износа полоза.

Наряду с этим в легковых санях даже у представителей высшего сословия и духовенства по-прежнему встречались деревянные «подбоины» или «подделки»⁶ (НА СПБИИ, ф. 276, оп. 1, № 100-1/6, л. 10; ОР РНБ, ф. 351, № 104/1340, л. 447–452; РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 1021, л. 19; Разходная книга... 1852: 43; СлРЯ XI–XVII вв., 5: 240, 251; Жизнь и приключения... 1931: 498). В дворянских и монастырских хозяйствах ситуация значительно изменилась лишь к концу XVIII в. (Опись имения... 1993: 217; РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 54422, л. 2 об.; РГИА, ф. 477, оп. 2, № 246, л. 65). В XIX–XX вв. наличие оковки отличало дворянский, монастырский и городской транспорт (РГИА, ф. 477, оп. 7, № 81, л. 142 об.–171 об.; № 104, л. 271–283 об., 312 об.–313 об., 332–332 об.; № 290, л. 1–20), в то время как большая часть крестьянских зимних повозок по-прежнему оставалась неокованной, в том числе — без подрезов. В ряде регионов их не использовали даже на легковых санях, поскольку считалось, что «подрезы» замедляют ход саней (Преображенский 1854: 158). Местами, напротив, вместо дорогостоящих подрезов под полозья грузовых саней подмораживали слой навоза, поливая его сверху водой (Зимние катания... 1992: 14).

Таким образом, на протяжении всей истории русские сани конструктивно отличались от западноевропейских. Начиная с древнерусской эпохи, особенности не сводились к функциональному разнообразию и оформлению кузовов. Прежде всего, разным было устройство ходовой части саней. Анализ средневековых материалов позволяет утверждать, что, в отличие от западноевропейских, русские сани на протяжении тысячелетия имели пятый элемент — стяжку-стужень. Помимо этого элемента русские сани отличаются от западноевропейских высокими «головками» полозьев, что является следствием не только более высокого снежного покрова, но и региональной культурной традицией.

Принадлежа к одному «восточноевропейскому» типу, средневековые и этнографические русские сани сохраняли определенную специфику. Первые имели более высокую посадку, более высокую верхнюю часть и особую конструкцию копыльев (с сучком-вязом), более частую постановку копыльев у части повозок, более короткий, нередко не достигающий до головок, и неширокий кузов, не выходящий за пределы нащепов. Известный по этнографическим материалам тип саней со стуженем, с оглоблями на завертках и с широким кузовом в основном формируется в эпоху Московской Руси. Отдельные детали, такие как отводы, рессоры и дугообразные копылья, распространяются в последующие столетия. Металлическая оковка саней начала активно распространяться среди элиты с XVII столетия, однако даже в XIX — начале XX в. большая часть крестьянских зимних повозок по-прежнему оставалась неокованной.

Акты... 1884 — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: Изданы Археологической комиссией. СПб., 1884. Т. 3.

⁶ Первые следы подобного «подбоя» обнаруживаются в «нестандартном» (термин Г. Е. Дубровина) полозе второй половины XII в. Об этом см.: Васильев 2002: 92–101.

Альбом Мейерберга... 1903 — Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903.

Арциховский 1969 — *Арциховский А. В.* Средства передвижения // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969. Ч. 1. С. 307–316.

Бежкович 1959 — *Бежкович А. С.* Средства передвижения и упряжь в крестьянском хозяйстве // *Бежкович А. С., Жегалова С. К., Лебедева А. А., Просвиркина С. К.* Хозяйство и быт русских крестьян: Памятники материальной культуры. Определитель. М., 1959. Гл. 6. С. 199–243.

Васильев 1994 — *Васильев М. И.* Сухопутные средства передвижения русских Севера Европейской России: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.

Васильев 2002 — *Васильев М. И.* К интерпретации «нестандартного» санного полоза с IX Троицкого раскопа // ННЗИА. 2002. Вып. 16. С. 92–101.

Вийрес 1979 — *Вийрес А. О.* История крестьянского транспорта в Прибалтике: (Генезис и развитие до середины XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1979.

Вийрес 1985 — *Вийрес А.* Из истории саней в Прибалтике // Проблемы этнической истории балтов: ТД межреспубликанской науч. конф. Рига, 1985. С. 128–130.

Воронин 1948 — *Воронин Н. Н.* Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1: Материальная культура.

Герберштейн 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.

Даль 1994 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 3.

Домострой 1994 — Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.

Дубровин 2000 — *Дубровин Г. Е.* Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв.: По археологическим данным. М., 2000. Т. 1–2.

Жизнь и приключения... 1931 — Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанное им самим для своих потомков. М.; Л., 1931. Т. 2: 1760–1774.

Зимние катания... 1992 — Зимние катания новгородских крестьян (методические рекомендации) / Сост. М. И. Васильев. Новгород, 1992.

К. Ф. Ф. 1891 — [*Филимонов К. Ф.*] Слова и выражения, употребляемые жителями Коштутской волости в разговорной речи // Олонецкие губернские ведомости. 1891. № 64.

Каменецкая 1990 — *Каменецкая Р. В.* Ездовое собаководство русских старожилов полярного ареала Сибири // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX–начала XX в. М., 1990. Вып. 1. С. 82–154.

Книги описныя... 1904 — Книги описныя Рязанского I Богословского монастыря (1673–1687 гг.) // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1903 год. Рязань, 1904. Т. 18, вып. 3. С. 245–274.

Ковригина, Марасинова 1979 — *Ковригина В. А., Марасинова Л. М.* Торговля, пути и средства передвижения // ОРК XVII в. 1979. Ч. 1. Материальная культура. С. 122–144.

Колчин 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Деревянные изделия. М., 1968 (САИ. Вып. Е1–55).

Куликовский 1898 — *Куликовский Г.* Словарь областного Олонецкого наречия. СПб., 1898.

Лебедева 1987 — *Лебедева А. А.* Транспорт, переноска и перевозка тяжестей // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 313–341.

Марасинова 1976 (1977) — *Марасинова Л. М.* Торговля и средства передвижения // ОРК XVI в. М., 1976 (1977). Ч. 1. С. 252–291.

Мерзон, Тихонов 1960 — *Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А.* Рынок Устюга Великого в период складывания Всероссийского рынка (XVII век). М., 1960.

Никольский 1910 — *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1910. Т. 1, вып. 2: О средствах содержания монастыря.

Новгородские писцовые книги 1886 — Новгородские писцовые книги, изданные Археологическою комиссиею. СПб., 1886. Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины: I — 1498 г.; II — 1539 г.; III — 1552–1553 гг.

Описи имущества... 1988 — Описи имущества Новгородского Софийского собора XVIII–начала XIX в. / Сост. Э. А. Гордиенко, Г. К. Маркина. М.; Л., 1988.

- Опись имения... 1993 — Опись имения Батюшковых в селе Даниловском (Бежец. у. Твер. губ.) [1796 г.] // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вологда, 1993. [Вып.] 2. С. 194–221.
- ОРК 1969 — Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969. Ч. 1.
- Орлов 1954 — *Орлов С. Н.* Деревянные изделия Старой Ладogi VII–X вв. (по материалам Староладожской археологической экспедиции): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
- Павел Алеппский 1897 — *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 2: От Днестра до Москвы // ЧОИДР. 1897. Кн. 4. С. I–VI; 1–202.
- Подобедова 1965 — *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей: к истории русского лицевого летописания. М., 1965.
- Полевые материалы... 1982 — Полевые материалы Васильева М. И. в д. Горицы Вологодского р-на Новгородской обл., январь–февраль 1982 г. (информанты: Г. Т. Родин, 1908 г. р., Ф. С. Осипов, 1905 г. р.).
- Преображенский 1854 — *Преображенский В.* Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1854.
- ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 2: 1676–1688.
- Пыляев 1997 — *Пыляев М. И.* Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. М., 1997.
- Рабинович 1964 — *Рабинович М. Г.* О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М., 1964.
- Радзивилловская летопись 1994 — Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб.; М., 1994.
- Разходная книга... 1852 — Разходная книга Новгородского Митрополита Никона 7160 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 13, разд. 2. С. 1–62.
- Ривош 1990 — *Ривош Я. Н.* Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX в. М., 1990.
- Розыскные дела... 1893 — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1893. Т. 4.
- Саранская таможенная книга... 1951 — Саранская таможенная книга за 1692 г. / Под ред. А. И. Яковлева. Саранск, 1951.
- Сказание о Борисе и Глебе 1985 — Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). М., 1985.
- Сказания современников... 1834 — Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1834. Ч. 4–5.
- СЛРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2; 1976. Вып. 3; 1977. Вып. 4; 1978. Вып. 5; 1979. Вып. 6.
- Труды... 1913 — Труды Промыслово-научной экспедиции по изучению Псковского водоема. Псков, 1913. Вып. 3, отд. 1.
- Фасмер 1996 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 3.
- Хорошев 1997 — *Хорошев А. С.* Средства передвижения // Древняя Русь: Быт и культура. М., 1997. С. 120–129 (Археология СССР).
- Чернышев 1980 — *Чернышев В. А.* Сухопутные средства сообщения в России XVI–XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
- Штыхов 1975 — *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. IX–XIII вв. Минск, 1975.
- Mozzynski 1929 — *Mozzynski K.* Kultura ludowa siowian. Krakow, 1929. Cz. 1: Kultura materjalna.
- Viires 1980 — *Viires A.* Talurahva veovahendid (Baltimaade rahvapäraste pllumajanduslike veokite ajalugu). Tallinn, 1980.

ГИАНО, ф. 513, оп. 1, № 913.

НА СПБИИ, ф. 276, оп. 1, № 100-1/6, 100-1/9.

ОР РНБ, Ф. IV, № 225, 232, 233; ф. 351, № 104/1340.

РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 1021, 1022; ф. 1192, оп. 3, № 19; ф. 1239, оп. 3, № 54422.

РГИА, ф. 477, оп. 2, № 246; оп. 7, № 2, 3, 81, 104, 290.

Фонды АМДЗ — Фонды Архангельского музея деревянного зодчества и народного искусства.

НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, КП 17626-40(1), 17626-40(2); 17970, 17971; 18574-67; 25372-157, 159, 166, 173; 36697-482; 37279; 41640-90, 91; НВ 21322-44, 23080-419.

Фототека РЭМ, № 2494-17, 23, 24, 25/1.

TECHNOLOGICAL HISTORY OF THE RUSSIAN SLEDGE

M. I. Vasiliev

The paper traces the developments in the construction of the Russian horse driven sledge from the X through the first half of the XX century. Russian (so called East European) sledge differed in its construction from the West European one. The former is distinguished by its narrow and low box-shaped body, equal to its tread. Non-detachable body was used very seldom. In addition, some finds suggest the existence in medieval Russia of sledge vehicles with a legless platform, similar to the sledges of later epochs. Probably in the XVI–XVII centuries the body was added with the backrest (*kresla*). The body with diverging poles on its sides (*rospuski, rozvalni*, i.e. gill or low wide sledge) appeared not later than the XVII century. Starting with the Moscow Rus period the sledge bodies acquired more rounded outlines, though rectangular bodies also continued to exist. For example, they were widely used in the noblemen's parade sledges of the XVIII and early XIX centuries. The front driving box or coachman's seat (*obluk, kozly*) appears in the XVI–XVII centuries. Subsequently it becomes a usual part of the passenger sledge driven by a *yamschik* (coachman). Metal capped sledges began to spread in the XVII century. However, even in the XIX and early XX centuries most peasant's winter sledges remained uncapped.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА В МАТЕРИАЛАХ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА: К ИСТОРИИ СВЯЗЕЙ НОВГОРОДА И ГАНЗЫ¹

А. Е. МУСИН

Торговые и политические контакты Новгорода с Западной Европой явились значимым фактором культурного и общественного развития этого средневекового города. В археологических материалах такие связи отразились в находках предметов западноевропейского происхождения, традиционно определяемых в историографии как «импорты». Исследователи выделяют две категории подобных находок: массово ввозимые товары, представленные сырьем и готовыми изделиями, и предметы индивидуальной работы. Появление подобных вещей на новгородских усадьбах обычно связывается с проживанием здесь выходцев из Европы, представителей новгородской аристократии или же ремесленников и торговцев, поддерживавших контакты с ганзейскими купцами (Рыбина 1994: 87–89; 2001: 226, 260–261). В последнее время нам удалось выявить в новгородской археологической коллекции прошлых лет новые категории предметов западноевропейского происхождения. В настоящей статье речь пойдет преимущественно о щитовидных накладках с геральдическими фигурами, украшавших несохранившиеся предметы конца XIII–середины XIV в. и имеющих прямые аналогии в европейских древностях.

Первая подобная накладка была найдена в 1981 г. на Троицком-VI раскопе на территории усадьбы «Е» в слоях 1290–1310-х гг. Она представляет собой щит с тремя левыми перевязями, обремененными округлыми фигурами (рис. 1, 1). Накладка изготовлена в технике литья, чеканки и пайки на основе многокомпонентной латуни (табл. 1, 1).

Еще одна накладка обнаружена в 1988 г. на Троицком-IX раскопе на усадьбе «М» и может быть связана со срубом IX-46 8-го яруса Черницыной улицы (Янин и др. 1989: 27–48). Она датируется первой половиной XIV в. Накладка представляет собою щит в щите с зубчатой каймой (рис. 1, 2) и изготовлена из многокомпонентной латуни в технике литья, гравировки, лужения и пайки (табл. 1, 2).

Подобный предмет был обнаружен в 1995 г. на территории усадьбы «Г» Троицкого-XI раскопа в слоях 1340–1360 гг.² Фигура в виде полигона с лучами легко идентифицируется как геральдическая «крапива» и хорошо известна начиная с XIII в. (рис. 1, 3). Накладка отлита в двухстороннюю форму из сплава свинца с оловом и медью (табл. 1, 4). Способ крепления накладок к первоначальной

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 10-06-00164а «Язычество и христианство древнерусского города в свете историко-археологических данных: комплексное источниковедение».

² Благодарю автора раскопок П. Г. Гайдукова (ИА РАН) за информацию, которая позволила уточнить контекст находки.

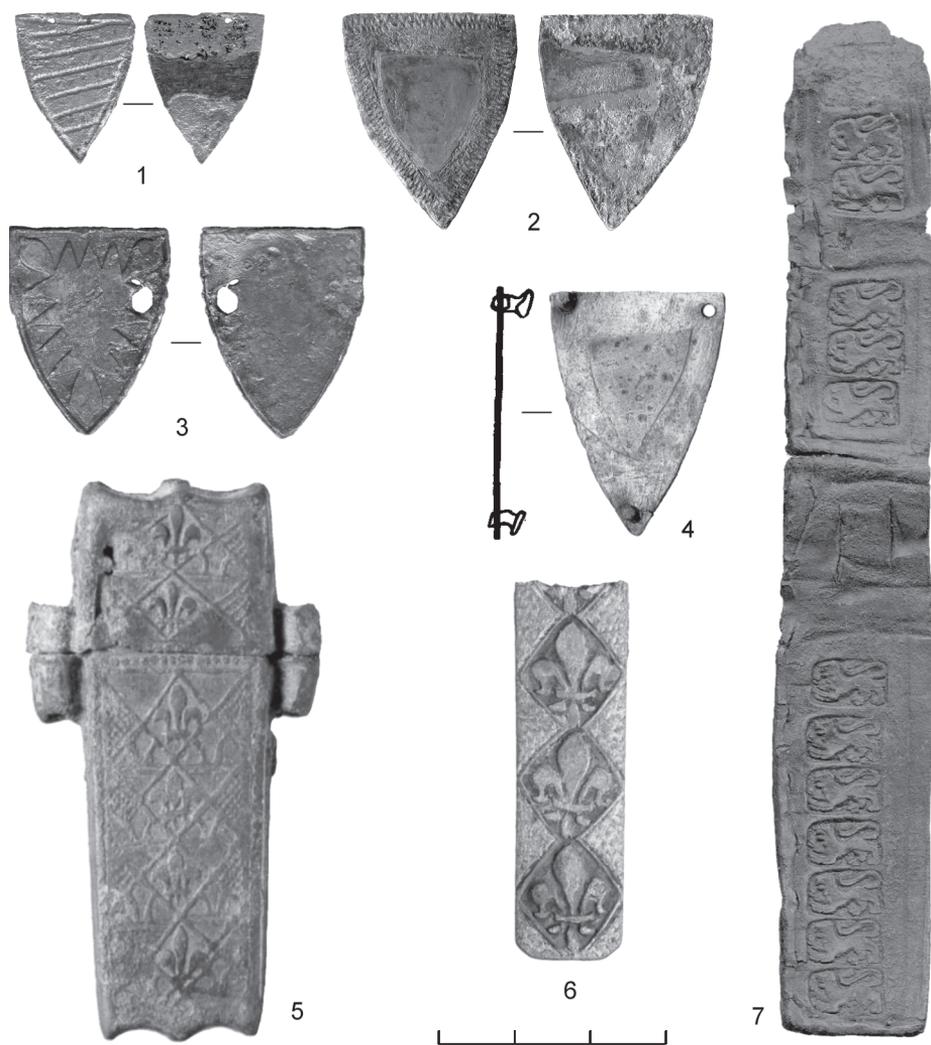

Рис. 1. Геральдические накладки и предметы с геральдическими фигурами из раскопок в Новгороде и на Рюриковом Городище, конец XIII–XIV в.: 1 — Н-81, Тр-VI, 9-432-№ 30, НГОМЗ, КП 31696/А 76-38; 2 — Н-88, Тр-IX, +3-918-№ 72, НГОМЗ, КП 37392/А 111-246; 3 — Н-95, Тр-XI, ярус 7, 1-1246-№ 2, НГОМЗ, КП 42581/А 174-435; 4 — НОАЭ-87, РГ-94, кв. 165, НГОМЗ, КП 41487/А 182-43 (вид сбоку по: Носов, Плохов 2005: табл. 11, 2); 5 — Н-73, Кировский (Славенский) раскоп, 24-37, НГОМЗ, КП 25060/А 19-27; 6 — Н-78, Дубошин раскоп, 20-35-№ 6, НГОМЗ, КП 28081/А 58-503; 7 — Н-58, Нер.-XXVI–XXVII, б/п, НГОМЗ, КП 17654-5. Фотографии С. Е. Торопова

основе остается не ясным, поскольку имеющиеся на первом и третьем экземплярах отверстия могут быть связаны со вторичным использованием.

Следующую находку пришлось ждать почти 10 лет. В доярусных слоях Никитинского раскопа конца XIII—рубежа XIII—XIV вв. в 2004 г. были найдены сразу три щитовидные накладки из сплава олова со свинцом: с изображениями обращенного влево льва³ (рис. 2, 1), орла (рис. 2, 2) и уже известной нам «крапивы» (рис. 2, 3) (Дубровин 2010: 51, 125–127, 282, № 158 [1–2], № 192) (табл. 1, 6–8). Судя по одной из них,⁴ все они были изготовлены путем литья хорошего качества, но сохранили облой, не зачищенный во время обработки. Накладки крепились к основе с помощью отверстий по углам.

Еще одна подобная находка происходит с Рюрикова Городища. Она была обнаружена к югу от церкви Благовещения Богородицы в заполнении жилой постройки княжеской резиденции конца XIII—XIV в., датируемой периодом до 1342 г. Издатели определили ее как «треугольную накладку с тремя штырьками», изготовленную «из сплава на основе меди» (Носов, Плохов 2005: 41, 183, табл. 11, 2). Она имеет лишь контуры гербового поля (рис. 1, 4).

Новгородские усадьбы, на которых найдены щитовидные накладки, традиционно рассматриваются как места проживания городской элиты, что, впрочем, верно преимущественно для раннего периода их истории. Усадьба «Е», бывшая в 1120–1160-х гг. местом городского суда (Янин 2001: 9–14), позднее никак не претендует на исключительность. Берестяные грамоты и некоторые находки XIII–XV вв., например, фрагменты монашеского аналава (Н-81, Тр-VI, 6-466-№ 3, НГОМЗ, КП 33560/А 96-531), позволяют допустить, что здесь жили представители клира и церковной администрации (Янин, Зализняк 2000: 64–65, 67–69; Янин и др. 2004: 14–19). То же следует сказать и об усадьбе «Г», которая в конце XII в. могла быть связана с посадником Жирославом (Янин, Зализняк 1993: 34–35). В XIII–XIV вв. среди ее обитателей могли быть церковные чиновники (Янин, Зализняк 2000: 51–52, 58–60). Немногочисленные грамоты XIII–XIV вв. усадьбы «М» характеризуют ее обитателей как обычных домовладельцев, обремененных «весьма заурядными заботами» (Янин, Зализняк 1993: 71–72, 98–10). Археологические находки свидетельствуют о знакомстве жителей этого квартала с европейской культурой. На самих усадьбах найдены западноевропейские фибулы и фрагменты застежек (Н-89, Тр-IX, 2-885-№ 02, 1-856-№ 1; +1-858-№ 10, НГОМЗ, КП 37392/А 111-3, 4, 7), поливная керамика и шерстяные ткани, а на соседних дворах обнаружены фрагменты костяных рукоятей европейских ножей XIV в. (Рыбина 2001: 255, 257, рис. 21, 8, 10). Так, на усадьбе «К» найдена головка костяной женской фигурки (Н-88, Тр-IX, +2-

³ Удлиненная морда зверя не исключает, что это — геральдическая пантера, но в таком случае удлиненной была бы, скорее всего, и шея зверя. Нетрадиционный поворот льва «влево», а не «вправо», является, вероятно, осознанным действием мастера, что дополнительно подтверждает предположение о включении накладки в общую композицию с другими геральдическими фигурами.

⁴ Накладки с орлом и «крапивой» практически уничтожены реставрацией. Изображения на них известны благодаря полевым описям.

Таблица 1

**Химический состав металла (в %) предметов с геральдической символикой
из раскопок Новгорода***

Предмет, тип сплава, полевой и коллекционный номера	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb
1. Накладка в форме щита с тремя левыми перевязями, обремененными округлыми фигурами; многокомпонентная латунь (Н-81, Тр-VI, 9-432-№ 30, НГОМЗ, КП 31696/А 76-38; рис. 1, 1)	78,45	1,01	2,19	17,82	0,08	0,18	0,29
2. Накладка в форме щита в щите с зубчатой каймой; многокомпонентная латунь (Н-88, Тр-IX, +3-918-№ 72, НГОМЗ, КП 37392/А 111-246; рис. 1, 2)	68,22	3,04	4,49	23,55	0,07	0,33	0,29
3. Накладка, «усеянная» лилиями; многокомпонентная латунь (Н-78, Дубошин раскоп, 20-35-№ 6, НГОМЗ, КП 28081/А 58-503; рис. 1, 6)	75,19	1,7	5,36	16,45	0,14	1,16	1,7
4. Накладка с изображением «крапивы»; сплав свинца с оловом и медью (Н-95, Тр-XI, ярус 7, 1-1246-№ 2, НГОМЗ, КП 42581/А 174-435; рис. 1, 3)	1,11	48,13	50,76	—	—	—	—
5. Накладка в виде морды льва; сплав олова и меди (Н-04, Никитинский раскоп, отвал, № 242, НГОМЗ, А 224-510; рис. 2, 4)	42,33	57,67	—	—	—	—	—
6. Накладка в форме щита со львом; сплав олова со свинцом (Н-04, Никитинский раскоп, отвал, № 192, 27-137-№ 158 (2), НГОМЗ, А 224-531; рис. 2, 1)	—	60,61	39,39	—	—	—	—
7. Накладка в форме щита с орлом; сплав олова со свинцом (Н-04, Никитинский раскоп, 27-137-№ 158 (1) НГОМЗ, А 224-531; рис. 2, 2)	—	85,7	14,3	—	—	—	—
8. Накладка в форме щита с изображением «крапивы»; сплав олова со свинцом (Н-04, Никитинский раскоп, 27-137-№ 158 (2), НГОМЗ, А 224-533; рис. 2, 3)	—	97,56	2,44	—	—	—	—

* Исследование состава металла и технологии изготовления предметов выполнено к. и. н. Н. В. Ениосовой (кафедра археологии исторического факультета МГУ) и к. г.-м. н. Р. А. Митояном (кафедра геохимии геологического факультета МГУ).

963-№ 74, НГОМЗ, КП 37392/А 111-423), а у частокола, разграничивающего усадьбы «П» и «М», — обломок рукояти в форме головы грифона, державшего в клюве человеческую голову (Н-90, Тр-IX, 5-847-№ 75, НГОМЗ, КП 37583/А 120-1075) (Янин и др. 1989: 54, 81; 1991: 64, 69). Таким образом, предметы, украшенные геральдическими накладками, попали в руки к социально активным новгородцам, связанным с церковным управлением и торговлей, однако не составлявшим городской патрициат (Хорошев 1997: 424).

Геральдические наклейки, обнаруженные в Плотницком конце, могли бытовать в более аристократичной среде. В соответствующих пластах Никтинского раскопа они оказались в результате перемещения культурного слоя с территории расположенного неподалеку на возвышенности поселка, возникновение которого предположительно связано с переселением в этот район города боярства Прусской улицы в середине—второй половине XIII в. (Дубровин 2010: 125—126). В XIV—XV вв. материалы усадеб хотя и демонстрируют возможность проживания здесь новгородских посадников (Там же: 118—120) и европейские связи (Там же: 127, 128, 129, 130, 131), но не исключают торгово-ремесленную и даже клерикальную принадлежность части своих обитателей (Там же: 120—124, 132). Похоже, что с определенного момента эти люди были весьма близки по своему статусу к уже известным нам жителям Людина конца.

Находка геральдических наклеек в Плотницком конце особенно интересна. Их появление в Новгороде практически синхронно как началу активного использования гербов в европейской культуре, так и выпадению в культурный слой: и то и другое относится ко второй половине—концу XIII—началу XIV в. Единство стилистического оформления, как и единство их археологического контекста, не оставляет сомнения в том, что все три предмета изначально составляли единый комплекс. Судя по всему, они были лишь частью ансамбля. На территории раскопа в 26—29-х пластах найдено более 30 миниатюрных металлических наклеек, которые, как позволяют судить европейские аналогии (Descatoire 2007: 12, 39 ff., 89, fig. 3, cat. no 58^{a-j}; Krabath et al. 2006: 52, Abb. 41), можно отнести к орнаментальной композиции, размещенной на одежде или предмете. Упомянем наклейку в форме морды льва⁵ (рис. 2, 4) (табл. 1, 5), миниатюрную розетку (рис. 2, 6), крестовидную наклейку (рис. 2, 16), наклейки со стеклянными вставками (рис. 2, 17, 18, 22, 23, 28) и прочие украшения различных форм (Дубровин 2010: 125—127, 221, 279, 282, рис. 60, 1—3). К этому же комплексу относится и наклейка сложной формы с геральдической лилией, символом, о котором речь пойдет ниже (рис. 2, 10). Несмотря на определенную концентрацию части находок в близлежащих квадратах, некоторые из них оказываются в удалении от основной массы, что связано со сложным процес-

⁵ Еще две бронзовые наклейки и пряжка с изображением львиной морды в фондах Новгородского музея происходят с Рюрикова Городища (НОАЭ-1988, РГ-12, НГОМЗ, КП 41923/А185-55; РГ-1968, НГОМЗ, КП 18518/А 90-24; РГ-1972, НГОМЗ, КП 25402/А26-11). Эти случайные находки свидетельствуют о «европейской вуали» в культуре обитателей резиденции великокняжеских наместников. Пряжка с похожим изображением известна и в Западной Руси (Кенько 2006: 240, рис. 1, 4).

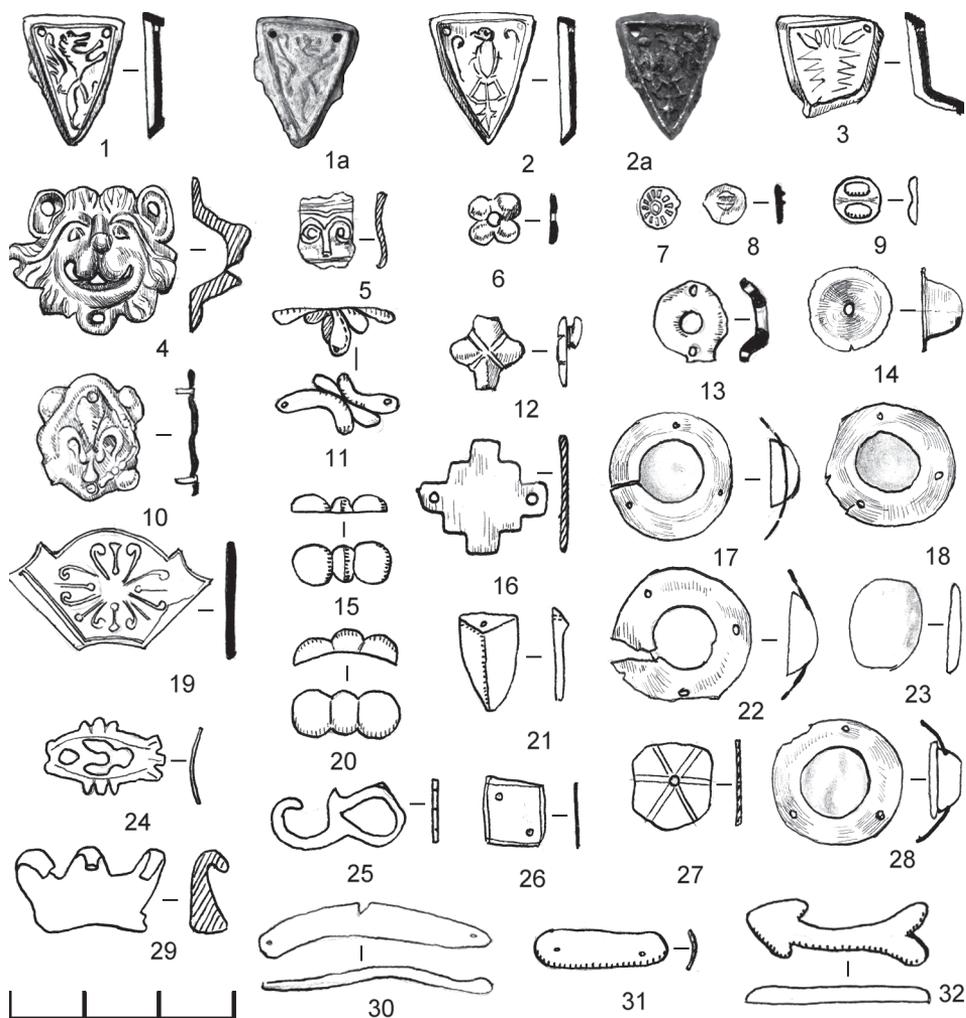

Рис. 2. Ансамбль накладок из раскопок в Плотницком конце Новгорода, конец XIII—рубеж XIII—XIV вв., Никитинский раскоп, 2004 г., НГОМЗ, А 224: 1 — отвал, № 192; 2 — 27-137-№ 158 (1); 3 — 27-137-№ 158 (2); 4 — отвал, № 242; 5 — 28-4-№ 6; 6 — отвал, № 211; 7, 8 — отвал, № 240; 9 — 29-72-№ 170; 10 — 28-104-№ 79; 11 — 28-108-№ 9; 12 — 28-88-№ 212; 13 — 28-38-№ 16; 14 — 28-82-№ 194; 15 — 28-89-№ 187; 16 — отвал, № 222; 17, 18 — 27-119-№ 251; 19 — материк, 23-№ 13; 20 — 28-51-№ 43; 21 — 28-100-№ 84; 22, 23 — 27-119-№ 252; 24 — 28-117-№ 127; 25 — 28-10-№ 25; 26 — 28-100-№ 98; 27 — 27-95-№ 255; 28 — отвал, № 213; 29 — 28-111-№ 162; 30 — отвал, № 251; 31 — 29-114-№ 37; 32 — 28-119-№ 133

сом формирования культурного слоя в этой зоне. Различия способа крепления бляшек к основе не исключают, на наш взгляд, их возможную принадлежность к единому ансамблю.

Социальная активность и внешние связи обитателей «усадеб с геральдическими накладками» позволяют уточнить культурную функцию этих предметов. Подобного рода накладки известны в Европе, однако, за редким исключением, они представлены изделиями из драгоценных металлов и происходят не из бытовых комплексов, а из кладов середины XIV в. К числу наиболее известных относятся сокровища из Эрфурта (Тюрингия, Германия), где найден серебряный щиток с раком красной эмали (вторая четверть XIV в., рис. 3, 1), Вайсенфельса (Саксония-Анхальт, Германия), где присутствует щиток с жемчужной каймой и идущим влево львом (XIV в.; рис. 3, 3), Кольмара (Эльзас, Франция), откуда происходит накладка с орлом (XIII–первая половина XIV в.; рис. 3, 2), Дюне (Далем, Готланд, Швеция, клад 1361 г.), где известно несколько серебряных накладок, в том числе и с орлом (конец XIII–середина XIV в.; рис. 3, 4), Дюкера (Бунгер, Готланд; клад длительного накопления XIV–начала XVI в., ныне в музее Готланда, Висби) и Притцвалка (Бранденбург, Германия, конец XIV в.), в состав которого входят щитки с различными геральдическими фигурами⁶ (Descatoire 2007: 12, 76, 89, figs. 3, cat. nos. 39, 58; Ugglas 1936: 21, pl. VII, 41–42; XXIII, 91–93; Krabath et al. 2006: 52 ff., Abb. 41). Ажурная оправа второй половины XIII в. для подобных щитков происходит из раскопок торговой площади Грейсвальда (Мекленбург-Верхняя Померания, Германия; Schäfer 2005: 349, Abb. 5).

Если самостоятельные геральдические щитки рассматриваются исследователями как ливрейные знаки, то подобные накладки из драгоценных металлов могли служить украшением парадной одежды, куда они нашивались или крепились с помощью фибул, как об этом свидетельствуют клады, скульптура и миниатюра (Nickel 1964: Taf. 67; Dunin-Łasowicz 1988: 21–28, fig. 4). Подобные накладки могли украшать церемониальные мечи (Brandt, Eggebrecht 1993: no. II-28) и предметы быта, свидетельствовать о достоверности мер и весов. К последней категории предметов относится, в частности, кинжал в кожаных ножнах с гербовыми накладками, обремененными изображениями крапивы, льва и лилии, найденный при раскопках в Лунде (Швеция) в начале XX в. (рис. 3, 8) и представленный в экспозиции Музея культурной истории г. Лунда. Там же выставлен и средневековый эталон длины со щитовидными накладками, несущими на себе неопределимые гербы.

Сам смысл геральдики позволяет утверждать, что подобные щитки являлись частью аристократической западноевропейской культуры, были связаны изначально с функциями социальной репрезентации и удостоверения правовых полномочий и лишь после этого воспринимались как украшения. Их появление в Новгороде должно быть объяснено именно в этом контексте: они

⁶ Пользуюсь случаем поблагодарить Н. В. Ениосову (МГУ) за информацию о публикации этого клада.

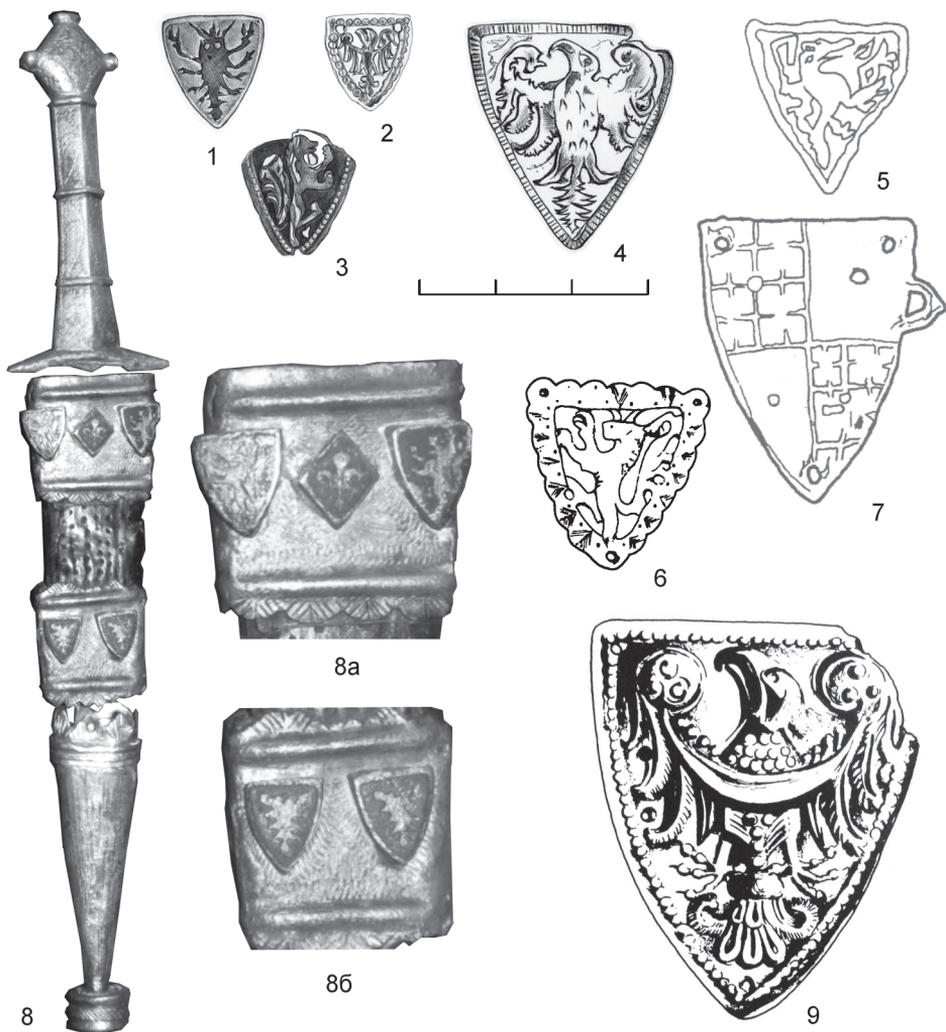

Рис. 3. Геральдические наклейки и предметы с геральдическими щитками, Европа, конец XIII–XIV в.: 1 – Эрфурт; 2 – Кольмар; 3 – Вайсенфельс; 4 – Дюне; 5 – Вроцлав; 6 – Бишник; 7 – Вроцлав; 8 – Лунд; 9 – Ополе (1–4 – прорисовка А. Ю. Ложкиной по Descatoire 2007: fig. 3, cat. 39, cat. 58^e; Ugglas 1936: XXIII, 92; 5, 7 – по Bresch, Вуько 2001: рис. 24, *d, f*; 7 – Kulturhistoriska Museet, Lund, Sverige, no. 20348: XII D; 6, 9 – по Wachowski 2001: Abb. 10a, 11d).

попадали сюда вместе с делегатами конкретных семейств или корпораций, заинтересованных в развитии отношений с Русью, маркируя их парадную одежду, предметы быта или дипломатические подарки. Это предположение способно уточнить наши представления о западных контактах Новгорода в эпоху сложения Ганзейского союза в том случае, если мы сумеем идентифицировать обнаруженные здесь гербы.

Щит рубежа XIII–XIV вв. с тремя перевязями и округлыми фигурами лишь вызывает некоторые ассоциации с геральдикой Фрисландии более позднего времени. Однако детально проработанная «крапива» с большой степенью вероятности является гербом семейства Шауэнбург (Schauenburger, Schaumburger), представители которого до середины XV в. были графами северогерманского графства Гольштейн (Wissenbach 1877; Stephan 1953). Находка этого герба в слоях середины XIV в. представляется закономерной. В условиях постоянного соперничества Шауэнбургов и Ганзы, на фоне усилившейся консолидации торговых немецких городов в 1350–1360-е гг., появление голштинских эмиссаров в Новгороде весьма вероятно.

Естественно, в геральдике не всегда возможны однозначные толкования. «Крапива» как геральдический символ впервые зафиксирована в Дании в эпоху короля Авеля (1218–1252), женатого на Матильде Шауэнбургской (1225–1287). Позднее этот элемент появился в гербах многих голштинских городов. В 1375–1386 гг., когда Шауэнбурги получили контроль над Шлезвигом, идущий влево леопард занял свое место рядом с «крапивой» в гербе правителей объединенных Шлезвига и Гольштейна. Однако, как свидетельствуют находки Никитинского раскопа, близкое сочетание фигур допускалось уже на рубеже XIII–XIV вв. Присутствие в этом «геральдическом ансамбле» лилии, как, кстати, и на кинжале из Лунда, как будто бы допускает, что эти щитовидные накладки были лишь элементами декора, лишёнными конкретно-правового содержания.

Подобные предположения уже высказывались исследователями. Так, керамические плитки конца XIII в. с изображением «крапивы» использовались в убранстве замка Ледесэ, предшественнике Гетеборга, пусть и во время датского господства (Ekre et al. 1994: 20, fig. 31); в Лондоне известны бронзовые накладки начала XV в. с этими геральдическими фигурами (Egan 2008: 47, fig. 3D). Примеры можно умножить: на изготовленных в Лиможе в конце XIII–начале XIV в. подсвечниках из собрания Эрмитажа изображены гербы рода Плантагенетов и Кастильско-Леонского королевства, однако поскольку убедительная идентификация заказчика так и не была предложена, то появилось мнение, что в данном случае предметы украшены устоявшимся сочетанием гербов, которое, в силу своей декоративности, стало одним из популярных (Некрасова 2009: 146). В том случае, если гербы передаются условно, подобную декоративность нельзя категорически исключить, прежде всего, для ансамбля Никитинского раскопа. Однако было бы неправильным забывать о репрезентативной функции геральдических фигур, которые, пусть и косвенно, могли «апеллировать» к достоинству своих законных владельцев.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что появление геральдических накладок в Новгороде является не изолированным явлением, но вписывается в широкий контекст взаимодействия европейской культуры со своей периферией на рубеже XIII–XIV вв. Появление предметов с геральдическими накладками отмечено на территории силезских княжеств (ныне — Шленск, Польша). Две свинцовые накладки с львом, идущим влево, и расцвеченным щитом с иерусалимскими крестами в первой и последней четвертях были обнаружены при исследовании Судебной площади середины XIII—середины XIV в. во Вроцлаве (Bresch, Buško 2001: 128, 129, гус. 24d, 24f, 26, 27) (рис. 3, 5, 7). Клад из Ополья включал в себя элементы церемониальной цепи с подвеской в виде геральдического щитка с орлом (Masner 1904: 72–83, Taf. I, Fig. 12) (рис. 3, 9), еще одна щитообразная накладка с идущим вправо львом была найдена в пещере Бишник на укреплении Стшегова (между Ченстоховой и Вольбромом) в пограничье Силезии и Малопольши (Wachowski 2001: 96, Abb. 11d) (рис. 3, 6). Появление этих предметов на границах германского и славянского миров в схожем археологическом контексте может объясняться требованиями дополнительной репрезентации средневековой личности в пограничных условиях. В этом случае замена драгоценных металлов на менее ценные сплавы должна быть связана с социально-политическим статусом лиц, лишь представлявших интересы владельцев гербов. Дополнительно отметим, что подобные накладки, изготовленные из латуни около 1300 г., известны в качестве жертвенных приношений на саамских святилищах, например, в озере Мертгескет в Шведской Лапландии и в Гренландии на схожих по характеру памятниках середины XIII—начала XIV в. (Zachrisson 1984: 41, fig. 27, № 168a, 168b, 169, 170b).

Перечень пунктов, расположенных в зоне контактов и конфронтации центрально- и восточноевропейского миров, можно продолжить. В сходной ситуации находился летописный Изяславль на Подолии, где найдена щитообразная накладка с орлом, обремененным щитом со львом, идущим вправо, в котором опознается герб Ричарда Корнуэльльского († 1272); в Болгарии XIII–XIV вв. геральдические накладки известны в Тырново и Варне (Медведев, Пескова 2008: 305–318, рис. 1, 1).

В Крыму и причерноморских степях появление геральдики сопровождалось выдачей поясов европейского облика местной служилой знати, декор которых был отчасти ориентирован на местный менталитет (Крамаровский 2012: 93–104). Однако используемые мастерами геральдические символы, в частности, серебряные накладки с гербовыми щитами, рассеченными тремя вертикальными утопленными полосами, изготовленные в Кафе в конце XIV—начале XV в. (Там же: 304–320, рис. 70), должны были вызывать конкретные и актуальные ассоциации. В этом случае источником композиции являлся скорее герб рода Негроне, имевшего коммерческие интересы в Крыму (Яровая 2010: 102–103, 174, рис. 80), чем воспоминания о далекой родине. Эти параллели способны дополнительно укрепить наше убеждение в конкретном содержании геральдических накладок из Новгорода.

Распространение европейских поясов в Юго-Восточной Европе было лишь одной из форм проникновения рыцарской культуры в соседние земли. На Северо-Востоке, как можно судить по данным археологии, модными были ножи с резными костяными рукоятями. Эти предметы относятся к двум основным типам: многофигурные прорезные композиции и резные статуарные рукояти. Первые обычно уникальны. Это найденные в Новгороде пластина со сценой «Штурм замка любви» рубежа XIII–XIV вв. (Н-62, Нер-XXXIII, усадьба Д, 17-2175-№ 15, НГОМЗ, КП 193000/А 2-1; Даркевич 1966: 48–49, 125, № 92, табл. 25, 4), уже упоминавшийся фрагмент ручки ножа в форме головы грифона (Рыбина 2001: 255, 257, 260, рис. 21, 8), а также рукоять из слоновой кости конца XIII–первой половины XIV в., увенчанная резным изображением льва из укрепления Орлув под Лодзью (Польша) (Marciniak-Kajzer 2011: 237, 395–396, Foto 7). Большинство этих предметов были, скорее всего, изготовлены во Франции и даже связаны с парижскими мастерскими.

Второй тип отличается разнообразием — эти предметы интерпретируются то как рукояти стилетов, что подтверждается находками с сохранившимися клинками, то как навершия гравуров; исследователи выделяют не менее 7 вариантов изображений: «дама с собачкой», человек с соколом, человек с книгой, парные мужская и женская фигуры, фигуры одиночные и т. д. К середине 1970-х гг. было известно 24 экз. из Франции, Англии, Дании, Швеции, Германии, Польши и Латвии, однако только два из них имели археологическую дату (Bencard 1975: 36–61). К этому списку можно добавить музейные предметы из Эрмитажа (ГЭ: Ф 228; Darcel 1874: 98, № 247; Крыжановская 1986: 34. № 20 [247]), Лувра (Louvre: OA 7281, OA 11113) и Галереи Курто, Лондон (The Courtauld Gallery: O.1966.GP.27), а также оставшиеся неизвестными автору сводки экземпляры из Ростова и, возможно, Минска (Даркевич 1966: 27, 29, 125, 127, № 44, 47, табл. 25, 11; 26, 6). В последнее время количество находок и их география существенно расширились: рукояти были найдены в Малом дворце Авиньона (Франция, 1365–1370 гг.) (Thiriot 1989: 71–73, 89, fig. 67a, 67b), в городах Росток, Доббертин, Грейсвальд и Анклам (Германия) (Burrows et al. 2002: 208–221; Schäfer 2005: 347, Abb. 1, 2; Enzenberger 2007: 143, Abb. 51, 11, no. 274), Висбю (Готланд) (Westholm 2008: 657, fig. 8), Тарту (Эстония) (Metsallik 1995: 31, tabl. 15, 3), новые находки сделаны в Щецине, Эльблонге, Торуне, Пултуске, Бардо, Бендзине, введены в научный оборот находки из Кракова (Польша), хранящиеся в собрании Музея князей Чарторыйских (Kowalczyk-Neuman 2010: 241–282); уже упоминалось, что в 1988 г. фрагмент подобной рукояти был найден и в Новгороде (Рыбина 1993: 157–159, рис. 2, 2).

Распространение в Восточной Европе ножей с костяными рукоятями, традиция которых зарождается во Франции, позволяет коснуться вопроса о происхождении геральдических лилий на двух предметах XIV–XV вв. из раскопок в Новгороде. Речь идет о «билоновом» игольнике с Кировского (Славенского) раскопа и о накладке, найденной на Дубошином раскопе (табл. 1, 3) (Колчин, Рыбина 1982: 235, рис. 48; Рыбина 2001: 255, рис. 21, 5) (рис. 1, 5, 6). Цветок лилии как геральдический элемент, тесно связанный с французской короной,

появляется в официальной символике уже в XII в., а в начале XIII в. в гербе будущего Людовика VIII формируется усеянное лилиями поле. В результате пожалований и своеобразной «геральдической моды» многочисленные лилии возникают и в других гербах, а в быту превращаются в распространенный орнаментальный мотив. Новгородские находки, несомненно, относятся к последней категории. Такая «профанация» королевского герба, наряду с событиями Столетней войны, могла быть одной из причин, побудивших в 1375 г. королевскую ветвь сократить количество «своих» лилий до трех. Одновременно лилия активно проникает в геральдику Центральной Европы, появляясь в официальных символах Готланда и ганзейских городов. В целом же, дабы верно оценить геральдические лилии в средневековой культуре, необходимо учитывать, что этот цветок, как знак чистоты, был устойчивым богородичным символом, и его появление на разнообразных предметах могло быть проявлением нового религиозного благочестия XIV в.

Связаны ли «новгородские» лилии с Францией, и в какой мере костяные рукояти способны прояснить это вопрос? Обычно исследователи полагают, что если модель этих рукоятей родилась в парижских мастерских (Sears 1997: 19–38), то очень скоро их начали воспроизводить по всей Европе. находка женской головки от рукояти из Новгорода обычно рассматривалась как вырезанная в Северной Германии, однако в публикациях отмечалось, что ей присущи тщательность отделки и проработка деталей. На наш взгляд, это позволяет сблизить ее с изделиями французских мастерских. Сегодня наиболее близкие ей параллели представлены новыми находками из Авиньона и Щецина (Thiriot 1989: fig. 67b; Kowalczyk-Neuman 2010: Abb. 5). Поступление подобных предметов в Прибалтику происходило на фоне культурных контактов с Францией; так, в Таллине, в слоях конца XIII в., костяная рукоять была найдена вместе с паломническим знаком из Рокамадура (Ло, Франция) (Tarakanova, Saadre 1955: 27, fig. 10).

Эти наблюдения не означают, что такие контакты могли осуществляться напрямую. Так, товарные пломбы из средневекового французского города Турне с изображением лилии, найденные в Новгороде и на Рюриковом Городище, сопровождали ткани, бывшие предметом ганзейской торговли (Рыбина 1981b: 298–300). Однако такие находки, как рукоять со «Штурмом замка любви» парижской работы, предположительно французская же рукоять с женской фигуркой и, в особенности, происходящие с интересующего нас Дубошина раскопа турнуазская пломба и фрагмент синего поливного кувшина из Руана (Франция) (1250–1350 гг.; Н-78, Дубошин р-п, 28-23-№ 196, НГОМЗ, НВ 19 559/Пр. к А 58-684) (Gaimster 2006: 139), способны подсказать верное направление поиска. Об использовании подобного декора в быту средневековой Франции свидетельствует фрагмент кожаного пояса с металлическими накладками в форме лилий, происходящий из раскопок в парижском пригороде Сан-Дени (Meuget et al. 1983: 24). Вспомним, что именно северофранцузские города, сохранявшие во время Столетней войны лояльность французской короне, активно подчеркивали это, используя в своей культуре многочисленные лилии. Представ-

ляется, что исключать северофранцузское происхождение новгородских предметов, «усеянных» лилиями, было бы неправильно. Впрочем, поступление французских изделий в Новгород через Северную Германию представляется более вероятным. Добавим к сказанному, что в XIV в. множественные геральдические символы на предметах быта вообще становятся частью европейской моды, как об этом дополнительно свидетельствует кожаный ремешок с изображениями леопардового льва, идущего вправо,⁷ найденный на Неревском раскопе в Новгороде (рис. 1, 7). Эти геральдические львы вновь отсылают нас, как и накладка с «крапивой», к северогерманским землям, но на этот раз не к Гольштейну, а к Шлезвигу, также проявлявшему заинтересованность в восточной торговле.

Таким образом, выявление геральдических предметов в Новгороде, анализ их изображений и корреляция с прочими находками европейского происхождения позволили, как кажется, уточнить наши представления об особенностях отношений Новгорода и Европы, городской среде, в которой бытовали европейские вещи, источниках, путях и обстоятельствах появления этих предметов на Руси, а также прояснили некоторые частные вопросы европейской геральдики, связанные с хронологией сочетания различных фигур. Знакомство Новгорода с геральдической символикой не было локальным явлением, а оказалось вписано в контекст активного проникновения новых явлений европейской культуры второй половины XIII в. на территорию Восточной Европы. Как и в Средиземноморском регионе, отмеченном в это время противостоянием венецианских и генуэзских купцов, на Балтике геральдические предметы могли являться свидетельством обострения конкурентной борьбы за новые рынки сбыта и источники сырья между различными силами европейского общества.

В свое время исследователями было высказано пожелание персонифицировать обнаруженные в Новгороде европейские знаки собственности (Рыбина 1981а: 282–296; 2001: 242–252), отождествив их с конкретными ганзейскими купцами. Сегодня с определенной осторожностью можно говорить о новых археологических подробностях геральдического характера, конкретизирующих историю взаимоотношений Новгорода и Европы.

В заключение я хотел бы высказать слова признательности коллективу Новгородской археологической экспедиции и сотрудникам Новгородского музея за возможность на протяжении многих лет работать с уникальными материалами, а также М. Ю. Медведеву, специалисту по средневековой геральдике, за его дружескую помощь в работе над этой темой.

Даркевич 1966 — Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (XI–XIV вв.). М., 1966.

⁷ Я благодарю коллегу и научного сотрудника НГОМЗ С. Е. Торопова, обратившего мое внимание на этот и ряд других предметов из собрания музея.

- Дубровин 2010 — *Дубровин Г. Е.* Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010.
- Кенько 2006 — *Кенько П.* Археологические разведки в Докшицком и Лепельском районах Витебской области // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2006. № 21. С. 239–240.
- Колчин, Рыбина 1982 — *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 178–238.
- Крамаровский 2012 — *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы: Золотая Орда, Византия, Италия. СПб., 2012.
- Крыжановская 1986 — *Крыжановская М. Я.* Западноевропейское прикладное искусство средних веков и эпохи Возрождения из коллекции А. П. Базилевского: Каталог выставки. Л., 1986.
- Медведев, Пескова 2008 — *Медведев М., Пескова А.* Геральдическая накладка из раскопок М. К. Каргера на городище у с. Городище близ Шепетовки (к вопросу о времени гибели поселения) // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2008. Вип. 20. С. 305–318.
- Некрасова 2009 — *Некрасова Е. Н.* Лазурь и золото Лиможа: Эмали XII–XIV вв.: Каталог выставки. СПб., 2009.
- Носов, Плохов 2005 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Исследования центральной части Рюрикова Городища в 1984–1989 гг. // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья: Новые материалы и исследования. СПб., 2005.
- Рыбина 1981a — *Рыбина Е. А.* Западноевропейская система знаков собственности // ВИД. 1981. Вып. 12. С. 282–296.
- Рыбина 1981b — *Рыбина Е. А.* Товарные пломбы Турне в Новгороде // СА. 1981. № 1. С. 298–300.
- Рыбина 1993 — *Рыбина Е. А.* К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // ННЗИА. 1993. Вып. 7. С. 153–161.
- Рыбина 1994 — *Рыбина Е. А.* Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения [1]. Новгород, 1994. С. 87–89.
- Рыбина 2001 — *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.
- Хорошев 1997 — *Хорошев А. С.* Новгородские усадьбы X–XV вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2. С. 411–424.
- Янин 2001 — *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Янин, Зализняк 1993 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Янин, Зализняк 2000 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000.
- Янин и др. 1989 — *Янин В. Л. и др.* Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1988 г. М., 1989 // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14048.
- Янин и др. 1991 — *Янин В. Л. и др.* Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1990 г. М., 1991 // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15199.
- Янин и др. 2004 — *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.
- Яровая 2010 — *Яровая Е. А.* Геральдика генозского Крыма. СПб., 2010.
- Bencard 1975 — *Bencard M.* Om et middelalderligt knivskaft fra Ribe // Festskrift til H. K. Kristensen på 80-års dagen 17. september 1975. Varde, 1975. S. 36–61.
- Brandt, Eggebrecht 1993 — *Brandt M., Eggebrecht A.* (eds.). Bernward von Hildesheim und das Zeitalter des Ottonen: Katalog der Ausstellung. Hildesheim, 1993. Bd 1.
- Bresch, Buško 2001 — *Bresch J., Buško C.* Badania na placu sądowym (wykop nr IX) // Buško C. (red.). Rynek Wrocławski w świetle badań archeologicznych. Wrocław, 2001. Cz. 1. S. 109–146.
- Burrows et al. 2002 — *Burrows J. et al.* Vier hochwertige Messergriffe aus Rostock, Dobbertin und Greifswald // Archäologische Berichte aus Mecklenburg-Vorpommern. 2002. Bd 9. S. 208–221.
- Darcel 1874 — *Darcel A.* Collection Basilewsky: Catalogue raisonné précédé d'un essai sur les arts industriels du 1er au 15e siècle. Texte et Planches. Paris, 1874.

Descatoire 2007 — Descatoire Ch. (dir.). Trésors de la peste noire: Erfurt et Colmar: exposition présentée du 25 avril au 3 septembre 2007 au Musée national du Moyen-Âge-Thermes et hôtel de Cluny. Paris, 2007.

Dunin-Wąsowicz 1988 — *Dunin-Wąsowicz T.* La Leggenda di santa Edvige: storia di un manoscritto del XIV secolo // Labuda G., Hensel W. (red.). Studia nad etnogenezą słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej: praca zbiorowa. Wrocław, 1988. T. 2. P. 21–28.

Egan 2008 — *Egan G.* Luxury Lifestyle in Medieval London, Archaeological Evidence c. 1200–1600 // Gläser M. (ed.). Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum VI: Luxus und Lifestyle. Lübeck, 2008. P. 43–62.

Ekre et al. 1994 — *Ekre R., Hylander C., Sundberg R.* Lödösefynd: ting från en medeltidsstad. Lödöse, 1994.

Enzenberger 2007 — *Enzenberger P.* Handwerk im mittelalterlichen Greifswald. Ein Beitrag zur Darstellung der Siedlungs- und Produktionsweise in einem spätmittelalterlichen Handwerkerviertel am Übergang vom 13. zum 14. Jahrhundert. Schwerin, 2007.

Gaimster 2006 — *Gaimster D. R.* Pottery imported from the West: reception and resistance // Orton Cl. (ed.). The pottery form medieval Novgorod and its region. London, 2006. P. 135–143.

Kowalczyk-Heyman 2010 — *Kowalczyk-Heyman E.* Antropomorf verzierte mittelalterliche Messergriffe in Polen // *Questiones Medii Aevi Novae*. 2010. Vol. 15. S. 241–282.

Krabath et al. 2006 — *Krabath S., Lambacher L., Kluge B., Rehberg R.* Der Pritzwalker Silberfund: Schmuck des späten Mittelalters. Pritzwalk; Berlin, 2006.

Marciniak-Kajzer 2011 — *Marciniak-Kajzer A.* Średniowieczny dwór rycerski w Polsce: wizerunek archeologiczny. Łódź, 2011.

Masner 1904 — *Masner K.* Ein Schmuckfund aus dem Mittelalter // *Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift*. Neue Folge. 1904. Bd 3, 3. S. 72–83.

Metsallik 1995 — *Metsallik R.* Tartu arheoloogilise uurimisest // *Tartu arheoloogias ja vanemast ehitusloost*. 1995. Vol. 8. Lk. 15–35.

Meyer et al. 1983 — *Meyer O. et al.* Ville de Saint-Denis. Recherches archéologiques urbaines: Rapport 1982. Saint-Denis, 1983.

Nickel 1964 — *Nickel E.* Der «Alte Markt» in Magdeburg. Berlin, 1964.

Sears 1997 — *Sears E.* Ivory and Ivory Workers in Medieval Paris // *Barnet P.* (ed.). Images in ivory: precious objects of the Gothic Age. Princeton, 1997.

Schäfer 2005 — *Schäfer H.* Kleidung und Schmuck im Spiegel archäologischer Funde // Jöns H., Lüth F., Schäfer H. (eds.). Archäologie unter dem Straßenpflaster: 15 Jahre Stadtkernarchäologie in Mecklenburg-Vorpommern. Schwerin, 2005. P. 347–350.

Stephan 1953 — *Stephan W.* Die Historischen Wappen Schleswig-Holsteins und seiner Landschaften. Neumünster, 1953.

Tarakanova, Saadre 1955 — *Tarakanova S., Saadre O.* Tallinnas 1952.–1953. aastal toimunud arheoloogiliste kaevamiste tulemusi // *Muistsed asulad ja linnused*. Arheoloogiline kogumik. 1955. № 1. Lk. 11–45.

Thiriot 1989 — *Thiriot J.* Le palais Épiscopal d'Anglic Grimoard en 1365. Le dépôt du Petit Palais, Avignon // *Fixot M.* (dir.). L'Église et son environnement, Archéologie médiévale en Provence, catalogue d'exposition. Aix-en-Provence, 1989. P. 71–73, 89.

Ugglas 1936 — *Ugglas C., af.* Gotländska silverskatter från Valdemarstågets tid. Stockholm, 1936.

Wachowski 2001 — *Wachowski K.* Spätmittelalterliche Gürtel des Adels in Schlesien im Lichte archäologischer Quellen // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. 2001. Bd 29. S. 87–112.

Westholm 2008 — *Westholm G.* Visby. Lifestyle and Luxury // Gläser M. (ed.). Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum VI: Luxus und Lifestyle. Lübeck, 2008. P. 651–666.

Wissenbach 1877 — *Wissenbach H., von.* Das Wappen der Grafen von Schauenburg und Holstein. Eine historisch-heraldische Studie. Schleswig, 1877.

Zachrisson 1984 — *Zachrisson I.* De samiska metalldepåerna år 1000–1350 i ljuset av fyndet från Mörträsket, Lappland. Umeå, 1984.

**EUROPEAN HERALDRY IN THE ARCHAEOLOGICAL
MATERIALS FROM MEDIEVAL NOVGOROD:
TO THE HISTORY OF CONNECTIONS BETWEEN NOVGOROD
AND HANZA**

A. E. Musin

The paper is devoted to the analysis of the objects of West European origin decorated with armorial bearings, found in the excavations of medieval Novgorod and dated to the late XIII and XIV centuries. The objects in question represent shield-like plates with images of “nettle”, lions and eagles, as well as objects of everyday use with lilies and lions. The analysis of these things in connection with the other finds of European origin contributes to clarifying our notions of the relations between Novgorod and Europe. The author puts forward a hypothesis about the trade competition between the Hanza Union and the Schauenburg count family from Holstein. In Novgorod the European things were mainly used by active middle class people, but not the patriciate. The acquaintance of Novgorod with the European heraldic symbols was not an isolated phenomenon; it took place against the background of growing penetration of new cultural elements from West to East Europe.

ОПЫТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ XVIII в. (по материалам археологических исследований города Березова 2008 г.)

Г. П. ВИЗГАЛОВ, О. В. КАРДАШ

Проблема культурной и этнической идентификации поселенческих объектов по вещевым комплексам является одной из основных задач археологических исследований. Для ранних периодов истории Северо-Западной Сибири основным культуруопределяющим признаком (или *индикатором культуры*) служит глиняная посуда, изготовленная местным населением. Для периода от XII—XIII вв., когда эта категория предметов исчезает, и вплоть до XVIII—XIX вв. такой признак отсутствует. В песчаном и супесчаном грунте, характерном для большинства памятников региона, сохраняются преимущественно металлические изделия, большинство из которых импортные и, следовательно, не могут служить для памятников аборигенного населения полноценным этнокультурным индикатором. Таким образом, на современном этапе изучения древностей коренного населения Северо-Западной Сибири XIII—XVIII вв. проблема формирования комплекса культуруопределяющих признаков остается актуальной.

Дополнительной сложностью при решении поставленной проблемы является отсутствие документальных источников. Даже для XVII в., когда появляются русские делопроизводственные документы, содержащие указания на этническую принадлежность народов колонизируемых территорий, проблема идентификации этносов на основе анализа предметов материальной культуры продолжает оставаться далекой от однозначного решения.

В последнее десятилетие в субарктической зоне Северо-Западной Сибири активно исследуется несколько археологических памятников с замороженным культурным слоем: с 1998 г. — Надымский городок, с 2000 г. — городище Мангазея, с 2003 г. — Войкарский городок, в 2004—2005 гг. — Полуийский городок, в 2007—2008 гг. — городище Бухта Находка, с 2008 г. — Старотуруханское городище (Визгалов, Пархимович 2008а; Визгалов 2010а; Кардаш 2008; 2009; Брунница 2003; 2005; Федорова 2004; 2006). Изучение на Крайнем Севере синхронных позднесредневековых поселений, оставленных как аборигенным, так и русским населением, дает возможность выделять и для тех и для других культуруопределяющие комплексы вещей, а это, в свою очередь, позволяет не только сопоставлять между собой разнокультурные поселения, но также проводить культурную и этническую идентификацию вещевых комплексов, полученных при раскопках других памятников, в том числе и на территории таежной зоны Западной Сибири. Опыту такой идентификации, проводившемуся на материалах раскопок Березовского городища, посвящена настоящая работа.

Березов — один из первых русских городов на севере Западной Сибири. Большинство исследователей сходится во мнении, что он был основан в 1592–1593 гг. отрядом казаков под командой воеводы Н.В. Траханиотова на берегу реки Оби близ устья реки Сосьвы (Миллер 2005: 274; Шашков 2003: 44). Вместе с тем, дата основания города все еще остается дискуссионной (Андреев 1940: 152–155; Резун 1981: 38–40; Резун, Василевский 1989: 108–109; Солодкин 2004: 39 и др.).

С момента основания и на протяжении последующих 300 лет город Березов служил административным центром обширного уезда включавшего бассейн нижнего течения р. Обь (Абрамов 1857: 383–401). Одной из обязанностей городских чиновников города было управление волостями, заселенными аборигенным населением и осуществление ясачного сбора. Именно фискальная деятельность администрации провоцировала неоднократные восстания коренных жителей и нападения на уездный центр, последнее из которых случилось в 1760 г. (Абрамов 1857: 367–368; Миненко 1975: 291–299).

Археологическое изучение культурного слоя Березовского городища было начато в 2005 г. и продолжено в 2007 г. (Визгалов 2006: 2007; 2010б; Визгалов, Пархимович 2008б). В 2008 г. комплексной экспедицией ООО «НПО Северная археология» во главе с Г. П. Визгаловым при участии С. Г. Пархимовича и сотрудника ИИМК РАН А. В. Курбатова на территории современного пос. Березово были заложены два раскопа (на месте кремля и на месте ближайшего посадского острога), а также шурфы для выявления распространения культурного слоя посада (рис. 1). Общая площадь раскопок в 2007–2009 гг. составила 852 м². В результате исследований было изучено 16 жилых и 8 хозяйственных построек, остатки крепостной стены и проезжей башни кремля (Визгалов 2010б).

Мощность культурного слоя Березовского городища неравномерна. В кремле из-за искусственных разрушений глубина слоя не превышает 0,5 м. Предметы из органических материалов и остатки строений из дерева находились в состоянии тлена. На городском посаде в раскопе № 2, обнаружен участок слоя, замерзший в нижней части, где найдены многочисленные предметы из дерева, кости, кожи и ткани. Именно эти материалы вызвали особый исследовательский интерес.

Судя по чертежам конца XVII в. и конца XVIII в., раскоп № 2 (216 м²), заложенный в северной части посадского острога, пришелся на участок квартала, примыкающего к центральной городской площади Березова (рис. 1). Это был район престижной застройки, где находились дворы наиболее привилегированных жителей города. Культурный слой, судя по находкам монет, начал формироваться на рубеже XVII–XVIII вв.

В площади раскопа зафиксированы остатки 11 строений (рис. 2). Все они ориентированы по оси север–юг. Постройка 1 (5 × 5 м) рублена в обло с остатком. В ее внутреннем интерьере, на верхнем уровне, соотносимом с XIX в., фиксируются центральное углубление, нары по периметру, в углу, слева от входа, остатки чувала, что позволяет определить жилое назначение постройки.

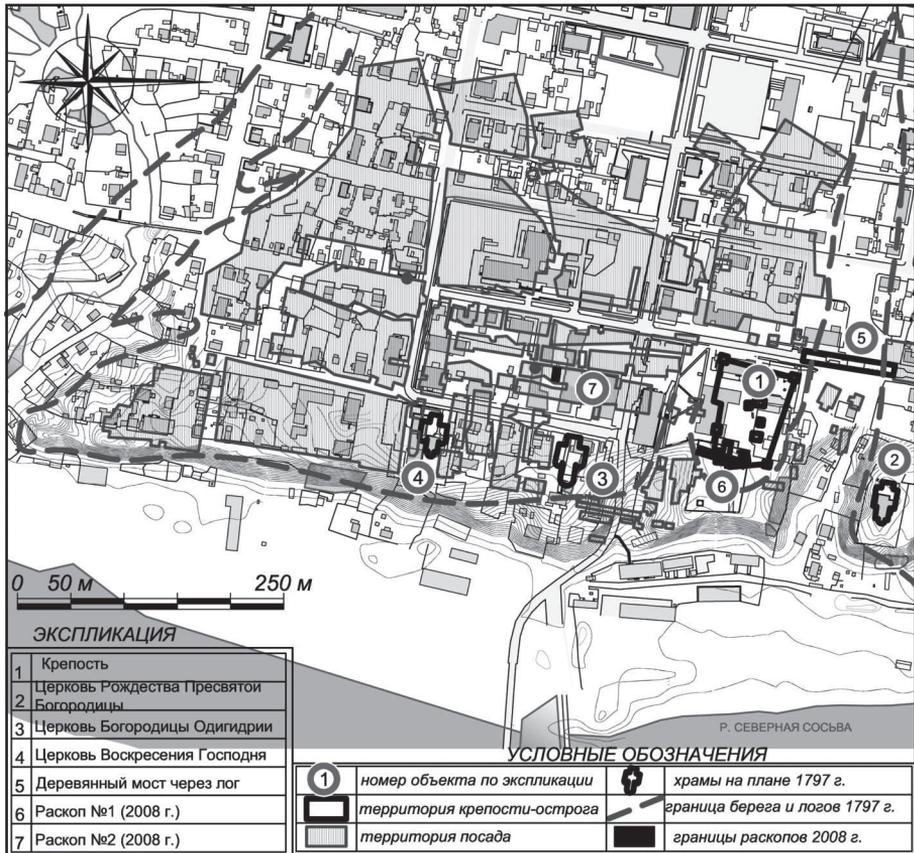

Рис. 1. Фрагмент современного генерального плана пос. Березово, совмещенный с планировкой чертежа 1797 г. — «План Тобольской губернии уездного города Березова с показанием на оном ныне стоящего строения и вновь прожектированного расположения. Сочинен 1797-го года» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21694). Масштаб 1 : 5000

Ниже это же строение представляет собой двойной сруб с размером внутреннего помещения 3×3 м. Отсутствие дверного проема и конструкция дополнительной термоизоляции позволяют определить постройку как хозяйственную (холодный амбар). Подобные строения были не редки в Березове — они упомянуты, в частности, в документе 1750 г.: «погреб деревянной двоестенной осыпан землею для содержания в летнее время от теплого воздуха» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 8, д. 6046, л. 8). Очевидно, что по истечении времени обветшавший или обгоревший при пожаре сруб амбара использовали в качестве фундамента для нового жилого строения.

Постройка 2 (4×4 м), также рубленая в обло с остатком, примыкает с запада к постройке 1. Южные фасады обеих построек выстроены по одной оси и, очевидно составляли комплекс. Заметим, что они вписываются в планировочные оси расположенных рядом построек 8 и 10 и изначально образовывали с

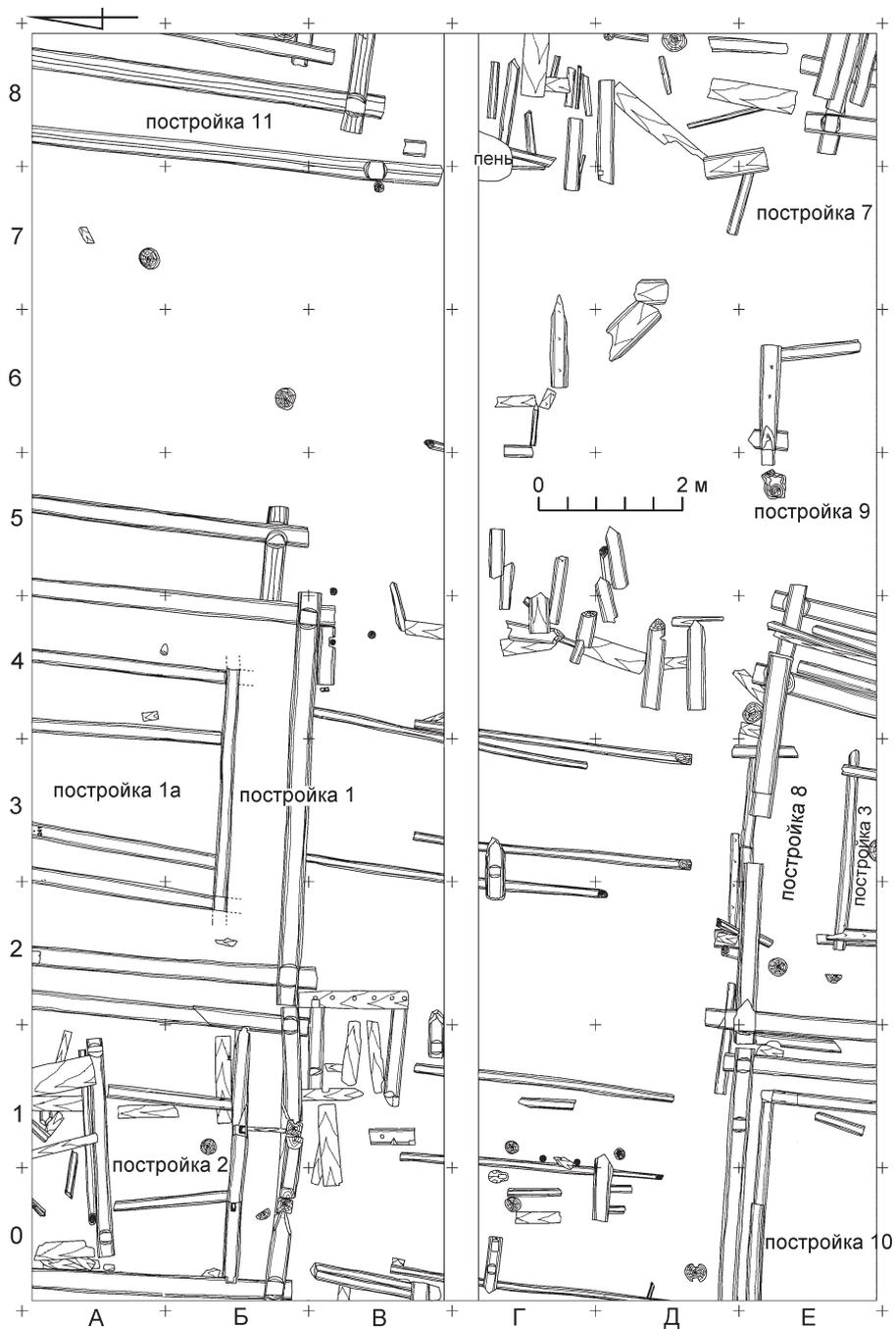

Рис. 2. Березовское городище, план раскопа № 2 на территории посадского острога

ними одну группу зданий, возведенных по единому плану (рис. 2). Постройка имела вход с юга в виде дверного проема шириной 80 см с шарнирной дверью. Справа от входа в углу находилась печь (чувал?). Пол был выстлан досками, вдоль задней стены располагались нары шириной 1,2 м. Постройка функционировала как жилое помещение только в XVIII в. Ее конструкция и архитектура идентична многочисленным русским домам XVII в., известным на севере Сибири, например, по раскопкам Мангазеи (Визгалов, Пархимович 2008а: 34–60, рис. 24–79, л. 7, 9–25). Вместе с тем интерьер постройки аналогичен интерьерам жилых построек остяцких кварталов Надымского городка середины XVII–первой трети XVIII в. (Кардаш 2009: 53–56, рис. 2.40–2.73).

Хозяйственная постройка 3 (2 × 2 м), возведенная из досок «в охрябку» (в простую лапу), расположена напротив входа в постройку 1. Дверной проем не фиксируется, пол дощатый в один уровень по всей площади. Постройка находит прямую аналогию в постройке 3 остяцкого квартала Надымского городка, также имевшую хозяйственное назначение (Там же: 54–55, рис. 54, 2.62–2.65).

Взаиморасположение построек создает впечатление остатков регулярной застройки. Несколько выбивается по месту расположения, размерам и архитектуре только постройка 3.

Очевидно, что обнаруженные в раскопе постройки предназначались для проживания служилого населения и относятся ко времени существования в Березове укрепленного посада.

В домах и близ них в замерзшем культурном слое были обнаружены предметы, типы и облик которых находит много параллелей в коллекциях вещей из раскопок городков аборигенного населения Нижней Оби, таких как Надымский и Полуйский городки середины XVII–первой трети XVIII в. Среди находок из раскопа № 2 около 200 изделий из дерева, кожи и кости имели вид аборигенных изделий (Там же: 132–195, рис. 3.1–3.82; Приложение III, табл. I). Представим для сравнительного анализа наиболее показательные группы находок.

Близ постройки 2 был обнаружен кожаный элемент специфического женского пояса — вороп (рис. 3, 12, 13). Аналогичные предметы из бересты и кожи имеются в Надымской и Полуйской коллекциях (Кардаш 2005а: 55, рис. 176; 2009: 134, рис. 3.1, 6, 15, 16). Этот предмет туалета бытовал в аборигенной среде по крайней мере с XIII в. (Кардаш 2008). Его наличие маркирует непосредственное присутствие или проживание взрослой женщины, выросшей и воспитанной в традициях культуры аборигенного населения региона.

Среди находок обуви преобладают предметы русского облика, но тем не менее имеется несколько обувных головок из телячьей кожи, подобных надымским и полуйским находкам (рис. 3, 8, 10, 11). Такие головки для туфель (котов) и сапог с суконным голенищем (ныриков) бытовали в культуре аборигенного населения с XVI в. (Кардаш 2005а: 55, рис. 134, 135, 137; 2009: 134–135, рис. 3.6, 3.7, 3.8, 5–7).

Среди предметов, связанных с охотой и рыболовством, имеется представительная серия наконечников стрел из дерева и кости (рис. 4, 1–8), типологи-

Рис. 3. Детали костюма из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–2 — туфли-коты; 3–7 — детали обувных головок из телячьей кожи; 8–11 — обувные головки из телячьей кожи; 12–13, 15 — фрагменты воропов из телячьей кожи; 14, 15–16 — берестяные воропа
 1–2, 14–15 — Надымский городок; 3–7, 16–17 — Полуийский городок; 8–13 — Березовское годише, раскоп № 2

чески близких аборигенным изделиям из раскопок синхронных памятников. Детали ловушки — верши (фитиля), деревянные крюки сетей для подледного лова и поплавки для ставных сетей близки полуйским и надымским находкам.

Особо следует отметить два орнаментированных наконечника томаров из коллекции Березовского городища (рис. 4, 9, 10). Как резной, так и красочный орнамент этих предметов имеет прямые аналогии в декоре котловых ложек и наконечников, происходящих с памятников Нижней Оби, в частности — Надымского и Полуйского городков (рис. 4, 11, 27, 28). Орнаментированный наконечник — крайне неординарная находка для этих памятников — один на сотню. Вероятно, такой декор отражал особый статус как предмета, так и владельца. Например, грузило для калыданной сети, принадлежавшее обдорскому князю Тайшину, имело орнамент. С этим грузилом князю полагалось провести первый лов, чтобы обеспечить удачу в промысле всей общине (Кардаш 2003б). Для расписных томаров также не исключена подобная функция.

Предметы быта представлены преимущественно деревянной и берестяной утварью: деревянные корыта, берестяные коробка и корытца, котловые ложки, ножи в деревянных рукоятях и др. Представим ту часть предметов, которые находят прямые аналогии среди вещей из раскопок нижеобских памятников. Одним из знаковых предметов является рукоять для удерживания кончика лезвия ножа при заточке (рис. 4, 12) — с ее помощью достигается строго перпендикулярное положение лезвия по отношению к бруску. В Нижнем Приобье такие приспособления широко представлены в коллекциях Надымского и Полуйского городков (Кардаш 2006: 38; 2009: 163, рис. 3.31, 5–8). Подобные предметы нам неизвестны ни в публикациях этнографических материалов ханты, ни в вещевых комплексах южных и восточных ханты XIX—начала XX в. (Janko 2000; Сирелиус 2001; Мартин 2004; Кулемзин, Лукина 1977 и др.). Из этнографических параллелей нам удалось найти такие предметы лишь на Севере — в пос. Горнокнязевск (Кардаш 2003а), в наборе ножей последнего обдорского князя И. И. Тайшина (рис. 4, 13, 14). В настоящее время такие приспособления отсутствуют в культуре как северных ханты, так и ненцев. Очевидно, что данный предмет в некоторой степени маркирует северную связь вещевого комплекса усадьбы с Северным Приобьем.

Берестяная посуда представлена фрагментами и целыми туесами (короба) и куженьками (корытца). Орнаменты разнообразны, выполнены скоблением по так называемой весенней (коричневой) бересте, присутствуют как геометрические, так и криволинейные сюжетные и символические. Эти орнаменты близки орнаментам различных групп современных ханты, а также находят параллели в символах и приемах орнаментации изделий из Надымского и Полуйского городков: зубчатое заполнение контура (рис. 5, 5, 6), косой крест и свастика (рис. 5, 1–3, 8–10, 12). Среди находок из Березова орнаментированные изделия составляют около 90 %, в то время как в Полуйском городке орнаментированных изделий не более половины, а в Надымском городке около 20 %. Соотношение орнаментированных и неорнаментированных изделий Березов-

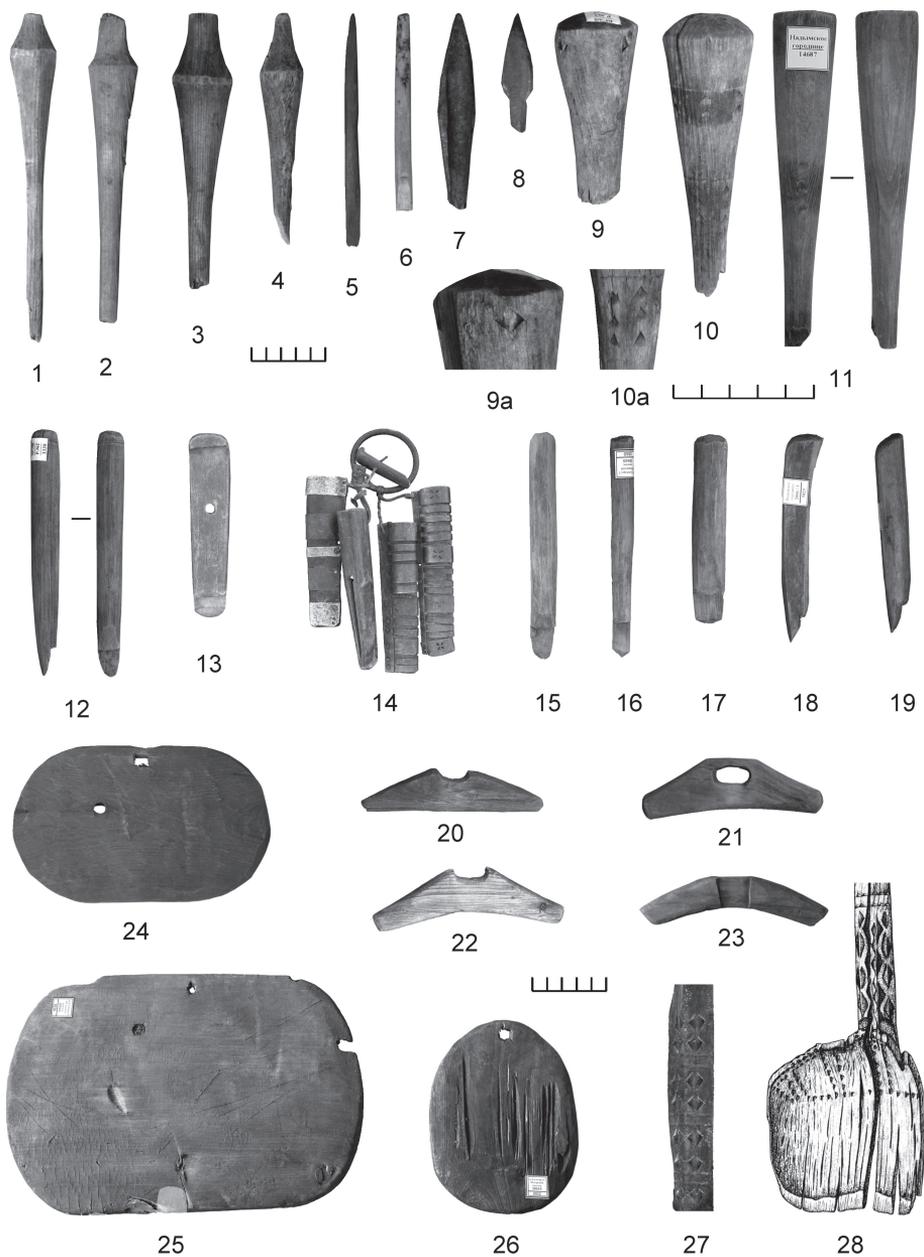

Рис. 4. Промысловые орудия и предметы быта из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–8 — наконечники стрел; 9–10 — наконечники томаров, украшенные черной краской и резьбой; 11 — томар, декорированный черной краской; 12, 15–19 — рукояти для заточки ножей; 13 и 14 — рукоять для заточки ножа и набор ножей обдорского князя И. И. Тайшина; 20–23 — крюки для подледных сетей; 24–26 — поплавки для сетей; 27–28 — резной декор котловых ложек (1–4, 9–11, 20–28 — дерево; 5–8 — кость; 12–19 — железо) 1–10, 12, 20, 22, 24 — Березовское городище, раскоп № 2; 11, 15–17, 28 — Надымский городок; 18–19, 21, 23, 25–27 — Полуйский городок

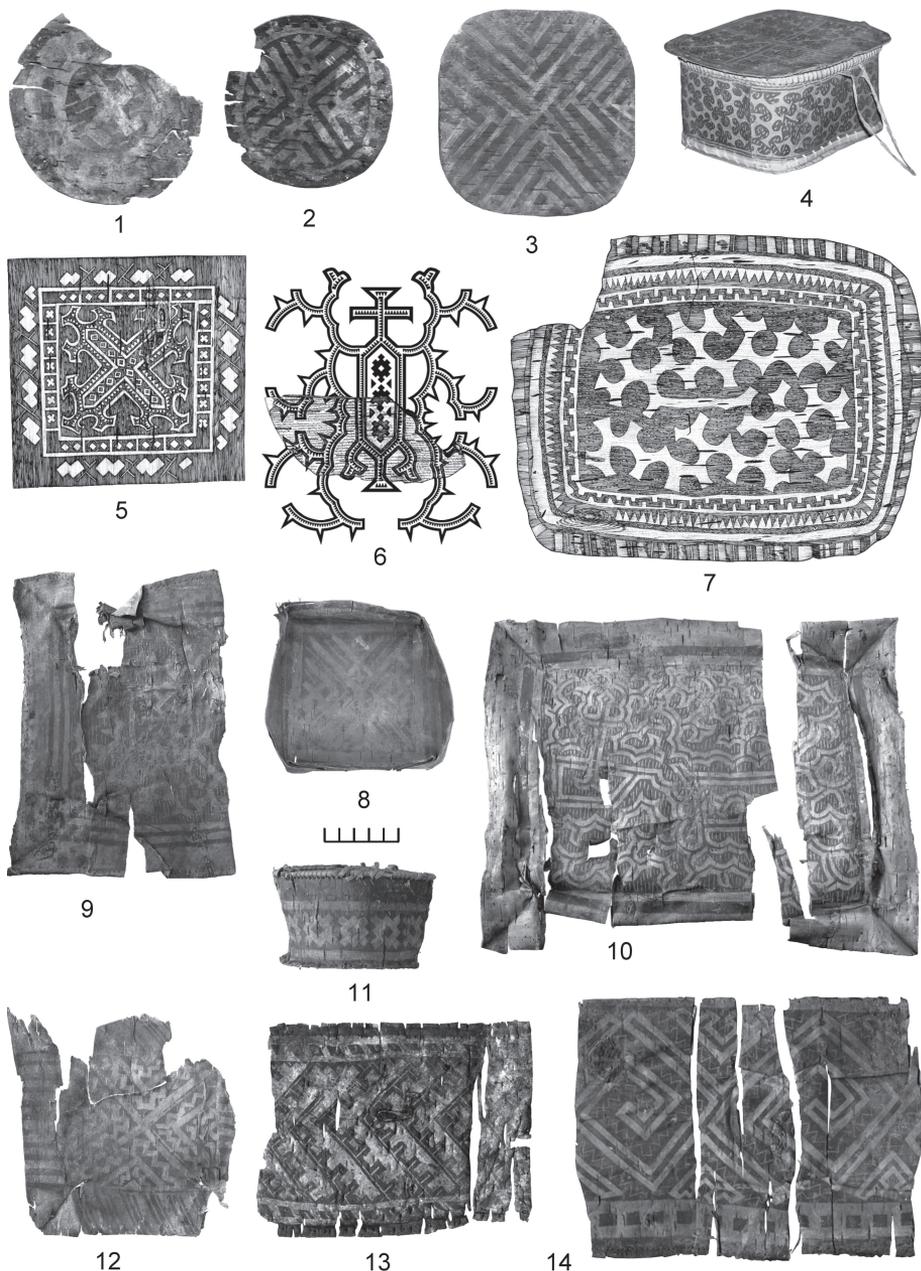

Рис. 5. Берестяная посуда из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–3 — крышки цилиндрических коробов; 4, 7 — короб и крышка короба для швейных принадлежностей; 5–6, 8–10, 12 — корытца и фрагмент корытца с орнаментом в виде косо́го креста и сюжетным рисунком; 11, 13–14 — стенки цилиндрических коробов 1–3, 7, 11, 13–14 — Березовское городище, раскоп № 2; 4 — пос. Корлики (Ваховские ханты); 6 — Надымский городок; 8–10, 12 — Полуйский городок

ского городища, возможно, связано с особым статусом владельцев усадьбы, исследованной раскопками.

Средства передвижения представлены фрагментами и деталями традиционных видов транспорта, бытующих до сих пор в культуре коренных народов Северо-Западной Сибири. Олений транспорт представлен копыльями, перекладинами нартовой корзины и деталями упряжи (рис. 6, 1–3). Лыжи относятся к типу голиц (рис. 6, 30). Водный транспорт, судя по найденным перекладинам лодок и деталями весел (рукоятки), соотносится с обласом. Все эти изделия находят прямые аналогии в вещевых комплексах Нижнего Приобья (рис. 6, 4–12, 17, 20, 25, 26, 31, 32). Исключение составляют копылья, которые хотя и относятся к таежному варианту косокопыльных нарт, имеют особенность — округлая втулка копыльев для крепление перекладки (рис. 6, 22–24). Это сближает их с русскими прямокопыльными ручными и собачьими нартами (Визгалов, Пархимович 2008а: 71–72, рис. 101). Их можно рассматривать как вариант развития собственной формы с заимствованными от русских нарт копыльями (рис. 6, 27–29).

Среди материалов, полученных при раскопках усадьбы, имеется ряд предметов, которые отнесены к категории игрушек. Это определение достаточно условно, поскольку грань между вотивными моделями нарт, луков, стрел, ножей, изображений и собственно детскими игрушками достоверно не устанавливается. Кроме того, модели, предназначенные оберегать детей, наверняка могли использоваться ими как игрушки.

В вещевом комплексе усадьбы присутствует группа моделей луков и стрел (рис. 7, 1–4, 14–16, 17–21). В составе стрел, среди основного типа конических томаров имеется четыре четырехгранных с насечками на ребрах — «резными», а в одном случае со знаком на плоскости (рис. 7, 2). Аналогии таким наконечникам имеются в полуйской и надымской коллекциях игрушечных стрел (рис. 7, 5–12). Учитывая аэродинамику, вряд ли такую форму наконечника стрелы можно назвать утилитарной. Тем не менее среди надымских материалов один подобный наконечник с костяным утяжелителем имеется (Кардаш 2009: 148, рис. 3.15, 5). Наличие на нем орнамента, вероятно, свидетельствует об особом статусе предмета (рис. 7, 13).

Изображения животных в традиционной культуре также имели как сакральное, так и утилитарное значение. В коллекции из раскопок березовского посада имеется четыре плоских (контурных) и два объемных изображения животных (рис. 7, 26–27, 30, 31, 34, 35), стилистически близкие надымским и полуйским изображениям (рис. 7, 28, 29, 32, 33, 36–38). Несколько фрагментов и деталей изделий нами отнесены к моделям нарт для девочек, представленных в материалах раскопок нижнеобских памятников (рис. 7, 39–43). Такие игрушки до настоящего времени бытуют в традиционной культуре северных ханты и ненцев.

Культовые и ритуальные предметы, связанные как с традиционным культом, так и с христианским, также имеются в числе вещей раскопа № 2. Среди находок три изделия, имитирующие христианские иконы, но в очень стран-

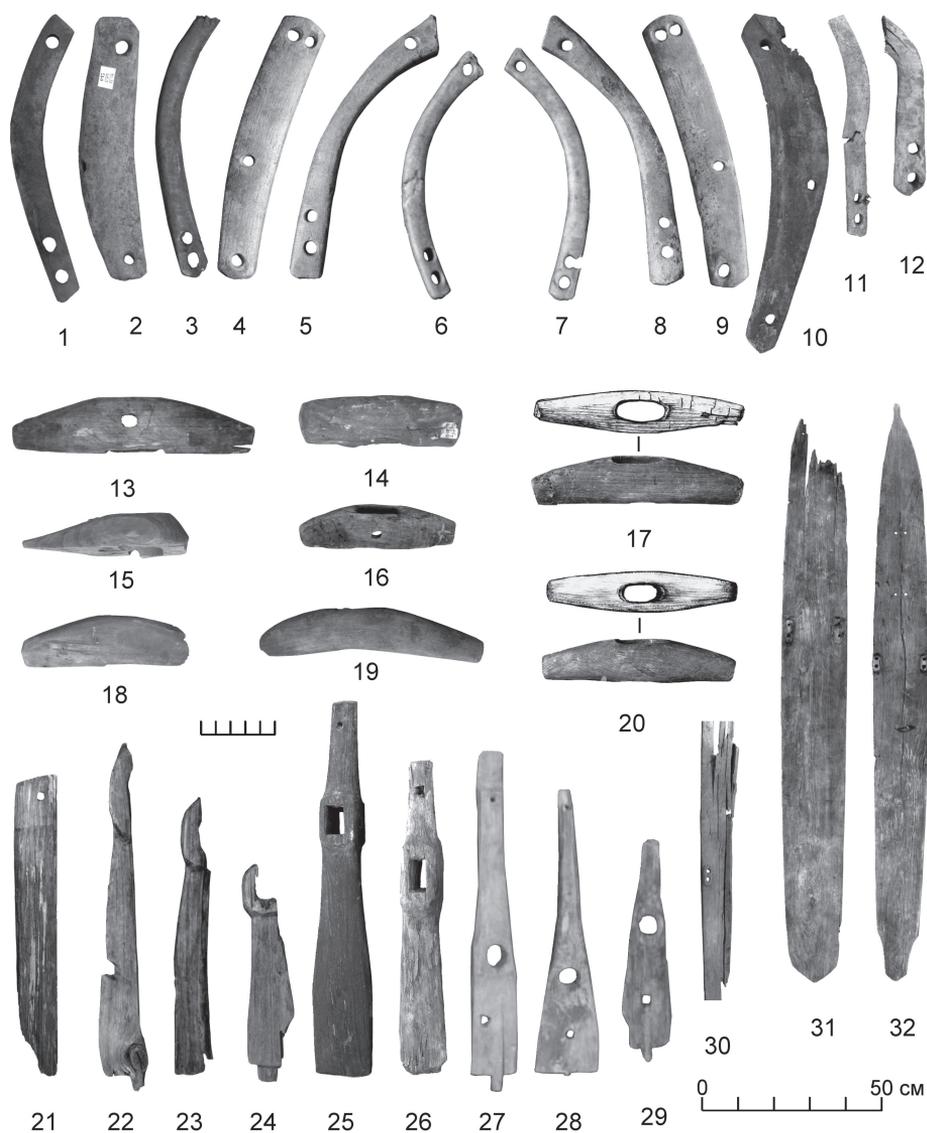

Рис. 6. Детали оленьей упряжи и средств передвижения из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–12 — налобные и нашечные пластины (4, 9; 5, 8; 6–7 — комплекты); 13–20 — наверхия рукоятей весел; 21 — фрагмент перекладины обласа; 22–29 — копылья и фрагменты копыльев нарт; 30–32 — лыжи–голицы (1–12 — рог; 13–32 — дерево) 1–3, 14–19, 21, 23–24, 30 — Березовское городище, раскоп № 2; 5–8, 17, 20, 31–32 — Надымский городок; 11–12, 25–26 — Полуйский городок; 27–28 — Мангазея

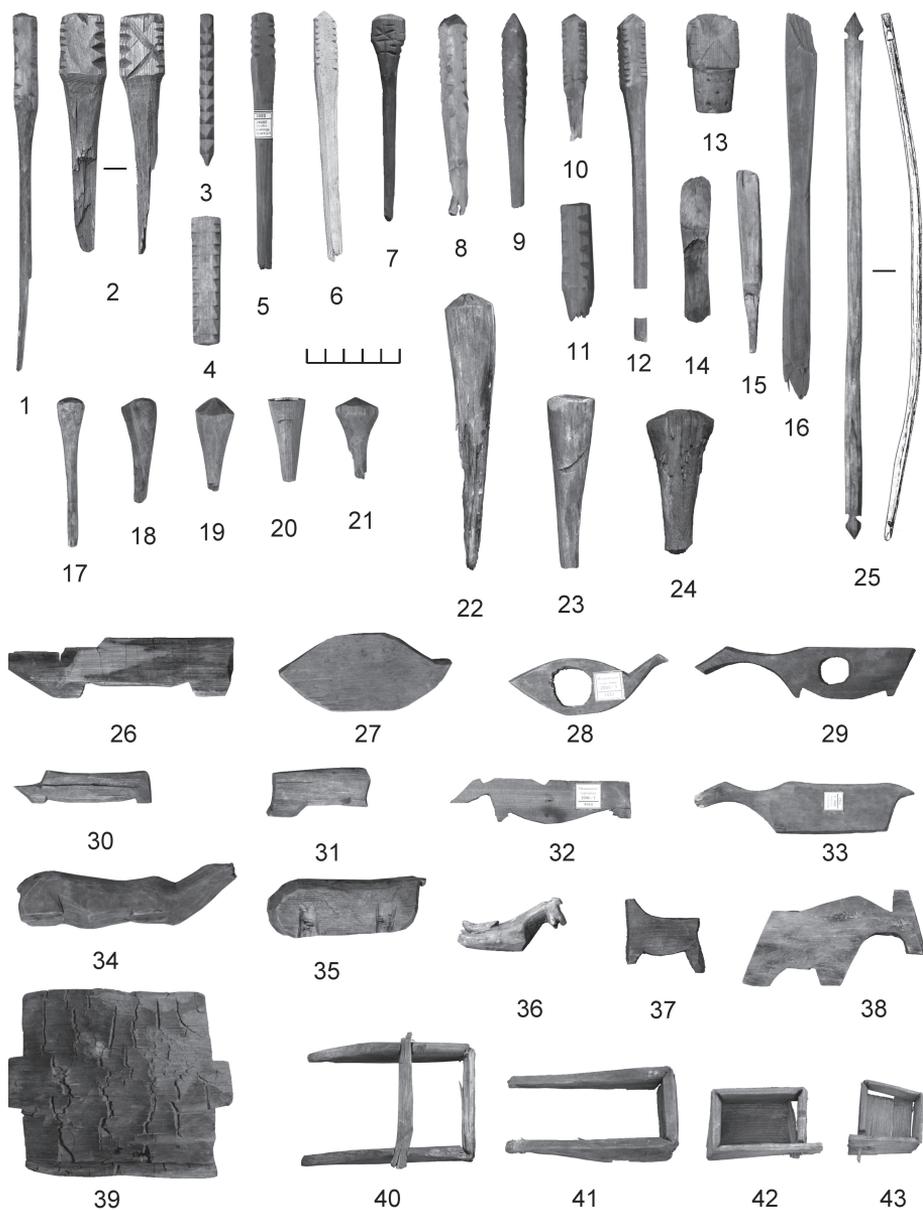

Рис. 7. Детские деревянные игрушки и модели из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–12 — стрелы из дерева с нарезками на наконечниках; 13–21 — наконечники томары; 22–24 — фрагменты луков; 25 — лук; 26–38 — фигурки животных; 39–43 — фрагменты нарт и «ящиков» (части игры для девочек) 1–4, 8–12, 14–16, 18–19, 22–24, 27–28, 30–31, 35–37, 40 — Березовское городище, раскоп № 2; 5–7, 29, 32–34, 41–43 — Полуийский городок; 13, 19–21, 25, 38–39 — Надымский городок

ной манере (рис. 8, 1–3). В синхронных коллекциях русских памятников Севера Сибири (таких как Мангазея, Старотуруханск, Алазейский и Стадухинский остроги) подобные изделия не известны (Визгалов, Пархимович 2008а; Визгалов 2010а; Алексеев 1996). Возможно, мы имеем дело с неким вариантом адаптации аборигенным населением христианских культовых атрибутов.

Другие изделия вписываются в круг известных нам по нижнеобским коллекциям предметов, применявшихся в традиционных ритуалах (Кардаш 2009: 190–194, рис. 3.75, 3.81, 3.82). В частности, это фрагмент посоха свата и дощечки для окуривания (рис. 8, 6–8). Возможно, такие вещи менее всего противоречили новообретенной христианской религии.

Как видно из представленного выше обзора предметов вещевого комплекса усадьбы, исследованной раскопом № 2, многие из изделий морфологически идентичны предметам таких памятников, как Надымский и Полуийский (Обдорский) городки. Это дает основание соотносить жителей усадьбы с представителями аборигенного населения Севера Западной Сибири.

Каким образом в русском уездном городе в центре некогда укрепленного посада появилась усадьба, населенная коренными жителями, поможет раскрыть обращение к документальным источникам.

Сохранилась челобитная кодского князя Игичея Алачева 1599 г., который, будучи в Москве, жаловался на Ивана Змеева, бывшего письменным головой при березовских воеводах в 1593–1594 гг. (Вершинин 1998: 151). Суть претензий заключалась в том, что Игичей Алачев купил «в Березове за 20 руб. двор у Ивана Змеева. А другой двор купил у Воейкова детям и людям своим, тоже за 20 руб. И на одном дворе ставятся на постой письменные головы и дети боярские самовольством» (СПбОА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 16, л. 122 об.). Он просил освободить купленные им дворы от постояльцев, на что в Москве было принято положительное решение. Из документа следует, что практически с основания города Игичей Алачев имел собственную резиденцию в городе Березове и двор для своей свиты. Поскольку сам он и его люди постоянно не проживали в усадьбах, их использовали для размещения служилые люди. Мы не идентифицируем усадьбу, исследованную раскопом № 2, как алачевскую, поскольку она возникла минимум на сто лет позже, но этот факт дает основание предполагать, что и другие аборигенные князья могли иметь в Березове в разное время свои резиденции. Думается, что особо актуально было иметь такие апартаменты представителям аборигенной знати, приезжавшим из самых удаленных волостей Березовского уезда.

С середины XVII по XIX в. в состав Березовского уезда входило восемь ясачных волостей (Долгих 1960: 64–76). Каждая из волостей представляла собой объединение нескольких территориальных общин, возглавляемых «князцом». Березовским воеводам для своевременной и полноценной сдачи ясака в государеву казну приходилось выстраивать отношения со всеми волостными вождями, причем методы воздействия на «князцов» не всегда были карательными. Обдорская волость, охватывающая территорию Нижней Оби, была из них самой обширной и удаленной и в этой связи малоконтролируемой.

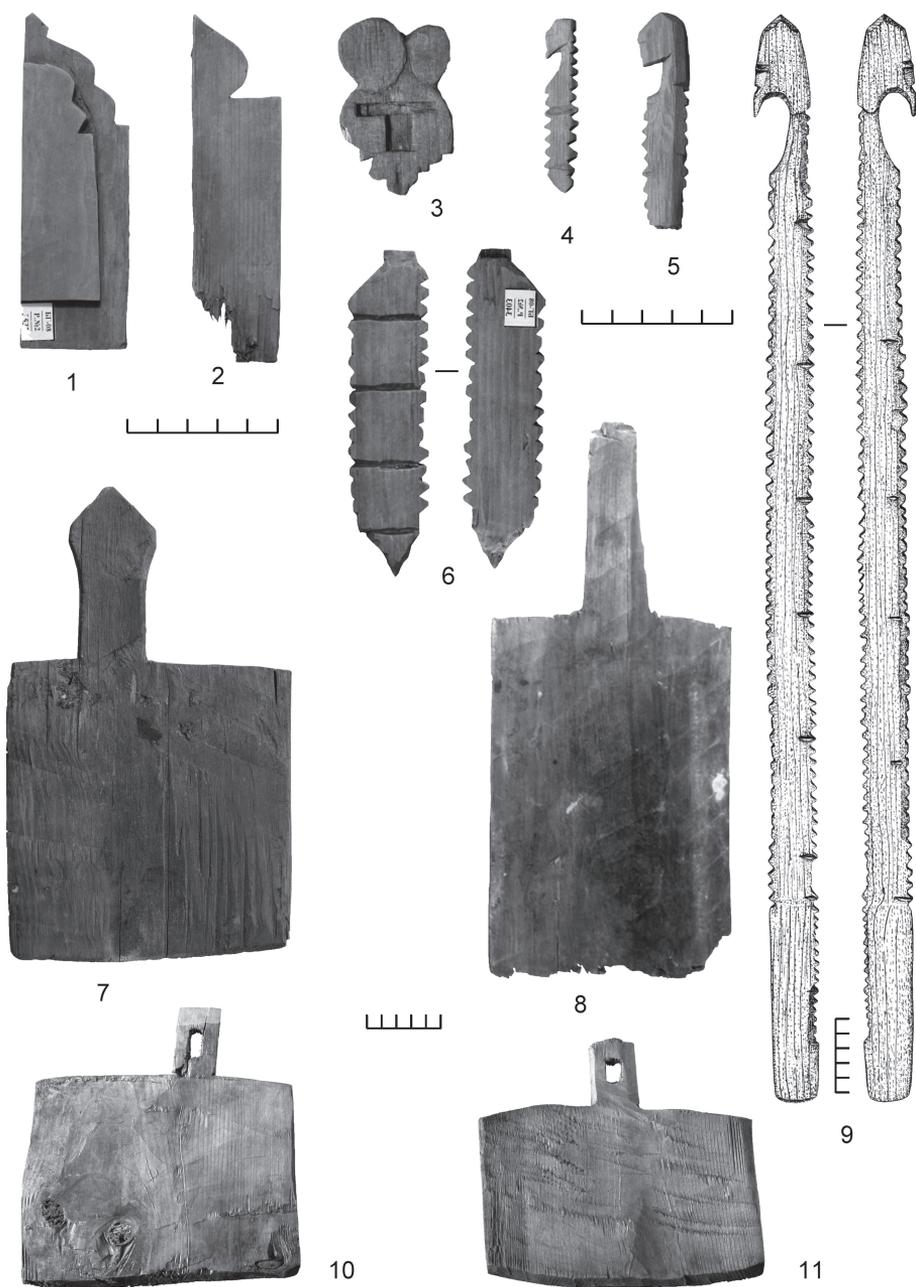

Рис. 8. Культовые и ритуальные деревянные предметы из раскопок сибирских городов XVIII в.: 1–3 — изображения православных икон; 4–6, 9 — посох и фрагменты посоха свата; 7–8, 10–11 — дощечки для ритуального окуривания
 1–3, 6–8 — Березовское городище, раскоп № 2; 4–5 — Надымский городок;
 10–11 — Полуйский городок

По документальным источникам XVII в. известно, что для обеспечения регулярной уплаты ясака в казну сибирские воеводы брали из числа местной знати заложников—аманатов: «И по его, Якова Никитича, велению он, Алексей, с ратными людьми перехватал карачейской самоеди в оманаты лутчих людей самых, князцов четырех человек, Большие Карачейские земли лутчево князца Пося Хулеева с товарищи. И ныне те самоецкие лутчие князцы аманаты на Березове городе сидят за крепкими караулы» (РГАДА, ф. 214, стб. 1056, ч. 1, л. 15—18). Из другого документа следует, что заложников содержали в тюрьме. В этой связи была написана жалоба, на которую последовала царская грамота: «тех самоецких аманатов ... держать на Березове до нашего указа за приставы у детей боярских и у атаманов и у казаков помесечно и понеделно, потому что на Березове аманатцкого двора нет, а в тюрьме им сидеть скучно и нужно» (РГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 390—392).

Таким образом, проживание в XVII в. в Березове жителей Надымского Полу́йского (Обдорского) городка имеет документальные подтверждения. До середины XVII в. аманаты содержались в тюрьме и, судя по документу, позднее — в казенных домах служилых людей. Возможно, это обстоятельство поспособствовало созданию аманатского двора. Не исключено, что для него были приспособлены казенные дома или усадьбы в центре укрепленного посада.

Судя по всему, после упразднения института аманатства в XVIII—XIX вв. казенные дома продолжали использоваться аборигенами. В 1714 г. в Березове «в Сосьве как в Иордане» был крещен обдорский князь Тайша Гындин с семьей, получивший имя Алексей и фамилию Тайшин (Абрамов 1851: 15; 1857: 336). Правда, это не способствовало крещению северных остяков и самоедов, однако он, как и его предки, получил жалованную грамоту на княжение, сбор ясака и доставку его в Березов (Первалова 2000: 153—154). Впоследствии такие грамоты получали все Тайшины. В 1742 г. в Тобольске был крещен Василий Тайшин (Абрамов 1857: 336). Этот факт неоднозначно воспринимался подданными, но, приняв христианство, Тайшины оставались приверженцами традиционной религии и до конца XIX в. в регионе действия миссионеров не имели ощутимых успехов (Шемановский 2005). Российская администрация относилась к двоеверию князя снисходительно, поскольку он имел большое влияние на подчиненных ему остяков и самоедов и обеспечивал сдачу ясака (Первалова 2000: 167—174). По мнению Е. В. Перваловой, доставка ясака в Березов самолично считалась обдорскими князьями и их подданными не просто обязанностью, но и священной миссией (Там же). Возможно, эта важная государственная функция давала им право иметь собственный казенный двор в Березове или приобрести таковой для себя и для своей свиты, как это сделал ранее кодский князь Игичей Алачев.

Итак, из ряда документальных источников XVII в. нам известно, что обдорские князья Тайшины имели тесные связи как с надымскими остяками, так и с вождями карачейских самоедов. На наш взгляд, это вполне могло отразиться в их материальной культуре, что подтверждается результатами раскопок Полу́йского и Надымского городков.

Анализ археологических материалов раскопа № 2 Березовского городища позволяет сделать вывод о существовании на посаде города Березова в XVIII в. усадьбы, принадлежавшей аборигенной знати. Нам представляется вполне вероятным, что раскопанная в 2008 г. усадьба могла служить представительством обдорских князей Тайшиных. Разумеется, этот вывод остается гипотетичным. Но в любом случае результаты раскопок свидетельствуют о высоком уровне интеграции аборигенного и русского населения региона в XVIII в.

Абрамов 1851 — *Абрамов Н. О* введении христианства у березовских остяков // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1851. Ч. 72, отд. 5. С. 1–22.

Абрамов 1857 — *Абрамов Н. А.* Описание Березовского края // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. 12.

Алексеев 1996 — *Алексеев А. Н.* Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996.

Андреев 1940 — *Андреев А. И.* Заметки по исторической географии Сибири XVI–XVII вв. // Известия Всесоюзного географического общества. М.; Л., 1940. Т. 72, вып. 2.

Брусницина 2003 — *Брусницина А. Г.* Городище Усть-Войкарское: Начало изучения // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.

Брусницина 2005 — *Брусницина А. Г.* Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: Материалы Всероссийской науч. конф. «Ямал: история, историография, краеведение» (Салехард, апрель 2005 г.). Екатеринбург; Салехард, 2005.

Вершинин 1998 — *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998.

Визгалов 2006 — *Визгалов Г. П.* Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические исследования в поселке Березово». Нефтеюганск, 2006 // Архив «НПО Северная археология». № 250.

Визгалов 2007 — *Визгалов Г. П.* Отчет о научно-исследовательской работе: Охранно-спасательные работы на археологическом слое ПГТ Березово. Нефтеюганск, 2007. Т. 1–2 // Архив «НПО Северная археология». № 230/1–2.

Визгалов 2010а — *Визгалов Г. П.* Археологические исследования Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 1. С. 150–154.

Визгалов 2010б — *Визгалов Г. П.* Отчет о научно-исследовательской работе: Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово. Нефтеюганск, 2010. Т. 2, кн. 1–2 // Архив «НПО Северная археология». № 303/2–3.

Визгалов, Пархимович 2008а — *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.

Визгалов, Пархимович 2008б — *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008. С. 166–178.

Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М., 1960. Т. 40.

История ХМАО... 1999 — История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 1999.

Кардаш 2003а — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: Выявление и обследование традиционных жилых построек в поселке Горнокнязевск Приуральского района

Ямало-Ненецкого автономного округа: Историко-архитектурные исследования. Нефтеюганск, 2003 // Архив «НПО Северная археология». № 96/1–3.

Кардаш 2003б — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: Историко-искусствоведческое исследование изобразительного творчества в культуре коренных народов Западной Сибири. (Для Сургутского городского художественного музея СГХМ). Нефтеюганск, 2003 // Архив «НПО Северная археология». № 54.

Кардаш 2005а — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок), планируемой под строительство архитектурного ансамбля «Город мастеров» в 2004 г. Нефтеюганск, 2005 // Архив «НПО Северная археология». № 135.

Кардаш 2005б — *Кардаш О. В.* Раскопки стоянки Салехард 1 в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2005.

Кардаш 2006 — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: Аварийные археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) летом 2005 г. Нефтеюганск, 2006 // Архив «НПО Северная археология». № 159.

Кардаш 2008 — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 г. Нефтеюганск, 2008 // Архив «НПО Северная археология». № 177.

Кардаш 2009 — *Кардаш О. В.* Надымский городок в конце XVI–первой трети XVIII в.: История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.

Кулемзин, Лукина 1977 — *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Васюганно-Ваховские ханты в конце XIX–начале XX в.: Этнографические очерки. Томск, 1977.

Мартин 2004 — *Мартин Ф. Р.* Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург; Сургут, 2004.

Миллер 2005 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 3-е изд. М., 2005. Т. 1.

Миненко 1975 — *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII–первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.

Описание... 1982 — Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.

Перевалова 2000 — *Перевалова Е. В.* Обдорские князья Тайшины: историко-этнографический очерк // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1.

Резун 1981 — *Резун Д. Я.* К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII–начала XX в. Новосибирск, 1981.

Резун, Васильевский 1989 — *Резун Д. Я., Васильевский Р. С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

Сирелиус 2001 — *Сирелиус У. Т.* Путешествие к хантам. Томск, 2001.

Солодкин 2004 — *Солодкин Я. Г.* Когда был заложен Березов? // Сибирский исторический журнал. Тюмень, 2004. № 1.

Федорова 2004 — *Федорова Н. В.* Городище Усть-Войкарское (Войкарский Городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 2.

Федорова 2006 — *Федорова Н. В.* Войкарский Городок: Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Салехард, 2006. Вып. № 4 (41): Науч.-практ. конф. «Обдорья: история, культура, современность».

Шашков 2003 — *Шашков А. Т.* Славен град Березов! // Родина. М., 2003. № 7.

Шемановский 2005 — *Шемановский И. С.* Избранные труды (текст) / Сост. Л. Ф. Липатова. М., 2005.

Janko 2000 — *Janko J.* Utazas Oszjtakfoldre, 1898. Budapest, 2000.

СПБОО РАН, ф. 21, оп. 4, д. 16.

РГАДА, ф. 214, стб. 408: Царская грамота из Москвы в Березов об аманатах из карачейских самоедов. 1652 г., 5 апреля; стб. 1056, ч. 1: Челобитная остяков Березовского уезда (в том числе

Надымского городка) об освобождении князца Пося Хулеева и других аманатов, захваченных у карачейских самоедов. 1652 г., 16 февраля; оп. 1, ч. 8, д. 6046: Расписной список г. Березова. 1750 г.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21694.

**ETHNIC IDENTIFICATION OF THE XVIII CENTURY
URBAN POPULATION IN SIBERIA: A TRIAL
(with special reference to 2008 excavations
at the town of Berezov)**

G. P. Vizgalov, O. V. Kardash

Berezov is one of the oldest Russian towns in the north of West Siberia. It was founded in 1592–1593 on the bank of the Ob' river near the mouth of the Sos'va river by a Cossack detachment headed by N. V. Trahaniotov. For the next 300 years it has served as an administrative centre of a vast area, which included the Lower Ob' basin. The excavations carried out in 2008 exposed remains of a manor, whose buildings find analogies in the Ostyak quarter of the Nadymkiy townlet. The inventory of the manor is generally analogous to that of the Nadymkiy and Poluiskiyy townlets, suggesting that the manor was inhabited by representatives of the aboriginal population of the north of West Siberia. It is possible to suppose that the newly discovered manor was a residence of the Taishins — a local knyaz family.

СИСТЕМЫ ВОДООТВЕДЕНИЯ НАЧАЛА XVIII—XIX В. ВО ДВОРАХ ГЛАВНОГО ШТАБА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (исследования 2009—2011 гг.)

В. И. КИЛЬДЮШЕВСКИЙ, В. Я. СТЕГАНЦЕВА

Здание Главного штаба находится в центральной части Санкт-Петербурга. Этот городской район располагается в наиболее низменной части города. И. Г. Георги отмечал, что «везде, где землю роют, обретают в глубинѣ от 2 или если много до 7 футовъ болотную воду, почему въ домахъ отъ части со всемъ погребовъ в земле иметь не могут, а хотя и имеются, то не более как на 2 или 3 фута глубины» (Георги 1794: 3). Неизвестный немецкоязычный автор, составивший описание Петербурга в 1710—1711 гг., косвенно засвидетельствовал высокий уровень почвенных вод: «Когда одинъ только день идет дождик, то уже нигде нет прохода и на всяком шагу вязнешь в грязи» (Описание... 1860: 47).

Высокий уровень грунтовых вод определялся уровнем воды в Неве. Вследствие гидрографических особенностей региона город страдал от частых наводнений. В 1703—1723 гг. в Петербурге произошло 10, а за XVIII в. — 79 наводнений с подъемом воды от 161 до 280 см выше ординара (Померанец 2009: 10—14, Приложение 1, 399—402). Первое наводнение в истории Петербурга случилось уже в августе 1703 г. Для защиты от наводнений прорывали каналы, причем вынутый грунт оставался на месте для повышения дневной поверхности. Указом Петра I определялась высота уровня пола в жилых помещениях. Она должна была превышать уровень подъема воды на полфута.

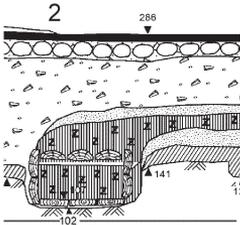
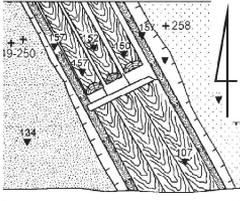
Городская застройка начала XVIII в. была усадебной, т. е. во дворах располагались подсобные службы: сараи, конюшни, погреба, отхожие места. Часть из них, в том числе и фундаменты, в обязательном порядке углубляли в землю. Вопросы дренирования почвы имели поэтому первостепенное значение.

В 2009—2011 гг. Дворцовым отрядом ИИМК РАН проводились археологические исследования и наблюдения за земляными работами во дворах и подвальных помещениях Восточного крыла здания Главного штаба. Здесь размещались Министерства финансов и иностранных дел, поэтому Восточное крыло Главного штаба называлось Зданием министерств. За три полевых сезона было исследовано свыше 800 м² (рис. 1, 1) (Аветиков и др. 2011: 15).

Участок, на котором располагалось Здание министерств, имел небольшое понижение к югу. Перепад отметок материка составлял 0,2 м — от 140—150 м в

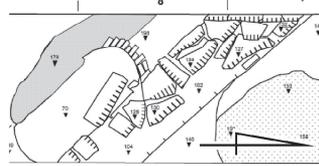
Рис. 1. Дворы Восточного крыла Главного штаба: 1 — общий план (а — границы раскопов; б — дренажные лотки начала XVIII в.; в — сточные лотки начала XIX в.; г — кана-лизационные каналы середины XVIII в., д — канал К. Росси; 2, 3 — лоток начала XVIII в. (5-й двор, траншея 2), план, разрез; 4 — остатки водоотводных сооружений (5-й двор, траншея 2), вид с СЗ; 5, 6 — канализационный канал К. Росси (5-й двор, траншея 1), план, разрез

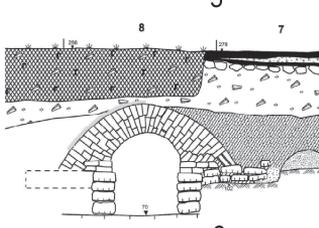
3

4

5

6

1-м дворе до 120–130 м в 5-м (здесь и далее — отметки по БС). Для сравнения отметим, что исследования на соседнем участке Адмиралтейского острова, проводившиеся Архитектурно-археологической экспедицией ГЭ, выявили сравнительно ровную и хорошо задернованную дневную поверхность с отметками 110–140 и 74–94, на которой располагались постройки, предшествовавшие зданиям Эрмитажа (Иоаннисян и др. 2012).

На территории всех пяти дворов были обнаружены остатки дренажной системы из дерева и камня. В квадратах 1–2 траншеи, заложенной в западной части 5-го двора на глубине 157, зафиксирован деревянный лоток шириной 1 м, изготовленный из полубревен. Крышка лотка состояла из плах, скрепленных планками. Глубина лотка составляла 40 см, он был впущен в материк на 30–40 см (до отметки 102 см). Лоток был впущен с уровня песка, лежавшего на погребенной почве, заполнен темно-коричневым грунтом с примесью щепы и был перекрыт таким же грунтом — культурным слоем первой четверти XVIII в. (рис. 1, 1, 2–3).

В северной части двора в траншее 1 были обнаружены остатки еще одного лотка такой же конструкции, шириной 40 см, впущенного в материк до отметки 120. Лоток был ориентирован в направлении 3–В в сторону Мойки (рис. 1, 4; 2, 1–2). К югу от него была расчищена деревянная труба в виде короба из досок, ориентированная в том же направлении с небольшим отклонением к северу. Размеры сечения ее составляли 20 × 20 см, она была впущена в материк на 15 см с уровня слоя середины XVIII в. — темно-серого грунта с примесью щепы, до отметки 105 (рис. 1, 4; 2, 3). Труба могла быть сооружена в 70-х гг. XVIII в. Рядом с ней был обнаружен сруб колодца размерами 80 × 80 см, в который была вкопана бочка диаметром 55 см и высотой не менее 90 см, заполненная черным илистым грунтом с примесью щепы (рис. 1, 4; 2, 3).

В траншее 3, заложенной в восточной части 5-го двора, был расчищен дренажный лоток, изготовленный из плах шириной 25 см и впущенный в материк на 30 см (до отметки 110 см) (рис. 2, 1–2). Похожие лотки были обнаружены в 3-м и 2-м дворах.

После пожара 1737 г. последовал указ Анны Иоанновны о запрещении строительства в центральной части города деревянных домов. С этого времени начинается массовое строительство каменных 2–3-этажных домов. Сооружение таких домов с более мощными фундаментами, подвалами и погребами и уплотнение застройки потребовало не только более разветвленной системы дренажа, но и отведения сточных вод бытового происхождения. На домовладельцах лежала обязанность прокладки и содержания дренажных труб для отвода дренажных и сточных вод со своих участков. Но из-за ненадлежащего ухода, частых перепланировок и постоянных засорений эти трубы не могли справиться с задачей осушения территорий. Поэтому уже в первой половине XVIII в. началось строительство облицованных камнем подземных каналов с кирпичными сводами. По указу Екатерины II в 1770 г. подобные каналы соорудились на главных улицах столицы. И. Г. Георги сообщает: «Главныя улицы в Адмиралтейской и Литейной частях снабжены с 1770 года на казенное ижди-

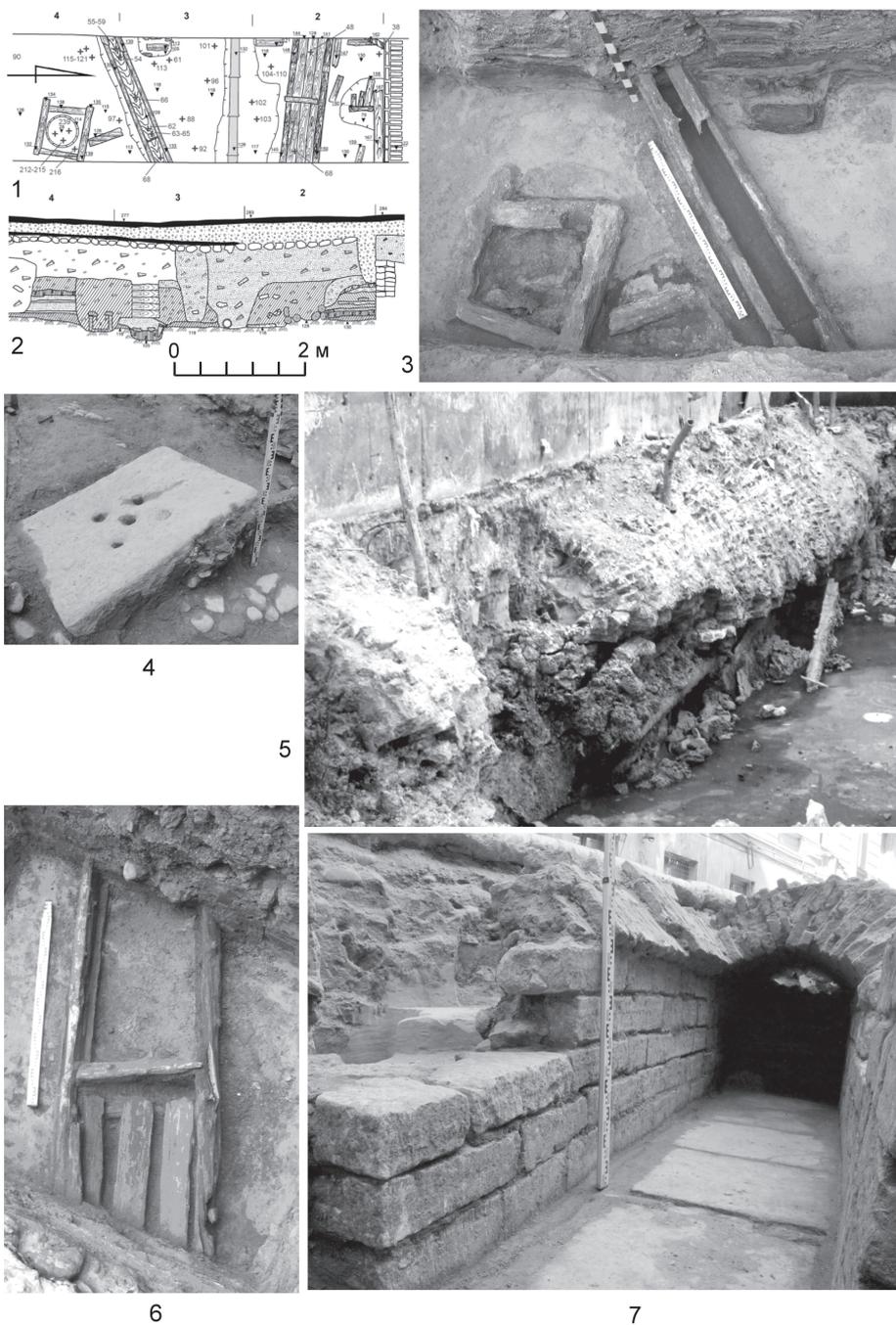

Рис. 2. Остатки водоотводных сооружений во дворах здания Главного штаба:
 1–3 — дренажные лотки (5-й двор, траншея 2, план, разрез, вид с В); 4 — гранитная крышка для стока атмосферных вод (1-й двор), вид с Ю; 5 — каменный канализационный канал середины XVIII в. (3-й двор), вид с С; 6 — остатки дна дренажного лотка начала XVIII в. (5-й двор, траншея 2), вид с В; 7 — каменный канализационный канал К. Росси (2-й двор), вид с С

вление подь ведением Генерала-поручика Бауера подземными каналами. Улицы были сперва вырыты и потом проведены каменные сводомъ каналы въ 3 фута ширины и 4 вышины, покатыстые не много к Неве, и покрытые с верьху мостовою около 2 футов вышины имеющею» и добавляет, что «из-за малого уклона в канале остаются нечистоты и каждые два года требуется очистка» (Героги 1794: 52)¹.

Фрагмент кирпичного канализационного канала с полом из известняковых блоков, лежавших на деревянных бревнах-лежнях, был открыт в юго-западной части 3-го двора (рис. 1, 1). Размеры канала составляли $1,9 \times 2$ м с наружной стороны и $1,4\text{--}1,5 \times 1,2$ м с внутренней (здесь и далее: первое число — высота, второе — ширина). Толщина свода — 0,4 м. К сожалению, рассмотреть конструкцию канала более подробно не удалось, так как к моменту обнаружения внутренность его была залита бетоном (рис. 2, 5). Канал располагался в направлении 3–В, перпендикулярно Мойке, куда и был направлен сток.

Аналогичный каменный канализационный канал был открыт при археологических исследованиях на территории Эрмитажа. Нижняя часть этого канала была сложена из известняковых блоков, верхняя часть и свод — из кирпича, причем стены с наружной стороны были укреплены кирпичной кладкой. Размеры сечения практически совпадают с размерами сечения канала, обнаруженного в 3-м дворе. Исследователи датируют этот канал второй четвертью XVIII в. (Иоаннисян и др. 2012).

При проектировании зданий Главного штаба К. Росси учел опыт своих предшественников. В 1823–1826 гг. им была построена система каменных канализационных тоннелей, остатки которых были обнаружены во всех пяти дворах Восточного крыла. Дно и стены каналов были выложены из квадратных, тесаных, хорошо подогнанных известняковых плит на известковом растворе. Свод сложен из кирпичей, толщина его составляет 0,4 м. Для уменьшения нагрузки под края свода была сделана вымостка из обломков ломаных плит на известковом растворе, выступавшая за края свода. Наружные размеры канала составляли $150\text{--}160 \times 110\text{--}120$ см, внутренние — $110\text{--}120 \times 80\text{--}90$ см (рис. 1, 5–6; 2, 7). Канализационные каналы были впущены в материк на глубину 0,4–0,6 м в зависимости от уклона. Верх свода находился на отметке 190–210 см, пол — на отметках 70–80 см. После окончания строительства канализационные сооружения сверху были засыпаны строительным мусором, состоящим из обломков кирпича и кусков застывшего раствора. Мощность слоя засыпки достигала 80–90 см. Поверх засыпки было устроено булыжное мощение (рис. 1, 5).

Каналы Росси отличались от каналов середины XVIII в. более высокой и узкой формой сечения. Кирпичная кладка использовалась только для сооружения свода.

¹ Такие каналы были обнаружены при проведении в 1994 г. раскопок во внутренних дворах Зимнего дворца (Якушева-Соренсен 2007: 82). Т. Л. Якушева-Соренсен, принимавшая участие в обследовании и изучении водоотводящей системы ГЭ, отмечает, что до середины XIX в. чертежи подземных коммуникаций не выполнялись (Там же: 83), поэтому даже современники не всегда знали, где они располагались.

В северной части 3-го двора обнаружены три лотка, обложенных деревянными досками. Один из них шириною 50 см, ориентированный в направлении С—Ю, отводил стоки в яму, стенки которой были обложены деревянными досками. Лоток был углублен в материк до отметки 105 см, дно ямы находилось на отметке 81 см.

Два других лотка, расположенных по обе стороны от первого, были ориентированы по линии ССВ — ЮЮЗ, размеры сечения составляли 40 × 40 см, они были углублены в материк до отметки 102 см (восточный лоток перебил стенку ямы-водосборника первого дренажа). Южные их концы были присоединены к каменному закрытому канализационному каналу Росси. Канал проходил через весь двор в направлении С—Ю, в северной части было колено и направление изменилось к СЗ. Такая же картина наблюдается во 2-м и 1-м дворах, где деревянные лотки были впущены в канализационные каналы (рис. 1, Л).

Система канализационных каналов, проложенных в проездах и во дворах, была общесплавной, т. е. выводила не только грунтовые и атмосферные, но и сточные воды бытового происхождения из зданий и подвалов. Деревянные лотки, по которым направлялись воды и стоки из конюшни и отстойников, были впущены в эти каналы.

После сооружения подземных канализационных каналов в дренажных лотках уже не было необходимости. Грунтовые воды стекали по стенкам отводящих лотков и каменных каналов, следуя их понижению (Якушева 1994: 255). Стенки каналов должны были быть водонепроницаемыми, потому что в противном случае канализационные стоки могли смешаться с грунтовыми водами и вызвать заражение. Т. Л. Якушева отмечает, что стенки, обнаруженные при раскопках 1993—1994 гг. каналов, до настоящего времени не утратили своей водонепроницаемости (Якушева-Соренсен 2007: 82).

На территории 1-го двора была найдена гранитная плита с пятью отверстиями для стока атмосферных вод (рис. 2, А). Подобные же крышки были обнаружены при исследованиях во дворах и подвалах ГЭ (Якушева-Соренсен 2008: 75, рис. 9). Одну из таких крышек можно видеть на набережной Зимней канавки.

Канализационные каналы К. Росси успешно функционировала почти 200 лет. В конце XIX—начале XX в. часть труб современной канализации была проложена внутри каналов К. Росси, а для некоторых, идущих в перпендикулярном направлении, стены были проломлены.

Таким образом, выявлено несколько типов водоотведения XVIII—XIX вв.

1. Деревянные дренажные лотки, собранные из плах шириною от 50 до 100 см, высотой до 40 см. Они впущены в материк, перекрыты сверху крышкой из плах, скрепленных поперечными планками. Судя по стратиграфии, эти дренажи являются наиболее ранними и датируются началом—серединой XVIII в.

2. Деревянные короба, собранные из 4 толстых досок. Размеры 20—25 × 20—30 см. Судя по стратиграфии и глубине залегания, они относятся к XIX в. Не исключено, что их использовали для слива сточных вод.

3. Каменные канализационные каналы, впущенные в материк. Нижняя часть сложена из известняковых плит, верхняя и своды — из кирпичей. Внутренние размеры сечения — 1,4–1,2 м. Они могут быть датированы серединой XVIII в.

4. Каменные канализационные каналы, впущенные в материк. Сложены из тесаных, хорошо подогнанных известняковых блоков с кирпичным сводом. Дно выложено прямоугольными плитами. Внутренние размеры каналов — 90 × 120 см. В них зачастую были впущены деревянные короба 2-го типа. Относятся ко времени постройки зданий Главного штаба — 1823–1828 гг.

Система водоотведения в первой половине XVIII в. была ливневой, т. е. отводила только почвенные и атмосферные воды. Со второй половины XVIII в. она стала сплавной, т. е. через канализационные каналы проходили все стоки.

В результате археологических исследований во дворах Здания министерств были выявлены остатки системы водоотведения и канализации этого участка города с первых лет его существования. Исследованы типы и характер этих сооружений и методы, при помощи которых наши предки пытались оздоровить и приспособить для проживания эти низкие болотистые места. Подобные сведения до середины XIX в. никак не отмечались на планах и чертежах.

Аветиков и др. 2011 — *Аветиков А. А., Александров С. В., Боковенко Н. А., Ёлишин Д. Д., Кильдюшевский В. И., Стеганцева В. Я.* Археологические исследования на территории Восточного крыла здания Главного штаба в 2009–2011 гг. Предварительные итоги // Бюллетень охранной археологии. СПб., 2011. Вып. 2. С. 15–34.

Георги 1794 — *Георги И. Г.* Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей въ окрестностях онаго. СПб., 1794.

Иоаннисян и др. 2012 — *Иоаннисян О. М., Лесман Ю. М., Торшин Е. Н.* Археологические исследования Архитектурно-археологической экспедиции на Адмиралтейском острове Санкт-Петербурга в 1999–2008 гг. (комплекс зданий Государственного Эрмитажа и прилегающие участки Дворцовой площади, Миллионной улицы и Певческого проезда) // Проблемы охраны, исследования и реставрации памятников культуры. Труды ГЭ. СПб., 2012 (в печати).

Описание... 1860 — Описание Санктпетербурга и Кроншлота въ 1710-мъ и 1711-мъ годахъ. СПб., 1860.

Померанец 2009 — *Померанец К. С.* Несчастья невыхских берегов. Из истории петербургских наводнений. М.; СПб., 2009.

Якушева 1994 — *Якушева Т. Л.* Изучение местных условий территории Эрмитажа (исторические аспекты и проводимые работы) // Архитектурные тетради. СПб., 1994. Вып. 1. С. 241–257.

Якушева-Соренсен 2007 — *Якушева-Соренсен Т. Л.* История водоотведения и водоснабжения Государственного Эрмитажа. Ч. 1 // Полимерные трубы. 2007. № 4 (18). С. 76–83.

Якушева-Соренсен 2008 — *Якушева-Соренсен Т. Л.* История водоотведения и водоснабжения Государственного Эрмитажа. Ч. 2 // Полимерные трубы. 2008. № 1 (19). С. 70–77.

**WATER DISCHARGE SYSTEMS
OF THE XVIII–XIX CENTURIES
IN THE COURTYARDS OF THE GENERAL HEADQUARTERS
OF RUSSIA**

V. I. Kildyushevsky, V. Ya. Stegantseva

In 2009–2011 the courtyards of the eastern wing of the General Headquarters building became an object of archaeological exploration and supervision connected with the earth works undertaken to fit the whole complex to the needs of the State Hermitage. Before C. Rossi erected the Headquarters building, there had been an ordinary urban area, the oldest remains of which are dated to the early XVIII century. Fragments of three water discharge systems belonging to different periods were discovered here. In the XVIII century there was a drain system. It consisted of groves deepened into the earth, faced from three sides with wooden blocks, and covered with planks. Water disposal was done individually for each yard. The creation of the united municipal system began in the middle of the XVIII century. It consisted of collecting canals made of limestone slabs, whose external surface was faced with watertight laying of bricks. The canals were covered with brick vaults. It was a combined sewer system with an outfall to the Moika river. C. Rossi designed and created a sewer system consisting of brick collectors connected with wooden grooves. This system was active in the XIX–XX centuries, despite the fact that the modern canalization has already started to work in the XX century.

ХРОНИКА

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ ОТДЕЛА ПАЛЕОЛИТА ИИМК РАН В 2006–2010 гг.

С. А. ВАСИЛЬЕВ

Исследования сотрудников Отдела в отчетном периоде охватывали широкую проблематику археологии палеолита (ведущее направление работы Отдела), мезолита и неолита. В территориальном плане полевые изыскания членов коллектива проводились в Восточной Европе от Закавказья до Кольского п-ова, а также на юге Сибири и северо-востоке Азиатского материка.

Были успешно завершены крупные многолетние (2004–2006 гг.) коллективные плановые темы «Развитие верхнепалеолитической культуры на территории России: общие черты эволюции» (руководитель С. А. Васильев), «Вариабельность среднего и верхнего палеолита в Восточной Европе и на Северном Кавказе» (руководитель М. В. Аникович) и «Каменный век лесной зоны и Севера Евразии: расселение и адаптации древнего человека» (руководитель В. Я. Шумкин). В 2007–2009 гг. Отдел выполнял темы «Палеолит Евразии: общие черты и особенности регионального развития» (руководитель С. А. Васильев), «Ориньякские индустрии и проблемы становления верхнего палеолита Евразии (происхождение, эволюция, сходство и разнообразие)» (руководитель М. В. Аникович) и «Первоначальное заселение и расселение древнего человека на приморских территориях Севера России» (руководитель В. Я. Шумкин). В дальнейшем была начата работа над двумя новыми темами на 2010–2012 гг. «Древнейшие культуры Евразии: общие черты развития и локальные особенности эволюции» (руководитель С. А. Васильев) и «Освоение человеком каменного века Севера России: пути миграций и адаптации» (руководитель В. Я. Шумкин).

Отделом было проведено около 100 научных и научно-организационных заседаний. Важным новшеством была организация в 2009 г. под руководством С. А. Васильева Методического семинара ИИМК РАН, первоначально заседавшего совместно с Отделом палеолита, а далее — самостоятельно.

На заседаниях Отдела были всесторонне обсуждены докторские диссертации Л. Б. Вишняцкого и П. Ю. Павлова (Сыктывкар), кандидатские диссертации М. М. Шахновича (Петрозаводск), П. В. Мороза (Чита), А. К. Очередного и А. А. Бессуднова, защищенные на Ученом совете ИИМК РАН. С успехом прошли расширенные заседания Отдела и Ученого совета института, посвященные юбилеям В. П. Любина, С. Н. Астахова, Г. П. Григорьева и Н. Д. Праслова.

Регулярно заслушивались и обсуждались полевые отчеты сотрудников Отдела. Сотрудники командировались для научной работы в различные центры России (Москва, Тверь, Брянск, Калининград, Владикавказ, Новосибирск, Томск, Красноярск, Абакан, Якутск) и зарубежных стран (Киев, Донецк, Симферополь, Кишинев, Тирасполь, Ереван, Хельсинки).

С докладами на заседаниях Отдела выступали представители разных подразделений ИИМК РАН, аспиранты, соискатели и студенты, сотрудники научных учреждений Санкт-Петербурга, а также археологи из Москвы (С. В. Гусев, Ю. В. Шапова, В. С. Житенев, В. В. Сидоров), Сыктывкара (П. Ю. Павлов), Петрозаводска (М. М. Шахнович), Вологды (М. В. Иванищева), Казани (М. Ш. Галимова), Чебоксар (А. Ю. Березин, Н. С. Березина), Воронежа (А. Е. Дудин), Курчатова (Н. Б. Ахметгалеева), Липецка (Р. В. Смольянинов, А. Н. Бессуднов), Надыма (Л. Н. Сладкова, Н. В. Гриценко, В. Н. Гриценко), Абакана (В. С. Зубков), Иркутска (Е. О. Коршунов), Улан-Удэ (В. И. Ташак), Читы (П. В. Мороз, А. Ю. Фатеева). Ряд докладов был представлен учеными и аспирантами из зарубежных стран — Украины (А. С. Сытник, О. Кононенко, В. Н. Степанчук, Ю. В. Кухарчук), Эстонии (А. Крийска), Германии (Н. Цвинс, Г. Батай), Франции (А. де Люмлей, Л. Слимак, И. Мегро, Л. Кларик, К. Карлен, С. Бейри, Н. Гутас), Италии (А. Гуиди), Ирландии (Р. Пинхези), Японии (Х. Като), США (Д. Хоффекер, Э. Тринкаус, Ф. Менденхолл).

Продолжалась активная публикационная деятельность. Всего сотрудниками было опубликовано свыше 270 работ. Важными результатами деятельности явилось создание крупных монографических трудов. Немалый вклад внес Отдел в разработку теоретических и методических аспектов нашей науки, создание справочно-информационных изданий и учебных пособий. Выпущены в свет не имеющие аналогов в мировой археологической литературе многоязычный словарь-справочник: Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н. Четырехязычный словарь-справочник по археологии палеолита (СПб., 2007), полный свод антропологических находок плейстоценового возраста на территории нашей страны: Герасимова М. М., Астахов С. Н., Величко А. А. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания (СПб., 2007), очерк истории развития археологии палеолита в России: Васильев С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых (СПб., 2008). Вопросы антропогенеза, корреляция эволюции физического типа человека и его культуры стали темой книги Л. Б. Вишняцкого «Неандертальцы: история несостоявшегося человечества» (СПб., 2010). Методологическим аспектам нашей дисциплины посвящена брошюра М. В. Аниковича «Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии» (Новосибирск, 2010).

Несколько книг освещают сложнейшие процессы перехода от среднего к верхнему палеолиту и связанные с этим вопросы распространения человека современного физического типа: Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (СПб., 2006); Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии (СПб.,

2007); Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции (СПб., 2008).

Продолжено издание богатейших материалов по древнекаменному веку Кавказа: Любин В. П., Беляева Е. В. Ранняя преистория Кавказа (СПб., 2006); Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света (СПб., 2007). Опубликована новая обобщающая работа по стоянкам Костенок: Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы (СПб., 2008). Выпущены в свет труды по палеолиту Молдавии: Кетрару Н. А., Григорьева Г. В., Коваленко С. И. Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII (Кишинев, 2007) и Тувы: Астахов С. Н. Палеолитические памятники Тувы (СПб., 2008). Особенно активно разрабатывались проблемы первоначального расселения человека на севере Евразии и происхождения аборигенов Нового Света: Кольский сборник (СПб., 2007); Васильев С. А., Березкин Е. Ю., Козинцев А. Г. Сибирь и первые американцы (СПб., 2009); Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Геоархеология и радиоуглеродная археология памятников каменного века Северо-Восточной Азии (СПб., 2010). Что касается исследования древнейших памятников изобразительного творчества, то З. А. Абрамова неутомимо продолжала свой многолетний поиск, выпустив очередной монументальный свод: Абрамова З. А. Древнейший образ человека: Каталог по материалам палеолитического искусства Европы (СПб., 2010).

Отдельно отметим публикацию труда ушедшей от нас И. В. Верещагиной «Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока (СПб., 2010).

Сотрудники Отдела выступали в качестве ответственных редакторов выпусков журнала «Stratum Plus», «Российского археологического ежегодника», «Записок ИИМК РАН» (Л. Б. Вишняцкий) и сборников статей (С. А. Васильев, М. В. Аникович).

Успешно продолжены экспедиционные исследования. В финансовом отношении работы экспедиций Отдела имели поддержку в виде грантов Президиума РАН, РФФИ, РГНФ, СПБНЦ РАН, международных программ (Фонд Лики, Национальное географическое общество и Национальный научный фонд США, Академия наук Чешской Республики), средств сотрудничающих организаций и учреждений, средств по хоздоговорам.

Традиционные важнейшие направления полевых изысканий — Костенки и Кавказ. В Костенках М. В. Аникович, А. А. Синицын, С. Н. Лисицын при участии Н. К. Анисюткина продолжили исследование многослойных стоянок Костенки 1, 8, 9, 14 и Борщево 5.

Что касается Кавказа, то на территории Армении В. П. Любиным и Е. В. Беляевой при участии П. Е. Нехорошева в составе Российско-Армянской экспедиции обследованы нижнепалеолитические памятники в Лорийской обл. Были проведены раскопки раннепалеолитических стоянок Мурадово и Куртан. В Карахачском карьере в 2010 г. были обнаружены раннепалеолитические изделия в отложениях, перекрытых слоем вулканического пепла, который позволяет осуществить их абсолютное датирование (дата по U-Pb методу — около 1,9 млн лет).

На Северном Кавказе В. П. Любиным и Е. В. Беляевой завершены раскопки ашельского местонахождения Кинжал в Пятигорье, Е. В. Беляева участвовала в работах в Губском ущелье. На Нижнем Дону продолжились полевые работы А.Е. Матюхина.

Активно велось изучение палеолитических памятников центра Русской равнины. Г. П. Григорьев в кооперации с Музеем антропологии МГУ руководил работами в Авдеево. Г. В. Сеницына вела раскопки позднеледниковых и раннеголоценовых культурных слоев на стоянках Баранова Гора (Верхняя Волга), Вышегора 1 и 3 (Верхний Днепр). С. Н. Лисицын и Н. К. Анисюткин раскапывали стоянку Вашана. А. К. Очередной, при участии Л. Б. Вишняцкого, начал изыскания в Хотылево. Г. В. Григорьева принимала участие в работах МАЭ в Юдиново.

На юго-западе Русской равнины Н. К. Анисюткин при участии А. К. Очередного начал кампанию изучения каменного века в Приднестровье, приведшую к открытию нижнепалеолитического местонахождения.

С. Н. Лисицын вел работы по мезолиту и неолиту в Ленинградской обл., а В. Я. Шумкин, при участии Е. М. Колпакова и П. Е. Нехорошева, изучал памятники каменного века на Кольском п-ове.

В Южной Сибири С. А. Васильев провел разведку по трассе будущей железной дороги Курагино—Кызыл. Он также принимал участие в работах Хакасского университета по изучению памятников каменного века в бассейне Верхнего Абакана. П. Е. Нехорошев завершил кампанию спасательных раскопок верхнепалеолитических памятников на Березовском угольном разрезе (Красноярский край). В. В. Питулько на северо-востоке Азии вел раскопки на Янской стоянке и обследовал известное мамонтовое местонахождение Берелех. Кроме того, С. А. Васильев принимал участие в полевых изысканиях за рубежом (США, Италия).

Ряд сотрудников Отдела работал в рамках проектов по грантам РФФИ, РГНФ, СПбНЦ РАН, Программе «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» Президиума РАН, Международного Полярного года в качестве руководителей или исполнителей проектов. С. Н. Астахов и С. А. Васильев были экспертами РФФИ, С. А. Васильев принимал участие в деятельности Совета РФФИ.

Нельзя обойти молчанием большую научно-организационную и административную работу, которая велась по поручению Дирекции ИИМК РАН С. А. Васильевым (зам. Председателя Диссертационного совета, руководитель Методического семинара ИИМК РАН), П. Е. Нехорошевым (Ученый секретарь Диссертационного совета ИИМК РАН), С. Н. Астаховым (зам. директора института по спец. вопросам), а также М. Н. Желтовой на посту ученого секретаря Отдела. В. Я. Шумкин при участии Е. М. Колпакова и П. Е. Нехорошева руководил огромными по объему и сложности хозяйственными работами на Кольском п-ове. В. Я. Шумкин и Л. Б. Вишняцкий работали в составе Комиссии по сокращению и переаттестации сотрудников ИИМК. С. А. Васильев, П. Е. Нехорошев, Г. В. Сеницына и В. Я. Шумкин участвовали в приеме кан-

дидатских и вступительных экзаменов по специальности у аспирантов и соискателей.

Отметим преподавательскую деятельность. С. А. Васильев читал курс лекций в Италии в университете Феррары, и спецкурс в СПбГУ, выступал в Сиенском и Римском университетах; М. В. Аникович — в Томском университете; Л. Б. Вишняцкий — в университете Хайфы (Израиль), в Высшей школе экономики и СПб Институте иудаики; А. А. Сеницын — в Сиенском университете. Сотрудники Отдела вели студенческую практику (М. В. Аникович, А. А. Сеницын, В. Я. Шумкин), руководили аспирантами, стажерами и соискателями (С. А. Васильев, В. П. Любин, Г. В. Сеницына, В. Я. Шумкин), курсовыми и дипломными работами студентов (С. А. Васильев, Е. В. Беляева, А. А. Сеницын). Успешно проходили ежегодные традиционные встречи со студентами кафедры археологии СПбГУ. М. В. Аникович получил благодарность от руководства Томского университета.

Сотрудниками Отдела велась активная деятельность по пропаганде научных знаний. Выпущены в свет статьи в местной и центральной периодике, проведен ряд радио- и телевизионных передач, лекции для школьников и студентов, беседы с местным населением, дано множество интервью журналистам. Отдел принял участие в подготовке научно-популярного фильма компании ВВС о древнейшем расселении человека на планете. В. Я. Шумкиным были организованы две выставки по итогам раскопок на Кольском п-ве. Особо отмечу активность Л. Б. Вишняцкого по распространению современных представлений о происхождении человека и борьбе с лженаукой в Интернете и печати.

Сотрудники Отдела участвовали в работе многочисленных научных конференций, состоявшихся в нашей стране (Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Мурманск, Соловки, Тверь, Ростов-на-Дону, Липецк, Темрюк, Сочи, Махачкала, Ханты-Мансийск, Омск, Новосибирск, Кызыл, Иркутск) и за рубежом (Украина, Грузия, Армения, Молдова, Финляндия, Австрия, Чехия, Германия, Швейцария, Франция, Испания, Италия, Португалия, Канада, США).

Отдел самостоятельно или в сотрудничестве с другими организациями провел ряд представительных международных встреч. Среди них — конференция по первоначальному заселению человеком Севера (Москва, 2007 г.; см.: *Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики*. М., 2008), полевая конференция на древнейших памятниках Тамани (Темрюк, 2008 г.; см.: *Ранний палеолит Евразии: новые открытия*. Ростов-на-Д., 2008; *Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии*. СПб., 2010), конференция, посвященная столетию С. Н. Бибикова (Киев, 2008 г.; см.: *С. Н. Бибиков и первобытная археология*. СПб., 2009), Саамская конференция (СПб., 2008 г.), конференция памяти Н. Н. Гуриной (СПб., 2009 г.; см.: *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы*. СПб., 2009). Отмечу активное участие сотрудников в подготовке и проведении I Всероссийского археологического съезда (Новосибирск, 2006 г.), II Северного археологического Конгресса (Ханты-Мансийск, 2006 г.), XV Конгресса Международного Союза доисторических и протоисторических наук

(Лиссабон, 2006 г.), конференции «Радиоуглерод в археологических и палеоклиматических исследованиях (50 лет радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН)» (СПб., 2007 г.), «Первых Замятнинских чтениях» (СПб., 2007 г.), конференции «Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций» (СПб., 2007 г.), II Всероссийского археологического съезда (Суздаль, 2008 г.), «Вторых Замятнинских чтениях» (СПб., 2010 г.), полевого семинара «Петроглифы Канозера» (2010 г.).

С. А. Васильевым в 2007 г. на заседании Президиума СПбНЦ РАН был зачитан доклад «Сибирь и заселение человеком Америки», а в 2008 г. на Дне Института — доклад «Отдел палеолита ИИМК: прошлое, настоящее и перспективы на будущее».

Заслуги С. А. Васильева, З. А. Абрамовой, Г. П. Григорьева отмечены Почетными грамотами СПбНЦ РАН. Многолетняя научная деятельность С. А. Васильева получила широкое признание — он был избран представителем России в Комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протоисторических наук, а в 2010 г. за активное участие в программе Международного Полярного года ему был вручен почетный сертификат признательности от имени Всемирной метеорологической Ассоциации и Международного научного Совета.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИИМК РАН (2006–2010 гг.)

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ, Т. А. ШАРОВСКАЯ

Научно-исследовательские работы Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН в основном сохраняли свою традиционную направленность. Сотрудниками лаборатории на археологических источниках от палеолита до средневековья и на основе экспериментального моделирования продолжались разработки и совершенствование методики трасологического и технологического анализов археологических материалов. На базе этих методов изучались характерные особенности древних технологий (камнеобработка, обработка кости, рога, бивня, дерева, изготовление наскальных изображений, древняя металлообработка), определялись способы изготовления, использования, производственные функции конкретных категорий и типов первобытных орудий и изделий и их комплексов. Все это в совокупности с другими методами археологических исследований создает основу для реконструкции видов хозяйственно-производственной деятельности на стоянках и поселениях, изучения форм и типов адаптации первобытных и раннеисторических обществ. Работы в значительной своей части базировались на научной кооперации с археологами почти всех научных подразделений ИИМК РАН, многих других академических институтов, высших учебных заведений и музеев нашей страны и республик СНГ, что нашло отражение в публикациях результатов исследований. Вместе с тем сотрудники лаборатории, будучи профессиональными археологами, проводили и самостоятельные полевые исследования и раскопки с целью всестороннего комплексного изучения археологических памятников разных периодов и эпох.

К сожалению, за истекший период Лаборатория понесла большие потери. В 2007 г. ушла из жизни Г. Ф. Коробкова. В 2010 г. умер А. К. Филиппов. Уволилась из Института Л. Г. Чайкина, работавшая в Лаборатории под руководством Г. Ф. Коробковой. На конец 2010 г. в Лаборатории работали всего 6 человек, из них 1 доктор исторических наук, 3 кандидата исторических наук и 2 без ученой степени.

В 2006 г. сотрудниками Лаборатории была успешно завершена трехлетняя (2004–2006 гг.) коллективная плановая тема «Взаимодействие культуры и хозяйства в эпохи палеолита–бронзы по данным трасологии, технологии, типологии и эксперимента» (руководитель Г. Ф. Коробкова). Отдельные разделы темы выполнялись Е. Ю. Гирей «Каменные вкладыши составных орудий со стоянки на о. Жохова», Г. Ф. Коробковой «Хозяйственно-производственные комплексы раннеямной культурной общности», Н. Н. Скакун «Специфика структуры хозяйства развитого этапа трипольской культуры (по материалам раскопок поселения Бодаки)», А. К. Филипповым «Принципы изготовления и исполь-

зования резцов в позднем палеолите», Л. Г. Чайкиной «История изучения культуры линейно-ленточной керамики и культуры Лендель (по материалам с территории Молдовы и Украины)», Т. А. Шаровской «Орудия труда и производственная деятельность обитателей поселения Свободное (эпоха палеометалла)» и В. Е. Щелинским «Ильская мустьерская стоянка (Северо-Западный Кавказ). Верхние культурные слои (I–III)». Исследование основывалось на материалах важнейших археологических памятников широкого хронологического диапазона от палеолита до эпохи бронзы, расположенных на Северном Кавказе (Ильская мустьерская стоянка), в Предкавказье (многослойное поселение домайкопской культуры Свободное), в Приазовье (позднепалеолитическая стоянка Мураловка), в Циркумполярной зоне (мезолитическая стоянка на острове Жохова) и на Украине (позднепалеолитические стоянки Рашков 7 и Межирич, трипольское поселение Бодаки, многослойное поселение нижнемихайловской и раннеямной культур Михайловское). Выполненное исследование позволило получить совершенно новую информацию о древних и древнейших технологиях, функциях и формообразовании различных категорий орудий, видах хозяйственно-производственной деятельности на стоянках и поселениях разных культур, проследить динамику и особенности хозяйственных систем первобытных обществ. Результаты исследований опубликованы в монографиях и в целом ряде статей в российских и зарубежных сборниках и журналах. Наиболее важными публикациями являются монографии: Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. «Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры» (СПб.: Европейский Дом, 2005. 316 с.); Скакун Н. Н. «Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна)» (СПб.: Нестор-История, 2006. 222 с.); Щелинский В. Е., Кулаков С. А. «Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920-х–1930-х годов)» (СПб.: Европейский Дом, 2005. 95 с.).

В течение 2007–2009 гг. основная работа сотрудников Лаборатории осуществлялась в рамках коллективной плановой темы «Технологии производств и культурная вариабельность в каменном веке и эпохи ранних металлов (функционально-трассологические и технологические исследования индустрий)» (руководитель В. Е. Щелинский). Тема включала в себя 6 разделов: 1. Технология обработки камня и вариабельность культуры в раннем и среднем палеолите Северо-Восточного Причерноморья и Южного Приазовья (В. Е. Щелинский); 2. Каменный инвентарь стоянки Костенки I, 1-й слой (функционально-технологические исследования): вопросы технологии обработки камня и соотношения формы и функции орудий в позднем палеолите (Е. Ю. Гирия); 3. Технология обработки деревянных изделий из позднемезолитических слоев стоянки Замостье 2 (О. В. Лозовская); 4. Технологии и развитие производств в хозяйстве культур эпохи неолита–бронзы в Восточной и Юго-Восточной Европе (Н. Н. Скакун); 5. Технология производства орудий труда из камня и структура хозяйства поселения энеолитического времени Илгынылы-депе (по материалам раскопа III) (Т. А. Шаровская); 6. Экспериментально-трассологическое исследование гончарного производства трипольской культуры в Среднем Поднестро-

вье, этап В II (по материалам поселения Бодаки) (Л. М. Яковлева). Проведено комплексное изучение новых археологических памятников и неисследованных или недостаточно исследованных археологических материалов ряда важнейших стоянок и поселений палеолита, мезолита, неолита и энеолита. В частности:

- получены первые важные сведения о возрасте, природном окружении, технологии обработки камня, составе орудийного набора и культурной принадлежности одной из древнейших в Восточной Европе раннепалеолитической стоянки Родники 1 в Южном Приазовье (1,4–1,6 млн л. н.);

- впервые обобщены и представлены основные технологические и функциональные характеристики изделий каменной индустрии нового жилого комплекса опорной на Русской равнине позднепалеолитической стоянки Костенки I (1-й слой) на Среднем Дону, обнаруженных в результате раскопок 1971–1994 гг.;

- изучена обширная коллекция деревянных изделий многослойной мезо-неолитической стоянки Замостье 2 в Волго-Окском междуречье. При этом разработана методика консервации, морфологического, функционального, технологического и экспериментального анализа этих изделий;

- исследованы производственный инвентарь из неолитических и энеолитических памятников Болгарии (поселения Овчарово, Усое 1, Поляница), поселения трипольской культуры Бодаки, а также уникальные кремневые изделия из погребальных комплексов ранних скотоводов Левобережья Дуная — Петро-Свистуново, Чапли, Луганское, Суворово, Дурджулешты, Кайнары. Установлено, что в конце каменного века в Балкано-Дунайском регионе возникают новые технологии расщепления кремня, ориентированные на получение высококачественных заготовок для орудий труда. Качество производимой продукции, большие объемы, широкое ее распространение позволяют охарактеризовать кремнеобрабатывающее производство этого времени как отрасль первобытного ремесла;

- впервые изучена трасологическим и технологическим методом крупная коллекция изделий (более 5000 предметов) из камня, кости, и керамики I–VI строительных горизонтов многослойного энеолитического поселения Илгынлы-депе в юго-западной Туркмении. Получена новая информация о типологическом, технологическом, функциональном и палеоэкономическом аспектах изучения илгынлинского инструментария.

Комплексный характер выполненных работ обеспечил получение максимума достоверной информации об археологических объектах — об их возрасте и культурной принадлежности, палеоэкологических условиях жизни людей, оставивших эти объекты, о палеотехнологиях различных сфер производственной деятельности, характере взаимосвязей этих технологий с развитием культуры, о действительных функциях и способах использования орудий, структуре производств, типах хозяйства и формах адаптации первобытных и древних обществ в контексте палеогеографических условий.

Тема была успешно завершена в 2009 г. Результаты проведенных исследований отражены в ряде монографий и многочисленных статьях и тезисах (46),

опубликованных в российских и зарубежных изданиях. Наиболее значимы монографии: Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М. «Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации» (СПб.: Европейский Дом, 2008. 371 с.); Поплевко Г. Н. «Методика комплексного исследования каменных индустрий» (СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с.); Щелинский В. Е. «Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа)» (СПб.: Европейский Дом, 2007. 189 с.); Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н. «Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита» (СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.).

С 2010 г. работа сотрудников лаборатории сосредоточена на новой коллективной научной теме: «Техника и технологии первобытных производств (траксологический и технологический анализы археологических источников)» (руководитель В. Е. Щелинский). Ее разделы: 1. Технология обработки камня и орудия труда раннепалеолитической стоянки Кермек на Таманском полуострове (В. Е. Щелинский); 2. Стратегии изготовления и использования инвентаря из органических материалов (дерево, кость, рог) в мезолите и неолите на примере торфяниковых стоянок (О. В. Лозовская); 3. Обработанное дерево неолит–энеолитической стоянки под крепостью Ниеншанц (комплексное исследование) (Т. А. Шаровская); 4. Технологии и орудия изготовления петроглифов на примере памятников Пегтымель (Чукотка) и Шалаболино (Красноярский край) (Е. Ю. Гирия).

В первый год работы над темой В. Е. Щелинским проведено описание и комплексное исследование материалов раннепалеолитической стоянки Кермек (возраст около 2 млн лет), полученных раскопками стоянки в 2008–2009 гг. О. В. Лозовская выполнила технологический анализ сохранившегося деревянного инвентаря мезолитической стоянки Веретье 1 (83 изделия) и неолитических свайных поселений Усвяты и Наумово (80 изделий). При этом выявлены основные приемы обработки деревянных орудий и особенности использования древесины (пород) и заготовок. Т. А. Шаровская, в соответствии с планом работы, изучила и подробно описала 500 деревянных кольев из неолитических и энеолитических слоев местонахождения Охта-1. Е. Ю. Гирия проанализировал гипсовые отливки следов пикетажа и шлифовок наскальных изображений Пегтымеля и Шалаболино. Это позволило установить три типа технологий изготовления петроглифов: с использованием каменного отбойника, с применением посредника из камня и с использованием металлического посредника. Результаты исследований нашли отражение в ряде опубликованных статей и были доложены на международных конференциях. Из наиболее значимых публикаций надо отметить: Гирия Е. Ю., Дэвлет Е. Г. «Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем» [Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 107–118]; Лозовский В. М., Лозовская О. В. «Изделия из кости и рога раннеэнеолитических слоев стоянки

Замостье 2» (Человек и древности. М., 2010. С. 237–252); Щелинский В. Е. «Исследование раннего палеолита Приазовья» [Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии: Материалы докладов ведущих ученых на V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых 4–9 апреля 2010 г., Иркутск, 2010. С. 172–188].

Наряду с исследованиями по плановой тематике большую и плодотворную работу проводили сотрудники Лаборатории по грантам РГНФ, РФФИ, а также по Программам фундаментальных исследований Президиума РАН.

Руководителями проектов были Г. Ф. Коробкова — проект «Технология производств древнеземледельческого населения Юга Евразии V–III тыс. до н.э. и его адаптация к изменениям природной среды. Комплексный подход (по материалам Украины, Молдовы и Южного Туркменистана)» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»), 2006–2008 гг.; Е. Ю. Гиря — Проект «Сравнительный анализ каменных индустрий костенковско-авдеевско-зарайского культурного единства» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». «Древнейшее наследие и истоки творческих начал человека»), 2009–2011 гг.; Проект РГНФ № 06-01-00200а «Костенки 1 (слой 1) — комплексный анализ каменной индустрии нового жилого комплекса (по результатам раскопок 1971–1994 гг.)», 2006–2008 гг.; проект РФФИ № 08-06-00273 «Трасологическое исследование петроглифов Евразии», 2008–2010 гг.; Г. Н. Поплевко — проект РГНФ № 07-01-90106а/Б (по линии белорусско-российских научных связей) «Проблема синхронизации культур Днепро-Двинского междуречья», 2007–2009 гг.; проект РГНФ № 10-01-00553а/Б «Культурное взаимодействие древних сообществ конца VII–II тыс. до н. э. верховьев Западной Двины и Днепра (технологические и хозяйственные аспекты)», 2010–2012 гг.; проект РФФИ № 10-06-00096а «Комплексное типологическое, технологическое и трасологическое исследование материалов неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону», 2010–2012 гг.; проект РФФИ № 10-06-10011к «Организация и проведение экспериментально-трасологической экспедиции по исследованию неолитических индустрий Нижнего Дона», 2010 г.; Н. Н. Скакун — проект РГНФ № 06-01-91-700 а/Л «Взаимодействие древнеземледельческих цивилизаций Карпато-Дунайского региона с раннеземледельческими обществами юга Восточной Европы (к верификации индо-европейской концепции М. Гимбутас — археологический аспект)», 2006–2008 гг.; проект РГНФ № 06-01-91-192 е/у «Организация экспедиции по изучению планиграфических структур на поселениях эпохи энеолита Юго-Восточной Европы (исследование рва на поселении Бодаки)», 2006 г.; проект № 10-01-18139 е/и «Специализированное производственное поселение Кукутено-Трипольской мегаобщины. Раскопки поселения Бодаки (Исследование открытых рабочих площадок)», 2010 г.; проект РГНФ-CNRS «Изучение древних изделий из рога и кости», 2009–2010 гг.; В. Е. Щелинский — проект РФФИ № 07-06-00127а

«Древнейший этап заселения первобытным человеком Приазовья и природная среда в плейстоцене», 2007–2009 гг.; проект РФФИ № 07-06-10006к «Организация и проведение экспедиции и полевых исследований эоплейстоценового раннепалеолитического местонахождения Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье)», 2007 г.; проект «Сырьевые ресурсы и технологии обработки камня индустрий раннего и среднего палеолита Юга европейской части России (Кавказ, Приазовье)» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». «Древнейшее наследие и истоки творческих начал человека»), 2009–2011 гг.

В Лаборатории большое внимание уделялось полевым исследованиям. Ежегодно организовывались (Е. Ю. Гирия) экспериментально-трасологические школы для молодых исследователей, желающих научиться изготавливать реплики каменных орудий и использовать их в ходе экспериментального изучения следов изнашивания на них. Археологическими экспедициями руководили: Н. Н. Скакун — Украинско-Российская энеолитическая экспедиция, 2006–2010 гг. (раскопки энеолитического поселения Бодаки) и В. Е. Щелинский — Приазовская палеолитическая экспедиция ИИМК РАН, 2006–2009 гг. (2006–2008 гг. совместно с С. А. Кулаковым) (раскопки и исследования раннепалеолитических стоянок на Таманском полуострове).

В 2008 г. Лаборатория стала инициатором и одним из организаторов проведения международной научной конференции «Ранний палеолит Евразии: новые открытия». Эта представительная конференция, в которой приняли участие многие археологи — специалисты по раннему палеолиту, а также авторитетные геологи и палеонтологи из различных научных центров России, ближнего и дальнего зарубежья, была успешно проведена на Таманском полуострове в Краснодарском крае. Наряду с научными заседаниями и дискуссиями участники конференции смогли увидеть раскопки открытых нами на Тамани древнейших раннепалеолитических стоянок, а также ознакомиться с обширными археологическими коллекциями этих стоянок. Материалы этой конференции позднее были изданы отдельной книгой «Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии» (под редакцией С. А. Васильева и В. Е. Щелинского. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 272 с.).

За истекший период сотрудники Лаборатории принимали участие с докладами во многих международных конференциях, проходивших как в нашей стране, так и за ее пределами. При этом Н. Н. Скакун выполняла обязанности одного из руководителей комиссии по трасологии постоянно действующего Международного конгресса UISPP. Е. Ю. Гирия и В. Е. Щелинский были избраны членами Международного трасологического информационного центра «Трасео 2».

На заседаниях Лаборатории помимо отчетов заслушивались и обсуждались доклады и сообщения соискателей и стажеров. В декабре 2007 г. была принята в соискатели Л. М. Яковлева и утверждена тема ее кандидатской диссертации «Керамическое производство трипольской культурной общности этапа VII в Поднестровье (в свете экспериментально-трасологических исследований)» (научный руководитель Н. Н. Скакун). В мае 2009 г. обсуждена кандидатская

диссертация Н. Б. Васильевой (г. Вологда) «Техника и хозяйство мезолитического населения Молого-Шекснинского междуречья и бассейна р. Кубены (технологические и функционально-трасологические исследования археологических материалов» (научные руководители Г. Ф. Коробкова и Н. Н. Скакун). Тогда же прошло обсуждение и утверждение темы кандидатской диссертации О. В. Лозовской «Деревянные изделия мезолита и неолита (по материалам стоянки Замостье 2)» (научный руководитель В. Е. Щелинский).

Сотрудники Лаборатории находили время и для педагогической деятельности. Читали спецкурсы в СПбГУ (Е. Ю. Гиря) и МГУ (Н. Н. Скакун), руководили работами студентов, стажеров и соискателей.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА ИИМК РАН В 2006–2010 гг.

В. А. АЛЁКШИН, Ю. Г. КУТИМОВ

Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН является ведущим научным центром России по исследованию древних культур Центральной Азии, Кавказа и Сибири. В Отделе работают 24 сотрудника, в том числе 3 доктора наук, 18 кандидатов и 3 сотрудника без степени.

Сотрудники Отдела изучают древнеземледельческие и кочевнические общества Евразии, а также разрабатывают проблемы культурного взаимодействия городских цивилизаций Востока и варварской периферии. Эти общие направления реализуются в разработках, посвященных исследованию древних культур Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Северного Кавказа, степной зоны Северного Причерноморья и Волго-Уральского междуречья, а также Южной Сибири.

Научные изыскания Отдела направлены на решение фундаментальной задачи археологии — изучение закономерностей развития культуры населения эпохи энеолита, бронзового и железного веков, поры раннего средневековья на территории России и стран СНГ. Следует отметить, что Отдел является единственным научным коллективом в России, в котором работают специалисты по первобытной, античной и раннесредневековой археологии Центральной Азии.

В 2006 г. сотрудники Отдела завершили работу над пятью научными проектами: «Древнеземледельческие культуры эпохи энеолита и бронзы на юге Средней Азии (происхождение, развитие, контакты)» (руководитель В. А. Алёкшин, исполнители В. М. Массон, Л. Б. Кирчо, А. Я. Щетенко, Н. Ф. Соловьева, Ю. Г. Кутимов); «Военная археология Средней Азии (от эпохи раннего железа до монгольского нашествия)» (руководитель В. П. Никаноров, исполнители В. И. Распопова, Д. Абдуллоев, В. А. Завьялов); «Новые материалы и исследования эпохи палеометалла Кавказа и Юго-Восточной Европы» (руководитель В. С. Бочкарев, исполнители К. Х. Кушнарева, М. Б. Рысин, Э. С. Шарафутдинова, В. А. Трифионов, А. Д. Резепкин, В. Я. Стеганцева); «Проблемы формирования и развития культур эпохи бронзы и скифского времени Южной Сибири и Тувы (происхождение, трансформация, взаимодействие)» (руководитель Вл. А. Семенов, исполнители Н. А. Боковенко, М. Н. Пшеницына, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, Л. А. Соколова, Н. Ю. Смирнов); «Культурные процессы в Центральной Азии в гуннскую и постгуннскую эпоху» (руководитель С. С. Миняев, исполнитель Э. Б. Вадецкая).

Последний год работы над проектами ознаменовался выходом в свет двух монографий. Одна из них — обобщающее исследование В. М. Массона «Культурогенез Древней Центральной Азии» (СПб., 2006) посвящена характеристи-

ке древних культур Средней Азии от эпохи палеолита до развитого средневековья, другая — «Записки Восточного отделения Российского археологического общества» (ЗВОРАО. Новая серия. СПб., 2006. Т. 2 [28]). Это издание, возобновленное в 2002 г. по инициативе В. М. Массона, ориентировано на публикацию статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Востока. Ответственным редактором второго тома ЗВОРАО стал В. П. Никоноров. Кроме того, В. И. Распопова опубликовала в соавторстве с Б. И. Маршаком «Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2005 г.». (СПб., 2006. МПАЭ. Вып. 8).

В 2007–2009 гг. сотрудники Отдела работали над четырьмя научными проектами: «Культурогенез и организация социального пространства в древнеземледельческих обществах юга Центральной Азии (архитектура, обряды, культовые взаимодействия)» (руководитель В. А. Алёшкин, исполнители В. М. Массон, Л. Б. Кирчо, Н. Ф. Соловьева, Ю. Г. Кутимов); «Культурные контакты и взаимодействия народов Центральной Азии в пределах Великого шелкового пути (древность и средневековье)» (руководитель В. П. Никоноров, исполнители В. И. Распопова, Д. Абдуллоев, В. А. Завьялов, С. С. Миняев); «Роль миграций и внешних контактов в культурно-историческом процессе эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа и Нижнего Подонья» (руководитель В. С. Бочкарев, исполнители М. Б. Рысин, В. А. Трифонов, А. Д. Резепкин, В. Я. Стеганцева); «Культурная стратиграфия эпохи бронзы и раннего железного века Южной Сибири (бассейн среднего и верхнего Енисея и Тувы)» (руководитель Вл. А. Семенов, исполнители Н. А. Боковенко, Э. Б. Вадецкая, М. Н. Пшеницына, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, Л. А. Соколова, Н. Ю. Смирнов).

По этим проектам издан ряд обобщающих исследований. В рамках первого из названных проектов опубликована монография Л. Б. Кирчо, Г. Ф. Коробковой и В. М. Массона «Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации» (СПб., 2008). В работе детально рассмотрена эпоха позднего энеолита на юго-востоке Туркменистана, в течение которой на Алтын-депе формируется культурная и технико-технологическая основа древнейшей раннегородской цивилизации Центральной Азии. Кроме того, следует отметить книгу Н. Ф. Соловьевой «Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита» (СПб., 2008). В этой работе опубликована коллекция антропоморфных статуэток (573 экз.) из энеолитического поселения Илгынлы-депе. Анализируемые в монографии артефакты представляют большой интерес для исследования искусства малых форм и мировоззрения первобытных земледельцев. Кроме того, к 80-летию В. М. Массона был опубликован сборник статей «Проблемы культурогенеза и культурного наследия» (СПб., 2009).

В рамках второго проекта вышла в свет монография В. А. Завьялова «Кушаншахр при Сасанидах» (СПб., 2008), посвященная публикации материалов раскопок городища Зар-тепе (Южный Узбекистан). В этом исследовании впервые в отечественной науке изучено взаимодействие кушанской и сасанидской культурных традиций на территории Кушаншахра во второй половине III–IV в. Кроме того, Д. Абдуллоевым были опубликованы две книги по согдийской ар-

хеологии: «Согдийское наследие в культуре таджиков» (Душанбе, 2008; на таджикском яз.) и «Средняя Азия в VII—XIII вв. и вопрос о согдийском культурном наследии» (СПб., 2009). В. И. Распопова издала также два «Отчета о раскопках городища древнего Пенджикента» (СПб., 2006 и 2007 [МПАЭ. Вып. 10 — в соавторстве с Б. И. Маршаком и 11 — в соавторстве с В. Г. Шкодой]). В издательстве филологического факультета СПбГУ в 2008 г. вышел классический труд Н. К. Дибвойза «Политическая история Парфии». Перевод этого исследования с английского языка на русский осуществил В. П. Никоноров. Он же провел научное редактирование этой монографии и составил к ней библиографическое приложение.

В рамках четвертого проекта опубликовано пять книг. Фундаментальное исследование Э. Б. Вадецкой «Древние маски Енисея» (Красноярск, 2009) посвящено таштыкским погребальным маскам. Издание является первой отечественной сводкой уникальных археологических артефактов, игравших важную роль в погребальном обряде таштыкских племен, населявших Южную Сибирь в железном веке. Следует отметить и обобщающее исследование Вл. А. Семенова «Первобытное искусство Евразии» (СПб., 2008). С. С. Миняев продолжил публикацию корпуса источников по археологии сюнну — книги «Дырестуйский могильник» (СПб., 2007) и «Художественные бронзы сюнну» (СПб., 2007; в соавторстве с А. В. Давыдовой). Изучению петроглифов посвящена обширная монография Н. А. Боковенко и М. Е. Килуновской (в соавторстве с Ким Чжонг Бэ и Чжан Со Хо) «Наскальные изображения Центральной Азии» (Сеул, 2007 [на корейском и русском яз.]).

В 2010 г. сотрудники Отдела начали работу над двумя новыми проектами: «Раннеземледельческие и кочевнические племена на юге Центральной Азии в древности и раннем средневековье (материальная культура, хронология, контакты, духовное развитие и общественные отношения)» (руководитель В. А. Алёкшин, исполнители Д. Абдуллоев, В. А. Завьялов, Ю. Г. Кутимов, Л. Б. Кирчо, С. С. Миняев, В. П. Никоноров, Н. Ф. Соловьева) и «Культуры евразийских степей и Кавказа в древности и раннем средневековье» (руководитель В. С. Бочкарев, исполнители Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, А. Д. Резепкин, М. Б. Рысин, Вл. А. Семенов, Н. Ю. Смирнов, Л. А. Соколова, В. Я. Стеганцева, В. А. Трифонов).

В рамках первого из названных проектов опубликована монография В. И. Распоповой «Стеклянные сосуды из Пенджикента (находки 1950—1999 гг.)» (СПб., 2010). В рамках второго проекта изданы две книги. Исследование В. С. Бочкарева «Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы» (СПб., 2010) посвящено актуальным проблемам развития археологических культур Восточной Европы в позднем бронзовом веке. Другая монография является коллективным трудом, в котором опубликованы погребальные комплексы одного из древних могильников Южной Сибири: Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пшеницына М. Н. «Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея» (СПб., 2010). Кроме того, Отдел выпустил сборник «Древние культуры Евразии» (СПб., 2010).

Сотрудники Отдела Н. А. Боковенко, Э. Б. Вадецкая, С. В. Красниенко, А. В. Поляков приняли также участие в написании статей и редактировании (А. В. Поляков) научного сборника «Афанасьевская культура» (Барнаул, 2010), который вышел в свет под грифами ИИМК РАН и ИАЭ СО РАН.

В целом сотрудники Отдела опубликовали в 2006–2010 гг. более 350 научных работ, в том числе 14 монографий, 4 сборника статей и материалов конференций, 3 развернутых полевых отчета.

Большое значение для научной деятельности Отдела имеет финансовая поддержка его исследовательских, полевых и издательских проектов РГНФ, РФФИ, СПб НЦ и Президиумом РАН. За минувшие пять лет сотрудниками Отдела получено 18 грантов РГНФ, 5 грантов РФФИ, 5 грантов СПб НЦ, а также 4 гранта в рамках различных программ Президиума РАН и 3 гранта в рамках федеральной целевой программы Министерства культуры РФ «Культура России». Кроме того, В. П. Никоноров получил грант программы Фулбрайта (США) для работы над проектом «Военное дело на центральноазиатском участке Великого Шелкового пути» и грант Министерства науки и высшего образования Польши для работы над проектом «Иран и степные народы Центральной Евразии в эллинистическо-парфянскую эпоху: политическая история, взаимоотношения и культурно-историческое наследие».

В 2006–2010 гг. возросло количество экспедиций Отдела, исследующих археологические памятники Центральной Азии. В эти годы были продолжены раскопки Илгынлы-депе, уникального поселения эпохи энеолита, расположенного на юге Туркменистана (Илгынлынский отряд ИИМК РАН, начальник Н. Ф. Соловьева), а с 2007 г. начаты исследования памятников эпохи бронзы на юге Таджикистана (Южно-Таджикистанская экспедиция, начальник отряда Ю. Г. Кутимов). Сотрудник Отдела В. А. Завьялов в 2006 г. в составе экспедиции ИА РАН принимал участие в раскопках городища Старая Ниса на юге Туркменистана. В. И. Распопова в 2006–2010 гг. и Д. Абдуллоев в 2006–2007 гг. в составе Пенджикентской экспедиции Государственного Эрмитажа исследовали раннесредневековый согдийский города Пенджикент (Таджикистан). Кроме того, в 2009 г. Д. Абдуллоев по приглашению Национального управления по охране памятников истории и культуры Туркменистана изучал одну из древнейших мечетей Центральной Азии — Машад-Ата, на юго-западе Туркменистана (Дахистан). В этом же году В. П. Никоноров принимал участие в работах Международной Тохаристанской археологической экспедиции, которая проводила исследования античного памятника Кампыр-тепе в Южном Узбекистане.

На территории Российской Федерации полевые исследования сотрудников Отдела активно продолжались. На Северном Кавказе ежегодно работают Западнокавказская экспедиция (начальник В. А. Трифонов), исследующая дольменные могильники в Краснодарском крае, и Майкопская экспедиция (начальник А. Д. Резепкин), раскапывающая поселения эпохи бронзы на территории Республики Адыгея. Паспортизацию археологических памятников на Северном Кавказе осуществляли в 2007–2008 гг. Северокавказская, а в 2009 г. — Ка-

рачаевская экспедиции (начальник М. Б. Рысин). В этом же регионе в 2008 г. работал Адлерский отряд (начальник М. Б. Рысин, сотрудник Л. А. Соколова), проводивший разведки археологических памятников в районе Большое Сочи.

Несколько экспедиций Отдела исследовали археологические памятники на юге Сибири. Забайкальская экспедиция (начальник С. С. Миняев) в 2006 г. завершила многолетние раскопки уникального царского кургана сюнну в пади Царам (Бурятия). Тувинская экспедиция (начальник Вл. А. Семенов) продолжала раскопки грота Куйлуг-Хем — многослойной стоянки эпохи палеолита и неолита, а также исследовала курганы скифского времени и памятники наскального искусства. Средне-Енисейская экспедиция в составе трех отрядов (руководители отрядов Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков) исследует в Южной Сибири могильники карасукской и тагарской культур. В 2006–2009 гг. Бейская экспедиция (начальник М. Н. Пшеницына, сотрудник Л. А. Соколова) проводила раскопки тагарских курганов в Хакасии. В 2009–2010 гг. археологические изыскания в зоне строительства железной дороги Кызыл–Курагино вела Саянская экспедиция (Н. А. Боковенко, А. В. Поляков). В исследовании фортификации уйгурской крепости Пор-Бажын в Туве принимали участие В. А. Завьялов (2007–2008 гг.) и Ю. Г. Кутимов (2007 г.). Полевые работы в Туве проводил также Н. Ю. Смирнов. В 2009 г. он руководил совместным отрядом ИИМК РАН и Службы охраны памятников истории и культуры Республики Тыва, который обследовал могильники скифского и тюркского времени, а в 2010 г. — Северотувинским отрядом, предпринявшим разведочные работы в Пий-Хемском р-не Республики Тыва.

За отчетный период сотрудники Отдела принимали также участие в исследовании различных археологических объектов Санкт-Петербурга (Н. А. Боковенко, Ю. Г. Кутимов, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, В. Я. Стеганцева) и его пригорода г. Пушкин (В. А. Завьялов, Н. Ф. Соловьева).

В декабре 2010 г. сотрудники Отдела провели международную научную конференцию «Кочевые культуры Евразии» (проект РГНФ 10-01-14044г), посвященную столетию со дня рождения крупнейшего исследователя центральноазиатских древностей А. Н. Бернштама. В работе конференции приняли участие более 70 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Кемерово, Ельца, научных центров стран СНГ (Украина, Казахстан, Таджикистан) и дальнего зарубежья (Германия, Польша, США, Турция). Материалы конференции изданы в вышеупомянутом сборнике «Древние культуры Евразии» (Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010; редакционная коллегия: В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо, Л. А. Соколова, В. Я. Стеганцева).

За отчетный период возросло количество международных конференций, в работе которых приняли участие сотрудники Отдела, причем из 56 таких научных форумов 16 были проведены в России (Абакан, Астрахань, Барнаул, Краснодар, Кызыл, Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийск, Челябинск), 15 — в странах СНГ: Белоруссия (Минск), Казахстан (Алматы, Астана), Молдавия (Кишинев), Таджикистан (Душанбе), Узбекистан (Самарканд), Украина (Чи-

гирин), Туркменистан, ассоциированный член СНГ (Ашхабад, Куня-Ургенч) и 25 — в странах дальнего зарубежья: Великобритания, Германия, Голландия, Греция, Иран, Испания, Италия, Китай, Монголия, Польша, Румыния, США, Турция и Южная Корея.

Ниже перечислены лишь те конференции, на которых были заслушаны доклады нескольких сотрудников Отдела: «The First International Congress of Eurasian Archaeology» (май 2007 г., Измир, Турция — Н. А. Боковенко, Э. Б. Вадецкая, С. С. Миняев, Вл. А. Семенов, Л. А. Соколова); «Туркменская земля — колыбель древних культур и цивилизаций» (октябрь 2008 г., Ашхабад, Туркменистан — В. А. Алёкшин, В. А. Завьялов, Л. Б. Кирчо, Н. Ф. Соловьева); «Древние культуры Евразии», посвященная 100-летию со дня рождения известного российского археолога А. Н. Бернштама (13–15 декабря 2010 г., СПб. — В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо, А. В. Поляков, И. П. Лазаретов, С. С. Миняев, Н. А. Сутягина, Н. А. Боковенко, Л. А. Соколова, М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов, Э. Б. Вадецкая, В. А. Завьялов, Д. Абдуллоев, М. Т. Кашуба, В. П. Никоноров, М. Н. Пшеницына, В. Я. Стеганцева, Ю. Г. Кутимов); II конгресс «East Anatolian and Caucasian Bronze Age cultures» (1–5 марта, Тир, Турция, 2010 г. — Л. А. Соколова, В. Я. Стеганцева, М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов); Сотрудники Отдела также принимали участие в 17 (включая Всероссийские археологические съезды) конференциях, проведенных в Барнауле, Казани, Кызыле, Магасе, Москве, Новосибирске, Омске, Санкт-Петербурге, Саратове и Суздале.

Говоря о международном сотрудничестве сотрудников Отдела, следует назвать совместные раскопки поселений эпохи поздней бронзы на юге Вьетнама, проведенные Южновьетнамской экспедицией ИИМК РАН (начальник В. А. Алёкшин, сотрудники В. А. Завьялов, С. С. Миняев) и вьетнамскими археологами из Южновьетнамского института стабильного развития (г. Хошимин), а также совместные работы в сезоне 2007 г. Забайкальской экспедиции ИИМК РАН (начальник С. С. Миняев) и экспедиции Смитсониевского института (США) на сюннском могильнике Бага-Газыр Чулуу в Среднегобийском аймаке Монголии. В 2008 г. сотрудники Отдела М. Е. Килуновская и Вл. А. Семенов подготовили выставку «Скифы. Сокровища Тувы» (600 экспонатов) в археологическом музее Фонда Марк, г. Аликанте (провинция Валенсия, Испания).

За истекшее пятилетие при Отделе защищены 3 докторские и 9 кандидатских диссертаций. Сотрудниками Отдела защищены 4 кандидатские диссертации: в 2006 г. — И. П. Лазаретов «Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее» и А. В. Поляков «Периодизация “классического” этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников)»; в 2009 г. — Л. А. Соколова «Формирование окуневского культурного комплекса» и Ю. Г. Кутимов «Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века)». В 2009 г. Л. Б. Кирчо защитила докторскую диссертацию «Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации)».

При Отделе проходили подготовку аспирант и 5 соискателей из Санкт-Петербурга и различных городов России.

Сотрудники Отдела активно участвуют в образовательном процессе, занимаясь преподаванием в вузах Санкт-Петербурга: В. А. Алёкшин («Археологические памятники России» и «Туристические достопримечательности Северо-Запада России и Санкт-Петербурга», СПб Академия управления и экономики), Н. А. Боковенко («Археология», СПб Университет культуры и искусства), В. С. Бочкарев («Археология энеолита и бронзового века» и «Археологические источники», СПбГУ), В. М. Массон («Археология Древнего Востока», СПбГУ), В. П. Никоноров («История восточного эллинизма» и «История военного дела в античности», СПбГУ), Вл. А. Семенов («Первобытное искусство» и «Основы археологии», Академия художеств им. И. Е. Репина).

В Тувинском ГУ М. Е. Килуновская читала курсы лекций «Памятники наскального искусства Тувы», «Древние тюрки в Туве», «Способы и методы изучения наскальных рисунков», а Вл. А. Семенов — курс лекций «Этноархеология».

За истекшее пятилетие Отдел понес тяжелые утраты. 20 февраля 2006 г. ушла из жизни К. Х. Кушнарева, д-р ист. наук, одна из старейших сотрудниц Отдела, известный специалист в области первобытной археологии Кавказа. 19 февраля 2010 г. скончался академик Туркменской АН, д-р ист. наук, главный научный специалист В. М. Массон, крупнейший исследователь первобытных и античных древностей Центральной Азии, заведующий Отделом в 1968–2003 гг. 30 июня 2010 г. умер канд. ист. наук А. Я. Щетенко, исследователь памятников эпохи энеолита и бронзового века Южного Туркменистана, специалист в области первобытной археологии Индии и Пакистана.

Завершая обзор работы Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа в 2006–2010 гг., необходимо отметить, что проверявшая деятельность ИИМК РАН в 2010 г. Комиссия Президиума РАН признала, что научная работа Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН проводится успешно в рамках задач, которые ставились перед этим подразделением, и что его сотрудники проводили научные изыскания по всем традиционным для Отдела направлениям, в результате чего были получены результаты, требующие новых полевых исследований.

ОТДЕЛ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ (2006–2010 гг.)

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, С. В. КАШАЕВ

Отдел истории античной культуры продолжал работу по изучению классического наследия на территории Северного Причерноморья. К концу 2010 г. в Отделе трудились 9 сотрудников: 5 докторов наук, 3 кандидата наук и 1 сотрудник без степени. С 2006 г. работу подразделения возглавляет Ю. А. Виноградов. Обозначенный период связан с рядом весьма значимых событий, в том числе и с очень горькой для нас потерей. В июне 2009 г. не стало А. Н. Щеглова, одного из ведущих специалистов в области античной археологии северного побережья Черного моря.

За истекший период сотрудники Отдела работали по двум плановым темам: «Боспор Киммерийский. Греческие города и сельские поселения» (2006–2007 гг.) и «Грунтовые и курганные некрополи Боспора» (2008–2010 гг.). Кроме того, два наших проекта получили финансовую поддержку в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН. В 2006–2008 гг. это была программа «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», исследования проводились по теме «Степи Евразии и история Боспора Киммерийского». Результатом проделанной работы, в которой приняли участие почти все сотрудники Отдела, стала публикация сборника статей в альманахе «Боспорские исследования» (Симферополь; Керчь, 2009. Вып. 22). В 2009–2010 гг. работа осуществлялась в рамках программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по теме «Курганные древности Боспора Киммерийского». По этой теме также планируется подготовить сборник крупных статей, который опять же предполагается издать в «Боспорских исследованиях». Составной частью курганного проекта стало монографическое исследование Ю. А. Виноградова «Курганный некрополь боспорской знати Юз-Оба. История изучения», которое, как предполагается, откроет целую серию публикаций, посвященных этому важнейшему памятнику культуры Боспорского царства времени его наивысшего расцвета в IV в. до н. э.

Новым направлением для отечественного антиковедения стали попытки компьютерных 3D реконструкций древних объектов, открытых на берегах Керченского пролива, которые осуществляются в сотрудничестве со специалистами в этой области — С. В. Швембергером, Е. В. Логдачевой и П. Н. Щербаковым. Два таких проекта были поддержаны РГНФ. Первый из них (руководитель В. А. Горончаровский) был нацелен на объемные реконструкции античных храмов Боспора. Второй (руководитель Ю. А. Виноградов) сосредоточился на знаменитых боспорских расписных склепах. Почти все эти любопытнейшие

памятники погибли, и мы не знаем даже точного местонахождения многих из них. В рамках этого проекта, на основании хранящихся в Научном архиве ИИМК чертежей и прорисовок росписей, созданы 3D реконструкции некоторых склепов: расписного склепа Большой Близницы (1864 г.), Стасовского склепа (1872 г.), Двойного склепа (1873 г.), склепа Сорака (1890 г.) и одного из поздних склепов, отличающегося схематичностью росписи, который был открыт на горе Митридат в 1873 г. Все реконструкции размещены на специальном сайте в Интернете, и любой человек, интересующийся боспорскими расписными склепами, может рассмотреть их почти в «первозданном» виде.

В Отделе прошли защиты целой серии диссертационных исследований. В 2009 г. О. В. Шаров защитил докторскую диссертацию «Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II—середина IV в. н. э.)». В 2010 г. прошла защита докторской диссертации И. Ю. Шауба «Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI—IV вв. до н. э.)». После этого число докторов наук, работающих в Отделе, как уже было сказано, достигло 5 человек. Это один из самых высоких показателей в нашем Институте.

В 2006 г. соискатель из Краснодара В. В. Улитин защитил кандидатскую диссертацию «Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII—первой половине I в. до н. э. (по данным амфорной тары)». Через год это сделала соискательница из Государственного Эрмитажа Н. К. Жижина. Тема ее исследования — «Гипсовый рельеф в погребальных памятниках Европейского Боспора первых веков новой эры: по материалам коллекции Государственного Эрмитажа». В 2009 г. прошли сразу две защиты кандидатских диссертаций: А. Н. Коваленко (Ростов-на-Дону) «Северо-Восточное Причерноморье во второй половине IV—первой трети III в. до н. э.» и Д. Е. Чистова (Государственный Эрмитаж) «Мирмекий классического и раннеэллинистического времени».

За 2006—2010 гг. в Отделе проведено 107 заседаний по различным аспектам научной тематики, связанным с изучением классических древностей. В их ряду следует выделить те, которые были посвящены памяти ушедших из жизни сотрудников. В марте 2008 г. прошло заседание памяти Е. Г. Кастанаян (1910—1991), а в мае того же года — заседание памяти Е. И. Леви (1903—1996). В феврале 2009 г. проведено расширенное заседание Отдела, посвященное памяти И. Б. Брашинского (1928—1982). Кроме того, в феврале 2008 г. было проведено расширенное заседание Ученого совета ИИМК РАН, посвященное памяти Ю. В. Андреева (1937—1998).

Сотрудниками Отдела опубликовано немало научных и популярных книг. В их ряду выделяется монография И. Ю. Шауба «Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.)» (СПб., 2007). Другая книга этого автора «Италия — Скифия. Культурно-исторические параллели» (М.; СПб., 2008) является сборником статей, посвященных проблемам своеобразной культурной переклички между народами, населявшими в древности Италию и Северное Причерноморье. О. В. Шаров опубликовал свое исследование «Керами-

ческий комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римским импортом» (СПб., 2007). Итогом многолетних исследований стала монография Ю. А. Виноградова и В. А. Горончаровского «Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э.—III в. н. э.)» (СПб., 2009), опубликованная в серии «Historia militaris». В. Ф. Столба, проживающий сейчас в основном в Дании, тем не менее продолжает изучение древностей Западного Крыма, где позиции петербургских (ленинградских) археологов были традиционно сильны. Итогом его работ стала монография «Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут» (Симферополь, 2009).

Проблемам военной истории античного мира посвящена целая серия популярных книг: Виноградов Ю. А. «Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э.—IV в. н. э.)» (СПб., 2006); Андерсен В., Шауб И. «Македонцы в бою» (М., 2008); Шауб И., Андерсен В. «Спартанцы в бою» (М., 2008); Шауб И., Андерсен В. «Греко-персидские войны» (М., 2009); Горончаровский В. А. «Гладиаторы в бою. На арене и полях сражений» (М., 2008) и «Арена и кровь: римские гладиаторы между жизнью и смертью» (СПб., 2009). В издательстве Государственного Эрмитажа вышла книжечка Ю. А. Виноградова «Большой лекиф Ксенофанта» (СПб., 2007), посвященная изучению одной из хрестоматийно известных аттических ваз, найденных во время раскопок в Северном Причерноморье. Основное внимание в ней уделено семантике сложной орнаментальной композиции, представленной на лекифе.

Сотрудники Отдела принимали активное участие в публикационных проектах, проводившихся как в ИИМК, так и других научных учреждений. В ряду таких проектов, прежде всего, следует назвать фундаментальную коллективную монографию «Императорская Археологическая комиссия (1859—1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и культурного наследия» (СПб., 2009). В работе над ее составлением участвовали М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов и Р. В. Стоянов. Для античной археологии Северного Причерноморья первых веков нашей эры большое значение имеют материалы некрополя Чатыр-Даг. Их публикация «Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму» (СПб., 2006) подготовлена О. В. Шаровым в соавторстве с В. Л. Мыцом, А. В. Лысенко и М. Б. Шукиным. Среди специалистов высокую оценку заслужило издание «Поль Дюбрюкс. Собр. соч.» (СПб., 2010. Т. 1—2). В подготовку этой публикации были вовлечены М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский и О. В. Шаров. Следует также отметить опубликованный во Франции объемный сборник трудов о результатах раскопок, проводившихся российскими археологами в южноаравийском порту Кана (Йемен): Qvni'. La port antique du Hadramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde. Fouilles russes 1972, 1985—89, 1991, 1993—94. Vrepols, 2010. В сборник включены две крупные работы Ю. А. Виноградова, принимавшего активное участие в исследованиях этого важного памятника с 1985 г.

С особым удовлетворением следует отметить, что продолжают публиковаться ученые труды Ю. В. Андреева, возглавлявшего Отдел в 1986—1998 гг. За про-

шедшее пятилетие увидели свет монография «Архаическая Спарта. Искусство и политика» (СПб., 2008) и сборник «В ожидании “греческого чуда”. Из записных книжек» (СПб., 2010).

Основной экспедицией Отдела, проводящей раскопки античных памятников на северном берегу Черного моря, является Боспорская; она была создана еще в 1932 г. и долгое время возглавлялась выдающимся советским ученым В. Ф. Гайдукевичем. Сейчас эта экспедиция состоит из четырех отрядов, три из которых ведут исследования на Таманском п-ове и один — в Восточном Крыму.

Бугазский отряд (руководитель Ю. А. Виноградов) проводил раскопки крупного античного поселения Артюшенко-1, расположенного на Тамани, на обрывистом берегу Черного моря. Работы сосредоточены в западной части памятника, где в основном представлены строительные остатки и ямы II—III вв. н. э. Открытие здесь двух полуземлянок второй половины IV в. н. э. имеет важное научное значение, так как о сельских поселениях Боспора, относящихся ко времени после готских походов, мы практически ничего не знаем.

Таманский отряд Боспорской экспедиции (руководитель С. В. Кашаев) продолжал раскопки крупного поселения и некрополя Артюшенко-2. Особую научную значимость имеют исследования некрополя, на котором открыто уже 250 погребений. Стало вполне очевидно, что захоронения на могильнике совершались с конца VI до начала II в. до н. э., но основная масса погребений принадлежит V—началу IV в. до н. э. Все они совершены по обряду ингумации; среди сопровождающего инвентаря представлены прекрасная импортная расписная и чернолаковая посуда, стеклянные сосудики, остродонные амфоры (иногда с бронзовыми черпаками-киафами), оружие (копья, мечи типа акинаков, наконечники стрел) и пр. Полученные материалы позволяют с полным основанием считать, что некрополь Артюшенко-2 вполне сопоставим с такими хрестоматийно известными в нашей науке памятниками, как некрополи у мыса Тузла или у хутора Кротенко.

Семибратний отряд (руководитель В. А. Горончаровский) проводил раскопки на Семибратнем городище. В древности этот город, возможно, носил название Лабрис и, как считают некоторые исследователи, являлся столицей Синдского государства. В южной части городища было продолжено изучение темноса III в. до н. э., а в северной части произведено исследование раскопа «А», где Н. В. Анфимовым в 1938–1940 гг. было открыто укрепленное здание, датированное им III в. до н. э.—I в. н. э. Как показали новые раскопки, ярко выраженный раннеэллинистический материал здесь отсутствует. Фундамент монументальной постройки был впущен в слой разрушения первой половины IV в. до н. э. Можно считать, что этот район Лабриса запустел после бурных военно-политических событий, связанных с включением города (а можно сказать шире — всей Синдики) в состав Боспорского царства при Левконе I.

Единственным отрядом, ведущим свою историю от «старой» Боспорской экспедиции, является Порфмийский (руководитель М. Ю. Вахтина). Он продолжает раскопки городища Порфмий, расположенного в Восточном Крыму

на месте переправы через Керченский пролив. Порфмий — единственный городок Боспорского царства, перестроенный в III в. до н. э. по единому плану, и изучение его эллинистической планировки, безусловно, имеет важное научное значение. В последние годы здесь удалось обнаружить остатки необычной каменной конструкции, возможно, монументального алтаря. На некрополе Порфмия, подвергающемся систематическому разграблению со стороны «черных археологов», изучена серия погребальных комплексов различного устройства.

В 2008 г. в Отделе была создана Кипрская экспедиция ИИМК РАН (руководитель В. А. Горончаровский). Она проводит раскопки античного святилища около деревни Аногира, во внутреннем районе о. Кипр. Это святилище, очевидно, было связано с почитанием Аполлона. Необходимо подчеркнуть, что ранее наши специалисты раскопок в Средиземноморье никогда не проводили, и этот опыт следует признать в высшей степени ценным.

На протяжении многих лет Ю. А. Виноградов принимал участие в работах Российской археологической миссии в республике Йемен. В плане изучения античности наиболее примечательным оказался 2010 г., когда на острове Сокотра было открыто прибрежное поселение Кош, существовавшее в пределах II–V вв. н. э. Вне всякого сомнения, оно было связано с международной морской торговлей, развернувшейся в это время между Римской империей и Индией.

При самом активном участии сотрудников Отдела (М. Ю. Вахтина и С. В. Кашаев) и при сотрудничестве с другими научными учреждениями Санкт-Петербурга проведены две международные конференции «Боспорский феномен». Каждая из них была нацелена на конкретную научную проблему или целый спектр проблем: в 2007 г. — «Сакральный смысл региона, памятников, находок»; в 2009 г. — «Искусство на периферии античного мира». Кроме того, в 2008 г. был организован круглый стол, посвященный 10-летию конференции «Боспорский феномен», который был назван «Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху». На организацию конференций были получены гранты РГНФ, к их началу изданы сборники материалов.

Следует подчеркнуть, что конференция «Боспорский феномен» давно получила широкую известность в научных кругах. В настоящее время она является самой представительной античной конференцией в России, на которую собираются специалисты не только из нашей страны, но и из ближнего и дальнего зарубежья.

Сотрудники Отдела принимали участие и выступали с докладами на многих российских и международных конференциях. В их ряду в первую очередь следует назвать ежегодную международную конференцию «Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья», которая проводится в г. Керчь (Украина).

Среди других научных собраний необходимо выделить Первую Абхазская археологическую конференцию, посвященную памяти Ю. Н. Воронова (2006 г., Сухум, Абхазия), конференцию «Ранний железный век Евразии: К 100-летию со дня рождения А. И. Тереножкина» (2007 г., Чигирин, Украина), конферен-

цию «Случайные находки: Хронология, атрибуция, историко-культурный контекст» (2008 г., СПб.), «Pontika. Recent Research on the Northern end Eastern Black Sea in Ancient Times» (2008 г., Краков, Польша), II (XVIII) Всероссийский археологический съезд (2008 г., Суздаль), Пятую Кубанскую археологическую конференцию (2009 г., пос. Пересыпь, Темрюкский р-н Краснодарского края).

Суммируя все сказанное, есть все основания признать, что Отдел истории античной культуры в 2006–2010 гг. работал весьма напряженно и, несмотря на немногочисленность состава, достиг немалых научных результатов. Основная проблема, обозначившаяся за прошедшие годы с еще большей очевидностью, заключается в необходимости привлечения в Отдел молодых исследователей, любящих и знающих античную культуру. Без такого пополнения у нас нет будущего.

РАБОТА ОТДЕЛА СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИИМК РАН В 2006–2010 гг.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, А. А. ПЕСКОВА

В 2006–2010 гг. в составе Отдела работали 19 сотрудников, в том числе (на 2010 г.) — 6 докторов исторических наук, 10 кандидатов исторических наук и 3 научных сотрудника без степени. В эти годы Отдел лишился крупного специалиста в области славяно-финской археологии Е. А. Рябина — из-за тяжелой болезни в 2008 г. он ушел на пенсию и умер в 2010 г. Простились мы и с двумя старейшими членами нашего коллектива, давно вышедшими на пенсию, но не покидавшими Института до последних лет жизни, — в 2010 г. скончалась К. В. Павлова, в 2011 г. — М. В. Малевская. В 2005 г. в результате кадровых перестановок в Группу охранной археологии перешел В. И. Кильдюшевский. В 2006 г. О. И. Богуславский перешел на административную работу, став заместителем директора ИИМК по научной работе. В то же время в 2007 г. штатным научным сотрудником Отдела стала Н. В. Григорьева — постоянная участница Староладожской археологической экспедиции, а в 2010 г. в Отдел была принята М. А. Юшкова, молодой специалист по изучению эпохи бронзы и раннего железного века в юго-восточной части бассейна Финского залива.

В течение 2006–2009 гг. Отдел был структурно подразделен на три тематические творческие группы по разработке фундаментальных проблем истории и культуры Руси — России и древностей Восточной Европы. В 2010 г. группа 3 была перераспределена, а ее участники включены в состав группы 1.

Группа 1 разрабатывала темы: «Средневековые города Северной Руси и ее соседей» (2006 г.); «Торговля, ремесло, градостроительство Северной Руси в свете международных этнокультурных связей» (2007–2009 гг.); «Материальная и духовная культура средневековых городов Северной Руси» (2010–2012 гг.).

Состав группы: А. Н. Кирпичников (координатор), С. В. Белецкий, Н. В. Григорьева, Т. С. Дорофеева, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, К. А. Михайлов, Е. Н. Носов, Н. И. Платонова, А. В. Плохов, П. Е. Сорокин, Н. В. Хвощинская.

В рамках выполнения общей темы участники группы 1 совместно с участниками группы 2 (славяно-финской) подготовили и издали два выпуска сборника «Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья» (СПб., 2006; 2008). Третий выпуск сдан в печать. Анализу новейших материалов из раскопок Старой Ладоги и Рюрикова городища, а также городища на р. Сясь в Приладожье и Передольского погоста на р. Луге был посвящен сборник «Северная Русь и народы Балтики» (Труды ИИМК РАН. Т. 24. СПб., 2007). Два очередных выпуска вышли в серии «Археологическое наследие Санкт-Петербурга» (СПб., 2008; 2009) и два — в серии «Культурное наследие Российского государства» (СПб., 2010. Ч. 1 и 2).

Результаты обобщающих исследований участников Группы получили отражение в крупных монографиях В. А. Лапшина «Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.)» (СПб., 2009) и Н. И. Платоновой «История археологической мысли в России: вторая половина XIX — первая треть XX в.» (СПб., 2010),¹ а также в работе А. Н. Кирпичникова «Раннесредневековые золоченые шлемы: Новые находки и наблюдения» (СПб., 2009). По результатам проведенных в 2009 г. в Старой Ладогe раскопок А. Н. Кирпичниковым (совместно с В. Д. Сарабьяновым) опубликована монография «Старая Ладога — древняя столица Руси» (СПб., 2010).

Особо следует подчеркнуть создание и публикацию сотрудниками Отдела международных научных коллективных сборников, основанных на материалах работы крупных научных конференций. Обобщению результатов 30-летнего исследования Новгородского Рюрикова городища и его округа Новгородской областной археологической экспедицией была посвящена конференция, проведенная в Великом Новгороде с участием ученых из Великобритании и Франции в октябре 2005 г., по материалам которой в 2007 г. был издан историко-археологический сборник «У истоков русской государственности» (СПб., 2007). В 2006 г. Отделом была проведена представительная конференция «Славяно-русское ювелирное дело и его истоки», посвященная памяти Г. Ф. Корзухиной (к 100-летию со дня рождения), собравшая ученых из ведущих научных и музейных центров России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. К началу работы конференции были изданы тезисы докладов ее участников (СПб., 2006), а позднее опубликован сборник материалов конференции, включающий также обширный аналитический обзор архивного наследия Г. Ф. Корзухиной (СПб., 2010).

К 150-летию Императорской Археологической комиссии на базе ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа в 2009 г. при участии сотрудников Отдела была проведена конференция и издана коллективная монография «Императорская Археологическая комиссия (1859—1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия» (СПб., 2009). Редактором-составителем книги и автором многих очерков был А. Е. Мусин; ряд очерков написан Н. И. Платоновой в соавторстве с коллегами из других отделов.

При активном участии сотрудников Отдела были подготовлены и изданы два крупных юбилейных сборника: двухтомник «Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран» (М., 2010) был посвящен 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова, а к 60-летию Е. Н. Носова вышел сборник «Диалог культур и народов средневековой Европы» (СПб., 2010).

При Отделе продолжал работать семинар по военной археологии (руководитель А. Н. Кирпичников).

¹ Исследования Н. И. Платоновой и В. А. Лапшина были защищены в качестве докторских диссертаций в 2009 и 2011 гг.

Группа 2. Разрабатываемые темы: «Славяне и финно-угры. Археология, история, этнокультурное взаимодействие» (2006–2009 гг.); «Славяне и финские племена в процессе межэтнического, культурного и хозяйственного развития» (2010–2012 гг.).

Состав группы: А. И. Сакса (координатор), В. М. Горюнова, И. И. Еремеев, Е. А. Рябинин, О. А. Щеглова, М. А. Юшкова.

Среди наиболее значимых результатов работы этой небольшой группы следует выделить две крупные монографии. Одна из них «Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень» (СПб., 2009), написанная И. И. Еремеевым в соавторстве с О. Ф. Дзюба (ВНИГРИ), является обобщенным опытом подведения итогов многолетнего комплексного изучения авторами избранного археологического микрорегиона с применением естественнонаучных методов. В книге А. И. Сакса «Древняя Карелия в конце I–начале II тысячелетия н. э.: Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли» (СПб., 2010), посвященной исследованию процессов сложения средневековой этнической общности корела, развитию ее культуры и экономики в широком временном диапазоне, значительное внимание уделено также и вопросам геологического развития и формирования ландшафта Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья. В основе книги лежит докторская диссертация, которую А. И. Сакса защитил в 2007 г.

В 2010 г. прошла обсуждение, а в 2011 г. была защищена кандидатская диссертация М. А. Юшковой «Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России».

Члены Группы, как уже отмечалось, принимали активное участие и в создании упомянутых выше коллективных тематических сборников (см. издания группы 1).

Группа 3. Разрабатываемые темы: «Комплексное изучение памятников христианской культуры Северной Руси по данным археологии» (2005–2006 гг.); «Проблемы взаимодействия центра и периферии в процессе становления христианской культуры X–XV вв.» (2007–2009 гг.).

Состав группы: А. Е. Мусин (координатор), А. А. Липатов, А. А. Пескова.

Основные результаты исследований состояли в выявлении своеобразия взаимодействия культурного центра и периферии как в Древней Руси, так и во взаимоотношениях Руси и Византии в таких сферах, как сложение территориально-административной системы Русской Церкви в Новгородской земле, становление древнерусского медного культового литья и формирование самобытной строительной традиции на Руси. Особенности этих процессов показаны в сравнении с подобными явлениями в истории и культуре Европы.

Участниками группы была издана коллективная монография «Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии» (СПб., 2006), посвященная памяти Т. А. Чуковой, а также ряд крупных статей, опубликованных в соответствующих тематических сборниках. Наиболее плодотворной оказалась, как и в предыдущие годы, работа

А. Е. Мусина, у которого в этот период вышло из печати 5 книг. Две из них затрагивают сложные проблемы передачи религиозным организациям культурных ценностей и святынь — «Вопиющие камни» (СПб., 2006) и «Церковная старина в современной России» (СПб., 2010). Особого внимания заслуживает его историко-археологическое исследование «Церковь и горожане средневекового Пскова» (СПб., 2010), в котором впервые на основе комплексного изучения источников дается цельная картина христианской жизни Пскова XI–XV вв. и история его церковных институтов на фоне истории Новгорода.

В ходе работы над темой была проведена всероссийская конференция с международным участием «В поисках утраченной Византии. Культура средневекового Новгорода и древней Руси как источник для синхронно-стадиальной реконструкции византийской цивилизации IX–XV вв.» (Великий Новгород, 2007 г., координатор А. Е. Мусин). В то же время участники Группы выезжали с докладами на другие международные конференции, в том числе в Краков (Польша), где в рамках сотрудничества с Польской Академией наук были организованы конференции по темам: «Новые подходы к изучению византийского искусства и археологии» (2008 г.) и «Рим, Константинополь и новая Европа: археологические и исторические свидетельства» (2010 г.).

А. А. Липатов в 2006 г. защитил кандидатскую диссертацию «Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты».

Планомерные полевые археологические исследования в этот период, как и обычно, проводились в Старой Ладогe (руководитель А. Н. Кирпичников) и на Рюриковом городище под Новгородом (руководитель Е. Н. Носов).

В Старой Ладогe раскопки велись в южной части Земляного городища, где была исследована структура вала городища и вскрыто около 2 м культурных напластований середины IX–XII в. Ряд находок оказался уникальным: золотой перстень конца X в., возможно, византийской работы; единственная в своем роде доска-столешница X в. для игры типа шахмат; редчайшие печатки-вставки из сердолика и стекла с арабскими надписями X в.; формы-изложницы для получения слитков серебра и бронзы X в., наконец, более 60 свинцовых вислых печатей и их заготовки XII–XIV вв. Особенностью экспедиции было привлечение для полевой и научной работы в ее состав (начиная с 2005 г.) соотечественников из Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии, Германии, Норвегии, США.

На Рюриковом городище исследования проводились в его возвышенной части. Было вскрыто более 1000 м². Основным объектом изучения стал древний ров, разделявший укрепленную и неукрепленную части древнего Городища. При его засыпке и нивелировании не позднее начала XI в. с участка, расположенного на восточной окраине рва, был сброшен культурный слой середины IX–X в., представляющий уникальный закрытый археологический комплекс. Находки из этого слоя (остатки бронзолитейного и железодельного производств) свидетельствуют, что на краю рва находилась производственная зона. Сооружения производственного характера сохранились и на прилегаю-

шей к краю рва площадке Городища. Кроме того, были открыты подполья больших построек, входивших в комплекс княжеского двора XII–XIV вв.

Целенаправленные научные полевые исследования в 2006–2008 гг. проводились также Восточно-Приильменским отрядом Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством И. И. Еремеева на городище Городок на Маяте (памятник раннего железного века–раннего средневековья). Были получены важные материалы, которые отражают начальные этапы славянской колонизации Приильменской низины и позволяют по-новому взглянуть на предысторию древнего Новгорода, раздвинув ее хронологические рамки по крайней мере до VII в. н. э.

Остальные полевые исследования сотрудников Отдела, включая работу Выборгской археологической экспедиции, которую уже много лет возглавляет А. И. Сакса, носили охранно-спасательный характер.

Самые масштабные и результативные охранные археологические раскопки были проведены в Санкт-Петербурге в устье р. Охты под руководством П. Е. Сорокина. Здесь в 2006–2009 гг. были выявлены памятники эпохи неолита, части крепостей Ландскроны (около 1300 г.) и Ниеншанца (XVII в.), остатки поселений русского населения XII и XVI вв., захоронения русских и шведских солдат, погибших при штурме Ниеншанца в 1703 г. Все это позволило оспорить целесообразность строительства башни бизнес-центра в устье Охты.

Традиционно (с 1976 г.), хотя и не столь интенсивно, как прежде, Отделом поддерживается российско-финляндское научное сотрудничество. Издан сборник докладов Российско-Финляндского симпозиума, состоявшегося в 2004 г., «Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур» (СПб., 2006). Зарождается традиция проведения в Выборге регулярных российско-финских семинаров по изучению памятников эпохи средневековья в городе под руководством А. И. Сакса (г. Выборг, 2010, 2011 гг.).

Российско-литовское сотрудничество было отмечено в 2009 г. выходом из печати международного научного сборника «Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье», подготовленного по материалам конференции, проходившей в ИИМК РАН в 2006 г. (координаторы с российской стороны А. Н. Кирпичников и Н. И. Платонова).

Постепенно возобновляются научные контакты с эстонскими коллегами, во многом благодаря направленности исследований Н. В. Хвоцинской. В 2007–2009 гг. ею разрабатывалась тема «Русско-эстонские отношения на западном пограничье Новгородской земли в конце I–начале II тыс. н. э.». В рамках этой темы была подготовлена докторская диссертация «Славяне и финны на Северо-Западе Древнерусского государства», которая была защищена на Ученом совете МГУ в 2008 г. Специально для эстонского сборника «Setumaa kogumik-3» (Tallinn, 2009) ею была подготовлена серия статей; для российских читателей написан обзор состояния археологических исследований в современной Эстонии.

Постоянными активными участниками регулярно проводимой международной конференции по замкам и крепостям Балтии (Castella Maris Baltici) явля-

ются П. Е. Сорокин и А. И. Сакса. П. Е. Сорокин регулярно участвует и в работе семинаров Мониторинговой группы стран Балтийского региона по подводному археологическому наследию (2005 г. — Хельсинки, Финляндия; 2006 г. — Висмар, Германия; 2008 г. — Таллин, Эстония; 2009 г. — Клайпеда, Латвия).

В 2010 г. был осуществлен совместный с Институтом археологии Национальной академии наук Украины проект проведения в Киеве конференции «История археологии: личности и школы», посвященной памяти В. В. Хвойки (координатор с российской стороны Н. И. Платонова, с украинской — П. П. Толочко и В. А. Колесникова). В будущем планируется проведение аналогичной конференции в Санкт-Петербурге.

В постоянном сотрудничестве с археологами Белоруссии работает И. И. Еремеев, проводя там архивные и музейные изыскания, осуществляя совместные исследования по изучению Верхнего Подвинья, принимая участие в конференциях и редактировании «Acta archaeologica Albaruthenica».

Продолжалось в эти годы и непрерывное многолетнее сотрудничество с редакцией международного журнала по археологии и культурной антропологии «Stratum plus» (Кишинев, Молдавия). Сотрудники Отдела не только активно печатают здесь свои статьи, но и входят в состав редколлегии журнала.

Ряд международных проектов осуществлялся по линии обмена между научными учреждениями России и других европейских стран (Польши, Сербии и Франции). Заметным явлением стал долгосрочный российско-французский проект «Две Нормандии: комплексное сравнительное исследование скандинавского присутствия в Нормандии (Франция) и в Новгородской земле (Россия) и оценка его культурно-исторического значения», поддержанный соглашением о межкаadémическом обмене между РАН и Национальным центром научных исследований Франции (CNRS). Проект стартовал в 2008 г., его координаторами стали с российской стороны А. Е. Мусин, с французской — П. Бодуан (Кан, Франция) и А. Ниссен-Жобер (Тур, Франция). А в 2009 г. был проведен представительный международный научный симпозиум, состоящий из двух сессий: «На Запад и на Восток: межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: Культура. Память. Идентичность» (Санкт-Петербург, Великий Новгород, Россия, 21–24 июля 2009) и «На Запад и на Восток: комплексный подход к межэтническим контактам и культурной динамике эпохи викингов» (Кан, Франция), 22–24 сентября 2009). В заседаниях приняли участие более 50 ученых из 7 европейских стран. В настоящее время готовится сборник материалов симпозиума на французском и английском языках с русскими резюме. Проведена также большая подготовительная работа по организации выставки археологических и художественных коллекций из музеев Санкт-Петербурга, Великого Новгорода и Старой Ладogi «Русь викингов: Эпоха викингов и становление государства Российского (VIII–XIV века)» в г. Кан (Франция) в 2011 г.

Успешно развивались российско-польский и российско-сербский научные проекты. Сотрудники Отдела явились инициаторами и участниками в программе научного обмена между ИИМК РАН и Краковским отделением Института

археологии и этнологии Польской академии наук по теме: «Запад и Восток в формировании материальной культуры христианства в Северной Руси и Малопольше в X—XV вв.» (2008—2010 гг., А. Е. Мусин, А. А. Пескова), а также между ИИМК РАН и Институтом археологии Сербской академии наук и искусств в Белграде по теме «Материальная культура Византии на западных и северных окраинах славянского мира по данным археологии на примере средневековой Сербии и Древней Руси» (2009 г., А. Е. Мусин).

Кроме того, сотрудники Отдела приняли участие (с докладами) в работе множества научных конференций разного уровня как в России (Санкт-Петербург, Москва, Старая Ладога, Приозерск, Выборг, Архангельск, Новгород Великий, Псков, Владимир, Тверь, Томск и др.), так и за рубежом: Великобритания (Лондон), Германия (Майнц), Дания (Копенгаген, Копе), Италия (Рим, Болонья), Латвия (Рига, Клайпеда), Литва (Вильнюс), Норвегия (Берген), Польша (Воллин, Вроцлав, Краков), Сербия (Белград), Турция (Стамбул), Украина (Киев, Львов, Чернигов, Переяслав-Хмельницкий, Севастополь, Судак), Финляндия (Хельсинки, Мариенхамн, Турку), Франция (Париж, Кан, Тур), Швеция (Висбю, Лунд), Эстония (Таллин, Тарту).

В целом в 2006—2009 гг. сотрудниками Отдела были защищены три докторские (А. И. Сакса, Н. В. Хвошинская, Н. И. Платонова) и одна кандидатская (А. А. Липатов) диссертации. Кроме того, в 2010 г. в Отделе прошли обсуждение и были приняты к защите докторская диссертация В. А. Лапшина и кандидатская диссертация М. А. Юшковой.

А. Н. Кирпичников в 2010 г. явился одним из инициаторов проведения празднования в 2012 году 1150-летия создания Русского государства. Он избран членом Федерального оргкомитета по проведению празднования и выступил в Москве и Санкт-Петербурге с серией докладов по этой тематике.

ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ В 2006–2010 гг.

А. Н. ЕГОРЬКОВ

Работа Лаборатории археологической технологии (ЛАТ) в настоящее время проходит в трех направлениях: радиоуглеродный анализ, спектральный анализ химического состава археологических артефактов и остеология. К сожалению, проблемы, свойственные науке в целом, затронули и ЛАТ — в 2008 г. из лаборатории по возрасту ушла Г. М. Левковская и тем самым было потеряно четвертое направление — палинология. Кроме того, после защиты кандидатской диссертации Лабораторию покинула М. А. Кулькова, а ранее (в 2005 г.) на другую должность в Институте перешла и Е. Ю. Медникова.

Спектральный анализ выполняется заведующим ЛАТ канд. техн. наук А. Н. Егорьковым, остеологические исследования — А. К. Каспаровым.

2006 г. стал заключительным по двум трехгодичным (2004–2006 гг.) темам: «Реконструкция древних технологий по данным физико-химического и химического анализа археологического материала» (исполнители А. Н. Егорьков и Е. Ю. Медникова) и «Место памятника Аржан-2 в системе культур скифского мира Евразии в I тыс. до н. э. (хронология, окружающая среда)» (выполнялась радиоуглеродной группой под руководством Г. И. Зайцевой). Темы 2007–2009 гг. «Памятники гунно-сарматского времени Евразии: радиоуглеродная хронология, изучение изменений климата и реконструкция древних технологий с использованием естественнонаучных методов» и 2010–2012 гг. «Аналитическое исследование археологического материала эпохи бронзы Северного Кавказа с использованием естественнонаучных методов (изотопный анализ, радиоуглеродное датирование, спектральный анализ металла, дериватография, остеология)» объединили весь коллектив Лаборатории (руководитель двух последних тем — заведующий ЛАТ А. Н. Егорьков).

Радиоуглеродное датирование традиционно осуществлялось группой исследователей в составе: Г. И. Зайцева (руководитель), А. А. Семенцов, Н. Д. Бурова, Л. М. Лебедева. Основные исследования были сосредоточены на изучении археологических памятников Евразии, включая регионы Южной Сибири, Алтая, Монголии, а также бронзового века Северного Кавказа, главным образом дольменной культуры. В последнее время в ЛАТ повысилась доля исследований, построенных на анализе изотопов не только радиоактивного углерода. Продолжались также работы по реконструкции природной среды с применением палинологии.

Одним из примеров изотопного анализа для памятников скифского времени Южной Сибири из Минусинской (Хакасия и юг Красноярского края) и Уюкской (Тува) котловин явилось определение соотношения изотопов свин-

ца ^{207}Pb , ^{206}Pb и ^{208}Pb в бронзовых предметах: зеркалах, ножах, удилах, псалях и др. Полученные данные позволяют наметить две рудные провинции (центры металлообработки), одна из которых тяготеет к горной системе Западного Саяна, другая — к северной части Кузнецкого Алатау.

На Алтае раннескифские памятники до недавнего времени практически не имели радиоуглеродных дат. Датировано несколько образцов из могильника Бийке, более представительная серия дат получена для образцов из могильника Тыткескень-VI. Выявленный разброс дат образцов из этих памятников почти в 200 радиоуглеродных лет потребует дополнительных исследований. Впервые получены радиоуглеродные даты и для Монголии.

Сравнение с наиболее полно исследованными нами памятниками раннескифского времени Евразии показало, что при практической синхронности не только погребальный обряд этих памятников, но и вещевой комплекс (за исключением, пожалуй, лишь художественного стиля) имеет чрезвычайно мало близких черт. Это обстоятельство косвенно свидетельствует о том, что формирование локальных вариантов скифской культуры Евразии началось около 800 г. до н. э. и продолжалось на протяжении всего последующего столетия. Датирование продемонстрировало хронологическую близость нескольких эталонных памятников, относящихся к различным и удаленным друг от друга культурно-историческим зонам: Большого Гумаровского кургана (Южное Приуралье), кургана 15 могильника Стеблев (Приднепровье), кургана Уашхиту и кургана 31 Келермеса (Северный Кавказ). Для всех четырех комплексов оказалась наиболее вероятной датировка VIII–VII вв. до н. э. Это заключение вполне согласуется с установленным фактом сосуществования и других памятников, периодов или археологических культур, которые обычно рассматриваются как последовательно размещенные во времени (алдыбельская и уюкско-саглынская культура в Центральной Азии, подгорновская и сарагашенская фазы тагарской культуры в Южной Сибири, черногоровские и новочеркасские древности Восточной Европы). Установленная синхронизация свидетельствует о более сложных этнических и социальных процессах, чем прямолинейное, эволюционное развитие культуры на одной территории.

При реконструкции климата прошлого на основе палинологии озерных отложений новые данные получены по озеру Мюн в Тоджинской котловине в Туве. Озеро расположено в области распространения вечной мерзлоты, возраст отложений 6800 л. н. Результаты изучения 7 разрезов позволили выделить основные этапы эволюции природной среды региона за последние 12 000 л.: преобладание аридных и экстрааридных условий в раннем и среднем голоцене до 7600 л. н.; рост эффективной влажности после 7600 л. н. в северных котловинах и в горах, и продолжение аридных условий в южных котловинах. Выделены две фазы гумидного климата 5000 и 2800 л. н., разделенные аридным интервалом, на фоне выраженного похолодания в позднем голоцене. В этих условиях максимум похолодания отмечается в Туве (Тоджинская котловина) между 3600 и 3200 л. н.; тренд к более сухим и теплым условиям — после 1500 л. н.

На основе определения содержания стабильных изотопов ^{13}C и ^{15}N проведены исследования для установления различий в диете древнего населения. Определены содержания указанных изотопов в костных остатках человека из памятников Ак-Алаха, Мойнак, Верхний Кальджин, Кутургунтас (Алтай), Анчил-чон (Хакасия), Аржан-2 (Тува). Показано, что в диете населения исследованных памятников Ак-Алаха (Алтай) больше присутствовала животная пища, в Верхнем Кальджине и Мойнаке была смешанная диета, а население Анчилчона предпочитало растительную пищу.

В результате работы по реконструкции природной среды на основе палинологических данных озерно-болотных отложений Минусинской и Уюкской котловин отмечено увеличение влажности в VIII–VI вв. до н. э., что способствовало развитию и распространению культур скифского времени. Для характеристики региона по изотопу стронция определено его содержание в костных остатках животных и человека. Создается банк данных для регионов Южной Сибири и Алтая. Предварительные анализы показали, что женщина из главного захоронения кургана Аржан-2 (могила 5), скорее всего, родилась в районе Алтая. В базе данных радиоуглеродных дат в настоящее время имеется около 200 радиоуглеродных определений для исследованного периода. Большинство дат относится к памятникам Северной Азии. Среди них ключевые памятники Бурятии — Царам, Ноин-Ула, Дырестуйский могильник, Иволгинское городище. Довольно широко представлены и памятники Алтая: Бике, Яломан, Бугры.

Продолжено датирование памятников Монголии — для гуннского времени получены даты Худжиртын Гол и Улястайн Гол. К сарматскому времени относятся могильник Боярский в Удмуртии, Усть-Терсюкский, Большое Бакальское городище и городище Усть-Утяг в Курганской обл., а также могильник Кичигино в Челябинской обл. К более позднему периоду относится памятник Нехсап в Тюменской обл. Получены первые даты для памятника Желтый Яр (Еврейская автономная обл.), относящегося к раннему железному веку. Для европейской территории датированы памятники юга Ростовской обл., Калмыкии и Северного Кавказа.

В сравнении с памятниками скифского периода, хронологические позиции которых исследованы ранее, памятники гунно-сарматского времени представлены гораздо менее представительной серией дат. Диапазон полученных дат лежит в пределах 1200–2600 л. н.

К достижениям последнего времени можно отнести определение календарного времени сооружения могилы 4 кургана Оглахты в Хакасии. Ранее были получены предварительные даты по образцу спила лиственницы из перекрытия могилы. Датирование было продолжено при использовании спила сосны из той же могилы. Радиоуглеродное исследование сруба из оглахтинской могилы 4 методом согласования («wiggle matching») и последующий статистический анализ показали, что сооружение кургана происходило в 372–402 гг. н. э. Археологические материалы и здесь пока не позволяют отдать предпочтение

той или другой дате. Для окончательного выбора одной из дат необходимо проведение дополнительных измерений тех же образцов с использованием более информативного масс-спектрометрического метода.

В то же время полученные результаты подтверждают датировку комплекса могилы 4, основанную на дате импортов шелка, — не ранее конца III–IV в., а также и заключение Э. Б. Вадецкой о существовании ряда таштыкских могил в III и, возможно, в IV в. и предложенная ею датировка этапа грунтовых могильников вплоть до этого времени.

Летом 2008 г. недалеко от пос. Агуй-Шапсуг (Туапсинский р-н Краснодарского края) в долине р. Агой, на берегу ее левого притока Колихо был открыт и исследован дольмен, в котором находились останки более 60 погребенных. Были осуществлены измерения изотопов стронция в зубной эмали. Оказалось возможным определить гендерные признаки скелетов. На имеющемся в ИИМК РАН масс-спектрометре DELTA V Plus (фирмы Finnigan) в костных остатках определены соотношения стабильных изотопов углерода ^{13}C и азота ^{15}N . Распределение по содержанию изотопов показало примерное равенство среди погребенных местного и пришлого населения. Последнее, как можно предполагать, происходило из районов Приэльбрусья. Исследования для уточнения этой гипотезы продолжаются — собраны образцы виноградных улиток, анализ изотопного состава панцирей которых позволяет определить необходимые фоновые значения по содержанию стронция.

Результаты работ по радиоуглеродному датированию и определению изотопного состава постоянно выполняются в рамках отечественных и зарубежных грантов, по ним опубликовано около 30 работ как в нашей стране, так и за рубежом. Участвуя в многочисленных конференциях, группа активно занимается и их организацией. Так, в апреле 2007 г. была организована международная конференция, посвященная 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, в которой приняли участие представители Украины, Белоруссии, Эстонии, Великобритании, Нидерландов, Финляндии, Словакии. Материалы конференции опубликованы в сборнике «Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях» (СПб., 2007). По гранту НАТО в апреле 2006 г. в Петербурге была проведена конференция «Man and Environment in Pleistocene and Holocene: Evolution of Waterways and Early Settlement of Northern Europe». В рамках проводимых исследований на 2008–2010 гг. был заключен договор о сотрудничестве с Национальным центром научных исследований Франции (CNRS) по теме «Определение стабильных изотопов в зубах лошадей скифского времени Евразии».

Спектральный анализ стекла и металла. Само название «спектральный анализ» не отражает конкретного вида анализа, поскольку с развитием аналитических методов в широкое использование вошло много разновидностей спектрального анализа. Для точного обозначения используемого в ЛАТ спектрального метода в настоящее время принято название «оптико-эмиссионная спектрография» (ОЭС). В 2006–2010 гг. выполнено свыше 1600 спектральных анализов, главным образом изделий из стекла и сплавов на медной основе, про-

исходящих из разных археологических памятников России, ближнего (Белоруссия, Украина) и дальнего (Сербия, Франция, Чехия, Швеция) зарубежья, с древнейших времен до средневековья. Значительное число анализов выполнено по заказу отечественных организаций, в том числе московских, занимающихся археологией (МГУ, РГГУ, ИА РАН, ЦАИМ).

На основании результатов ОЭС металла раннеславянских кладов VII в. н. э., в которых основным медным сплавом оказалась латунь, выдвинуты новые представления о технологии ее получения в древности, опубликованные А. Н. Егорьковым в ежегоднике «Археологические вести» № 15 (СПб., 2008). Взгляды автора идут вразрез с общепринятыми представлениями о технологии получения латуни, сформулированными П. Т. Крэддоком. Предложенная нами теория получения латуни методом цементации показывает, что процесс осуществлялся не в плотно закрытых тиглях, как это предполагает английский исследователь. Причем содержание цинка в цементационной латуни может превышать 28 % — значение, которое П. Т. Крэддок приводит как максимально достижимое в цементационном процессе.

Признание зарубежных исследователей получило и прямое подтверждение существования латуни в бронзовом веке: из латуни, в частности, изготовлены артефакты могильника Ергени в Калмыкии. Анализы этого металла полностью опубликованы Е. И. Гаком и А. Н. Егорьковым в ежегоднике «Археологические вести» № 16 (СПб., 2009). О целенаправленном введении цинка свидетельствует его повышенная концентрация в медной основе, где содержание мышьяка, наоборот, низкое. Следует заметить, что и раньше исследователи находили латунь на памятниках бронзового века, однако, опасаясь выходить за рамки общепринятых представлений, не спешили публиковать результаты.

Если анализы состава металла проводятся в основном по заказам сотрудников Института (прежде всего это материалы эпохи бронзы Северного Кавказа), то определение состава стекла выполняется преимущественно по заказам организаций из Владимира, Коломны, Луганска, Минска, Москвы, Торжка, Одессы, Омска, Старой Ладogi, Ярославля и др. Такое положение сложилось как результат устойчивых, постоянно обновляющихся научных связей и указывает, что по анализу состава стекла ЛАТ остается ведущей лабораторией в стране.

Выполнение большого количества анализов стекла разнообразного состава привело к появлению новых воззрений на технологию производства стекла в древности. Интерпретаторам состава археологического стекла не следует пытаться определить его происхождение лишь по соотношению щелочных и щелочноземельных компонентов, но и обращать внимание на свойства исходных материалов для варки стекла, их изменчивость и пути их формирования в природе. Обсчет по формальным схемам и усложнение алгоритма расчета очень часто не приводит к получению положительных результатов.

Материалы по определению химического состава артефактов за 2006—2010 гг. доложены на 9 конференциях, опубликовано 15 печатных работ.

Остеология. Выполняемая А. К. Каспаровым работа по определению костных остатков построена на материалах разного времени и происхождения.

В 2005–2008 гг. А. К. Каспаров являлся участником исследовательского проекта Университета г. Эксетера (Великобритания) в Казахстане «Разведение лошадей и пастушество в доисторических степях Евразии» (руководитель А. Оутрам). Еще один проект был связан с Херсонесской экспедицией Института классической археологии Техасского университета, США (руководитель Дж. Картер). Значительное место в работе исследователя занимает центральноазиатская, крымская и кавказская тематика — палеозоологические определения, выполняемые в том числе и по заказу Гос. Эрмитажа в составе Нимфейской и Мирмекийской экспедиций.

А. К. Касперов участвовал в многочисленных конференциях в нашей стране и за рубежом, по результатам исследований опубликовано свыше 15 работ. Подлинной сенсацией стало обнаружение в слое 2 кавказского поселения Мешоко плечевой кости леопарда, которая несла на себе следы обработки ножом, т. е. представляла собой артефакт.

Объемная практическая работа по выполнению непосредственно анализов и специализированные исследования позволяют ЛАТ проводить изучение и реконструкцию технологических процессов и производств древности.

НАУЧНЫЙ АРХИВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 2006–2010 гг.

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ

Научный архив ИИМК РАН с 2004 г. существует как единое подразделение, включающее два отдела: Рукописный и Фотоотдел. Каждый из них имеет свои помещения и отличается друг от друга как по системе хранения документов, так и процессу их научно-технической обработки. Благополучное существование фотографического отдела в настоящее время нарушено сильнейшей протечкой крыши, имевшей место в конце 2009 г. Материалы из хранилища пришлось переместить в другие комнаты из-за опасности их повреждения и заражения грибком, демонтировать часть оборудования и, в целом, закрыть архив для посетителей в связи с трудностями поиска материалов. Однако продолжается научно-исследовательская деятельность, ведется предварительная разборка поступивших в 1990–2000-е гг. материалов, работа по созданию пользовательского и страхового фондов на электронных носителях.

Учет, хранение и научно-техническая обработка документов

В Рукописном отделе завершена научно-техническая обработка архива М. П. Грязнова, составлены описи, которые предполагается опубликовать в сборнике к юбилею исследователя. В этом же подразделении архива произведено усовершенствование описей и постановка материалов по фондам РАИМК–ГАИМК на государственный учет (описи утверждены Центральной экспертно-поверочной комиссией в ПФА РАН).

В Фотоотделе произведена предварительная разборка материалов из фондов художника И. Я. Билибина, военного историка Т. И. Воробьева, археолога В. Ф. Генинга; составлены описи по коллекциям открыток из фондов И. Я. Билибина и Т. И. Воробьева; продолжается кропотливая работа по научно-технической обработке фонда художника М. А. Мицкевича, затрудненная размером негативов (лейка) и отсутствием к ним контрольных отпечатков.

Создание пользовательского и страхового фонда

Сотрудники Фотоотдела занимаются созданием пользовательского и страхового фонда на электронных носителях (изображения с соответствующими аннотациями записываются на CD, DVD и хранятся на сервере ИИМК РАН). В общей сложности записано более 100 дисков, по ним составляются описи и отдельный каталог, так как вносить новые данные в существующие карточки оказалось невозможно. В фотоархиве создан и обработан фонд «Художники Санкт-Петербурга конца XX–начала XXI в.» (составитель — историк искусства Т. В. Субботина), включающий 10 CD и более 100 единиц справочной лите-

ратуры. По материалам фонда издан альбом «Мастерская. Сто двадцать мастеровских художников Петербурга» (СПб., 2011).

В последние годы по требованию Полевого комитета авторы исследований передают в архив отчеты в виде записи на CD. Также на дисках Фотоотдел получает теперь и дарственные материалы, в основном связанные с памятниками архитектуры (например, храмы Тотьмы, памятники Самарканда и др.).

Работа читального зала осуществляется в последнее время только в Рукописном отделе. Несколько изменилась ситуация с посещениями исследователей — теперь в архиве чаще работают археологи, а не исследователи архитектуры и реставраторы. Особенно востребованными для археологов оказались годы, предшествовавшие изданию юбилейного тома «Императорская Археологическая комиссия (1859—1917)». За редким исключением, были использованы иллюстрации из фондов обоих отделов Научного архива (более 1500 ил.).

За год Научный архив посещает не менее 1000 специалистов (археологов, историков искусства, архитекторов, реставраторов и т. д.), в том числе из Германии, Франции, Финляндии, Швеции и др.

Выставочная деятельность

Фотодокументы архива были представлены на выставках в СПб Государственном центре фотографии (РОСФОТО) «Кавказ в фотографиях конца XIX—начала XX в.», «Французская фотография второй половины XIX века» и «Санкт-Петербург в фотографиях середины XIX—начала XX века». По материалам двух последних выставок изданы каталоги: «Французская фотография второй половины XIX века из коллекции Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)» (СПб., 2006) и «Санкт-Петербург в фотографиях середины XIX—начала XX века» (СПб., 2008). Традиционно и Центральный Выставочный зал приглашает архив ИИМК РАН участвовать в выставках, устраиваемых в Манеже, — «Многоликий Петербург» (2009 г.).

Однако основными событиями в выставочной деятельности архива следует считать участие в экспозиции в Центре фотографии в Карлсруэ (Германия), где была показана «Панорама Санкт-Петербурга. 1861 год», и выставках, посвященных 150-летию ИАК, устроенных в фойе Государственного Эрмитажа во время юбилейных торжеств (планшеты переданы на постоянное хранение в ИИМК РАН и экспонируются на 1-м этаже Ново-Михайловского дворца) и в залах РОСФОТО (около 200 оригинальных фотографий из фонда ИАК).

В 2007 г. в Государственном музее Востока состоялась выставка «Туркестань в старых фотографиях и керамике», на которой были представлены фотографии из Научного архива. Материалы выставки опубликованы («Туркестань в старых фотографиях и керамике». М., 2007).

Научная и издательская деятельность

Успешно защищены две диссертации: в 2007 г. М. В. Медведевой по теме «Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневеко-

вья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической комиссии» (на соискание ученой степени кандидата исторических наук); в 2008 г. Г. В. Длужневской на тему «Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX—первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук)» (на соискание ученой степени доктора исторических наук). Обе работы связаны с документами, хранящимися в Научном архиве, и в значительной степени продвинули такой обязательный вид деятельности архива, как раскрытие его фондов.

В эти годы были изданы 47 работ, из них — 4 монографии, 2 каталога, 41 статья. Монографии: Длужневская Г. В., Калинин В. А., Субботин А. В. «Кремль России XV—XVII вв.» (СПб., 2006); Длужневская Г. В. «Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях: По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН» (СПб., 2006); Васильев Д. Д., Длужневская Г. В., Кырымлы Хакан «Крым в прошлом в старых фотографиях» (Galina Vatslavovna Dlujnevskaia, Doc. Dr. Hakan Kirimli, Prof. Dr. Dmitriy Dmitriyevic Vasilyev. Eski fotoğraflarda bir zamanlar Kirim) (Анкара, 2006. [Издание Турецкого исторического общества. XXXI серия, № 9]. На русском и турецком яз.); Длужневская Г. В. «Иерусалим и его окрестности в старых фотографиях» (СПб., 2007).

Кроме того, М. В. Медведевой издан ряд статей, посвященных работам П. П. Покрышкина, К. К. Романова, Общества охраны памятников и, в целом, ИАК на Северо-Западе России. Ряд статей Г. В. Длужневской, вышедших в серии «Санкт-Петербург и мир», посвящен фотодокументам по Китаю, Франции и из фонда К. Г. Фаберже (Индия, Таиланд, Мьянма, Шри-Ланка).

Основным изданием и основными публикациями следует считать статьи сотрудников Научного архива (Г. В. Длужневской, Н. А. Лазаревской, М. В. Медведевой) в коллективной монографии «Императорская Археологическая комиссия (1859—1917 гг.). К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия» (СПб., 2009). Особо отметим изданный в Приложении «Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской Археологической комиссии Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН», составленный Н. А. Беловой. Публикации основного труда предшествовали отдельные статьи в различных изданиях, посвященные как деятельности ИАК, так и ее приемников РАИМК—ГАИМК—ИИМК АН СССР.

Фотоотдел принял участие в Программах фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» с проектом «Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири» (2006—2008 гг.) и «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009—2011 гг.) с проектом «Историко-культурное наследие Южной Сибири и Центральной Азии (по материалам Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН)». В рамках этих программ изда-

ны 3 монографии и 3 сборника. Непосредственно на материалах Фотоотдела основана монография Г. В. Длужневской и Д. Г. Савинова «Памятники древности на дне Тувинского моря» (СПб., 2007), в которой вводятся в научный оборот памятники, исследованные Саяно-Тувинской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР в 1965–1984 гг. Коллективная монография «Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования» (СПб., 2010) посвящена публикации памятников малоизученной культуры гунно-сарматского времени Тувы, также исследованных Саяно-Тувинской экспедицией.

Участие в конференциях

Сотрудники архива участвовали в российских и международных археологических и фотоконференциях, проводившихся в Санкт-Петербурге и за границей; в семинарах и международных школах архивистов, посвященных сохранности и идентификации исторических фотографий. М. В. Медведева приняла участие в семинаре «Фотография и хранение: теория, практика и применение», организованном фондом Andrew W. Mellon в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне (февраль 2006 г.).

Фотоархив приобрел широкую известность как среди российских, так и западноевропейских исследователей и окончательно утвердил свое положение среди учреждений, деятельность которых связана с фотографией.

ПРИСУЖДЕНИЕ СТЕПЕНИ ПОЧЕТНОГО ДОКТОРА ИИМК РАН ПРОФЕССОРУ А. ДЕ ЛЮМЛЕЮ

С. А. ВАСИЛЬЕВ

Профессор А. де Люмлей является одним из крупнейших в мире специалистов по археологии древнекаменного века и признанным авторитетом в данной области во Франции. Он — долголетний руководитель старейшего научного учреждения — Института палеонтологии человека в Париже с разветвленной сетью исследовательских центров, ассоциированных лабораторий и музеев, расположенных на юге Франции. За прошедшие десятилетия А. де Люмлеем создана большая школа археологов, успешно работающих во многих странах мира. Обширные научные интересы А. де Люмлея охватывают практически все аспекты археологии палеолита, а также простираются в область изучения памятников первобытного искусства различных эпох и территорий. Особое место занимает тематика древнейших памятников и вопросы первоначального освоения человеком Евразии. Важный вклад внесен А. де Люмлеем в изучение наскального творчества, прежде всего крупного сосредоточения разновременных изображений в Мон Бего (Долина Чудес). Под его руководством проведены полевые работы на таких опорных нижнепалеолитических стоянках юга Франции, как Ортюс, Бом-Бонн, Кон-дель-Араго, Лазаре, Валлоне и др. Раскопки в Терра Амате, доставившие выразительные образцы палеолитических жилых конструкций, принесли А. де Люмлею всемирную известность.

Результаты проведенных исследований нашли отражение в сотнях научных публикаций, включая изданную под редакцией А. де Люмлея фундаментальную двухтомную сводку по палеолиту Франции. Благодаря его усилиям разработана детальная геохронологическая шкала развития древнейших культур в западной части Средиземноморья. Перу ученого принадлежат также обобщающие труды по палеолиту Европы. Всем исследователям палеолита хорошо известна серия монументальных томов, посвященных материалам опорных памятников древнекаменного века юга Франции, Испании, Африки, Китая и Кореи. Особо отметим выдающийся вклад А. де Люмлея в разработку методики полевого исследования древнейших памятников, комплексного изучения стоянок с применением методов естественных наук, типологическую обработку коллекций каменного инвентаря нижнего и среднего палеолита.

В последнее десятилетие сфера научных интересов руководимой А. де Люмлеем группы исследователей заметно расширилась. Французские коллеги самостоятельно и в сотрудничестве с местными археологами активно включились в полевые работы на территории Испании, Италии и Греции, а за пределами Европейского материка — в Северной и Восточной Африке, Турции, Грузии, Индии, Юго-Восточной Азии, Китае и Корее. Фактически Институт

А. де Люмлей на церемонии присуждения ему степени Почетного доктора ИИМК РАН

палеонтологии человека превратился в один из ведущих археологических центров в глобальном масштабе.

А. де Люмлей — давний друг России и русских археологов. Еще в 1970-е гг. по его инициативе был проведен ряд совместных советско-французских симпозиумов и полевых экскурсий в рамках программы изучения четвертичной истории и палеолита горных стран, в том числе Крыма и Кавказа. По инициативе А. де Люмлея статьи русских авторов регулярно переводятся на французский язык и публикуются в редактируемом им журнале «L'Anthropologie». А. де Люмлей неоднократно выступал с докладами и лекциями на заседаниях Отдела палеолита ИИМК РАН и в Санкт-Петербургском университете. Ряд сотрудников Отдела и Института (В. П. Любин, Е. В. Беляева, Н. Д. Праслов, С. А. Кулаков, С. А. Васильев, В. Я. Шумкин, Е. М. Колпаков, Г. М. Левковская) в разные годы имели возможность посетить руководимый А. де Люмлеем институт, участвовать в организуемых им конференциях, поработать с коллекциями и материалами. В настоящее время А. де Люмлей, его сотрудники и аспиранты осуществляют долговременную программу изучения петроглифов совместно с

Кольской экспедицией ИИМК РАН (В. Я. Шумкин, Е. М. Колпаков). В рамках этой программы состоялась выставка «Древнее наскальное искусство европейских окраин», с успехом проведенная в Центральном выставочном зале Санкт-Петербурга в 2011 г.

27 января 2012 г. на торжественном заседании Ученого совета ИИМК РАН, состоявшемся при участии Генерального консула Франции Э. Барсак и директора Французского института в Санкт-Петербурге М. Гранжа, профессору А. де Люмлею была присуждена степень Почетного доктора нашего института. Помимо представления заслуг А. де Люмлея, слово на церемонии взял директор Музея петроглифов «Канозеро» В. М. Перевалов, рассказавший о перспективах российско-французского сотрудничества в деле изучения древнейшего искусства Севера России.

А. де Люмлей и его супруга, известный антрополог, М.-А. де Люмлей выступили с докладом «Ашельские горизонты грота Лазаре в Ницце. Новейшее открытие антропологических остатков возрастом около 170 000 лет».

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОСВЯЩЕННОЕ 60-ЛЕТИЮ И. Ю. ШАУБА

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, С. В. КАШАЕВ

30 декабря 2011 г. состоялось расширенное заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное 60-летию ведущего научного сотрудника института, доктора исторических наук, одного из виднейших исследователей древностей античного Северного Причерноморья, талантливого преподавателя Игоря Юрьевича Шауба. По этому поводу в помещении Отдела собрались его друзья и коллеги из ИИМК, Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербургского государственного университета.

На заседании было представлено 4 доклада, подготовленных сотрудниками Отдела истории античной культуры, в котором Игорь Юрьевич трудится вот уже 37 лет. Открывая чтения, Ю. А. Виноградов поздравил И. Ю. Шауба с юбилеем, пожелал ему новых творческих успехов и крепкого здоровья. В своем сообщении «Слово о юбиляре» он рассказал об основных этапах биографии И. Ю. Шауба, о его научных интересах и достижениях. Игорь Юрьевич закончил кафедру истории Древней Греции и Рима Ленинградского государственного университета, проявив большой интерес к изучению древнегреческой религиозной жизни и минойского Крита. В ЛОИА АН СССР (ныне — ИИМК РАН) он был принят в 1974 г., и основной тематикой его научных интересов стало исследование греко-варварских взаимоотношений в области духовной культуры населения Северного Причерноморья в античную эпоху. В 1975 г. вышла его первая крупная работа, в 1989 г. была защищена кандидатская диссертация «Культы и религиозные представления населения Боспора в VI—IV вв. до н. э.». Важным событием стала защита в 2010 г. докторской диссертации «Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья VI—IV вв. до н. э.». К настоящему времени Игорем Юрьевичем опубликовано более 100 научных работ, в том числе несколько монографий, наиболее значимой из которых является книга «Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII—IV вв. до н. э.» (СПб., 2007).

М. Ю. Вахтина представила доклад «Об иконографии женского божества на серебряном блюде из Чертомлыка». Напомнив присутствующим, что антропоморфные изображения в скифском искусстве появляются в IV в. до н. э., она подчеркнула, что эти изображения отличаются иконографической сложностью и семантической насыщенностью. Одним из наиболее ранних памятников такого рода является блюдо из погребения царицы в Чертомлыцком кургане, под ручками которого представлена змееногая или «прорастающая» богиня. Интереснейшим элементом ее изображения является головной убор в виде калафа с серповидными концами. В связи с этим М. Ю. Вахтина высказала

предположение, что данная деталь роднит змееногую богиню чертомлыцкого блюда с изображениями женских божеств, известных по памятникам искусства Древнего Египта и цивилизации Мохенджо-Даро.

О «Расписных сосудах из раскопок некрополя Артющенко-2» рассказал С. В. Кашаев. В ходе сообщения была продемонстрирована серия расписных сосудов, обнаруженных в разные годы в ходе работ Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН. Из раскопок некрополя Артющенко-2 происходят 30 расписных и орнаментированных чернолаковых сосудов, которые можно датировать началом V—началом IV в. до н. э. Большая часть из них — это цилиндрические и арибаллические лекифы. Среди расписных сосудов встречены также килики, скифосы, кальпиды (пиксида) и миниатюрная ойнохоя. Самым распространенным элементом орнаментации являются простые пальметки, но наибольший интерес, безусловно, представляют сосуды с изображением сюжетных сцен: танцующей менады, свадебной процессии, сидящего Диониса, экипированного воина.

О. В. Шаров выступил с сообщением «Образ фарна в скифо-сарматском искусстве». Прежде всего, докладчик отметил, что И. Ю. Шауб в своих исследованиях уделил этому важному явлению немалое внимание. У иранских народов в древности фарном называлось солнечное, сияющее божество, снисходящее на достойных (царей, вождей) и дарующее им удачу. О. В. Шаров снабдил сообщение многочисленными иллюстрациями, наглядно демонстрирующими, что наиболее распространенным символом фарна был баран. В качестве одного из таких примеров была приведена золотая фигурка из кургана Куль-Оба. Независимо от функционального использования этого предмета, по мысли докладчика, он несет образ фарна, который был у погребенного в кургане царя. Вообще же появление фарна в степях Северного Причерноморья, как считает О. В. Шаров, можно отнести к середине—второй половине IV в. до н. э., а в III—II вв. до н. э. эти изображения уже становятся достаточно распространенными.

После завершения научной части председатель заседания Ю. А. Виноградов поблагодарил всех выступавших и еще раз поздравил юбиляра. Заседание завершилось праздничным чаепитием.

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА И ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ИИМК РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ И. Б. БРАШИНСКОГО и И. Г. ШУРГАЯ

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, С. В. КАШАЕВ

В четверг, 17 мая 2012 г. в Дубовом зале ИИМК РАН состоялось расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Иосифа Беняминовича Брашинского и Игоря Георгиевича Шургая. Заседание было приурочено к 30-летию со дня смерти выдающихся ученых, много лет проработавших в ЛОИА АН СССР. По этому поводу в Дубовом зале собрались сотрудники Института истории материальной культуры РАН, Института Восточных рукописей РАН, Санкт-Петербургского филиала архива РАН, Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербургского и Саратовского государственных университетов. Было заслушано 6 докладов и выступлений, посвященных античной археологии и воспоминаниям об ушедших из жизни коллегам.

Открыл заседание ученый секретарь ИИМК РАН кандидат исторических наук С. А. Кулаков. поприветствовав собравшихся, Сергей Александрович отметил, что в настоящее время в Отделе истории античной культуры работают ученики Иосифа Беняминовича и Игоря Георгиевича. Он назвал мероприятия, посвященные памяти учителей, хорошей традицией и подчеркнул важность их проведения.

После этого слово взял председательствовавший на заседании доктор исторических наук Ю. А. Виноградов. В своем сообщении «Слово о двух ученых» он рассказал об основных этапах биографии И. Б. Брашинского и И. Г. Шургая, их научных интересах, достижениях и поделился своими воспоминаниями об этих людях.

И. Б. Брашинский (1928–1982) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, работал в ЛОИА с 1956 по 1982 г. Основная тематика исследований: античная и скифская археология и древняя история, контакты Северного Причерноморья с центрами Восточного Средиземноморья, античная эпиграфика, керамическая эпиграфика, история исследования скифских царских курганов, греческий керамический импорт, греко-варварские взаимоотношения в Северном Причерноморье, Елизаветовское городище на Нижнем Дону, Боспор, Ольвия.

И. Г. Шургая (1934–1982) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, работал в Институте с 1958 по 1982 г. Заведующий Группой античной археологии в 1971–1975 и 1979–1982 г.; с 1972 г. — начальник Боспорской экспедиции ЛОИА. Основная тематика исследований: античная археология Северного Причерноморья, история и археология Боспорского царства, Александ-

рия Египетская в эпоху эллинизма и ее керамическое производство, эллинистическая керамика Северного Причерноморья, городище Илурат.

Завершая свой доклад, Ю. А. Виноградов подчеркнул, что И. Б. Брашинский в стенах Института вырос в самобытного ученого европейского уровня, научное наследие которого абсолютно востребовано, а идеи развиваются последователями. И. Г. Шургая — это скорей талантливый организатор науки. На посту заведующего Группой он совершил многое для развития античной археологии. Надо признать, что Отдел истории античной культуры ИИМК РАН сейчас существует в той форме, которая в общих чертах была создана именно И. Г. Шургая.

Профессор Саратовского университета, доктор исторических наук С. Ю. Моныхов выступил с докладом «К локализации еще одного античного центра амфорного производства в Эгеиде: амфоры Эретрии». В начале выступления Сергей Юрьевич поделился воспоминаниями о своем учителе И. Б. Брашинском, с которым в молодости проработал много лет. Затем он изложил историю изучения амфор Эретрии, достижения в этой области иностранных ученых, а также свои наработки и выводы по этому вопросу.

Кандидат исторических наук В. А. Хршановский сделал доклад «Типология и хронология склепов на Илуратском плато». Как и другие выступавшие, Владимир Андреевич рассказал о встречах с И. Б. Брашинским и И. Г. Шургая, а также о том, что Игорь Георгиевич много лет работал на городище Илурат.

Перейдя к научной части выступления, докладчик подчеркнул, что некрополь Илурата среди других подобных памятников Боспора отличает большое количество склепов. Склепы на Илуратском плато стали возводиться во второй половине II—III в. н. э., до этого здесь были представлены исключительно плитовые могилы. В ходе доклада были описаны все зафиксированные в процессе раскопок типы склепов, предложена хронологическая схема их развития.

В докладе «О фортификационных системах Порфмия» кандидат исторических наук М. Ю. Вахтина (ИИМК РАН) рассказала об истории раскопок Порфмия, работах на памятнике В. Ф. Гайдукевича и Е. Г. Кастанаян. Затем она подробно описала открытые на памятнике оборонительные сооружения. Уделив большое внимание аналогичным фортификационным системам, обнаруженным во время раскопок в разных городах Греции, докладчица обратила внимание на местную специфику укреплений Порфмия. В заключение М. Ю. Вахтина сделала вывод о возможной единой системе обороны Европейского Боспора в ранний период, в которую входили Мирмекий, Порфмий и Парфений.

С. В. Кашаев (ИИМК РАН) выступил с докладом «Природные и антропогенные факторы разрушения некрополя Артюшенко-2». Этот некрополь, как известно, расположен на Таманском п-ове, на обрывистом берегу Черного моря. В начале доклада С. В. Кашаев представил результаты работ на памятнике Таманского отряда ИИМК РАН. Затем он продемонстрировал многочисленные фотографии, отражающие причины, процесс и последствия абразии берега Черного моря. В результате было высказано предположение о степени абразии берега за последние 50 лет. Во второй части доклада было рассказано о варварском

разграблении некрополя в 2009 г., а также о продолжающихся грабежах, последний из которых был зафиксирован в мае 2012 г. Деятельность грабителей древних могил наносит огромный урон отечественной античной археологии.

Последним выступил кандидат исторических наук С. Р. Тохтасьев (Институт Восточных рукописей РАН), поделившийся дружескими воспоминаниями и впечатлениями о двух ученых. Сергей Ремирович отметил, что И. Б. Брашинский был выдающимся систематизатором. И. Г. Шургая, будучи начальником Боспорской экспедиции ЛОИА, многих научил навыкам полевой работы. Он передавал нам опыт В. Ф. Гайдукевича, который, в свою очередь, многое воспринял от классической археологии Германии.

После завершения научной части председатель заседания Ю. А. Виноградов поблагодарил всех выступавших и сообщил, что 18 мая запланирована поездка к могилам ушедших из жизни коллег. Могила И. Г. Шургая находится на Северном кладбище Санкт-Петербурга (Парголово), а И. Б. Брашинский похоронен на кладбище пос. Комарово. Поездка к могилам состоялась.

IN MEMORIA

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ ПАВЛОВИЧА ГРИГОРЬЕВА (26.01.1937–27.01.2012)

27 января 2012 г. от нас ушел ведущий научный сотрудник Отдела палеолита ИИМК РАН, доктор исторических наук Геннадий Павлович Григорьев. Он был одним из крупнейших в нашей стране специалистов по археологии палеолита, тонким знатоком типологии каменных индустрий, прекрасным полевиком. Для Г. П. Григорьева был характерен необычайно широкий спектр научных интересов, охватывающий практически все разделы палеолитоведения — от вопросов происхождения человека и древнейших стоянок Африки до проблем выделения культур в верхнем палеолите Русской равнины, значения палеолитического искусства, реконструкции общественного устройства в древнем каменном веке.

Еще до начала работы в нашем институте в 1960 г. Г. П. Григорьев стал участником научной жизни. В 1958 г. в тезисах докладов студенческой конференции появляется его первая печатная работа, посвященная материалам Аносовки II. Уже в 1960 г. выходит в свет обратившая внимание специалистов статья «Некоторые спорные вопросы верхнего палеолита Русской равнины», где начинающий исследователь сразу включился в гущу кипевших тогда дискуссий о стадильности и локальности в развитии верхнепалеолитической культуры. Участ-

ник ежегодных работ в Костенках Г. П. Григорьев с юношеским пылом выступил на стороне своего учителя, А. Н. Рогачева. Из числа многочисленных работ Г. П. Григорьева этого периода выделяется опубликованная в 1968 г. капитальная монография «Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*» (рукопись книги еще в 1965 г. была защищена в качестве кандидатской диссертации). В книге было представлено развернутое обоснование версии автотонного происхождения верхнего палеолита в Европе, построенное на анализе обширного массива литературы. Исследователь отрицал миграцию ранних *Homo Sapiens* с территории Ближнего Востока и указывал на признаки, связывающие перигордьен с мустье с ашельской традицией, а ориньяк — с мустье шарантской группы.

Начиная с 1972 г. на протяжении нескольких десятилетий Г. П. Григорьев совместно с М. Д. Гвоздовер руководил раскопками одного из наиболее сложных и интересных памятников верхнего палеолита Восточной Европы — стоянки Авдеево. При этом ими была разработана оригинальная методика тонкого микростратиграфического исследования культурного слоя с применением системы микропрофилей. В пределах мощного культурного слоя удалось проследить ряд периодов обитания, причем связать время функционирования характерных для исследуемого комплекса ям с начальным этапом жизни на стоянке.

Огромное внимание Г. П. Григорьев уделял вопросам совершенствования методики типологического анализа каменного инвентаря. В составе группы московских и ленинградских археологов он в духе того времени стремился разработать четкую, иерархически построенную классификацию каменных орудий, базирующуюся на статистическом анализе сочетания качественных и количественных признаков. На этих принципах была основана детальная классификация пластинок с притупленным краем.

Не обошел Г. П. Григорьев стороной волновавший тогда исследователей палеолита вопрос о характере и сущности техники леваллуа. При этом он встал на сторону сторонников «узкого леваллуа», видевших в наличии подготовительной обработки ядрищ до скальвания, предопределяющей параметры скола, основной признак леваллуа.

На протяжении нескольких десятилетий в центре внимания Г. П. Григорьева находился вопрос о культурном членении верхнего палеолита Восточной Европы. При этом версия археологических культур в древнекаменном веке претерпевала заметные изменения по мере накопления и осмысления данных. В первоначальном варианте весь мир верхнего палеолита оказывался разделенным на ячейки — локальные культуры, интерпретируемые как археологические свидетельства существования древних племен. В дальнейшем исследователь отошел как от жесткой пространственной привязки выделяемых культур, так и от отождествления культуры с племенем. Для описания культурных общностей более широкого плана Г. П. Григорьев ввел понятие «единство» («виллендорфско-павловско-костенковское единство»). Широкою известностью получил иное понятие, «путь развития», которое Г. П. Григорьев вслед за П. П. Ефи-

менко использовал для обозначения генетически не связанных, но близких культурных явлений, возникающих в результате конвергенции.

Говоря о Г. П. Григорьеве, нельзя не сказать об особом интересе исследователя к древнейшим стоянкам Африки — колыбели человечества. Многолетняя работа по литературным источникам обрела свое завершение в монографии «Палеолит Африки», вышедшей в свет в 1977 г. в серии «Палеолит мира» и успешно защищенной в качестве докторской диссертации в 1981 г. Под руководством Г. П. Григорьева осваивали азы археологии палеолита студенты и аспиранты из различных стран Африки. А в 1996 г. сам Г. П. Григорьев, один из немногих отечественных археологов, посетил черный континент, приняв участие в изучении ашельских памятников в Эфиопии. Основным стержнем дискуссий по данной тематике стала выдвинутая Г. П. Григорьевым оригинальная концепция «постмустье» — эпохи переживания мустьерских элементов в позднепалеолитическое время в афро-азиатской зоне.

Г. П. Григорьев в своих трудах представил целостную картину периодизации древнекаменного века. По его мнению, эпохи палеолита различались по характеру своей внутренней структуры, т. е. пространственно—временной изменчивости археологического материала и тех аналитических единиц, на которые его можно разделить. Если на олдувайской ступени локального разнообразия не прослеживается, то в ашеле могут быть выделены три разновидности, в мустье — пути развития, в верхнем палеолите — археологические культуры.

Немало было сделано Г. П. Григорьевым в области изучения памятников древнейшего искусства, особенно стилистики женских статуэток восточного граветта, в сравнительном анализе верхнепалеолитических погребений. История археологической науки также всегда волновала Г. П. Григорьева. Он опубликовал очерк, посвященный традициям петербургской школы изучения палеолита, статьи и заметки о деятельности выдающихся исследователей — Ф. Борда, П. П. Ефименко, С. Н. Замятнина, П. И. Борисковского, А. Н. Рогачева, М. Д. Гвоздовер.

Нельзя обойти молчанием вклад исследователя в теоретические споры, сотрясавшие советскую археологию в 1960–1980-е гг. В противовес официальной точке зрения Г. П. Григорьевым была сформулирована оригинальная концепция «чистой археологии», согласно которой наша отрасль знания представляет собой самостоятельную науку, изучающую закономерности строения и развития так называемого «археологического универсума» — логически связанной системы археологических понятий различного уровня — типа, археологической культуры, общностей более высокого порядка (эпоха, путь развития и т. д.). Такая позиция не означала отказа исследователя от задач воссоздания характера древнейшего общества. Напротив, именно Г. П. Григорьеву принадлежит ряд работ, посвященных вопросам реконструкции общественного строя людей древнекаменного века. На основании сопоставления археологических свидетельств с этнографическими понятиями он постулировал наличие феноменов общины и парной семьи на протяжении всего палеолита.

Г. П. Григорьев постоянно занимался преподавательской деятельностью на историческом и философском факультетах СПбГУ, в разные годы читал лекции в Уральском, Иркутском, Самаркандском, Туркменском университетах. Им были изданы программы ряда лекционных курсов. В качестве научного консультанта его приглашали на раскопки в Узбекистане, Армении, Азербайджане, Северной Осетии. Г. П. Григорьев активно участвовал в организации и проведении выставки по палеолитическому искусству в Эрмитаже.

Заслуги Г. П. Григорьева неоднократно отмечались Почетными грамотами Президиума Академии наук, Бронзовой медалью ВДНХ, именной стипендией Президиума РАН.

Труды Г. П. Григорьева получили заслуженное международное признание. Исследователь принимал участие в работе научных конгрессов и конференций в различных странах мира. Его работы опубликованы в Чехословакии, Польше, Венгрии, Бельгии, Италии, Франции и США. Он входил в состав постоянной комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протоисторических наук.

Блестящий полемист, неутомимый и порой язвительный критик Г. П. Григорьев на протяжении всей своей работы в Отделе выступал в роли неизменно «нарушителя спокойствия», инициатора самых жарких споров. Его активность во многом определяла облик ленинградской/петербургской школы изучения палеолита. Эта потеря невозможна.

С. А. Васильев

К ИСТОРИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ Ф. Д. ГУРЕВИЧ

А. А. ПЕСКОВА

В Институт Фрида Давыдовна Гуревич пришла как историк-медиевист, уже имеющий педагогический опыт работы по специальности. В 1934 г. она была принята в аспирантуру ГАИМК по Институту истории феодального общества со специализацией по истории западноевропейского средневековья, по окончании которой была зачислена в штат ИИМК (1937 г.). В 1938 г. на Ученом совете истфака Ленинградского университета Ф. Д. Гуревич защитила кандидатскую диссертацию на тему «Саксонское восстание 1073–1075 гг.».

Вхождение молодого специалиста в археологическую проблематику началось сразу после защиты диссертации с изучения «литовских древностей».¹ Именно в эти годы в Секторе Древней Руси и Восточной Европы под руководством П. Н. Третьякова начиналась большая работа по изучению этногенеза славян и их ближайших соседей финно-угров и балтов. Разработка темы, направленной на исследование балто-славянского взаимодействия и порученной Фриде Давыдовне, по-видимому, задумывалась как часть этой большой работы. Об этом косвенно свидетельствует участие Ф. Д. Гуревич в Днепровской (Славянской) экспедиции П. Н. Третьякова 1940 г. (НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 390, л. 20). Однако заняться самостоятельными полевыми археологическими изысканиями Ф. Д. Гуревич смогла лишь после войны.

Новая геополитическая ситуация в Юго-Восточной Прибалтике по окончании Великой Отечественной войны требовала новых подходов к организации археологических исследований в регионе. Археологии советской Прибалтики были специально посвящены два пленума (сессии) ИИМК АН СССР (1949 г. — в Ленинграде, 1951 г. — в Тарту). Координатором («бригадиром») группы, занимавшейся подготовкой Прибалтийского пленума 1949 г. и редактированием сборника материалов пленума, была назначена Ф. Д. Гуревич. Изучение «литовских древностей» для нее временно отошло на второй план, поскольку первостепенным для Института становилось археологическое изучение Калининградской обл.² «Сессия считает необходимым ... начать археологическое изучение Калининградской области, прошлое которой систематически фальсифицировалось немецкой националистической наукой» (Федоров 1949: 134).

¹ Из личного дела Ф. Д. Гуревич: «С 1939–40 гг. начинаю заниматься литовскими древностями» (НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 390, л. 19 об.).

² Вот как характеризует послевоенное состояние археологии в Калининградской обл. В. С. Суворов: «После окончания второй мировой войны и создания Калининградской области на северной части территории бывшей Восточной Пруссии образовался своеобразный вакуум в исследованиях древней истории края. Археологические коллекции были полностью утрачены, многие археологические памятники, особенно укрепленные поселения, повреждены во время военных действий, материалы архивов и библиотечный фонд — частично вывезены, частично утрачены. Остро стоял вопрос о научных кадрах — в Калининградской области их не было совсем» (Суворов 1998: 116).

Уже в 1946 г. (сразу же по возвращении в Ленинград)³ Ф. Д. Гуревич направляется в командировку в Калининградскую обл., чтобы на месте выяснить, в каком состоянии находятся археологические памятники, а также музейные археологические коллекции и архивные материалы, наметить возможные направления будущих исследований. Она находит здесь опустошенные музеи, утратившие не только коллекции, но и документацию, намечает для первоочередного изучения археологические памятники Приморского р-на (бывш. Земландского п-ова). В 1948 г. Ф. Д. Гуревич приступает к разработке темы «Связи древних пруссов со славянами в IX–X вв.», а в 1949 г. уже выступает на Прибалтийском пленуме с критическим обзором археологической литературы, касающейся Юго-Восточной Прибалтики, и формулирует основные задачи предстоящей работы в русле программных задач, поставленных на пленуме (Там же: 129; Гуревич 1951: 91–98; 1952: 13–23).⁴

Калининградская обл., как отмечалось на Пленуме 1949 г., относилась к наименее изученным в археологическом отношении территориям в Юго-Восточной Прибалтике, особенно это касалось древних поселений (Гуревич 1951: 98; Моора 1952: 24–39). В том же 1949 г. Институт приступил к практическому решению поставленных на пленуме задач – возобновлению археологических исследований в Калининградской обл. Под руководством Ф. Д. Гуревич Калининградский отряд Славянской экспедиции начал изучение археологических памятников железного века, которое успешно продолжалось с небольшими перерывами до 1959 г.⁵ За эти годы Калининградским отрядом были обследованы десятки археологических памятников, включая крупные стационарные раскопки отдельных городищ и могильников. Полученные в ходе раскопок материалы создали основу археологических коллекций Калининградского областного историко-художественного музея. Обобщенные и систематизированные результаты исследований были оперативно и полно опубликованы в виде монографии (Гуревич 1960: 328–451), подводившей итог начальному этапу археологического изучения региона советского периода и долгое время остававшейся единственным трудом по истории Юго-Восточной Прибалтики в I тыс. н. э. В новое время, спустя полстолетия, новые исследователи региона оценивают этот этап как весьма плодотворный.⁶

Археологическое изучение Калининградской обл. изначально было основным, но не единственным направлением исследований Фриды Давыдовны в

³ Полный и обстоятельный обзор жизненного и творческого пути Ф. Д. Гуревич, в том числе и в военные годы, дан в статье настоящего сборника: *Ревуненкова Е. В., Ревуненкова Н. В.* Фрида Давыдовна Гуревич (01.01.1912–02.09.1988).

⁴ Библиографию работ Ф. Д. Гуревич см. на стр. 340.

⁵ Памятники каменного века изучались неолитическим отрядом Прибалтийской экспедиции, возглавляемым Н. Н. Гуриной.

⁶ «Хотя программа изучения памятников региона была выполнена лишь частично – исследовались в основном памятники Калининградского полуострова, а в восточных районах проведены только небольшие разведочные работы, не выделенным оказался и базовый комплекс памятников (поселение-могильник), – результаты работ 50-х годов трудно переоценить» (Суворов 1998: 120).

1949–1959 гг. Интерес к изучению археологических памятников в пограничных балто-славянских землях («литовских древностей»), которыми ей пришлось заниматься в предвоенные годы сразу по окончании аспирантуры, не угасал и в этот период. В конце 1940-х–начале 1950-х гг. выходят ее статьи об обрядах погребения и древних верованиях в Литве, об археологических памятниках летописных ятвягов и др. В 1952–1953 гг. она проводит полевые исследования в юго-западных районах Великолукской обл., граничащих с Латвией и Белоруссией.⁷ А в 1955 г., когда создается Прибалтийская комплексная экспедиция ИИМК под руководством С. А. Таракановой, Ф. Д. Гуревич становится еще и начальником Славяно-Литовского отряда этой экспедиции. С этого времени она разрабатывает параллельно фактически две темы, хотя обе они, в конечном счете, были направлены на уяснение взаимоотношений славянских и балтских племен. Одной из важнейших задач Прибалтийской экспедиции было изучение этнической истории народов Прибалтики и населения соседних территорий России и Белоруссии (Вопросы этнической истории...1959: 5–6). Славяно-Литовский отряд был организован с целью изучения раннесредневековых памятников Верхнего (белорусского) Понеманья, однако обследованием были охвачены и памятники древнерусского времени. Результаты изучения этнического состава населения региона во второй половине I тыс. н. э. получили отражение в исследовании «Древности Белорусского Понеманья» (Гуревич 1962), а через 20 лет были опубликованы и «Древнерусские города Белорусского Понеманья» (Гуревич 1982).

Историко-археологическое изучение Новогрудка — центрального города Верхнего Понеманья стало новым, значительным и очень ярким этапом профессиональной и творческой биографии Ф. Д. Гуревич. Благодаря ее исследованиям открылась во всем многообразии ранняя история материальной культуры летописного древнерусского города Новгородка домонгольского периода (г. Новогрудок Гродненской обл. Белоруссии), упоминавшегося в летописи только в 50–70 гг. XIII в., долгое время считавшегося первой столицей Литвы. Раскопки Новогрудка под руководством Гуревич продолжались около 30 лет (1955–1956 гг. — разведка, 1957–1985 гг. — систематические стационарные раскопки) и дали серьезные, во многом неожиданные результаты, касающиеся не только удревнения истории города, но также его специфики, проявившейся в особенностях планировки, домостроительства, ремесленной деятельности и других сторон городской культуры.

Благодаря многолетнему труду коллектива, возглавляемого Ф. Д. Гуревич, Новогрудок стал одним из наиболее полно изученных западнорусских городов. Добытые в ходе раскопок материалы Фрида Давыдовна, как всегда, очень оперативно вводила в научный оборот. Обобщению исследований Окольного города древнего Новогрудка была посвящена ее монография, вышедшая в 1981 г. и получившая высокую оценку специалистов, особо отмечавших «тщательность фиксации открывшихся при раскопках объектов», благодаря чему исследова-

⁷ Великолукский и Себежский отряды Славянской экспедиции.

тельнице удалось расчлнить «сухой» культурный слой «на строительные горизонты со средним периодом «жизни» около 50 лет» (Белецкий, Лесман 1984: 270). «Фактически раскопками [была] выявлена картина, приближающаяся по степени детализации к наблюдениям, получаемым при изучении памятников с «мокрым» слоем (Новгород, Псков, Ладога и др.)» (Там же). Итоговое монографическое исследование, включающее также и результаты раскопок на детинце, было подготовлено к печати уже после смерти Ф. Д. Гуревич ее коллегами по работе М. В. Малевской и К. В. Павловой по инициативе и при активном участии дочерей Фриды Давыдовны – Е. В. и Н. В. Ревуненковых – и опубликовано на белорусском языке только в 2003 г. благодаря энтузиазму родных и бывших участников Новогрудской экспедиции (Гурэвіч 2003). Русское издание монографии, несомненно, актуальное и сегодня, еще ждет своих энтузиастов.

Научная жизнь Фриды Давыдовны Гуревич – историка-медиевиста, ставшего известным профессиональным археологом, складывалась, конечно же, не безоблачно, но была прожита с полной отдачей интеллектуальных, физических и душевных сил. При многолетней интенсивной полевой деятельности (последний полевой сезон Фрида Давыдовна провела в Новогрудке за три года до смерти) ей удалось обобщить и достойно опубликовать основные результаты практически всех своих раскопок. Ее публикации заслуженно пользуются доверием специалистов. Ее книги легко читаются, поэтому востребованы сегодня не только специалистами археологами, этнографами, но и широким кругом читателей, интересующихся славяно-русской историей.

Почти четверть века прошло со времени кончины Фриды Давыдовны, все меньше остается людей, лично знавших и помнящих ее – всегда стремительную, энергичную, жизнелюбивую и добросердечную. Но имя и научное наследие Фриды Давыдовны Гуревич уже прочно и надолго вошли в историю археологических исследований, а значит, и в память поколений.

Белецкий, Лесман 1984 – *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Рецензия на: Древний Новогрудок: Посад – окольный город. Л., 1981. 160 с.: ил.; 1 л. ил. // СА. 1984. № 4. С. 269–274.

Вопросы этнической истории... 1959 – Вопросы этнической истории народов Прибалтики: По данным археологии, этнографии и антропологии. М., 1959 (Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 1).

Моора 1952 – *Моора Х. А.* Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики // КСИИМК. 1952. Вып. 42. С. 24–49.

Суворов 1998 – *Суворов В. С.* Древняя история края в исследованиях 1940–1960 годов // Калининградские архивы: материалы и исследования. Калининград, 1998. Вып. 1. С. 116–119.

Федоров 1949 – *Федоров Г. Б.* За передовую советскую археологию Прибалтики (Сессия ИИМК АН СССР, посвященная изучению археологии Прибалтики) // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 129–134.

ФРИДА ДАВЫДОВНА ГУРЕВИЧ
(01.01.1912–02.09.1988)

1 января 2012 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Фриды Давыдовны Гуревич — видного специалиста в области изучения древней и средневековой культуры Юго-Восточной Прибалтики и Белорусского Понеманья, первооткрывателя многих археологических памятников этого обширного региона.

Фрида Давыдовна Гуревич родилась 1 января 1912 г. (19 декабря 1911 г. по старому стилю) в Риге, в семье еврейских ремесленников, происходивших из местечка Прели Двинской (Даугавпилской) губернии Латвии. Ко времени ее рождения семья была разобщена — мать жила в Латвии, а отец — в Петербурге, обучаясь в это время ремеслу заготовщика обуви. Когда началась Первая мировая война, в июле 1914 г. мать с маленьким ребенком на руках, оставив все, отправилась к мужу, и с тех пор семья обосновалась в Петербурге навсегда.

Детство и отрочество Фриды Давыдовны пришлось на годы революции и последовавшие за ней годы голода, разрухи, нэпа. Семья жила на грани нищеты, к тому же в 1917 и 1919 гг. в ней появились еще две дочери. Старшую подкармливали в специальных столовых, организованных американцами для больных и особенно ослабленных детей. Когда Фриде исполнилось 7 лет, она поступила учиться в школу, которая тогда называлась советская единая трудовая школа, но очень скоро перешла в 5-ю национальную еврейскую школу и окончила ее в 1929 г.

Как и многие ее сверстники, Ф. Д. Гуревич в юности была захвачена революционной стихией, вступила в пионерский отряд — сначала при Военно-подковном заводе (бывшем заводе Поселя), находившемся на Малом проспекте Васильевского острова, затем при заводе «Красный гвоздильщик». С большим увлечением, даже с энтузиазмом она участвовала в общественных просветительских организациях типа «Долой безграмотность», в драматических представлениях живых газет («Костер», «Синяя блуза»). Как многие представители активной молодежи того времени, она ходила тогда в «юнгштурме» — с ременной портупеей поверх зеленой гимнастерки, коротко стриженная. Социальную активность и общественный темперамент Фрида Давыдовна сохранила на протяжении всей жизни — была комсомолкой, членом партии, активно реагировала на события, происходившие как в масштабе страны, так и в кругу друзей и коллег.

Несмотря на крайнюю нужду, родители Фриды Давыдовны одобрительно отнеслись к желанию дочери продолжить образование. Она поступила в Педагогический институт им. Герцена, который окончила в 1932 г., получив специальность преподавателя истории. Вместе с мужем В. Г. Ревуненковым (впоследствии известным историком Нового времени) она по распределению была направлена в Томск, где работала ассистентом кафедры социально-экономических дисциплин в Сибирском Горном институте. Вернувшись в Ленинград в 1934 г., Ф. Д. Гуревич поступила в аспирантуру ГАИМК по истории западноевропейского Средневековья. 4 декабря 1937 г. она была принята на работу в ИИМК/ЛОИА, а в 1938 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Саксонское восстание 1073–1075 гг.».

В годы Великой Отечественной войны ее как мать двух маленьких детей командировали на работу в интернат, созданный для эвакуации из Ленинграда детей сотрудников Академии наук. В 1941 г. интернат находился в г. Тетюши Татарской АССР. В 1942–1944 гг. вместе с ленинградскими сотрудниками ИИМКа она жила и работала в Ташкенте, который во время войны стал центром научной и культурной жизни всей страны: туда были эвакуированы сотрудники многих академических учреждений. В это же время в эвакуации в Ташкенте находились многие артисты, писатели, поэты. Большинство эвакуированных ученых жили в общежитии, помещавшемся в бывшей балетной школе им. Тамары Ханум на Пушкинской улице, д. 31. Поэтому все обитатели общежития назывались ханумитами. В те годы Ф. Д. Гуревич подружилась со многими востоковедами, этнографами, антропологами, с некоторыми из них — на всю жизнь. Именно в Ташкенте Фрида Давыдовна познакомилась с Раисой Григорьевной Карлиной — талантливой ученицей Н. И. Конрада и Е. М. Колпакчи, высокопрофессиональным исследователем и переводчиком японской литературы. Р. Г. Карлина, а позже и ее муж Борис Иванович Панкратов — человек-легенда, специалист по культуре и языкам многих стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, стали близкими друзьями Фриды Давыдовны. Именно по их совету младшая дочь Ф. Д. Гуревич в 1956 г. посту-

пила на Восточной факультет Ленинградского университета на новое отделение индонезийской филологии и с тех занимается изучением Малайско-индонезийского региона.

Во время эвакуации Ф. Д. Гуревич работала в Институте и вела активную переписку с родными и коллегами из блокадного Ленинграда, Советска, Москвы, Фрунзе, Владивостока. Она сохранила письма из блокадного Ленинграда от своего отца и младшей сестры Евы, от коллег и друзей — искусствоведа и археолога Анатолия Леопольдовича Якобсона, известной скандинавистки Елены Александровны Рыздзевской, археолога-слависта Ивана Ивановича Ляпушкина (ему Фрида Давыдовна сообщала о событиях в жизни Института и о погибших коллегах). Она постоянно переписывалась с выдающимся исследователем древнерусской архитектуры Николаем Николаевичем Ворониным, находившимся в Москве, с пребывавшим в г. Фрунзе археологом Александром Натановичем Бернштамом и его женой Любовью Григорьевной Розиной-Бернштам, позднее — сотрудником Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, специалистом по материальной культуре народов Океании (с ней у Фриды Давыдовны сохранилась дружба на всю жизнь). Несколько писем сохранилось от Владимира Карловича Луппиана — художника, ученика Павла Филонова, впоследствии репрессированного, но выжившего после лагерей. Письма датируются 1942–1943 гг., когда его семья была вывезена в Советск (Кировская обл.) из блокадного Ленинграда. Коллегам, оказавшимся разлученными со своими детьми, которые были эвакуированы с интернатом под присмотром Фриды Давыдовны, она сообщала успокаивающие их сведения о детях.

Письма друзей и коллег, находившихся в блокадном Ленинграде, поражают своей спокойно-повествовательной тональностью, может быть, даже обыденностью. Сообщения о тяжелейших жизненных обстоятельствах перемежаются перечислением событий, происходящих в научной жизни, которая, несмотря ни на что, продолжалась. Вот несколько строк из письма Анатолия Леопольдовича Якобсона от 17 октября 1941 г.: «Завтра — Ученый совет с докладом Артамонова о скифах. Теперь каждую субботу будет засед. Уч. совета с научным докладом. В прошлую субботу был доклад Пиотровского об Урарту. В И-те холодно. Сижу в шубе и читаю Насонова “Монголы и Русь”. Но скоро начнут топить: дрова навезли. В ИИМК возвратился Мавродин (на 1/2 ставки)».

В письмах родных и друзей часто упоминаются имена ученых, которые достойно и благородно вели себя в экстремальной ситуации, оказывая помощь коллегам, находившимся в блокадном Ленинграде и в эвакуации. Это Сергей Николаевич Бибииков, Михаил Илларионович Артамонов, Александр Маркович Беленицкий. Авторы писем не скупятся на выражения любви, благодарности и уважения к ним.

Особое место в переписке военных и первых послевоенных лет занимает большое количество писем от мужа Ф. Д. Гуревич — Владимира Георгиевича Ревуненкова — из Москвы (1942–1947 гг.) и Владивостока (1943–1944 гг.), где он был лектором в группе политуправления Тихоокеанского флота.

Жизнь в эвакуации была нелегкой. Вместе с Фридой Давыдовной жила ее сестра Софья Давыдовна с двумя дочерьми. Продуктов, выдаваемых по карточкам, для большой семьи не хватало. Были и болезни, и серьезная тревога о родных, оставшихся в блокадном Ленинграде, и о тех, кто был на фронте. Но было в ташкентской эвакуации и то, что во всех случаях жизни помогает людям выжить, — брызжущий, неиссякаемый юмор. В нашем доме мы часто слышали рассказы и воспоминания о всяких курьезных и юмористических ситуациях в эвакуации, прежде всего от самой Фриды Давыдовны, ее сестры, от этнографа Григория Григорьевича Стратановича и др. Осталось от этого времени и «вещественное» доказательство: рукописный юмористический сборник стихов «Ожерелье памятных дней», датированный 23 мая 1944 г. и посвященный, как написано на титульном листе, «заведующей культмассовым сектором Объединенного Месткома Ленинградских Институтов Академии Наук СССР Фриде Давыдовне Гуревич».

В 1944 г., приехав из Ташкента с детьми в Москву к мужу, Ф. Д. Гуревич была принята на работу в московскую часть ИИМКа, где проработала до 1946 г. Вернувшись после этого в Ленинград, в родной Институт, она окончательно связала свою научную деятельность с археологией. Проработав несколько полевых сезонов на раскопках Старой Ладogi (в экспедиции, возглавляемой членом-корреспондентом АН СССР В. И. Равдоникасом), в 1949–1951 гг. Ф. Д. Гуревич приступила к планомерному археологическому обследованию Калининградской области — земли древних пруссов, отошедшей после войны к СССР. Она стала первым советским исследователем, начавшим археологические изыскания этого региона и смежных с ним областей. Результаты этих работ легли в основу ряда статей и докладов, а также монографической статьи «Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. (По материалам Калининградской области)» (1960), в которой была дана обобщающая характеристика типа поселений, хозяйства, экономической и социальной жизни древних пруссов.

В те же годы у Ф. Д. Гуревич устанавливаются научные контакты с учеными Прибалтийских стран, которые со временем перешли в дружеские, — с Х. А. Мора и М. Х. Шмидельхельм из Эстонии, Э. Д. Шноре и Э. С. Мугуревичем из Латвии, П. З. Куликаускасом, Р. К. Куликаускене и А. З. Тауавичюсом из Литвы, с польским археологом Ежи Антонецем. Еще раньше, со времен аспирантуры, она была очень дружна с известной скандинависткой Хильдой Ивановной Мосберг. Постоянный обмен мнениями с прибалтийскими учеными и рецензирование их трудов значительно расширили круг научных интересов Ф. Д. Гуревич.

Проблемы археологического изучения Калининградской области и Юго-Восточной Прибалтики неразрывно связаны с широко обсуждаемой в свое время норманнской теорией. Фрида Давыдовна регулярно участвует в Скандинавских конференциях, печатает статьи в Скандинавских сборниках и, не вдаваясь в полемику между норманнистами и антинорманнистами, на основе

добытых ею археологических материалов раскрывает роль скандинавов в исторических судьбах древних пруссов и славян.

В 1956 г. Ф. Д. Гуревич заинтересовалась памятниками Западной Белоруссии, также открывшейся для полевых работ только после Великой Отечественной войны. В бассейне Верхнего Немана ею был открыт ряд городищ, неукрепленных поселений, курганных и грунтовых могильников I тыс. н. э. и XI–XIV вв. Две монографии — «Древности Белорусского Понеманья» (М; Л., 1962) и «Древние города Белорусского Понеманья» (Минск, 1982) — хотя и отделены друг от друга двадцатилетием, тем не менее тесно связаны между собой: обе посвящены городам Черной Руси, все сведения об истории которых ограничивались скудными летописными упоминаниями конца XII в. Тщательно проанализировав материалы археологических памятников от первых веков нашей эры до середины I тыс. н. э., сопоставив их с данными археологических раскопок XI–XIV вв. и с письменными свидетельствами, Ф. Д. Гуревич установила, что заселение Белоруссии с древнейших времен до сложения белорусской народности шло непрерывными волнами, состоящими из различных этнических компонентов, которые смешивались, сливались и взаимодействовали друг с другом. Она доказала, что уже в конце I тыс. н. э. в области Белорусского Понеманья формируется славяно-литовское пограничье, а с рубежа X–XI вв. Белорусское Понеманье предстает как один из важнейших очагов древнерусской культуры.

«Любимым детищем» в науке у Ф. Д. Гуревич стал Новогрудок, изучению которого она посвятила около тридцати лет. Это один из интереснейших древних городов, еще в XIII в. ставший объектом напряженной борьбы между самодержцем земли Литовской Миндовгом и выдающимся политическим деятелем Руси Даниилом Галицким. Раскопки Новогрудка Ф. Д. Гуревич проводила с 1956 по 1985 г. Итоги этих исследований были подведены в монографии «Древний Новогрудок: Посад — окольный город» (1981) и изданной посмертно на белорусском языке книге «Летапісны Новгарадок: (Старожытнарускі Наваградак)» (2006). Последнюю точку в этой книге Ф. Д. Гуревич поставила буквально накануне своей кончины. Неоценимую помощь в подготовке рукописи к печати оказали коллеги и друзья Ф. Д. Гуревич — участники многих полевых сезонов в Новогрудке: Марианна Владимировна Малевская-Малевич, Клавдия Васильевна Павлова и Николай Викторович Николаев, уроженец Новогрудка, начавший работу в Новогрудской экспедиции, будучи еще школьником. Ныне он доктор филологических наук, заведующий отделом редкой книги в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Одними из главных черт характера Фриды Давыдовны были верность и преданность друзьям и коллегам — людям разных поколений. Со времен обучения в аспирантуре и всю жизнь ее друзьями оставались Александр Натанович Бернштам, Павел Иосифович Борисковский, с которым они чуть ли не каждый вечер обменивались по телефону новостями. Близким другом Фриды Давыдовны был Анатолий Леопольдович Якобсон. Со всеми этими людьми была

дружба семьями. Еще с довоенных времен Фрида Давыдовна подружилась с Николаем Николаевичем Ворониным, переписывалась с ним в годы войны и в послевоенное время. Очень теплые отношения всегда были между сотрудниками сектора славяно-русской археологии. Заведующий сектором Михаил Константинович Каргер с уважением относился к Фриде Давыдовне и подарил ей немало своих книг по истории русских городов, в том числе и монументальные труды по истории Киева и Новгорода. Многолетняя дружба связывала Фриду Давыдовну с другими сотрудниками сектора — Иваном Ивановичем Ляпушкиным, Павлом Александровичем Раппопортом, Гали Федоровной Корзухиной, Марией Александровной Тихановой, Анатолием Николаевичем Кирпичниковым, Марианной Владимировной Малевской-Малевич, Клавдией Васильевной Павловой. Фриду Давыдовну любили и как-то даже по-дружески опекали известные ученые старшего поколения — специалист по славянской и древнерусской истории Мария Александровна Тиханова и историк-медиевист Елена Чеславовна Скржинская.

Фрида Давыдовна была по-настоящему демократична и в каждом человеке, независимо от его возраста или профессии, уважала его личность и достоинство. Вокруг нее всегда была атмосфера искренности, сердечности, доброжелательности. Она легко делилась своими открытиями в науке, была щедра в дружбе с людьми разных поколений, и поэтому нередко друзья ее детей и внуков как-то совершенно естественным образом становились и ее друзьями. Она была человеком открытым для общения, ей было многое интересно в жизни вообще, не только в науке, ее эрудированность в литературе и искусстве покоряла и удивляла многих, с ней было интересно, легко и весело работать и жить. Мы неоднократно бывали в Калининградской и Новогрудской экспедициях и хорошо помним дух товарищества, доброжелательства, доверия между членами коллектива, сопровождавшийся шутками, байками, веселыми розыгрышами. И неизменным интересом к общему делу. Несколько сезонов подряд в Новогрудской экспедиции работала давний друг Ф. Д. Гуревич — Софья Львовна Чернявская, филолог-русист по образованию, которая буквально открывала для молодежи поэзию Пастернака, Ахматовой и многих других поэтов XX в., находившихся в то время фактически под запретом. С. Л. Чернявская, всю жизнь любившая стихи, была знакома с некоторыми известными поэтами, в том числе и пережившими страшные испытания советского времени (напр., Еленой Михайловной Тагер, Татьяной Григорьевной Гнедич), и не только просвещала молодежь чтением стихов на память, но и давала читать всем интересующимся тетрадки с переписанными ею от руки стихами любимых поэтов. Много лет подряд участником Новогрудской экспедиции была Елена Андреевна Будяковская, дочь выдающегося музыковеда Андрея Евгеньевича Будяковского, автора прекрасных книг о П. И. Чайковском, Листе и других, изданных только спустя много лет после его смерти в блокадном Ленинграде (1941). Е. А. Будяковская настолько прониклась любовью к белорусским местам и населяющим их людям, что после окончания английского отделения филологи-

ческого факультета ЛГУ поехала преподавать английский язык в школу местечка Вселюб (недалеко от Новогрудка) и вспоминает годы, проведенные в белорусской экспедиции и в школе, как одни из лучших и интересных в ее жизни.

Конечно главным увлечением Фриды Давыдовны была наука. Наука была ее жизнью, ее счастьем, столь же необходимым для ощущения радости бытия, как дом, семья, дети, обожаемые ею внуки. Будучи человеком очень образованным, деликатным и сострадательным к людям, она, без сомнения, принадлежала к той породе людей, которых называют петербургскими интеллигентами, которая почти уже отошла в прошлое. Это не может не вызывать грусти. Но многие из тех, кто общался с Ф. Д. Гуревич, и сейчас испытывают очень светлые чувства от того, что судьба подарила им встречу с этим незаурядным человеком.

Е. В. Ревуненкова, Н. В. Ревуненкова

Список научных работ Ф. Д. Гуревич

1. Средневековая немецкая империя в фашистской историографии // Борьба классов. 1936. № 10. С. 92–102: ил.
2. Саксонское восстание 1073–1075 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1938.
3. Збручский идол // МИА. 1941. № 6. С. 279–287: ил. Рез. фр.
4. Каменные могилы на границе Литвы и Белоруссии (к вопросу о ятвягах) // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. / АН СССР. Отделение истории и филологии. М.; Л., 1947. С. 94.
5. Обряд погребения в Литве // Там же. С. 93.
6. Обряды погребения в Литве // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 31–37.
7. Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников: К вопросу о культе змеи в Прибалтике // КСИИМК. 1947. Вып. 15. С. 68–76: ил.
8. Древние верования народов Прибалтики по данным «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского // Советская этнография. 1948. № 4. С. 70–77.
9. Древнейшие бусы Старой Ладogi // СА. 1950. № 14. С. 170–186: ил.
10. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов // КСИИМК. 1950. Вып. 33. С. 110–120: ил.
11. Древние поселения Калининградской области // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 91–98: ил., карт.
12. Из истории раннего Гродно // СА. 1951. № 15. С. 82–95: ил.
13. Поселения Калининградской области в I тыс. н. э. по данным работ 1949–1950 гг. // ТД на пленуме ИИМК АН СССР, посвященные вопросам археологии Прибалтики 1951 г. М., 1951. С. 43–44.
14. Рагинянский могильник // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 56–61: ил.
15. Археологические работы в Калининградской области в 1950 году // КСИИМК. 1952. Вып. 47. С. 93–100: ил.
16. Древние памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения // КСИИМК. 1952. Вып. 42. С. 13–23: ил.
17. Раскопки на городище Грачевка // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 80–86: ил.
18. Каменные идолы Себежского музея // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 176–179: ил.
19. Пилкальнис // БСЭ. 1955. 2-е изд. Т. 33. С. 37–38.
20. Рагинянская культура // БСЭ. 1955. 2-е изд. Т. 35. С. 467.
21. Юго-Восточная Прибалтика в I тысячелетии н. э. // ТД на объединенной конф. по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики: (секция археологии). М., 1955. С. 30–32.
22. Археологические памятники Великолуksской области // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 95–107: ил., карт.
23. К истории древних пруссов в I тысячелетии н. э. // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 40–48: ил.
24. Рец.: Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии IV в. до н. э.–V в. н. э. Таллин. 1955 // СА. 1957. № 1. С. 279–283.
25. Латышские и литовские племена Прибалтики в первой половине I тысячелетия // Очерки истории СССР. Т. 2. М., 1958. С. 111–124: ил. (Совместно с Х. М. Моора).
26. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии // КСИИМК. 1958. Вып. 72. С. 54–65: ил., карт.

27. Племена Прибалтики: (во второй половине I тыс.) // Очерки истории СССР. М., 1958. Т. 2. С. 643–657: ил. (Совместно с Х. А. Моора).
28. Археологическая разведка 1955 г. в Понеманье // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959. Т. 1. С. 233–253: ил.
29. Некоторые данные о поселениях и городищах Самбии // Rocznik Olszynski. 1959. Т. 2. S. 205–220: ил. (Польск. Рез. рус., англ.).
30. Работы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 89–91.
31. Верхнее Понеманье в I тысячелетии и начале II тысячелетия н. э. // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 13–24: ил., карт.
32. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. (По материалам Калининградской области) // МИА. 1960. № 76. С. 328–451: ил., карт.; 2 л. ил.
33. Славяно-Литовский отряд Прибалтийской экспедиции // КСИИМК. 1960. Вып. 79. С. 95–96.
34. Этнический состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины I тысячелетия н. э. // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 174–181: ил.
35. Древности Белорусского Понеманья / АН СССР. ИА М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 222 с.: ил.; 5 л. карт.
36. К истории древнего Новогрудка // Swiatowit. 1962. Т. 24. S. 557–575: ил.
37. О жилищах окольного города древнего Новогрудка // КСИА. 1962. Вып. 87. С. 70–77: ил.
38. Об окольном городе летописного Новогрудка X–XIII вв. // СА. 1962. № 1. С. 241–252: ил.
39. Древнерусский Новогрудок // ТД на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963. С. 53–54.
40. Древние пруссы и норманны // ТД науч. конф. по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1963. С. 39–40.
41. Норманский могильник у дер. Вишнево // Скандинавский сборник. 1963. Т. 6. С. 197–210: ил. (Рез. эст., швед.).
42. Раскопки в Новогрудке: (1960–1961) // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 51–54: ил.
43. Стекланный резной бокал из Новогрудка // СА. 1963. № 2. С. 243–246: ил.
44. Badania archeologiczne w Nowogrodku na obszarze BSSR w latach 1956–1961 // Rocznik Białostocki. 1963. Т. 4. S. 341–354: ил.
45. Рец.: Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига, 1961. // СА. 1963. № 4. С. 282–283. (Совместно с П. А. Раппопортом).
46. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 97–102: ил.
47. Древний Новогрудок // ТД на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965. С. 48–49.
48. Древний Новогрудок // I Międzynarodowy kongress archeol. słowiańskiej komunikaty. Т. 4 Warszawa. 1965. S. 376–389.
49. Изображение музыкантов Древней Руси // СА. 1965. С. 276–281: ил.
50. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 77–84: ил.
51. Древний Новогрудок // АО 1965 года. 1966. С. 163–165. (Совместно с К. В. Павловой)
52. Древний Новогрудок по данным раскопок 1965 г. // ТД на пленуме Института археологии 1966 г. Секция славяно-русской археологии. М., 1966. С. 10–11.
53. По поводу статьи Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского периода, расписанное эмальями» // СА. 1966. № 1. С. 312–315. (Совместно с Р. М. Джанполадян, М. В. Малевской).
54. Польско — советский симпозиум, посвященный балто-славянским отношениям // Советское славяноведение. 1966. № 4. С. 109–110.
55. Прибалтийский импорт в Понеманье в 10–13 вв. // От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1965. С. 52–59: ил. (Рез. эст., нем.).
56. Археологические работы в Новогрудке // АО 1966 года. 1967. С. 268–270: ил. (Совместно с М. В. Малевской).

57. Внешние связи древнерусских городов на территории Белоруссии в XII–XIII вв. // Древности Белоруссии. Минск, 1967. С. 281–283.
58. К истории Новогрудка X–XI вв. // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967. С. 26–30.
59. Ювелиры древнего Новогрудка // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 14–20: ил.
60. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии // Славяне и Русь. М., 1968. С. 34–36: ил.
61. Восточное стекло в Древней Руси / АН СССР. ИА. Л.: Наука, 1968. 28 с.; 9 л. ил. (Рус., англ.). (Совместно с Р. М. Джанполадян, М. В. Малевской).
62. Исследования в Новогрудке // АО 1967 года. 1968. С. 252–254. (Совместно с М. В. Малевской, К. В. Павловой).
63. Новогрудская экспедиция // АО 1968 года. 1969. С. 353–354. (Совместно с М. В. Малевской, К. В. Павловой, Т. С. Пономаревой, Е. В. Шолоховой).
64. Новые материалы по истории Новогрудка // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 114–119: ил.
65. Об этническом составе населения древнего Новогрудка // Acta Baltico-Slavica. 1969. № 6. S. 219–222.
66. О времени возникновения городов на территории Белоруссии // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970. С. 69–73. (Рез. эст., нем.).
67. Об углубленных жилищах на территории Черной Руси // МИА. 1970. № 176. С. 117–119: ил.
68. Раскопки Новогрудского детинца // АО 1969 года. 1970. С. 23–24. (Совместно с К. В. Павловой, Т. С. Пономаревой, Е. В. Шолоховой).
69. Итоги работ Новогрудской экспедиции // АО 1970 года. 1971. С. 311–312. (Совместно с К. В. Павловой, Т. С. Пономаревой, Е. В. Шолоховой)
70. Находки в Копыси // Шахматы в СССР. 1971. № 7. С. 9.
71. О восточной ориентировке славянских погребений // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 17–22.
72. Археалагічныя даследаванні Навагрудка // ПГКБ. 1972. № 1. С. 18–22: ил.
73. К истории заселения Новогрудского детинца // ТД на сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1971 г. М., 1972. С. 393–394.
74. Происхождение городов Черной Руси // Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972. С. 191–192.
75. Раскопки Новогрудского детинца // АО 1971 года. 1972. С. 29–31. (Совместно с В. А. Назаренко, К. М. Плоткиным, Т. С. Пономаревой).
76. Ремесленная корпорация древнерусского города по археологическим данным. 1972. Вып. 129. С. 31–36.
77. Города Черной Руси: (К истории городов белорусского Понеманья) // Этногенез белорусов. ТД на конф. по проблеме «Этногенез белорусов». Минск, 1973. С. 34–37.
78. Грамотность горожан древнерусского Понеманья // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 28–34: ил.
79. К истории культурных связей городов Западной Руси со странами мусульманского Востока // ТД, посвященных итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 260–261
80. К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей: (По материалам ювелирного ремесла) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 22–25: ил.
81. Культурный облик и социальная дифференциация горожан Понеманья в X–XIII вв. по материалам домостроительства // Реконструкция общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: Краткие ТД. Л., 1974. С. 49–50.
82. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 93–99: ил.
83. Работы в Новогрудке // АО 1973 года. 1974. С. 370–371. (Совместно с К. Т. Ковальской, Т. С. Пономаревой).
84. Рец.: Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym Źredniwiczu. Warszawa, 1969. // СА. 1974. № 1. С. 254–258.
85. Города Понеманья и южнорусские земли в X–XIII вв. // Новейшие открытия советских археологов. ТД конф. Киев, 1975. Ч. 3. С. 72–74.

86. Новогрудская экспедиция // АО 1974 года. 1975. С. 384–385. (Совместно с К. Т. Ковальской, Н. В. Николаевым, Т. С. Пономаревой).
87. Рамеснікі старажытнарускіх гарадоў Понямоння // ПГКБ. 1975. № 3. С. 34–38: ил.
88. Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 25–31: ил.
89. Древние города Понеманья и южнорусские земли в конце X–XIII вв. // Средневековая Русь. М., 1976. С. 25–28: ил.
90. Скандинавские колонии на территории древних пруссов // ТД 7-й Всесоюзной конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Л.; М., 1976. Ч. 1. С. 153–155.
91. Рец.: Nowakowski A. Górne Pobuże w wiekach VIII–IX. (Acta archaeologica Lodziensis. 1972. № 21) // СА. 1977. № 1. С. 296–302.
92. Новогрудская экспедиция // АО 1977 года. 1978. С. 411–412. (Совместно с Н. В. Николаевым, Л. Г. Паничевой).
93. Скандинавская колония на территории древних пруссов // Скандинавский сборник. 1978. Т. 23. С. 167–174. (Рез. швед.).
94. Рец.: Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск, 1975 // ПГКБ. 1978. № 3. С. 42–44.
95. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956–1977 гг. // СА. 1980. № 4. С. 87–101: ил. (Рез. англ.).
96. Каменные могилы Подляшья и древний Дрогичин // КСИА. 1980. Вып. 160: ил.
97. Старажытныя гарады Панямоння // ПГКБ. 1980. № 1. С. 30–31.
98. Древний Новогрудок: Посад — окольный город / АН СССР. ИА. Л.: Наука, 1981. 160 с.: ил.; 1 л. ил.
Рец.: 1) Белецкий С. В., Лесман. Ю. М. // СА. 1984. № 4. С. 269–274.; 2) Ермолович М. // Неман. 1983. № 1. С. 146–149.
99. Культурные взаимоотношения древнерусских городов на территории Белоруссии с Прибалтикой // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: ТД. Вильнюс, 1981. С. 17–21.
100. Поливная керамика Новогрудского детинца // СА. 1981. № 4. С. 99–109: ил. (Рез. англ.).
101. Внешние связи древнерусских городов Понеманья // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 43–49: ил.
102. Древние города Белорусского Понеманья / Белорус. об-во охраны памятников истории и культуры. Бюро пропаганды. Минск: Полымя, 1982. 48 с: ил. Библиогр.: с. 46.
Рец.: Фоянков Д. И. // ПГКБ. 1984. № 1. С. 45.
103. Каму належау абразок літык [из Новогрудка]? // ПГКБ. 1982. № 3. С. 42–43: ил.
104. Новые данные о стеклянных иконах-литиках на территории СССР // ВВ. 1982. 43. С. 178–182: ил.
105. New Finds of Glass Medallions in the U. S. S. R. // JGS. 1982. Vol. 24. P. 44–47.: ил.
106. Жилые и хозяйственные постройки городов Черной Руси // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-Западной части СССР. Рига. 1983. С. 12–16.
107. Найдено в Новогрудке // ПГКБ. 1983. № 2. С. 22–24. (Белорус. Рез. рус.).
108. О формировании городов Черной Руси по данным археологии // СА. 1983. № 3. С. 61–71: карт. (Рез. англ.)
109. Погребальные памятники жителей Новогрудка: (конец X–70-е годы XIII в.) // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 48–54: ил.
110. Связи древних городов Белоруссии с Причерноморьем и Средиземноморьем // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 63–66: карт.
111. Города Черной Руси и Киевская земля в XII–XIII вв. // Древнерусский город. Киев, 1984. С. 31–33.
112. Застройка Новогрудского детинца в XII–XIII вв. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 53–59: ил.
113. Культурные связи древнерусских городов на территории Белоруссии с Прибалтикой // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 91–101: ил., карт. (Рез. нем.).

114. Об особенностях культуры Белорусского Понеманья в XII–XIII вв. // ТД советской делегации на 5 Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 80–81.
115. Основание Новогрудка: (по письменным и археологическим источникам) // Вести АН БССР. Общест. науки. 1985. № 3. С. 71–76. (Белорус. Рез. рус., англ.).
116. Рец.: Яницкая М. М. Вытокі шкларобства Беларусі. Мінск, 1980 // СА. 1985. № 4. С. 264.
117. Византийский импорт в городах Западной Руси в XII–XIII вв. // ВВ. 1986. Т. 47. С. 65–81: ил.
118. На дзядзіцы і вакольным горадзе [Новогрудка] // ПГКБ. 1986. № 3. С. 20–21: ил.
119. О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 36–40: ил.
120. Работы в Новогрудке // АО 1984 года. 1986. С. 340.
121. Скандинавские находки IX–XI вв. на территории Белоруссии // ТД X Всесоюзной конф. по изучению истории, экономики, литературы и языков Скандинавских стран и Финляндии. М., 1986. Ч. 1. С. 171–173.
122. Alsengemmen from Ancient Russian Towns // JGS. 1986. Vol. 28. P. 24–29: ил.
123. Гали Федоровна Корзухина. (К 80-летию со дня рождения) // СА. 1987. № 2. С. 291–293. Библиогр.: с. 293.
124. О «кубках Ядвиги» // Культура и история средневековой Руси: ТД. М., 1987. С. 19–21.
125. Об одной группе стеклянных гемм из древнерусских городов // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1985 (1987). С. 515–521: ил., карт.
126. Раскопки на территории детинца древнего Новогрудка // АО 1985 года. 1987. С. 447.
127. Западная Русь и Византия в XII–XIII вв. // СА. 1988. № 3. С. 130–144: ил., карт. (Рез англ.).
128. Об особенностях культуры городов Белорусского Понеманья в XII–XIII вв. // Труды Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 2. Секц. 3, 4. С. 56–60.
129. Жилые и хозяйственные постройки городов Черной Руси // КСИА. 1989. Вып. 195. С. 57–62: ил.
130. Скандинавские находки X–XI вв. на территории Белоруссии // Скандинавский сборник. 1990. Т. 33. С. 100–121. (Рез. швед.).
131. О культурных связях Западной Руси с Херсонесом // Археологія. 1991. № 2. С. 76–82: ил. (Укр. Рез. рус., англ.).
132. О планировке и застройке древнего Новогрудка // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 45–52: ил.
133. Некоторые итоги изучения древнерусских поселений: К выходу в свет тома «Археология СССР: Древняя Русь. Город, замок, село» // Russia Mediavelis. 1992. Т. 7. № 1. P. 134–150.
134. Летапісны Новгородок: (Старожытнарускі Наваградак). СПб.; Наваградак, 2003. 323 с.: ил., карт. (Белор. Рез. англ.).
- Рец.: А. М. Решетов. URL: <http://journal.iea.ras.ru/online> январь 2006. С. 1–6.

Составитель Л. М. Всевиов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМДЗ	—	Архангельский музей деревянного зодчества и народного искусства.
АН	—	Академия наук.
АО	—	Археологические открытия. М.
АРТ	—	Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АС	—	Археологический съезд.
АЭАЕ	—	Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БСЭ	—	Большая Советская Энциклопедия. М.
ВА	—	Вестник антропологии. М.
ВААЭ	—	Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВВ	—	Византийский временник. М.
ВИД	—	Вспомогательные исторические дисциплины.
ВНИГРИ	—	Всероссийский научно-исследовательский геологоразведочный институт. СПб.
ГАИМК	—	Государственная Академия истории материальной культуры. Пг.; Л.
ГИАНО	—	Государственный исторический архив Новгородской области.
ГИМ	—	Государственный Исторический музей. М.
ГИН	—	Геологический институт. М.
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж. Л., СПб.
ЗИИМК	—	Записки ИИМК РАН. СПб.
ИА	—	Институт археологии. М.
ИАК	—	Императорская Археологическая комиссия. СПб.
ИАЭТ	—	Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры. Л., СПб.
ИФЖ	—	Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. Ереван.
КВ	—	канонический вектор.
КП	—	книга поступлений.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК	—	Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.; Л.
ЛАТ	—	Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН.
ЛОИА	—	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛОИИМК	—	Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
МГУ	—	Московский государственный университет.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МПАЭ	—	Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. СПб.
НА (НОА)	—	Научный (научно-отраслевой) архив.
НГОМЗ	—	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Великий Новгород.
ННЗИА	—	Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород.
НПО	—	научно-производственное объединение.
ОРК	—	Очерки русской культуры. М.
ОР	—	Отдел рукописей.
ОЭС	—	оптико-эмиссионная спектрография.
ПГКБ	—	Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск.

ПОС	— Псковский областной словарь.
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи.
ПФА	— Петербургский филиал архива РАН.
РАИМК	— Российская Академия истории материальной культуры. Пг.
РАН	— Российская Академия наук.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов. М.
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет. М.
РГИА	— Российский государственный исторический архив. Л.; СПб.
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд. М.
РГО	— Русское географическое общество.
РНБ	— Российская национальная библиотека. СПб.
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований. М.
РЭМ	— Российский этнографический музей. Л.; СПб.
СА	— Советская археология. М.
СлРЯ XI—XVII вв.	— Словарь русского языка XI—XVII вв. М.
СПБНИИ	— Санкт-Петербургский Институт истории РАН.
СПБООА	— Санкт-Петербургское отделение архива РАН.
СРНГ	— Словарь русских народных говоров. Л.
ТАС	— Тверской археологический сборник. Тверь.
ТД	— Тезисы докладов.
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М.; Л.
ТНАЭ	— Труды Новгородской археологической экспедиции. М.
ХМАО	— Ханты-Мансийский автономный округ.
ЦАИМ	— Центр археологических исследований. М.
ЧОИДР	— Чтения в обществе истории и древностей российских. М.
ААЕ	— <i>Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası</i> , Bakı.
FA	— <i>Fennoscandia Archaeologica</i>
JAS	— <i>Journal of Archaeological Science</i> .
JGS	— <i>Journal of Glass Studies</i> .
JHE	— <i>Journal of Human Evolution</i> .
SRAA	— <i>Silk Road Art and Archaeology</i> .

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «ЗАПИСКАХ ИИМК РАН»

1. Статьи должны представляться в электронном варианте (файл Word 97 и выше или RTF). К статье обязательно должны быть приложены:

- фамилия, имя автора и название статьи на английском языке;
- рисунки — не более 5 (не ксерокопии, желательны оригиналы). Для электронного варианта — разрешение 600 dpi на дюйм в формате TIF для черно-белых иллюстраций (сканировать в режиме Line Art) или 300 dpi на дюйм в формате JPEG (сканировать в режиме Gray Scale);
- подписи к рисункам;
- краткое резюме (до 1500 знаков) для перевода на иностранный язык;
- список сокращений.

Если в статье приводятся таблицы или диаграммы, то они должны быть даны отдельным файлом.

2. Объем статей:

- а) статьи: текст — до 20 000 символов вместе с пробелами (0,5 а. л.);
- б) заметки о конференциях, обзоры литературы, информация о научно-организационной деятельности и т. д.: текст 6000–10 000 символов вместе с пробелами (0,15–0,25 а. л.).

3. Оформление библиографии:

в тексте статей ссылки на литературу приводятся в скобках (фамилия автора, год, стр.). Например: (Анисюткин 2000: 12–19).

Общий список работ оформляется следующим образом:

- монографии

Смекалова, Дюков 2001 — *Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001.

Оятева 1973 — *Оятева Е. И.* Белозерская кожаная обувь // *Голубева Л. А.* Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 199–205.

- сборники статей или периодические издания

Моргунова 2002 — *Моргунова Н. Л.* Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 104–116.

Корзухина 1958 — *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси: По материалам медного литья // ВВ. 1958. № 14. С. 129–137.

Черных, Орловская 2004а — *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганных культур // Российская археология. 2004. № 1. С. 84–99.

- авторефераты

Турецкий 1992 — *Турецкий М. А.* Ямная культура Волго-Уральского региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

- тезисы

Калинин 1999 — *Калинин А. И.* Российские моряки в Средней Азии в XIX веке // Российскому государственному архиву военно-морского флота 275 лет. Исторические чтения: ТД. Дом ученых. 26–27 января 1999 г. СПб., 1999. С. 7–8.

- рецензии

Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Мех и кожа в раннесредневековой Европе. Рецензия на: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology.* Edited by Esther Cameron. 105 p., 22 ill. 1998. London // АВ. СПб., 2004. № 11. С. 350–357.

- архивные материалы

экспедиционные отчеты или рукописи работ:

Шумкин 1994 — *Шумкин В. Я.* Отчет о работах Кольской экспедиции за 1994 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 22.

Кирчо 1980 — *Кирчо Л. Б.* Культура ранней бронзы Южной Туркмении: (вопросы происхождения по материалам керамических комплексов). Рукопись дис. ... канд. ист. наук // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2-д, д. 271.

- прочие архивные материалы:

НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 60.

РГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1528.

Научное издание

**ЗАПИСКИ
ИСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
№ 7**

Редактор Е. А. Гольдич
Корректор Е. А. Гольдич
Верстка Л. Л. Подъячева

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Согласно Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию» книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-000-5-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 03.07.12. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Гарнитура Newton. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 17,3. Усл.-печ. л. 18,1.
Тираж 300 экз. Заказ 6516.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография Бонапарт»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 7

Заказы присылать по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>